

под редакцией «Друзей Анжелики»

Анн Голон

Анжелика

Война в кружевах

VII

роман-поток

Annotation

Переводы книг «под редакцией Друзей Анжелики» представляют собой отредактированный читателями перевод новой версии, осуществленный издательством «Клуб семейного досуга» в 2008 - 2011 годах.

7 том. Анжелика. Война в кружевах. Анн Голон

Время действия: август 1666 г. - осень 1668 г.

Место действия: Версаль, Париж, Фландрия, Доль

Седьмой том новой версии романа Анн Голон «Война в кружевах» соответствует первой половине книги «Анжелика и король» и завершается гибелью Филиппа.

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
-

Глава 1

Анжелика никак не могла уснуть. В предвкушении завтрашних развлечений она разволновалась, как девочка накануне Рождества. Два раза вскакивала с постели и высекала огонь, чтобы зажечь свечу и полюбоваться разложенными на креслах около кровати нарядами, которые она завтра наденет: один — на королевскую охоту, а другой — на бал. Она была очень довольна своим костюмом для охоты. Анжелика заказала портному бархатный жюстокор жемчужно-серого цвета — костюм из мужского гардероба, который при умелом крое мог выгодно подчеркнуть хрупкость женской фигуры. Каскад снежных страусовых перьев украшал ее огромную ослепительно-белую мушкетерскую шляпу. Но больше всего Анжелика восхищалась своим галстуком. Она надеялась, что это модное дополнение к костюму привлечет внимание придворных дам и вызовет их любопытство. Галстук представлял собой длинную накрахмаленную ленту из линона, изысканно расшитую крошечными жемчужинами. Лента несколько раз обертывалась вокруг шеи и завязывалась прихотливым узлом в форме бабочки. Такая идея осенила Анжелику накануне. Она долго выбирала, переменяя перед зеркалом не меньше десятка самых прекрасных галстуков, которые ей доставили из галантерейной лавки «Золотая приманка», и наконец остановилась на банте под названием «всадница», который завязала более пышно, чем это предполагалось для мужского наряда. Анжелика рассудила, что тонкое женское лицо будет плохо смотреться в обрамлении жесткого воротника охотничьего жюстокора, тогда как пенная белизна под

подбородком придаст костюму недостающую ему женственность.

Анжелика вернулась в постель и снова стала вертеться с боку на бок. Она подумала было позвонить горничной, чтобы та принесла успокоительный отвар вербены. Нужно поспать хоть несколько часов, ведь предстоит утомительный день. Сбор охотников назначен к полудню в лесу Фос-Репоз, на Бычьем перекрестке. Но чтобы в условленное время встретиться с версальскими экипажами, тем приглашенным короля, которые отправятся из Парижа, придется выехать спозаранку. В глубине леса располагались конюшни, куда самые приближенные из королевской свиты заранее переправляли своих верховых лошадей, чтобы во время травли оленя их кони были совсем свежими. Анжелика еще днем послала двух лакеев, чтобы те доставили в конюшню ее чистокровную испанскую кобылу — великолепную Цереру, которая обошлась в тысячу пистолей.

Анжелика в который раз встала и зажгла свечу. Да, бальное платье великолепно. Пламенеющий розовый атлас, шлейф цвета утренней зари, пластрон, затканый изящными цветами из розового перламутра. Из украшений Анжелика выбрала розовый жемчуг: серьги в виде виноградной грозди, ожерелье в три нити на шею и грудь и диадему в форме полумесяца. Анжелика купила гарнитур у ювелира, зачарованная его рассказами о теплых морях, где добыли эти жемчуга, о долгих торгах и скрупулезных осмотрах, о далеких странствиях, в которых побывали запрятанные в шелковые мешочки драгоценные бусины, переходя от арабских купцов к греческим или венецианским. Ювелир набивал цену, расхваливая свой товар; он говорил, что каждая жемчужина — это настоящее сокровище, похищенное из райских садов. И хотя Анжелике пришлось выложить целое состояние, чтобы

купить драгоценный гарнитур, она не испытывала сейчас ни малейших угрызений совести, которые обычно следуют за столь неразумными тратами. Она восхищенно любовалась жемчужинами, которые переливались на белом бархате футляра, лежавшего на прикроватном столике.

Такие изысканные и дорогие безделушки она высоко ценила. Потребность обладать ими стала своеобразным реваншем за нищету, которой Анжелика хлебнула в прошлом. Какое счастье, что она добилась всего, пока еще не стало слишком поздно! Именно сейчас лучшая пора, чтобы украшать себя самыми прекрасными драгоценностями, носить самые роскошные платья, быть окруженной великолепной мебелью, гобеленами и другими вещами, выполненными руками известных мастеров.

Анжелика покупала очень дорогие вещи и тщательно выбирала их, руководствуясь своим изысканным вкусом опытной, но не пресыщенной женщины.

Ее способность радоваться жизни нисколько не угасла. Порой Анжелика изумлялась этому и втайне благодарила небеса за то, что с честью преодолела ниспосланные испытания. Ее ум остался острым и молодым, зато было куда больше опыта, чем у многих ровесниц, и меньше иллюзий. Анжелика научилась радоваться жизни так, как ей радуются дети, получать удовольствие от каждой мелочи. Можно ли, никогда не познав настоящего голода, испытывать наслаждение от вкуса горячего хлеба? Когда-то ты бродила босиком по парижским улицам, а в один прекрасный день стала обладательницей таких жемчугов — разве это не достаточный повод считать себя самой счастливой женщиной на свете?

Анжелика опять задула свечу и завернулась в тонкую простыню, благоухавшую ирисами. Она

потянулась и подумала: «Как хорошо быть богатой, красивой и молодой!»

Но, вспомнив о Филиппе, она не добавила: «желанной», и вся ее радость потухла, исчезнув, как солнце за черной тучей.

Она тяжело вздохнула:

«Филипп!»

Как же он ее презирал! Анжелика перебирала в памяти два месяца, прожитые в браке с маркизом дю Плесси-Бельером, и размышляла о нелепой ситуации, в которой оказалась по своей собственной вине. На следующий день после того, как Анжелику приняли в Версале, королевский двор вернулся в Сен-Жермен, а ей ничего не оставалось, как отправиться в Париж. Казалось естественным, чтобы новоиспеченная маркиза перебралась в особняк мужа на улице Фобур Сент-Антуан, но когда после долгих колебаний Анжелика отправилась туда, то очутилась перед закрытой дверью. Привратник заявил, что его господин находится при дворе и никаких распоряжений на счет мадам он не оставлял. Анжелике пришлось вернуться в свой отель Ботрейи. Там она и жила в ожидании нового приглашения короля, которое позволило бы ей появиться при дворе. Но приглашения не поступало, и Анжелика беспокоилась все сильнее, пока однажды у Нинон не встретила мадам де Монтеспан. Атенаис обратилась к ней со словами:

— Что с вами, дорогая, вы потеряли рассудок? Пренебрегаете уже третьим приглашением короля. То у вас случилась сильнейшая лихорадка, то желудочное расстройство, потом на носу вскочил прыщ, испортивший вашу красоту настолько, что вы не осмелились предстать при дворе. Какие жалкие отговорки! Король их не оценит, потому что до ужаса боится больных. Не выводите его из себя.

Так Анжелика узнала, что ее муж, через которого король не раз передавал ей приглашения на разные празднества, не только не сообщал ей об этом, но еще и выставлял ее перед государем в неприглядном свете.

— В любом случае, я вас предупредила, — закончила мадам де Монтеспан. — Я собственными ушами слышала, как король сказал маркизу дю Плесси, что он желает видеть вас в среду на охоте. «И постарайтесь устроить так, чтобы на сей раз здоровье мадам дю Плесси-Бельер не помешало ей прийти, — раздраженно добавил Его Величество, — ибо если маркиза вновь пренебрежет нашим вниманием, я лично порекомендую ей письмом вернуться в провинцию». Это значит, что вы всего в шаге от королевской немилости.

Ошеломленная, а затем взбешенная, Анжелика быстро составила план, который позволил бы ей достойно выйти из щекотливой ситуации. Она отправится на охоту и поставит Филиппа перед свершившимся фактом. А если король начнет задавать вопросы — что ж, она скажет правду. Филипп не сможет не покориться королевской воле. В строжайшей тайне Анжелика заказала себе новые туалеты, организовала отправку лошади и подготовила карету, в которую она сядет на рассвете следующего дня. Но рассвет уже близок, а она еще не сомкнула глаз. Анжелика заставила себя смежить веки, ни о чем не думать и потихоньку начала соскальзывать в сон.

Вдруг Хризантема, ее маленькая собачка, свернувшаяся клубком под стеганым одеялом, вздрогнула, рывком вскочила и залилась лаем. Анжелика схватила любимицу и сунула под одеяло, строго приказав замолчать.

Когда Анжелика переехала в отель Ботрейи, друзья убедили ее в необходимости завести себе, следуя последней моде, крохотную собачку, которую во время прогулок можно носить на руках, а зимой даже прятать

в муфту. Так у Анжелики появился белый мальтийский грифон, которого она назвала в честь экзотического цветка, такого же растрепанного, как сама Хризантема. Собачка была очень спокойная и никогда не лаяла по пустякам. Зная ее характер, Анжелика встревожилась. Почему ее скромница так настойчиво лает?

Собачонка, дрожа, продолжала рычать. Она успокоилась на несколько секунд, а затем опять вскочила с пронзительным тьяканьем.

— Что случилось, Хризантема? — раздраженно спросила хозяйка. — В чем дело? Там мышка пробежала?

Анжелика придержала рукой собачью пасть и прислушалась, стараясь понять, что же так взволновало грифона. Вдруг до ее слуха долетел какой-то странный, едва различимый звук. Будто кто-то царапал чем-то твердым по гладкой поверхности. Хризантема зарычала.

— Спокойно, малышка, спокойно!

Так никогда не заснуть! Анжелика закрыла глаза. Неожиданным видением перед ней промелькнуло смутное воспоминание: вязкий ночной мрак, темные, грязные, шершавые руки парижских воров... ложатся на поверхность стекла... проводят острым, почти невидимым алмазом...

Она вскочила мгновенно. Точно! Звук шел именно от окна. Это грабители!

Сердце неистово билось, так что теперь она слышала лишь его глухие и частые удары. Хризантема высвободилась и снова пронзительно залаяла. Анжелика схватила ее в охапку и едва не придушила, заставив замолчать. Она снова прислушалась и почувствовала, что в комнате кто-то есть. Вот хлопнуло окно: «они» забрались внутрь.

— Кто здесь? — крикнула Анжелика, чуть живая от страха.

Ответа не было, но шаги приблизились к алькову.

«Жемчуг!» — подумала Анжелика.

Она схватила со столика пригоршню драгоценностей, и почти в ту же секунду ее накрыло тяжелое покрывало. Кто-то грубо схватил ее и пытался связать веревкой. Она извивалась, как угорь, хрипя под толщей ткани. Ей удалось высвободиться, и, набрав воздуха, Анжелика закричала:

— На помощь! Спаси...

Узловатые пальцы сдавили горло, заглушив крик о помощи. Анжелика задыхалась. Ей казалось, что у нее перед глазами вспыхивают ослепительные красные молнии. Истеричное тьяканье собаки становилось все тише и тише...

«Я умираю, — пронеслось у нее в голове, — я умираю, этот вор меня сейчас задушит... как глупо... Филипп... Филипп!»

И она потеряла сознание.

Очнувшись, Анжелика почувствовала, как что-то выскользнуло из ее пальцев и упало на плиточный пол. Послышался стук падения бусин.

«Мой жемчуг!»

Анжелика с трудом перегнулась через край соломенного тюфяка и увидела на полу нитку розового жемчуга. Должно быть, пока ее похищали и перевозили сюда, она держала бусы в крепко сжатом кулаке. Анжелика растерянно огляделась. Она находилась в комнате, напоминавшей келью. Через небольшое стрельчатое окно, забранное решеткой, медленно проникала рассветная дымка, заглушая желтый свет стоявшей в укромной нише масляной лампы. Из мебели в комнате имелись лишь грубо сколоченный стол, трехногая табуретка да отвратительная кровать,

устроенная из деревянной рамы и брошенного поверх нее тюфяка.

«Где я? Кто меня похитил? Чего от меня хотят?»

Жемчуг у нее не забрали. Веревки сняли, но на нее по-прежнему было наброшено покрывало, а под ним лишь легкая ночная сорочка из розового шелка. Анжелика наклонилась, подняла ожерелье и машинально надела его на шею. Одумавшись, она все-таки сняла жемчуг и спрятала его под валик в изголовье.

Снаружи раздался серебряный звон колокола, ему вторил другой колокол. Взгляд Анжелики остановился на маленьком распятии из черного дерева, висевшем на белой стене. Распятие украшала веточка самшита.

«Монастырь! Я в монастыре...»

Прислушавшись, она уловила далекое эхо органа и пение псалмов.

«Что все это значит? Боже мой, как болит шея!»

Несколько минут обессиленная Анжелика все еще оставалась в полубессознательном состоянии. Ее мысли путались. Она старалась убедить себя в том, что ей просто привиделся дурной сон, и сейчас она наконец проснется и избавится от абсурдного кошмара.

Шаги, раздавшиеся в коридоре, заставили ее приподняться на постели. Мужские шаги.

Похититель? Ха! Ему это даром не пройдет, он за все поплатится. Анжелика не боялась бандитов. Если нужно, она напомним, что сам король преступного мира, Деревянный Зад, числится среди ее друзей.

Мужчина остановился у двери. В замке повернулся ключ, и похититель вошел в комнату. Анжелика замерла от изумления.

— Филипп?!

Меньше всего она ожидала увидеть мужа. Своего мужа Филиппа, который не соизволил ни разу за два месяца, что она прожила в Париже, навестить ее хотя

бы с простым визитом вежливости, вспомнить о том, что у него существует жена.

— Филипп! — повторила Анжелика. — Ах! Филипп, какое счастье! Вы пришли мне на помощь?

Что-то необычное, какая-то холодность в его взгляде остановила порыв, который уже было бросил ее к супругу.

Он стоял у порога в высоких сапогах из белой кожи великолепной выделки, неотразимый в своем расшитом серебром сером замшевом жюстокоре, с воротником из тончайшего венецианского кружева. Тщательно завитые кудри его светлого парика ниспадали на плечи. Шляпа из серого бархата была украшена белыми перьями.

— Как вы себя чувствуете, мадам? — спросил дю Плесси. — Вы здоровы?

Можно было подумать, что они встретились в модном салоне.

— Я... я не знаю, что со мной случилось, Филипп, — в полном смятении пробормотала Анжелика. — На меня напали прямо в спальне... похитили и привезли сюда. Вы можете сказать, какой негодяй совершил это злодеяние?

— С удовольствием. Вас похитил Ла Виолетт, мой камердинер.

Анжелика онемела от неожиданности.

— По моему приказу, — с деланной любезностью добавил Филипп.

Она содрогнулась. Правда была очевидна.

В ночной рубашке, босиком она бросилась по холодным плитам прямо к окну и вцепилась в железные прутья решетки. Вставало солнце, начинался чудесный летний день — день, когда король и весь его двор отправятся охотиться на оленя в лесу Фос-Репоз. Но маркиза дю Плесси-Бельер не будет присутствовать на

этой охоте. Вне себя от гнева Анжелика повернулась к мужу.

— Вы сделали это, чтобы я не смогла появиться на королевской охоте?!

— Как вы догадливы!

— А вы знаете, что Его Величество никогда не простит мне эту вопиющую бестактность, что он отошлет меня в провинцию?

— Именно этого я и добиваюсь.

— О! Вы не человек, вы — дьявол.

— Неужели? Так знайте, что вы — не первая женщина, которая делает мне столь лестный комплимент.

Филипп рассмеялся. Гнев жены даже сделал его разговорчивым.

— Если разобраться, то во мне не так много дьявольского, — продолжил он. — Ведь я поместил вас в монастырь, чтобы вы смогли духовно возродиться, предаваясь молитвам и покаяниям. Сам Всевышний не стал бы меня порицать.

— И сколько же я должна буду каяться?

— Посмотрим!.. Я подумаю. Самое меньшее — несколько дней.

— Филипп, я... я вас ненавижу.

Дю Плесси засмеялся еще громче, его губы растянулись, обнажая в жестоком оскале великолепные белые зубы.

— Ваша реакция просто восхитительна. Только ради этого стоило потратить усилия, чтобы запихнуть вас сюда.

— Потратить усилия!.. Вы называете свои действия потраченными усилиями? Да это настоящий разбой! Похищение! А я-то звала вас на помощь, когда этот зверь чуть не задушил меня...

Филипп прекратил смеяться и нахмурил брови. Он подошел, чтобы взглянуть на синяки на шее жены.

— Черт возьми! Парень перестарался. Впрочем, подозреваю, что вы доставили ему массу хлопот, а мой камердинер всегда выполняет приказы. Я приказал ему провести всю операцию как можно тише, чтобы не привлекать внимания ваших людей. Он проник в дом через дверь в глубине вашей оранжереи. Ладно, в следующий раз я распоряджусь, чтобы он постарался избежать насилия.

— Что? Вы планируете еще и «следующий раз»?

— Пока вы не будете укрощены — да. Пока не образумитесь, пока будете гордо держать свою упрямую голову, пока будете отвечать мне с такой же дерзостью, пока будете пытаться меня послушаться. Я — главный королевский ловчий и отлично умею дрессировать злобных сук. В конце концов они всегда начинают лизать мне руки.

— Я лучше умру! — в отчаянии воскликнула Анжелика. — Вам придется убить меня.

— Зачем? Я предпочитаю видеть вас прирученной.

Холодные голубые глаза не отрываясь смотрели на Анжелику, и ей пришлось первой отвести взгляд. Им предстояла долгая и жестокая дуэль, но Анжелика уже не в первый раз участвовала в подобных сражениях. Она бросила вызывающим тоном:

— Полагаю, вы слишком самоуверенны, месье. Мне было бы любопытно узнать, каким образом вы собираетесь добиться цели?

— О! У меня широкий выбор средств, — с брезгливой гримасой заявил дю Плесси. — Могу посадить вас под замок. Как насчет того, чтобы провести несколько месяцев здесь? Или вот еще... Могу разлучить вас с сыновьями.

— Вы не сделаете этого!

— Почему бы и нет? Я могу лишить вас всех средств к существованию, могу держать на голодном пайке или заставить вас вымаливать у меня кусок хлеба...

— Вы говорите глупости, дорогой. Мое состояние принадлежит мне.

— Ну, это легко уладить. Вы — моя жена, а вся власть в семье сосредоточена в руках мужа. Я не настолько глуп, чтобы не придумать, как перевести ваши деньги на мое имя.

— Я буду защищаться.

— И кто же станет вас слушать? Я не могу не признать: вы достаточно пронырливая особа, и вам удалось завоевать расположение короля. Но после сегодняшней бестактности можете не рассчитывать на покровительство Его Величества. Засим разрешите откланяться, оставляю вас наедине с вашими молитвами, так как я не могу позволить себе пропустить момент, когда спустят свору. Думаю, вам больше нечего мне сказать?

— Только одно! Я ненавижу вас от всей души!

— Ну, это пустяки. Когда-нибудь вы начнете мечтать о смерти, лишь бы избавиться от меня.

— И что вы от этого выиграете?

— Я получу наслаждение от мести. Вы смертельно оскорбили меня, зато я увижу, как вы рыдаете, просите пощады, станете жалкой, опустившейся, полубезумной женщиной.

Анжелика пожала плечами.

— Какая заманчивая картина! А почему бы не камера пыток, раскаленное железо, прижигающее ноги, почему не дыба и переломанные кости?

— Нет, так далеко я не пойду. Оказалось, что ваше прекрасное тело в определенной мере привлекает меня.

— Надо же? Ни за что бы не подумала. Вы это умело скрываете.

Филипп, который уже стоял у порога, резко повернулся и сощурил глаза.

— Вы сетуете на мое невнимание, дорогая? Какой приятный сюрприз! Вам меня не хватает? Вы находите, что я принес недостаточно жертв на алтарь вашей привлекательности? Вам мало поклонения, которым окружили вас ваши любовники, и вы требуете того же от мужа? Мне показалось, что во время нашей первой брачной ночи вы не слишком охотно выполняли свои супружеские обязанности, но, возможно, я ошибся...

— Оставьте меня, — прошептала Анжелика, охваченная дурным предчувствием. Она почувствовала себя обнаженной и безоружной в своей тонкой ночной рубашке.

— Чем дальше я смотрю на вас, тем меньше хочу вас оставлять, — процедил Филипп.

Он прижал ее к себе. Анжелика вздрогнула, почувствовав, как к горлу подступили рыдания.

— Оставьте меня! Умоляю, оставьте меня!

— Я обожаю, когда вы умоляете.

Он поднял ее, словно пушинку, и бросил на монастырский тюфяк.

— Филипп, одумайтесь, мы же в монастыре!

— Ну и что? Неужели всего за два часа пребывания в этом святом месте вы успели принести обет целомудрия? Впрочем, меня это не остановит. Я всегда получал огромное удовольствие, насилуя монашенок.

— Вы самый омерзительный из всех мужчин, кого я знаю!

— Когда речь заходит о любви, ваш словарный запас иссякает. Где ваша нежность? — маркиз отстегивал перевязь. — Вам следует почаще посещать салон красавицы Нинон. Хватит притворяться, мадам. По счастью, вы сами напомнили мне, что у меня есть определенные обязанности, касающиеся вас, и я намерен их выполнить.

Анжелика закрыла глаза. Она прекратила сопротивление, по опыту зная, к чему оно может привести. Пассивная, безразличная, она подчинилась тягостным объятиям, принимая их как наказание. Остается только притворяться, сказала она себе; женщины, несчастные в замужестве — а Бог свидетель, имя им легион, — поступают именно так, и во время супружеских утех вспоминают своих любовников или шепчут молитвы, отдаваясь пузатым пятидесятилетним мужчинам, с которыми их связала воля отцов, заинтересованных в браке. Конечно, у них с Филиппом все обстоит не совсем так. Ее муж не был ни пятидесятилетним, ни пузатым, и именно она, Анжелика, сама настояла на этом браке, и вот сегодня ей действительно впору локти кусать. Хотя уже поздно. Ей нужно получше узнать «хозяина», которого она сама себе навязала. Грубое животное, для него женщина — всего лишь вещь, способная без лишних изысков удовлетворить его физические потребности. Да, он был животным, но животным сильным и гибким, и так трудно было сопротивляться ему, оставаться безразличной и читать «Отче Наш». Филипп действовал напористо, он сразу же «пустился в галоп», ведомый одним лишь желанием, как истинный воин, который в пылу жестоких боев отвык оставлять место чувствам.

Но перед тем как отпустить ее, Филипп позволил себе легкий жест, который позже Анжелика не раз вспоминала. Может быть, ей всего лишь показалось, как он дотронулся до ее шеи, нежно коснувшись синяков, оставленных цепкими пальцами слуги, и на долю секунды задержал руку для едва заметной ласки.

Через мгновение он уже стоял, глядя на жену зло и насмешливо.

— Итак, красавица моя, кажется, вы уже стали покорнее. Не сомневаюсь — скоро вы начнете ползать передо мной на коленях. А пока желаю вам приятного

пребывания в этих неприступных стенах. Вы можете плакать, выть и проклинать судьбу. Вас никто не услышит. Монахиням приказано вас кормить, но они не должны выпускать вас за порог кельи. У здешних монахинь репутация отменных тюремщиц. Вы — не единственная особа, которую держат в заключении в этом монастыре. Приятного времяпровождения, мадам! Возможно, вечером вы услышите, как трубят рога королевской охоты. Я лично протрублю рог, специально для вас.

Выходя из кельи, Филипп издевательски хохотал, и его смех был отвратительным. Он умел смеяться, лишь упиваясь чувством мести.

После ухода Филиппа Анжелика еще долго лежала без движения, завернувшись в грубое покрывало, впитавшее в себя мужской запах, в котором можно было различить аромат жасминового масла и кожи. Она была совершенно разбита и измучена. К ужасу, пережитому ночью, добавилось раздражение от ссоры с мужем, а учиненное им физическое насилие окончательно лишило ее мужества. У отчаявшейся женщины не осталось никаких сил, она погружалась в оцепенение, близкое к полной отрешенности. Вдруг к ее горлу подступила тошнота, а на висках выступил пот. Несколько мгновений Анжелика боролась с позывами рвоты. Откинувшись на тюфяк, она почувствовала себя совершенно подавленной. Этот приступ тошноты и слабости лишь подтвердил симптомы, которые Анжелика не желала замечать весь последний месяц. Но теперь следовало признать очевидное. Страшная свадебная ночь в замке Плесси-Бельер, о которой она до сих пор не могла вспоминать без стыда, принесла свои плоды. Анжелика была беременна. Она носила ребенка, ребенка от Филиппа — мужчины, который ее ненавидел и который поклялся ей отомстить. От

мужчины, который собирался мучить ее до тех пор, пока она не сойдет с ума.

На какую-то долю секунды Анжелика почувствовала себя сломленной, ей захотелось позволить событиям идти своим чередом, отказаться от борьбы. Ее одолевал сон. Спать, только спать! Когда-нибудь потом она опять наберется сил и отваги... Но сейчас неподходящее время для сна! Потом будет слишком поздно. Если не предотвратить гнев короля, ей угрожает вечное изгнание из Версаля и даже из Парижа.

Анжелика вскочила, подбежала к массивной деревянной двери и принялась молотить по ней кулаками, сдирая кожу. Она кричала, выла:

— Откройте! Выпустите меня отсюда!

Солнце уже залило светом келью. Сейчас королевские экипажи собираются в парадном дворе Версаля, а кареты приглашенных парижан минуют ворота Сент-Оноре. В условленном месте не будет только Анжелики.

«Я должна там быть! Должна! Если я навлеку на себя гнев короля, то я пропала. Только король может заставить Филиппа повиноваться. Во что бы то ни стало я должна появиться на королевской псовой охоте! Филипп говорил, что из этой тюрьмы я смогу услышать, как трубят охотничьи рога... значит, монастырь где-то в окрестностях Версаля! О Господи! Мне необходимо выбраться отсюда».

Но ее метания от стены к стене были бесплодны. Наконец в коридоре послышался стук тяжелых сабо. Появился проблеск надежды. Анжелика вернулась к своему убогому ложу и улеглась на нем с самым смиренным видом. В замке повернулся тяжелый ключ, и вошла женщина. Это была не монахиня, а служанка в перкалевым чепце и бумазейном платье. В руках она держала поднос.

Служанка буркнула «здрасьте» и начала расставлять на столе содержимое подноса. Оно оказалось небогатым: кувшин воды, миска, от которой исходил запах чечевичной похлебки с салом, круглый хлеб.

Анжелика с любопытством наблюдала за служанкой. Наверное, это единственная ниточка, связывающая ее с внешним миром, и другой возможности сегодня не представится. Нужно пользоваться случаем. Девушка нисколько не походила на грубую крестьянку, каких обычно монастыри нанимали для уборки. Скорее красивая, с большими черными глазами, сверкавшими от злости, служанка призывно покачивала бедрами, скрытыми под бумазейными юбками, что недвусмысленно свидетельствовало о ее былой деятельности. Наметанный глаз Анжелики не мог ошибиться, и ее догадку подтвердило ругательство, сорвавшееся с губ девушки, случайно уронившей с подноса ложку. Несомненно, в прошлом красotka была одной из самых преданных подданных Его Величества Великого Кесаря, короля преступного мира.

— Привет, сестренка, — прошептала Анжелика.

Служанка резко повернулась и удивленно вытаращила глаза, когда увидела, как Анжелика скрестила пальцы, подавая знак, принятый между представителями парижского дна.

— Ничего себе! — воскликнула девица, немного оправившись от изумления. — Нет, ну ничего себе! Вот уж не ожидала... а мне сказали, что ты самая настоящая маркиза. Эх, бедная подружка, ты тоже попала в силки мерзавцев из Общества Святого Причастия? Тогда пиши пропало! Эти стервятники никому не дают работать спокойно!

Она уселась на соломенный тюфяк в ногах узницы и поправила серую шерстяную косынку, прикрывавшую ее роскошную грудь.

— Уже целых шесть месяцев, как я торчу в этой дыре. Представь, какая тоска! Просто счастье, что я встретила тебя. Так хоть будет повеселее. Ты в каком квартале работала?

Анжелика сделала неопределенный жест рукой:

— Везде понемножку.

— А кто твой кот?^[1]

— Деревянный Зад.

— Великий Кесарь! Везет, подружка, о тебе неплохо заботятся. Для новенькой ты вообще отлично устроилась. Ты ведь новенькая, это точно. Я тебя раньше не видела. Как звать-то?

— Прекрасная Анжела.

— Ну а я — Воскресенье. Меня так прозвали из-за привычки работать только по воскресеньям. Я так надумала, потому что хотела быть непохожей на всех остальных, и можешь мне поверить, это была отличная идея. Я все чудесно устроила. Меня можно было встретить только на церковной паперти. И, черт возьми, те же самые мужчины, нерешительные у входа в собор, совсем переменяются, стоит им немного поразмыслить во время молитв. Красивая девушка после хорошей мессы — почему бы и нет? Да у меня было больше клиентов, чем я могла обслужить. Но какой гвалт подняли эти добродетельные тихони и благочестивые! Можно подумать, будто весь Париж пропускал из-за меня воскресную мессу! Ха! Они из кожи вон лезли, чтобы меня арестовали! Даже до Парламента дошли, все требовали моего наказания. Эти благочестивые — сами они приспешники ада! А только ничего не поделаешь, сила-то на их стороне. И вот я здесь, у августинок из Бельвю. Пришел мой черед псалмы распевать. Ну а с тобой что случилось?

— Один любовник хотел держать меня взаперти, только для себя. Уж я заставила его попрыгать,

пришлось ему здорово раскошелиться! А потом оставила его с носом. Не вышло у него меня вернуть! Но он решил отомстить и запер в монастырь, чтобы я тут сидела, пока не передумаю.

— Все-таки наш мир проклят! — вздохнула Воскресенье, поднимая глаза к небу. — А твой дружок точно жмот. Я слышала, как он торговался с матерью настоятельницей насчет платы за твое содержание. Двадцать экю и не больше, как за меня — столько платит Общество Святого Причастия, чтобы меня держали под замком. При таком раскладе ты можешь рассчитывать только на горох да бобы.

— Сволочь! — последнее заявление служанки задело Анжелику за живое.

Ну и подлец этот Филипп! Да и скупердьяй к тому же. Торгуется, как последняя галантерейщица!

Анжелика схватила девицу за запястье.

— Послушай! Ты должна помочь мне выбраться отсюда. У меня есть идея. Дай мне свою одежду и покажи, куда надо идти, чтобы попасть к воротам, которые выходят на дорогу к деревне.

Служанка фыркнула:

— Только и всего?! И как же я помогу тебе выбраться отсюда, если сама не могу сбежать?

— Это совсем другое дело. Монашенки тебя хорошо знают и тут же схватят. А меня-то никто толком не видел, кроме матери настоятельницы. Если по дороге на меня кто-нибудь наткнется, я найду что соврать.

— Тут ты права, — согласилась Воскресенье. — Тебя привезли связанную, как колбасу, еще ночью, впотьмах. И поволокли прямо сюда.

— Вот видишь! У меня есть шанс сбежать. Давай-ка мне поскорей свою юбку.

— Тише, маркиза, тише, — проворчала девица, злобно покосившись на Анжелику. — «Все — мне, а другим — шиш»? Выходит, у тебя такой девиз? А что

получит бедная Воскресенье, несчастная узница, о которой все позабыли? Кучу неприятностей — уж будьте уверены, а чего доброго, еще и в тюрьму засадят.

— Ты получишь вот это, — сказала Анжелика, проворно доставая из-под валика в изголовье нить розового жемчуга.

Увидев великолепные жемчужины, переливавшиеся нежными оттенками рассветного неба, Воскресенье потеряла дар речи и только протяжно свистнула от восхищения.

— Подделка, да, сестренка? — растерянно спросила она.

— Нет. Возьми в руку и взвесь. На, бери. Если ты мне поможешь, эти бусы — твои.

— А не шутишь?

— Клянусь. С этими цацками, когда выйдешь отсюда, разоденешься, как принцесса, еще и прикупишь себе кое-какого барахла.

Воскресенье перекладывала из ладони в ладонь драгоценности, достойные королевы.

— Ну, что надумала?

— Ладно. Только у меня есть идея получше твоей. Подожди, я скоро вернусь.

Она спрятала ожерелье в недрах просторной юбки и вышла. Ее отсутствие показалось Анжелике настоящей вечностью. Наконец запыхавшаяся девица появилась, держа в одной руке кипу одежды, а в другой — медный бидон.

— Мать Ивонна вцепилась в меня как колючка, у-уф! Но ничего, я сумела от нее отделаться. Давай скорее, а то утренняя дойка коров уже скоро закончится. Сейчас на монастырскую ферму со всей округи за молоком приходят крестьянки. Переодевайся, будешь как бы доярка, бери бидон и подушечку. Значит, так: спустишься по лестнице с голубятни — я покажу, где

это. Во дворе иди к крестьянкам и вместе с ними выйдешь через черный ход. Только осторожней, тебе придется держать бидон на голове, смотри не расплескай молоко.

План удался. Не прошло и четверти часа, как госпожа маркиза дю Плесси-Бельер в красно-белой полосатой юбке, в черном лифе, с башмаками в руке — они оказались слишком велики — и с опасно раскачивавшимся медным бидоном на голове, который она придерживала другой рукой, уже шла по пыльной дороге, с похвальным упорством устремляясь в Париж, видневшийся в солнечной дымке на горизонте.

Во двор фермы Анжелика вошла одной из последних. Дойка уже закончилась, и святые сестры с послушницами разливали молоко по бидонам крестьянок, которые должны были доставить его в Париж или в пригороды.

Старая монахиня, которая распоряжалась на ферме, с удивлением спросила, откуда взялась незнакомая молочница, но Анжелика напустила на себя самый глупый вид, какой только можно, на все расспросы отвечала лишь на пуатевинском наречии и упорно совала монахиням несколько су, великодушно выданные Воскресеньем. В конце концов, ей все же налили молока и отпустили со двора.

Теперь надо было спешить. Анжелика находилась на полпути между Версалем и Парижем. После некоторых раздумий она решила, что отправляться напрямик в Версаль было бы безумием. Немыслимо предстать перед королем и двором в полосатой юбке, какие носят крестьянские девки!

Нужно вернуться в Париж, к своим роскошным нарядам и к карете, привести себя в надлежащий вид и уже тогда мчаться галопом сквозь лес, чтобы присоединиться к охоте.

Хотя Анжелика шла очень быстро, ей казалось, что она еле ползет. Босые ноги болели от колких придорожных камней, но в огромных ботинках она постоянно спотыкалась, а порой они и вовсе спадали. Молоко расплескалось, подушечка соскальзывала.

Наконец на дороге показалась двуколка жестянщика, направлявшаяся в сторону Парижа. Анжелика бросилась вперед и замахала руками.

— Подвезите меня!

— Давай, красотка. За сладкий поцелуй я довезу тебя до самого собора Парижской Богоматери.

— Так не пойдет, поцелуйи я берегу для моего суженого. Но я дам горшочек молока для ваших малышей.

— Ну что же, по рукам! Сделка честная. Залезай скорей, целомудренная красотка.

Лошадь шла спорой рысью, так что к десяти часам утра они уже были в Париже. Жестянщик довез Анжелику до самой набережной, и она со всех ног бросилась к своему особняку. Привратник чуть не упал в обморок, узнав хозяйку, наряженную, словно крестьянка из пригорода.

С раннего утра в доме творилось неладное. Сначала слуги с ужасом обнаружили исчезновение госпожи, но каково же было их удивление, когда в отель Ботрейи явился камердинер господина дю Плесси-Бельера, наглый и высокомерный верзила, и забрал лошадей и кареты.

— Все мои лошади! Все мои кареты! — повторяла ошеломленная Анжелика.

— Да, мадам, — подтвердил дворецкий Роже.

Дворецкий не поднимал глаз и казался страшно смущенным, глядя на крестьянские лиф и белый чепец хозяйки, как будто он застал ее обнаженной.

Анжелика была настроена весьма решительно.

— Ничего! Я попрошу о помощи кого-нибудь из друзей. Жавотта, Тереза, поторопитесь, мне нужна ванна. Подготовьте мой охотничий костюм. Пусть мне подадут легкую закуску и бутылку хорошего вина.

Услышав, как каминные часы звонко пробили двенадцать, Анжелика вздрогнула.

«Один Бог знает, что выдумает Филипп на сей раз, объясняя мое отсутствие Его Величеству! Приняла не то лекарство, лежу в постели, меня рвет... Этот подонок способен на все! Как мне попасть в Версаль до заката без кареты и лошадей? Проклятый Филипп!»

Глава 2

— Проклятый Филипп! — повторила Анжелика.

Высунувшись из кареты, она с беспокойством вглядывалась вдаль. Жалкая старая карета с грехом пополам продвигалась по изрытой колеями дороге.

Лес становился все гуще. Торчавшие из земли корни громадных дубов, похожие на гигантских змей, тянулись до самой середины дороги. Но разве можно назвать дорогой эту глину, разбитую копытами многочисленных лошадей и колесами не менее многочисленных экипажей, уже промчавшихся здесь сегодня?

— Мы никогда не доедем, — простионала Анжелика, поворачиваясь к сидящей рядом Филониде де Паражонк.

Престарелая жеманница точным движением веера поправила съехавший на бок парик и весело возразила:

— Не теряйте нить здравого смысла, моя дорогая. В конечном счете, все куда-нибудь да приезжают.

— Смотря в каком экипаже ехать, смотря за какое время нужно добраться, — едко ответила Анжелика, чьи нервы окончательно сдали. — Когда цель поездки в том, чтобы присоединиться к королевской псовой охоте, на которой ты должна была быть уже шесть часов тому назад, и когда существует риск явиться туда пешком лишь для того, чтобы услышать, как рога играют отбой, есть отчего злиться. Если король заметил мое отсутствие, он никогда не простит мне этой новой бестактности...

Сильнейший толчок, сопровождавшийся зловещим треском, бросил женщин друг на друга.

— Чума на вашу старую колымагу! — воскликнула Анжелика. — Она хуже, чем бочка для селедки. Только

и умеет, что подскакивать!

На сей раз мадемуазель де Паражонк обиделась:

— Трудно не согласиться с вашим утверждением, что мой передвижной кабинет во многом уступает чудесным каретам, заполонявшим ваш каретный двор, но мне кажется, что вы были весьма довольны тем обстоятельством, что получили его в свое распоряжение этим утром, после того как ваш супруг, мессир дю Плесси-Бельер, счел оригинальным переправить всех ваших лошадей в некое таинственное место, о котором известно лишь ему...

Анжелика снова вздохнула. Где-то теперь хлысты из красного дерева, отделанные позолотой и обтянутые алым шелком, с помощью которых управляют ее великолепным экипажем? Как она радовалась, когда узнала, что сможет наконец присутствовать на королевской псовой охоте в Версальском лесу!

В мечтах она уже видела себя подъезжающей к месту встречи почетных гостей в карете, запряженной шестеркой вороных: на подножках трое лакеев в новеньких сияющих ливреях голубых и ярко-желтых цветов, кучер и фореитор[2] обуты в сапоги красной кожи, на головах шляпы с плюмажами. Раздается удивленный шепот: «Кому принадлежит этот роскошный экипаж?» — «Той самой маркизе дю Плесси-Бельер». — «Она не часто появляется при дворе. Муж прячет ее — он ревнив, как тигр». — «Как будто, именно о ней уже не раз справлялся Его Величество?»

Анжелика так готовилась к этому знаменательному дню, к решающему бою! Она больше не позволит забыть о себе. Стоит ей оказаться при дворе, и уже никому не по силам будет ее изгнать! Пусть Филипп хоть в лепешку разобьется, ничего у него не выйдет! Своей неповторимой красотой и элегантностью Анжелика завоюет симпатии двора. Она заставит признать себя, проявит упорство, она «зацепится»,

укоренится, как остальные придворные — эти честолюбивые паразиты, присосавшиеся к короне. И черт с ними — с застенчивостью и скромностью!

Мадемуазель де Паражонк игриво стукнула свою спутницу веером.

— Не надо быть провидицей, чтобы прочесть ваши мысли. Такое лицо у вас бывает перед решительным боем. Какую крепость вы вознамерились штурмовать? Его Величество?

Или собственного мужа?

Анжелика пожала плечами.

— Король? Эта крепость уже захвачена, и ее отлично охраняют. У короля есть законная жена, есть официальная фаворитка мадемуазель де Лавальер, и множество других дам. А что касается моего мужа, так с чего вы взяли, будто я заинтересуюсь крепостью, которая уже пала? Можно ли считать — как вы выражаетесь? — «подобающим», если супруги продолжают проявлять взаимный интерес после подписания брачного договора? Это же мещанство!

Старая дева усмехнулась в ответ:

— На мой взгляд, очаровательный маркиз сохраняет к вам интерес, хотя демонстрирует его весьма нетривиальным образом!

Она жадно провела языком по пересохшим губам.

— Изложите мне свою историю еще раз, дорогая. Это один из самых занимательных рассказов, которые мне доводилось когда-либо слышать. Все, что вы рассказали, правда? Утром вы стали собираться в Версаль, но внезапно в ваших конюшнях не оказалось ни одной лошади? А добрая половина слуг куда-то сгинула? Мессир дю Плесси должен был проявить немыслимую щедрость по отношению к вашим людям... И вы ничего не заподозрили, ничего не заметили?.. В прежние времена вы были шустрее, милочка!

Последовал новый толчок. Юная Жавотта, горничная Анжелики, сидевшая напротив хозяйки, не удержалась на своем неудобном откидном сиденье и безнадежно смяла замечательный бант из золотой ткани, который Анжелика завязала у себя на поясе, чтобы прикреплять хлыст для верховой езды. С досады Анжелика отвесила девчонке звонкую пощечину. Та, хныча, снова уселась на свое место. Анжелика едва сдерживалась, чтобы не поднять руку и на Филониду де Паражонк, чье лицо, покрытое толстым слоем белил, напоминало гипсовую маску. Без сомнений, старая дама совсем не сочувствовала Анжелике, попавшей в неприятную ситуацию. Но в отчаянии от разбоя, который учинил Филипп, Анжелика была вынуждена обратиться за помощью к старой жеманнице, своей соседке и хорошей знакомой. Возможности позаимствовать карету у кого-то другого просто не было. Госпожа де Севинье наслаждалась сельской жизнью. Нинон де Ланкло помогла бы подруге, но репутация знаменитой куртизанки не позволяла ей бывать при дворе, а экипаж Нинон могли узнать. Среди прочих парижских знакомых Анжелики многие в тот день тоже были приглашены в Версаль — а если не были, то из ревности и зависти никогда не пришли бы на помощь счастливице. Оставалась только мадемуазель де Паражонк.

Анжелике, изнывавшей от нетерпения, пришлось ждать, пока взволнованная старая дева достанет свои самые красивые наряды, давно вышедшие из моды, пока ее служанка распутает локоны самого красивого парика, пока почистят ливрею кучера, отполируют лак убогой кареты.

И вот наконец они выехали на дорогу. Но на какую дорогу!

— Ну и дорога! Ну и дорога... — стонала Анжелика, пытаясь разглядеть хоть какой-нибудь просвет среди

массивных деревьев, сомкнувших свои ряды.

— Ничто не должно выводить вас из равновесия, — назидательно вещала мадемуазель де Паражонк. — Вы рискуете испортить цвет лица, что было бы весьма огорчительно. Дорога такова, какой она и должна быть. Вам следует брать пример с нашего сюзерена: ему доставляет удовольствие барахтаться в этой грязи и заставляя нас проделывать то же самое. Мне довелось слышать, что не далее как вчера здесь прогнали очередное стадо быков из Нормандии. Посему эта дорога и носит название Бычьей. Покойный государь Людовик XIII любил охотиться в этих краях, но ему бы в голову не пришло тащить в подобную глушь цвет своего двора. Людовик Целомудренный был человеком простым, справедливым и рассудительным.

Наставления Филониды прервал треск, за которым последовал мощный толчок. Карета накренилась, колесо зацепилось за камень и отвалилось, а пассажирки попадали друг на друга.

Анжелика оказалась в углу, над отвалившимся колесом. Она с отчаянием думала о своем прекрасном костюме амазонки, который придавили сверху мадемуазель де Паражонк и Жавотта. Анжелика боялась пошевеливаться, чтобы выбраться, потому что по всему полу валялись осколки разбитого стекла. Не хватало только порезаться и испачкать кровью туалет!

Открылась противоположная дверца кареты, и Флипо, лакей Анжелики, склонил к хозяйке хитрую физиономию.

— Туго, Маркиза? — выдохнул он.

Анжелика была не в том состоянии, чтобы напоминать мальчишке о правильной речи.

— А как наша старая Бастилия, еще держится?

— Держится-держится, — довольно весело ответила Филонида. Она пуще всего на свете любила

захватывающие приключения. — Юный наглец, подай мне руку и помоги выбраться.

Флипо изо всех сил потянул старую кокетку за руку. С помощью кучера, которому удалось успокоить и распрячь лошадей, обе дамы и служанка оказались посреди грязной дороги.

Обошлось даже без ссадин, но бедственное положение казалось непоправимым.

Анжелика подавила свой гнев: ругаться было бессмысленно. Увы, теперь все потеряно безвозвратно! Она не сумела присоединиться к королевской псовой охоте и теперь НИКОГДА уже не сможет вернуться ко двору! Король не простит очередного отказа участвовать в светских забавах. Что делать? Может быть, написать письмо, броситься к ногам монарха, упросить мадам де Монтеспан или графа де Лозена похлопотать за нее? Но какие у нее будут оправдания?.. Карета сломалась? В конце концов, это правда, но кто поверит такому ничтожному объяснению! Каждый опоздавший придворный рассказывает, что у него сломалась карета!

Анжелика присела на пенек и горькие размышления настолько охватили ее, что она не заметила приближения небольшого отряда всадников.

— А вот и люди, — тихо сказал Флипо.

В окружавшей тишине можно было слышать цоканье лошадиных копыт. Кони шли шагом. Мадемуазель де Паражонк прошептала:

— Господь Всевышний, бандиты! Мы пропали!

Глава 3

Анжелика подняла голову. В самом деле: посреди пустой дороги в наступающих сумерках внешность вновь прибывших не внушала никакого доверия. Высокие худые мужчины, смуглые и темноглазые, с усами и черными бородками, которые вышли из моды уже несколько лет тому назад — в Иль-де-Франсе таких уже и не встретить. Всадники были в непрезентабельных голубых мундирах, изрядно вылинявших, с протертыми и порванными оборками и кружевами. На их шляпах красовались какие-то облезлые перья. Некоторые из прибывших были одеты в широкие потрепанные плащи. При этом у каждого на боку сверкала шпага. Два знаменосца, возглавлявших отряд, держали роскошные, но дырявые флаги — вне всякого сомнения, их не раз трепал горячий ветер сражений.

Несколько пехотинцев, вооруженных пиками и мушкетами, равнодушно прошли мимо опрокинувшейся кареты. Но первый всадник — видимо, глава всего отряда — остановился перед путешественницами и их слугами.

— Тысяча чертей! Сдается мне, прекрасные дамы, что бог Меркурий, покровитель путешественников, самым коварным образом покинул вас!

В отличие от своих товарищей, это был мужчина в теле, хотя свободно болтавшийся жюстокор свидетельствовал, что в былые времена его владелец был куда дороднее. Незнакомец снял шляпу, открыв смуглое жизнерадостное лицо. Певучий акцент безошибочно указывал на его происхождение. Анжелика весело улыбнулась и ответила столь же приветливым тоном:

— Монсеньор, готова поспорить: вы гасконец!

— От вас ничего не утаишь, о прелестнейшая из лесных нимф! Чем мы можем быть вам полезными?

Всадник наклонился к Анжелике, чтобы лучше рассмотреть ее, и ей показалось, что он едва заметно вздрогнул. Вдруг у нее появилось ощущение, что она уже где-то встречала этого человека. Но где?.. Сейчас не время вспоминать. Озабоченная насущными проблемами, Анжелика с живостью заговорила:

— Месье, вы можете оказать нам неоценимую услугу. Мы должны были присоединиться к королевской охоте, но произошел несчастный случай. Не может быть и речи о том, чтобы привести в порядок эту старую карету. Если кто-нибудь из всадников посадит нас, мою подругу и меня, а также мою горничную на крупы своих коней и доставит к перекрестку с Бычьей дорогой, мы будем вам чрезвычайно признательны.

— К перекрестку с Бычьей дорогой? Мы и сами туда направляемся. Черт побери, как все отлично совпало!

Всадникам потребовалось не более четверти часа, чтобы домчать троих сидящих позади них женщин до места.

Поляна у подножия холмов Фос-Репоз была заполнена каретами и лошадьми. Ожидая возвращения хозяев, кучера и лакеи играли в кости или выпивали в придорожной таверне. В прежние времена подобная удача обходила это скромное заведение стороной.

Заметив своего конюха, Анжелика спрыгнула на землю и крикнула ему:

— Жанику, приведи ко мне Цереру!

Слуга бросился к конюшне.

Уже через пару секунд Анжелика была в седле. Она вывела кобылу из толпы, пришпорила ее и поскакала к лесу.

Церера была прекрасным, грациозным животным. Ее переливчатая золотистая шкура и навела Анжелику на мысль назвать кобылу именем древней богини плодородия, которое приносит с собой лето^[3]. Она любила Цереру прежде всего за ее изысканную красоту: у маркизы было слишком много забот, чтобы привязаться к кобыле и подружиться с ней. Но Церера оказалась необыкновенно деликатным существом, и Анжелика с удовольствием ездила на ней. Она поворотила лошадь с тропинки прямым ходом к вершине холма. Сначала Церера спотыкалась на толстом ковре из сухих листьев, а потом освоилась и быстро взобралась наверх. Но там росли деревья, и Анжелика не могла оглядеть округу. Тогда она прислушалась и вскоре различила далекий лай собачей своры. Затем где-то на востоке призывно затрубил рог, ему вторил стройный хор охотничьих рожков. Анжелика узнала сигнал «на воду»^[4] и улыбнулась.

— Охота еще не закончена. Церера, красавица моя, давай поспешим. Может быть, мы еще сумеем спасти свою честь.

Она пустила кобылу в галоп, вниз по склону. Мимо деревьев, тянущих друг к другу узловатые ветви, покрытые густой листвой, всадница мчалась сквозь чащобы и заросли почти девственного леса, удаленного от человеческого жилья. Лишь редкие охотники, да браконьеры с арбалетом за плечом забредали в эти дебри, где нередко находили себе убежище многочисленные разбойники и бандиты. Но Людовик XIII и молодой Людовик XIV вырвали из векового сна старые дубы, помнившие друидов. Гомон блистательного королевского двора разогнал густые туманы, а духи придворных дам смешались с запахами листвы и грибов.

Лай приближался. Должно быть, загнанный олень сумел перебраться через реку. Он не желал признавать себя побежденным и, преследуемый собаками, продолжал бег. Олень бежал в ту сторону, где находилась Анжелика. Вновь запели рога, созывая охотников. Анжелика ехала теперь медленнее, а потом и вовсе остановилась. Глухой галоп лошадей становился все громче, и тогда она выбралась из-под сени деревьев. Зелень перед ней расступилась, и она заметила в низине отблески солнечных бликов, искрившихся на болоте. Сзади стояла темная глухая стена леса, но над головой открылось небо, по которому, освещенные бледным закатом, неслись серые облака. Надвигались сумерки, и весь окрестный пейзаж подернулся туманной дымкой, приглушавшей яркие цвета, в которые лето одело лес. Бесчисленные ручейки несли с холма свежесть в долину.

Неожиданно рядом раздался дружный лай собачей своры и у опушки леса мелькнула коричневатая тень. Олень был еще очень молодой, его рога даже не начали ветвиться. Он несся галопом по болоту, поднимая вокруг себя облако брызг. За ним бело-рыжей лавиной летели собаки. Тут из лесной чащи выскочила амазонка в красном жюстокоре, а вслед за ней уже со всех сторон на травянистом склоне стали появляться всадники. В мгновение ока тишина нежного буколического пейзажа была нарушена варварским шумом, в котором смешались лай собак, ржание лошадей, крики охотников, звонкое пение рожков и улюлюканье загонщиков. На фоне темного леса богатая одежда вельмож и благородных дам казалась разноцветным облаком, а золотая и серебряная вышивка, перевязи и плюмажи сверкали и переливались в лучах заходящего солнца.

Последним отчаянным усилием олень сумел разорвать смыкавшийся вокруг него адский круг.

Воспользовавшись брешью, он кинулся к спасительной чащобе. Отовсюду раздались крики разочарования. Перепачканные в грязи собаки сбились в свору перед новой погоней.

Анжелика тихонько пришпорила Цереру и спустилась по склону. Похоже, момент был самым удачным, чтобы смешаться с толпой.

— Его бесполезно преследовать, — произнес кто-то у нее за спиной. — Олень скрылся на несколько мгновений; если вы сейчас спуститесь в низину, то лишь перепачкаетесь по самые уши. Поверьте, прекрасная незнакомка, благоразумнее остаться здесь. Я готов держать любое пари, что слуги будут собирать собак именно на этой поляне. Зато мы предстанем перед королем свежими и чистыми...

Анжелика обернулась. Она не знала этого дворянина, остановившегося в нескольких шагах от нее. Огромный парик обрамлял его весьма привлекательное лицо. Одет он был очень изысканно. Всадник снял шляпу с белоснежным плюмажем, чтобы поприветствовать даму.

— Пускай меня черти заберут, но я уже имел счастье встречаться с вами, мадам. Я совершенно уверен, такое лицо невозможно забыть.

— Должно быть, вы видели меня мельком при дворе?

— При дворе? Исключено! — возмущенно возразил он. — Я там буквально живу, мадам! Вы не могли пройти мимо меня незамеченной. Нет-нет, мадам, не пытайтесь ввести меня в заблуждение. Вы никогда не появлялись при дворе.

— Появлялась, месье.

И, немного помолчав, добавила:

— Однажды...

Незнакомец рассмеялся.

— Однажды? Как мило!

Наморщив светлые брови, он задумался.

— Когда же? На последнем балу? Нет, вас там не было. И все-таки... Как ни удивительно, но я не видел вас и нынче утром во время сбора у Фос-Репоз. Готов поспорить!

— Неужели вы всех здесь знаете?

— Да! Всех без исключения! Я убежден, что нужно запоминать людей, чтобы и они помнили тебя. Таков мой принцип с самой ранней молодости. У меня отменная память!

— Великолепно! В таком случае, не станете ли вы моим проводником в высшем обществе, о котором я столь мало осведомлена? Называйте мне имена. Я сгораю от нетерпения узнать, кто эта амазонка в красном, которая появилась сразу же за собаками? Она великолепная наездница, ее не обгонит даже мужчина.

— Вы верно подметили, — смеясь, ответил незнакомец. — Это мадемуазель де Лавальер.

— Фаворитка короля?

— Ха, именно так! Фаворитка, — он согласился с чрезвычайно довольным видом, причину которого Анжелика не смогла разгадать сразу.

— Я не думала, что она такая увлеченная охотница.

— Скорее, она прирожденная наездница. С раннего детства ездил без седла на самых горячих скакунах, причем тут же пускала их в галоп. Малышка перелетала через препятствия, как пуля.

Анжелика с удивлением взглянула на собеседника.

— Похоже, вы необыкновенно близко знакомы с мадемуазель де Лавальер.

— Она моя сестра.

— Неужели?! — воскликнула пораженная Анжелика.
— Стало быть, вы...

— Маркиз де Лавальер, к вашим услугам, прекрасная незнакомка.

Он снял шляпу и игриво дотронулся роскошными белыми перьями до носа Анжелики.

Слегка раздосадованная, Анжелика отпрянула назад и поворотила свою кобылу к лощине, которая выходила в низину. Здесь, поднимаясь над лужицами стоячей воды, сгущался туман. Маркиз Лавальер поехал следом.

— Ну, что я вам говорил? — воскликнул он. — Рядом трубят рога, возвещая общий сбор. Охота закончена. Мессир дю Плесси-Бельер возьмет свой большой нож и аккуратно перережет оленю горло. Вы когда-нибудь видели, как исполняет свои обязанности наш главный ловчий?.. Зрелище того стоит. Этот щеголь так красив, элегантен и надушен, что трудно поверить, будто он умеет пользоваться даже перочинным ножом... Но ничуть не бывало! Маркиз так уверенно держит в руках острый тесак, словно он воспитывался среди живоделов на рыночной площади Аппорт-Пари.

— Филипп еще в юности прослыл прекрасным охотником на волков в Ньельском лесу, — с наивной гордостью заявила Анжелика. — Крестьяне дали ему тогда прозвище Fariboul Loupas, на местном наречии что-то вроде «волчья погибель»^[5].

— Теперь моя очередь сказать вам, что, кажется, вы необычайно близко знакомы с мессиром дю Плесси.

— Он мой муж.

— Ого! Клянусь святым Губертом^[6], вот забавно!

И придворный расхохотался. Он смеялся открыто, и все же чувствовалось, что за его непринужденным смехом кроется тонкий расчет. Жизнерадостный придворный — дорогой гость в каждом доме. Надо полагать, он репетировал свой смех столь же усердно, как репетирует роль актер Бургундского отеля^[7].

Лавальер внезапно прекратил смеяться и озабоченно повторил:

— Ваш муж?.. Значит, вы — маркиза дю Плесси-Бельер?.. Вот как! Я слышал о вас. Так это вы... о небо, стало быть, это вы вызвали неудовольствие короля?

Он смотрел на Анжелику почти с суеверным ужасом.

— Его Величество! — неожиданно воскликнул он.

И, оставив свою собеседницу на поляне, Лавальер поскакал навстречу группе, появившейся в лощине. Среди толпы придворных Анжелика тотчас узнала короля.

Его скромный костюм резко контрастировал с яркими нарядами придворных. Людовик XIV чувствовал себя комфортно только в простой, неброской одежде. Поговаривали, что, облачаясь в роскошные церемониальные наряды, государь спешит избавиться от них сразу же после окончания церемонии. На охоте, благо повод позволял, Людовик отказывался от сковывающих движения кружев и рюшей. В тот день он был в коричневом суконном костюме, скромно расшитом золотой нитью вдоль петлиц и по краю карманов. Огромные черные сапоги для верховой езды плотно облегли его ноги. Король выглядел как обычный мелкопоместный дворянин.

И все же его нельзя было ни с кем спутать. Величие жестов, врожденная грация, гордая осанка и беспристрастное выражение лица — все это придавало ему поистине королевский вид.

В руках он держал короткий деревянный шест, заканчивавшийся кабаньим копытом. Перед началом охоты его торжественно вручил Людовику главный королевский ловчий. Им пользовались в основном для того, чтобы отодвигать ветки, но согласно многовековой традиции он служил символом доблести, почетным атрибутом, игравшим особую роль в церемониале псовой охоты.

Рядом с королем скакала амазонка в красном жюстокоре. От быстрой езды ее худенькое личико оживилось и разрумянилось. Фаворитку нельзя было назвать красивой, но Анжелика разглядела в этой женщине хрупкую привлекательность и почувствовала в глубине души сострадание к ней. Не пытаясь разобраться, откуда возникло это ощущение, Анжелика решила, что хотя мадемуазель де Лавальер и добралась до вершины почестей и благ, она была неспособна защитить себя от придворных интриг. Оглядевшись по сторонам, Анжелика узнала принца Конде, мадам де Монтеспан, де Лозена, Лувуа, Бриенна, Юмьера, мадам де Рур и мадам де Монтозьё^[8], принцессу Арманьяк^[9] и герцога Энгиенского. Чуть поодаль стояли Мадам — очаровательная принцесса Генриетта, и, разумеется, Месье — брат короля, в сопровождении неизменного шеваляе де Лоррена. Остальных она увидела лишь мельком, но на всех придворных лежала печать роскоши, отменного здоровья и жадности.

Король с нетерпением смотрел на маленькую тропинку, уходившую к лесу. По ней шагом ехали два всадника. Одним из них был Филипп дю Плесси-Бельер, державший в руках позолоченный шест, увенчанный копытом лани. За время охоты его одежда помялась, парик сбился на сторону.

Но и теперь сердце Анжелики сжалось от гнева и сожаления — красив безупречно! Какой будет реакция Филиппа, когда он заметит свою несчастную жену, которую несколько часов тому назад оставил трепещущей в монастыре? Анжелика судорожно сжала поводья. Она достаточно хорошо знала своего супруга, чтобы понимать — перед королем тот не позволит себе никаких вспышек гнева. Но что ждет ее потом?

Филипп придерживал своего белого скакуна, для того чтобы не опередить спутника.

То был старик с резкими чертами лица. Его подбородок по моде прошедших лет украшал клок волос, теперь совсем седых. Он с недовольным видом вытирал пот со лба и вел коня с нарочитой медлительностью, вопреки видимому нетерпению короля.

— Старина Сальнов^[10] считает, что государь заставляет его слишком долго охотиться, — сказал кто-то рядом с Анжеликой. — На днях он жаловался, что в старые добрые времена Людовик XIII не таскал за собой такое количество бесполезных «скакунов», из-за которых охоту труднее вести, да и продолжается она дольше.

Сальнов был главным ловчим покойного короля. Он преподавал юному Людовику XIV основы увлекательного искусства охоты, и теперь пенял государю, что тот не придерживается традиционных правил. Превратить охоту в развлечение для королевского двора! Черт подери! Король Людовик XIII никогда не «обвешивался юбками», если ему приходила в голову фантазия поехать по лесам. Господин де Сальнов не упускал случая напомнить об этом своему бывшему ученику. Он до сих пор не осознал, что Людовик — уже не тот толстощекий мальчик, которого главный ловчий в незапамятные времена сам сажал на лошадь. Со своей стороны король, из вежливости и отдавая дань старой привязанности, держал слугу отца на прежнем посту. Филипп дю Плесси на деле выполнял обязанности главного ловчего, но не был назначен официально. Что и поспешил продемонстрировать: не дойдя всего нескольких шагов до короля, он вручил маркизу де Сальнову шест с копытом лани — символ почетной должности.

Затем, согласно церемониалу, Его Величество передал Сальнову шест с копытом кабана, который тот

вручил королю в начале охоты.

Охота закончилась. Король весьма сухо спросил:

— Сальнов, что собаки? Сильно устали?

Старый маркиз все еще не мог отдышаться. Впрочем, его усталость не была показной. Разбитыми выглядели все, кто принимал активное участие в охоте: и придворные, и загонщики, и слуги.

— Собаки? — Сальнов пожал плечами. — Пожалуй, устали.

— А лошади?

— Думаю, тоже.

— И все ради двух оленей, у которых толком еще и рога не отросли, — раздраженно бросил король.

Он оглядел собравшихся. Анжелике показалось, что его непреклонный, скрывавший подлинные чувства взгляд остановился и на ней, причем король как будто узнал ее. Она немного отступила назад.

— Ну что же, — произнес Его Величество, — мы будем охотиться в среду.

Наступило напряженное молчание. Казалось, все были поражены. Некоторые дамы с ужасом спрашивали себя, успеют ли они оправиться до послезавтрашнего дня.

Король повторил несколько громче:

— Послезавтра мы будем охотиться — вы слышали, Сальнов? И на этот раз мы желаем загнать оленя, на рогах которого будет десять отростков.

— Да, сир, я расслышал с первого раза, — ответил старый маркиз.

Он очень низко поклонился государю и пошел прочь; но при этом проворчал достаточно громко, чтобы слышали все приглашенные на охоту:

— Поразительно! Всякий раз спросит про усталость собак и лошадей, но никогда не спрашивает о людях...

— Месье де Сальнов! — окликнул старика Людовик.

И когда главный ловчий вернулся, изрек:

— Помните: у меня на охоте люди НИКОГДА НЕ УСТАЮТ... По крайней мере, я слышу именно это.

Сальнов еще раз коротко поклонился.

Король поехал вперед, сопровождаемый пестрой толпой придворных, которым не осталось ничего иного, кроме как отважно выпрямить спины.

Проезжая мимо Анжелики, государь придержал лошадь.

Его Величество смотрел на нее своим тяжелым непроницаемым взглядом, хотя прежде казалось, будто он ее не замечает. Анжелика не опустила головы. Она сказала себе, что никогда не трусила, так что и сегодня не даст себя смутить. Она посмотрела на короля и просто улыбнулась. Государь вздрогнул, как если бы его укусила пчела, его щеки порозовели.

— Мадам дю Плесси-Бельер, если не ошибаюсь? — громко спросил Людовик.

— Его Величество так добры, что вспомнили меня?

— Напротив, мы о вас помним, и как нам кажется, помним много лучше, чем вы о нас, — ответил Людовик XIV, призывая свое окружение в свидетели такой неучтивости и такой неблагодарности. — Ваше здоровье наконец поправилось, мадам?

— Благодарю Ваше Величество, мое здоровье всегда было отменным.

— Тогда отчего вы трижды отклонили наши приглашения?

— Сир, простите, но мне никто не сообщал об этих приглашениях.

— Вы меня удивляете, мадам. Я лично уведомил мессира дю Плесси о своем желании видеть вас на всех придворных праздниках. Сомневаюсь, чтобы он по рассеянности забыл об этом.

— Сир, наверное, мой супруг полагает, что место молодой женщины у очага, за пальцами, а

ослепительный блеск и чудеса королевского двора лишь отвлекут ее от строгого домашнего порядка.

Как по команде все шляпы с перьями вслед за шляпой короля повернулись к Филиппу, который сидел на белой лошади, превратившись в ледяную статую, олицетворявшую бессильное бешенство. Король, казалось, обо всем догадался. Людовик отличался острым умом и умел тактично находить выход из весьма щекотливых ситуаций. Он расхохотался.

— Маркиз, куда это годится! Вы ревнивы настолько, что не останавливаетесь в выборе средств, лишь бы спрятать от посторонних глаз то прелестное сокровище, которым обладаете? Поверьте, алчность завела вас слишком далеко! На сей раз я вас прощаю, но повелеваю вам радоваться успехам мадам дю Плесси. Что касается вас, мадам, то я не хочу способствовать вашему продвижению по пути супружеской непокорности, поздравляя вас с тем, что вы сочли решения мужа чрезмерно властными. Но ваше стремление к независимости мне импонирует. Итак, без колебаний присоединяйтесь к тому, что вы называете чудесами королевского двора. Я ручаюсь, что мессир дю Плесси не поставит вам это в упрек.

Филипп, со шляпой в руке, склонился в низком поклоне, выражая безропотное послушание. Вокруг себя Анжелика видела теперь только услужливые улыбки, застывшие, как маски, на лицах тех самых людей, которые несколько секунд назад сгорали от любопытства настолько жгучего, что были готовы разорвать маркизу дю Плесси в клочья.

— Примите мои поздравления! — обратилась к своей приятельнице мадам де Монтеспан. — Вы замечательно владеете искусством попадать в сложные ситуации, но также и выпутываться из них, причем самым удивительным образом. Это похоже на фокусы шутников с Нового моста. Глядя на короля, в какой-то

миг я решила, что сейчас он спустит на вас всю собачью свору. Но уже через секунду вы предстали в роли отважной жертвы, которая преодолела немыслимые препятствия, вплоть до тюремных стен, только бы любой ценой ответить на приглашение Его Величества.

— Вы даже не представляете себе, насколько близки к истине!

— Неужели? Расскажите!

— Может быть, когда-нибудь и расскажу.

— Расскажите! Этот Филипп действительно настолько ужасен? Вот досада! Такой красавец...

Анжелика прекратила разговор, пустив свою лошадь в галоп. По дороге вдоль лощины всадники с собаками и слуги спускались с холма Фос-Репоз. Рога продолжали трубить, созывая опоздавших. Вскоре лес расступился и показался перекресток, заполненный экипажами.

На опушке расположилась компания оборванных военных, тех, чей предводитель помог Анжелике и мадемуазель де Паражонк. Когда появился королевский кортеж, двое солдат, стоявших во главе отряда, один с флейтой, а другой с тамбурином, заиграли военный марш. Всколыхнулись знамена, и предводитель двинулся вперед, а за ним тронулись офицеры и все небольшое войско.

— Великие боги, — произнесла какая-то дама, — кто эти пугала в отрепьях, и как они осмелились предстать в таком виде перед королем?

— Поблагодарите Небо за то, что вам не довелось столкнуться с этими пугалами каких-нибудь пару лет назад, — воскликнул, смеясь, молодой сеньор в ярком наряде. — Это бунтовщики из Лангедока!

Анжелика остановилась, словно громом пораженная.

Имя! Имя, которое она пыталась вспомнить, разглядев в тени лесной дороги пересеченное шрамом

лицо гасконского дворянина, сейчас чуть не слетело у нее с языка: «Андижос!»

Бернар д'Андижос, тулузский дворянин, веселый прихлебатель с толстым брюхом, который разгуливал по залам отеля Веселой Науки, восхищаясь песнями и балами. Ведь именно он вихрем промчался через весь Лангедок, разжигая пламя одного из самых страшных мятежей, охватившего французские провинции.

Бывшая графиня де Пейрак вдруг отчетливо вспомнила блеклую зарю того печального утра, и еще одного товарища по некогда счастливым дням — юного Сербало. Полупьяный, он вытаскивает шпагу и кричит:

— Мадам, вы не знаете гасконцев. Я объявляю королю войну! За мной! Война королю!

А Сербало? Он тоже здесь, среди этих призраков прошлого, которое казалось Анжелике таким далеким, хотя не прошло еще и семи лет с несправедливого осуждения графа де Пейрака ^[11], которое послужило поводом для этих волнений?

— Бунтовщики из Лангедока? — жеманно повторила стоявшая рядом молодая дама. — Не опасно ли позволить им приблизиться к Его Величеству?

— Нет, не беспокойтесь, — ответил румяный молодой дворянин, оказавшийся не кем иным, как военным министром Лувуа. — Эти господа пришли, чтобы сдать. После шести лет разбоев, грабежей и кровопролитных стычек с королевскими войсками мы можем надеяться, что наша прекрасная юго-западная провинция наконец вернется в объятия короны. Но потребовалось личное вмешательство Его Величества, чтобы разъяснить сеньору Андижосу бесполезность его мятежа. Наш государь обещал бунтовщикам спокойную жизнь и полное забвение былых ошибок. Взамен они должны выступить посредниками между короной и капитулами крупных городов юга Франции. Готов

поспорить, что отныне у Его Величества не будет более преданных подданных.

— Что бы вы ни говорили, они меня пугают! — вздрогнув, сообщила жеманная дама.

Людовик спешился, и придворные поторопились последовать его примеру.

Анджос, находившийся всего в нескольких шагах от группы придворных, тоже спрыгнул с коня. Его вылинявшая одежда, поношенные сапоги, лицо, перечеркнутое свежим шрамом, резко контрастировали с блестящим обществом, двинувшимся ему навстречу. Он предстал в образе побежденного, у которого осталась лишь его честь, и потому смотрел на короля с гордо поднятой головой.

Остановившись перед государем, он решительным жестом вытянул шпагу из ножен. Придворные вздрогнули, словно в порыве защитить короля. Но тулузец воткнул шпагу в землю, с глухим треском переломил ее на две части и бросил их к ногам Людовика. Затем, сделав еще один шаг, встал на колени и поцеловал бедро короля.

— Проще есть прошлое, дорогой маркиз, — заговорил монарх, ласково положив руку на плечо бывшего мятежника. — Ошибаться позволено каждому, и подданные склонны к этому сильнее, чем короли. Благодаря помощи Всевышнего Божии помазанники могут более прозорливо управлять своим народом. Но не думайте, что это право без обязанностей, и одна из них — даровать прощение. У вас, мои мятежные подданные, хватило отваги, чтобы выступить против короны с оружием в руках, но этим вы вызываете у меня меньше возмущения, чем те люди, что находились рядом со мной, заверяя в своем почтении и преданности, между тем как я отлично знал, что они с легкостью предавали и в душе не испытывали ни подлинного уважения, ни настоящей привязанности ко

мне. Я ценю честность в поступках. Итак, поднимитесь, маркиз. Я сожалею лишь о том, что вы сломали свою славную шпагу. Мне придется подарить вам другую, ибо я назначаю вас полковником и отдаю под ваше командование четыре полка драгунов. Теперь проводите меня до кареты. Вы поедете со мной, я приглашаю вас в Версаль.

— Ваше Величество удостаивает меня великой чести, — дрогнувшим от волнения голосом сказал храбрец Андижос, — но я не посмею сесть рядом с Вами. Моя форма...

— Пусть вас это не беспокоит! Я люблю пропахшие порохом и войной формы, а ваша уже стала знаменитой. Я пожалую вам в точности такую же, и на ближайшем празднике вы появитесь в голубом жюстокоре с красной отделкой, только он будет расшит золотом, а не продырявлен пулями. Но это навело меня на мысль... Господа, — продолжил Людовик, обращаясь к придворным, — я уже давно намеревался учредить специальный наряд для тех, кто достоин особого уважения. Что вы скажете на это? Орден Голубого жюстокора! Мессир д'Андижос станет его первым рыцарем.

Придворные дружно зааплодировали в ответ. Не стоило сомневаться, что в скором времени голубые жюстокоры станут предметом всеобщего вожделения.

Бернар д'Андижос представил трех своих доверенных офицеров.

— Я распоряжусь, чтобы вашим людям был обеспечен самый радушный прием. Пусть они сегодня пируют, — и король обратился к одному из придворных: — Мессир де Монтозье, извольте позаботиться о наших храбрецах.

Все заспешили к экипажам. Охотники умирали от жажды и мгновенно раскупили прохладительные напитки: за королевской свитой всегда следовали

мелкие торговцы, прикрепленные ко двору. Наконец, пришло время трогаться. Король торопился в Версаль. Наступала ночь, слуги кругом зажигали фонари и факелы.

Анжелика, удерживая Цереру на поводу, не знала, что делать. Она еще не оправилась от пережитого волнения, вызванного появлением Андижоса и бунтовщиков из Лангедока. Слова короля и его голос — красивый голос, в котором, невзирая на молодость монарха, порой прорезались отеческие нотки, — пролились на ее испуганное и изболевшееся сердце живительным бальзамом. Его речи она приняла и на свой счет.

Нужно ли подойти к Андижосу, показать, что она узнала его? Заговорит ли он первым? Что они скажут друг другу? Между ними встанет имя. Имя, которое они никогда не осмелятся произнести. И черная тень казненного опустится на обоих, заслонив собой яркое сияние праздничных бумажных фонариков...

Какая-то карета при развороте чуть не задела Анжелику.

— Что вы тут делаете? — прокричала мадам де Монтеспан, приоткрыв дверцу. — Где ваш экипаж?

— По правде говоря, у меня вовсе нет экипажа. Моя карета опрокинулась в канаву.

— Тогда садитесь ко мне.

Чуть дальше они подобрали мадемуазель де Паражонк и Жавотту, и все направились к Версалю.

Глава 4

В ту эпоху леса почти вплотную подступали ко дворцу. Стоило выехать из густой сени деревьев, как на холме уже виднелись сверкающие в ночи высокие окна, за которыми бесчисленными звездами горели свечи.

Вокруг царила страшная суматоха. Король объявил, что не поедет в Сен-Жермен, как это было предусмотрено ранее, а намеревается провести в Версале еще три дня. Поэтому вместо того, чтобы собирать багаж, следовало устроить на ночлег Его Величество, членов его семьи и многочисленных почетных гостей, разместить в конюшнях лошадей и приготовить ужин.

Подъездной двор был настолько переполнен экипажами, охранниками и слугами, что карета госпожи де Монтеспан остановилась еще у ворот. Дамы вышли из экипажа. Атенаис сразу же «захватила в плен» веселая группа придворных, а Анжелика подошла к мадемуазель де Паражонк.

— Вам надлежит поторопиться, дабы не пропустить церемонию раздела добычи, — с глубокомысленным видом изрекла старая дева. — Ни в коем случае не опоздайте к началу церемонии.

— Но как же вы? — забеспокоилась Анжелика.

— Я собираюсь усесться на эту каменную тумбу. Только происки дьявола могут помешать какой-нибудь возвращающейся в Париж знакомой заметить меня. Ведь у меня нет королевского приглашения. Так что поспешите, красавица моя. Единственное, о чем я настоятельно вас прошу, — это заглянуть ко мне по возвращении в Париж и рассказать о тех чудесных мгновениях, которые вам суждено испытать в сиянии светила.

Анжелика обещала приятельнице рассказать обо всем, что она увидит, расцеловала ее и ушла, оставив в ночном тумане одинокую старушку в старомодной накидке с розовыми бантиками, набеленное лицо которой светилось от наивной радости — ведь сегодня ей довелось побывать так близко от королевского двора.

«В сиянии светила», — повторяла про себя Анжелика, пробираясь сквозь густую толпу.

Церемония должна была состояться в глубине построек, напротив центрального корпуса дворца, в третьем маленьком дворике, который назывался Олений двор. Несмотря на хаос, тех, кто был допущен к королевской церемонии раздела добычи, проверяли самым тщательным образом. Швейцарский гвардеец алебардой преградил дорогу Анжелике, а подоспевший церемониймейстер почтительно осведомился о ее имени. Как только она назвала свой титул, он приказал пропустить госпожу маркизу и проводил ее сквозь вереницу залов и лестниц к одному из балконов второго этажа, выходявшему на Олений двор.

Дворик был освещен множеством факелов. Фасад дворца, сложенный из розового кирпича, в причудливом танце света и тени казался охваченным пламенем. С многочисленными балкончиками, каменными арабесками, затейливыми позолоченными водостоками и вазами, он напоминал резную пурпурную шкатулку, переливавшуюся драгоценными вкраплениями.

Все было видно, как при свете дня.

Звонким пением взорвались рога.

На центральный балкон вышел король, рядом с ним появилась королева. Их окружали принцы и принцессы крови и самые высокородные дворяне.

Откуда-то из мрака ночи, со стороны холма раздался лай приближающейся собачей своры. Двое

псарей, появившихся из-за темной ограды Оленьего двора, вошли на освещенное факелами место.

Они несли невероятных размеров отвратительный сочившийся кровью сверток из свежесодранной шкуры оленя с кишками и потрохами обоих убитых животных. Вслед за тем появились доезжачие^[12] в красных ливреях со сворой голодных собак, которой они управляли с помощью длинных кнутов.

Им навстречу по пандусу спустился Филипп дю Плесси-Бельер, державший в руках шест с копытом лани. У маркиза было время, чтобы сменить свой охотничий костюм на алый мундир, полы которого украшали сорок позолоченных горизонтальных петлиц, а карманы — отделка из двадцати вертикальных петлиц. Его сапоги были из желтой кожи с алыми каблуками и такими же алыми шпорами.

— У главного ловчего ноги такие же стройные, как у короля, — заметил кто-то рядом с Анжеликой.

— Зато походка лишена грации Его Величества. Филипп дю Плесси всегда марширует.

— Не будем забывать, что он и есть маршал.

Маркиз дю Плесси внимательно следил за королем, стоявшим на балконе. Когда государь подал знак своим шестом, Филипп передал шест следовавшему за ним пажу, а сам подошел к слугам и полными пригоршнями зачерпнул кровавую липкую массу. Его роскошная шелковая одежда, отделанная кружевами и позументами, сразу забрызгалась кровью. Но красавец дворянин с бесстрастным выражением лица отнес оленьи потроха на середину двора и положил их там перед собаками, тьяканье и лай которых стали еще громче, то и дело срываясь на хриплый вой. Доезжачие удерживали собак кнутами, беспрестанно командуя:

— Назад! Назад!

Наконец король подал знак и свора была спущена. Псы с жадностью набросились на еду, щелкая грозными челюстями и сверкая острыми зубами. Было видно, что собаки, которых кормили только свежим мясом, в тот миг превратились в настоящих хищников. Тому, кто управлял ими, требовались качества настоящего укротителя диких зверей. Филипп подошел совсем близко к ревущей стае. В руках у него не было ничего, кроме тонкого хлыста. Время от времени, как бы между прочим, он небрежно хлестал им гончих, готовых затеять ссору и перегрызть друг другу глотки. И укрощенные собаки мгновенно отступали, не переставая, правда, глухо рычать. Смелость и хладнокровие главного распорядителя волчьей охоты, стоявшего в роскошных окровавленных одеждах посреди двора, его пренебрежительно вздернутый подбородок, белокурые волосы, кружева, кольца — все это добавляло дикому и жестокому спектаклю странное, но магнетическое обаяние.

Анжелика, испытывая одновременно отвращение и страстный восторг, не могла отвести глаз. Окружающие столь же заворуженно следили за жестоким зрелищем.

— Черт возьми! — проворчал кто-то гортанным голосом. — Посмотришь на него, так кажется, что он способен только грызть конфеты да расточать комплименты. Но в жизни я не встречал охотника, осмеливавшегося так близко подойти к собакам, которые делят добычу. Ведь не боится, что они нападут на него.

— Вы абсолютно правы, месье, — согласился маркиз де Рокелор, стоявший на том же балконе. — Когда вы ближе познакомитесь с жизнью королевского двора, то не раз услышите, что наш главный распорядитель волчьей охоты — один из самых странных персонажей во всей разношерстой компании.

— Охотно верю вам, месье, — ответил Бернар д'Андижос.

Тулузец, любезно поклонившись собеседнику, оказался лицом к лицу с Анжеликой. В живом свете факелов они узнали друг друга.

На ее губах промелькнула печальная улыбка.

— Tu quoque Brutus ^[13], — прошептала она.

— Значит, это и в самом деле вы, мадам, — срывающимся голосом пробормотал Андижос. — Там, в лесу, я не поверил собственным глазам. Вы? Здесь, при дворе... Вы, мадам?

— Как и вы, месье Андижос.

Он хотел что-то сказать, быть может, возразить, но промолчал. Их взгляды вновь вернулись к Оленьему двору, куда уже доставили туши двух загнанных животных. Раздавался сухой хруст костей. В каком-то варварском танце доезжачие кружились вокруг своры, щелкали кнутами и кричали:

— Улюлю!.. Улюлю! Улюлю!

— Люди сражаются, — прошептал Андижос, — ранят друг друга, убивают... их словно пожирает огонь... мятеж делается привычкой... вы уже не в силах погасить пожар... но в какой-то миг вы вдруг понимаете, что больше не знаете, откуда взялась ваша ненависть, за что вы сражаетесь... И в этот миг появился король!

Шесть лет беспощадных боев и безнадежных сражений отравили горечью по-детски жизнерадостную душу южанина. Шесть лет разбойничьей жизни, существование, как у загнанной дичи, которую преследуют по пятам и гонят по сухим землям юга Франции, по землям, на которых пролитая кровь слишком быстро высыхает и становится черной.

Мятежников отбросили к песчаным дюнам Ланд, загнали в пески, к самому морю, и когда у них уже не

осталось надежды, появился непобедимый молодой король и великодушно призвал их: «Дети мои!»

— Это великий король, — твердо сказал Андижос. — И ему не зазорно служить.

— Золотые слова, дорогой друг, — согласился подошедший к ним граф де Лозен.

Он положил одну руку на плечо Анжелики, а другую — на плечо Андижоса, просунул между ними свою веселую физиономию, с которой не сходило проказливое выражение.

— Узнаете меня? Я Антонэн Номпар де Комон де Пегилен де Лозен.

— Как не узнать? — буркнул Андижос. — Все наши первые глупости мы делали вместе. Мы много накуролесили. В последний раз, когда мы виделись...

— Да... К-хе! К-хе! — раскашлялся Пегилен. — Если мне не изменяет память, то мы, все трое, были в Лувре...

— И вы скрестили шпаги с Месье, братом короля...

— Который пытался убить присутствующую здесь даму.

— С помощью своего дорогого друга, шевалье де Лоррена.

— Меня подвиги привели в Бастилию, — сказал де Лозен.

— А меня поставили вне закона.

— Анжелика, ангел мой, а что случилось с вами после того памятного вечера?

Они оба вопросительно посмотрели на молодую женщину, но та молчала.

Маркиз д'Андижос понимающе вздохнул.

— Вот уж не думал, что мы снова встретимся, да еще при таких обстоятельствах.

— Не лучше ли встретиться вот так, чем не встретиться вовсе? — заметил неунывающий Пегилен. — Колесо судьбы продолжает вертеться. Месье стоит

всего в нескольких шагах от нас, по-прежнему нежно сжимая руку своего фаворита, но зато и мы живы... сдается мне, даже неплохо устроились. Мир прошлому, как мудро заметил сегодня Его Величество. И осторожность, друзья мои! Давайте постараемся, чтобы наша компания не привлекла взгляд хозяина этого дома, который везде склонен видеть заговор и крамолу. Осторожность и еще раз осторожность! Я вас люблю, но вынужден вас покинуть...

Приложив палец к губам, как слуга из комедии, Пегилен стал пробираться от своих старых знакомых на другой конец балкона.

На брусчатке Оленьего двора остались лишь полностью обглоданные остовы оленей. Псарь насадил на вилы кишки убитых на охоте зверей и повел за собой собак:

— Ату! Ату, взять!

Он умело направлял их к псарне.

Рога пропели конец церемонии раздела добычи и сыграли отбой.

Балконы опустели.

У входа в освещенные залы приглашенных встречал неисправимый Пегилен де Лозен. Он кривлялся, подражая ярмарочным зазывалам:

— Возрадуемся, дамы и господа. Сегодня вы присутствовали на самом потрясающем спектакле, который можно увидеть в наши дни: мессир маркиз дю Плесси-Бельер с его номером «великий укротитель». Вы вздрагивали, господа. Вы дрожали, дамы. Вы желали стать волчицами, чтобы, покоренными, припасть к его прекрасным рукам. Теперь хищники насытились, боги удовлетворены. И ничего не осталось от того оленя, который еще утром издавал победный клич в лесной чаще. Проходите, дамы и господа. Будем танцевать!

Глава 5

Но танцы не начинались, так как королевские музыканты, двадцать четыре скрипача, еще не прибыли из дворца Сен-Жермен. Вокруг большой гостиной на первом этаже разгуливали бравые парни с широченной грудью, которые дули в трубы. Этот духовой оркестр военных трубачей призван был возбудить аппетит гостей. Офицеры королевского рта распорядились внести бесчисленные тончайшие серебряные блюда, наполненные всевозможными лакомствами, благовониями, фруктами. На четырех больших столах, покрытых камчатными скатертями, уже стояли подносы. Некоторые из них были накрыты золотыми или серебряными с позолотой куполообразными крышками, а другие возвышались на небольших металлических жаровнях с углями. Один вид роскошных кушаний притягивал жадные взгляды: куропатки в желе, фазаны по-македонски, жаркое из козленка, голуби по-кардинальски, рис с ветчиной в горшочках. В центре каждого стола на огромных блюдах красовались горы фруктов, вокруг стояли многоярусные фруктошницы, заполненные фигами и ломтиками дыни.

Анжелика, профессиональным взором окинув эти гастрономические изыски, насчитала восемь антре ^[14], перемежавшихся с разнообразным жарким и салатами. Она была поражена красотой столового белья, ароматизированного мушмуловой водой, искусно сложенными салфетками самых причудливых форм. А ведь пока это лишь «простая», легкая закуска!

За столом сидели только королевская чета, Мадам и Месье. Принц Конде, перекинув полотенце через плечо, вознамерился во что бы то ни стало прислуживать королевской семье, чем вывел из себя герцога

Бульонского, главного камергера, ответственного за эту процедуру. Но он не осмелился слишком явно высказывать свое недовольство высокородному принцу.

За исключением этого инцидента, все веселились от души. Подняв крышки, гости обнаружили четыре кабаньи головы, огромные и черные, которые плавали в подливе из зеленых трюфелей и испускали божественный запах. Нашлись здесь и тетерева с красными и голубыми перьями, зайцы, начиненные укропными шариками, и столько супов, что их невозможно было все попробовать. К ужину подавали отлично подобранные молодые, но достаточно крепкие красные вина, их разносили охлажденными в глиняных кувшинах, куда затем погружали раскаленный металлический прут.

Анжелика поела жареных перепелов и салатов, которые настоятельно рекомендовал ей маркиз Лавальер, выпила стакан малинового вина. Маркиз предлагал еще и росолис, сладкий крепкий ликер, прозванный «ликером игривости». Но когда маленький паж поднес два бокала к окну, у которого они стояли и перешучивались, Анжелика ускользнула от своего кавалера.

Как только любопытство и гурманство были удовлетворены, Анжелика вспомнила о мадемуазель де Паражонк, сидевшей на каменной тумбе в ночном болотном тумане. Анжелика решила похитить для своей старой подруги какой-нибудь деликатес с королевского стола; что она весьма ловко и проделала. Спрятав в широких складках платья хлебец, обсыпанный сладким миндалем, и две отменные груши, маркиза выскользнула из дворца. Стоило ей сделать несколько шагов по улице, как она тут же наткнулась на Флипо. Он нес хозяйке накидку — тяжелый атласный плащ, отделанный бархатом, который Анжелика оставила в карете Филониды.

— Откуда ты взялся? Неужели карету починили?

— Как бы не так! Эту развалюху уже не поправить. Когда подступила ночь, мы с кучером вышли на дорогу и попросились на телегу к бочарам, которые ехали в Версаль.

— Ты видел мадемуазель де Паражонк?

— Она там, — мальчишка махнул рукой куда-то в сторону крохотных огоньков, мерцавших в темноте. — Она разговаривала с одной из ваших парижских подружек, я слышал, как та предложила отвезти ее в город в фиакре.

— Вот и хорошо. Бедная Филонида! Нужно будет подарить ей новый экипаж.

Чтобы удостовериться, что все в порядке, Анжелика попросила Флипо провести ее через невообразимое скопление экипажей, лошадей и портшезов до места, где парнишка приметил мадемуазель де Паражонк. Она заметила Филониду уже издали и в «одной парижской подружке» узнала мадам Скаррон — достойную, но бедную вдову, которая частенько появлялась при дворе как скромная просительница, надеясь получить в один прекрасный день небольшую пенсию или какую-нибудь должность, которая помогла бы ей выкарабкаться из денежных затруднений.

Обе дамы уже садились в переполненную общественную карету, занятую в основном мелким людом, в большинстве своем тоже просителями. После целого дня, проведенного в Версале, все они возвращались в город несолоно хлебавши: король объявил, что сегодня не будет рассматривать прошений. Завтра, после мессы.

Некоторые из них остались до следующего дня, устроившись на ночлег в углу двора или на конюшне. Другие возвращались в Париж, чтобы наутро, с зарей, сесть в Булонском лесу на лодку, потом идти сквозь

густой лес, и в конце концов стоять с прошением в руках в королевской прихожей.

Когда Анжелика добралась до экипажа, тот уже тронулся, и она не успела проститься со своими подругами. Две дамы отправлялись в столицу под впечатлением от дня, проведенного при дворе, где они знали всех, хотя их не знал никто. Их можно было назвать деятельными пчелами, которые кружат вокруг царственного улья и собирают мед слухов, узнавая о любом пустячном случае, происшедшем во дворце. Они знали королевский двор лучше, чем иные дамы, допущенные ко двору благодаря знатному происхождению, но пока не имевшие достаточного опыта и не посвященные в тайны сложнейшего этикета, а значит, не понимавшие, какие выгоды дает та или иная должность, кому покровительствует король или влиятельные лица.

И мадемуазель де Паражонк, и мадам Скаррон, конечно, уже знали, какое оскорбление нанес принц Конде герцогу Бульонскому, взяв полотенце, чтобы прислуживать королю. Любопытно, потребует ли герцог сатисфакции? Имел ли право монсеньор принц вести себя подобным образом, воспользовавшись своим высоким положением и славным прошлым? И столица, и двор еще долго будут об этом говорить. Филонида де Паражонк будет во всех деталях обсуждать происшедшее. Мадам Скаррон станет слушать, размышлять, но одобряет ли или осуждает — в любом случае она не произнесет ни слова. Анжелика пообещала себе как можно скорее посетить обеих приятельниц, потому что нуждалась в их советах.

Мадам дю Плесси накинула на плечи плащ и отдала прихваченные хлебец и фрукты своему лакею.

— Ну просто жуть как красиво, маркиза, — шептал парнишка, сверкая глазами. — Мы с бочарами подъехали со стороны кухонь. «Рот короля» — вот как

их называют. Да это рот самого Господа Бога! Вот что бы я сказал. Рай да и только. А как там тепло и как вкусно пахнет! Столько птиц на вертелах, голова кружится... идешь, а кругом перьев по колена... повара взбивают соусы, у них кружевные манжеты до самых пальцев, на боку шпаги, а на пузе — огромные банты, уж не знаю, зачем они там нужны... Ты только представь себе, чтобы наш мэтр Буржую так нарядился!

Если бы не личное приглашение короля, Анжелика с удовольствием последовала бы за своим слугой, чтобы посмотреть действие, которое он описывал. Глядя на первый этаж правого крыла дворца, где располагались кухни, можно было представить себе царившее там оживление, огромные раскаленные печи и жаровни, которые были выставлены даже под открытое небо и тянулись до самого южного парка.

— А вон там я видел Жавотту, — сообщил Флипо. — Она поднималась вверх, чтобы обустроить апартаменты госпожи маркизы.

— Мои апартаменты? — удивилась Анжелика.

Она еще не подумала о том, где проведет приближающуюся ночь.

— Вроде, это где-то наверху.

Длинные руки Флипо, крутившиеся, как флюгер, ткнули куда-то в черное небо, на фоне которого можно было разглядеть только ряды освещенных окон дворца.

— Там же и Ла Виолетт, камердинер господина маркиза, он сказал, что уже был наверху и разобрал постель своему хозяину. Жавотта собиралась отнести туда вашу накидку. Но сдаётся мне, она просто хотела поболтать с Ла Виолеттом.

Хлопанье кнута и громкие окрики вынудили Анжелику с Флипо отойти к парапету, окружавшему большой подъездной двор. Они увидели, как мимо проезжают фургоны и несколько фиакров, за которыми следуют две кареты. Из экипажей высыпала толпа

певчих в напудренных париках, черных сюртуках с кружевными жабо, черных чулках и ботинках с пряжками.

Всем было понятно, что прибыла королевская капелла. Затем появились музыканты с инструментами и хористы — группа подростков, закутанных до самых глаз, которыми руководил низкорослый красный от волнения господин, раздраженным тоном наставлявший своих подопечных:

— Не открывайте рта, пока мы не окажемся в безопасном тепле. Я вас отлуплю тростью, если вы хоть раз хлебнете ртом воздуха! Нет ничего опаснее для вашего голоса, чем проклятые здешние туманы.

Анжелика узнала господина Люлли, которого называли Королевским комедиантом. Она не раз слушала в Париже, как он дирижировал балетами, музыку к которым, по его утверждению, сочинял сам. Из-за того, что склочный нрав никак не соответствовал этим лирическим произведениям, ходили слухи, что он присваивает себе чужие сочинения.

— Поищи Жавотту, — велела Анжелика Флипо, — а когда найдешь, отправь ее ко мне. Или лучше вернись и проводи меня до отведенных мне покоев. Я сама боюсь здесь потеряться.

— Разве господин маркиз вам их не показал?

— Не имею представления, где находится сам господин маркиз, — сухо ответила Анжелика.

— Этот гад... — начал Флипо, у которого имелось особое мнение насчет супруга хозяйки и того, как он с ней обращался.

Хозяйка заставила парня замолчать, наградив его тумачком, но прежде чем отпустить, по привычке ощупала карманы его ливреи. Она очень любила Флипо и охотно назначила бы своим пажом, если бы он мог избавиться от жаргонных словечек, от вечно сопливого носа и отвратительной привычки «тырить по карманам»

и тащить все, что плохо лежит. Но как известно, избавиться от привычек, приобретенных в детстве, очень тяжело. Анжелика нашла в карманах сорванца табакерку, кольцо, кружевной платок и две пары стеклянных бус, о которых, должно быть, сейчас горько плакали служанки с кухни.

— На этот раз я тебя прощаю, — сказала Анжелика строго, — но не вздумай мне попасться с золотом или часами.

— Часы? Тьфу! — с отвращением воскликнул Флипо. — Не люблю я этих тварей. Смотрят на тебя и болтают без умолку, как живые.

Анжелика вернулась в зал, но царившее вокруг оживление уже не могло отвлечь ее от забот. С минуты на минуту предстояла встреча с Филиппом. Она никак не могла решить, как лучше держать себя. Показать злость? Безразличие? Готовность пойти на примирение? Она знала лишь одно: стоит ей столкнуться с ледяным взглядом маркиза, как она сразу обломает все свои ногти о гладкую стальную поверхность его негибачаго характера. До сих пор она не нащупала ни единого слабого места своего мужа.

Стоя на пороге огромных ярко освещенных залов, она поискала глазами Филиппа, но не увидела его.

Зато заметила мадам де Монтозье, сидевшую за столом в обществе других светских дам. Среди них была мадам де Рур, которую Анжелика неплохо знала, и поэтому подошла к столу, чтобы сесть и немножко поболтать. Мадам де Монтозье с укоризной взглянула на Анжелику, сказав, что за этим столом собираются лишь дамы, удостоенные чести ездить в карете королевы и есть вместе с ней. Анжелика извинилась и уже не осмелилась присесть за какой-нибудь другой

столик, чтобы не совершить новой оплошности. Она решила отправиться на поиски своей комнаты.

Первый и второй этажи дворца не предназначались для размещения придворных. Помимо королевских апартаментов, здесь находились огромные залы, чья отделка еще не была завершена. Зато под крышей, едва ли не на чердаке, располагалось множество комнат, разделенных наспех сколоченными перегородками. Эти помещения строились для челяди, но сегодня вечером ими довольствовались вельможи, радуясь тому, что им удалось обрести крышу над головой. Верхний этаж напоминал гудящий улей. Люди сновали от комнатенки к комнатенке, пробираясь сквозь беспорядочно сваленные сундуки с одеждой, которые все приносили и приносили слуги. Дамы, недовольные своими туалетами, ворчащие служанки, нагруженные огромными платьями, сбитые с толку гости бродили по коридорам, пытаясь прошмыгнуть в узкие «лазы».

Квартирмейстеры в голубой униформе заканчивали писать мелками на дверях имена гостей. За ними следовали группы взволнованных придворных, от которых слышался то шепот разочарования, то довольные возгласы.

Анжелику окликнул сообразительный Флипо:

— Эй! Сюда, Маркиза!

И презрительно добавил:

— Не слишком-то у вас разгуляешься. Тоже мне, апартаменты в королевском дворце!

Все его понятия о роскоши перевернулись с ног на голову.

К Анжелике подошла румяная от волнения Жавотта.

— Здесь все необходимое, мадам. Кажется, я ничего не упустила.

— Похоже, пришлось потрудиться, — ответила хозяйка.

Анжелика вскоре обнаружила причину смущения своей горничной: Ла Виолетт, первый камердинер ее мужа.

У крепкого жизнерадостного детины скромным было лишь имя — Ла Виолетт^[15]. Жизнерадостный, как солдат, развязный, как парижанин, хотя родом из Пуату, и рыжий, как англичанин, — вероятно, среди его предков были островитяне, владевшие Аквитанией в XIV и XV веках^[16], — при сложении портового грузчика, он отлично чувствовал себя в ливрее слуги. Проворный, быстрый, услужливый; пожалуй, порой излишне болтливый, зато всегда в курсе происходящего.

Впрочем, его словоохотливость мгновенно испарилась, стоило ему заметить Анжелику. Он смотрел на маркизу, разинув от удивления рот. Неужели именно ее всего несколько часов назад он завернул, как колбасу, и отвез добрым сестрам из монастыря Святого Августина в Бельвю?

— Да, это я, висельник! — прорычала злая Анжелика. — Сию же секунду убирайся с глаз долой, негодяй! Ты чуть не задушил жену своего хозяина!

— Го-го-го... го-госпожа маркиза, — заикался Ла Виолетт, у которого вдруг прорезался сильнейший крестьянский акцент, — я тут не виноват. Господин маркиз, он... он...

— Вон! Я тебе сказала!

И она выплеснула на слугу запас самых изошренных оскорблений, которые помнила еще с детства, проведенного в Пуату. Это оказалось чересчур для Ла Виолетта, который окончательно сник и почти дрожал, втянув голову в плечи. Он проскользнул мимо Анжелики и направился к двери, но на пороге столкнулся с маркизом.

— Что здесь происходит?

Анжелика умела держать удар.

— Добрый вечер, Филипп, — сказала она.

Маркиз смотрел на свою жену невидящим взглядом. Вдруг Анжелика заметила, что его лицо исказилось и в широко распахнутых глазах пробежала целая гамма чувств: от глубочайшего изумления до величайшего огорчения, затем появился страх, на смену которому пришло отчаяние.

Анжелика, не удержавшись, обернулась, потому что по его виду можно было подумать, что за ней появился сам дьявол. Но увидела лишь шаткую створку двери, на которой один из квартирмейстеров в голубом вывел мелом имя маркиза.

— Вот чем я вам обязан! — неожиданно взорвался Филипп и несколько раз стукнул кулаком по двери. — Из-за вас мне нанесено оскорбление... Неуважение, забвение короля... НЕМИЛОСТЬ!

— О чем вы говорите? — спросила Анжелика, испугавшись, что ее муж сошел с ума.

— Разве вы не видите, что написано на этой двери?

— Вижу... ваше имя.

— Да, мое имя! В самом деле, — горько усмехнулся дю Плесси, — мое имя. И все!

— Вы бы хотели, чтобы там было написано чье-то иное имя?

— Я хотел бы видеть то, что видел на протяжении долгих лет во всех резиденциях, где я останавливался, следуя за королем! То, что из-за вашей глупости, вашей наглости, вашего... слабоумия я сегодня не вижу. ДЛЯ... ДЛЯ!

— Для? Что вы хотите сказать?

— ДЛЯ господина маркиза дю Плесси-Бельера, — процедил Филипп сквозь зубы. От бешенства и горя он сделался мертвенно-бледен. — «ДЛЯ...» — это равносильно специальному приглашению Его Величества. Именно таким способом король выражает

свою дружбу, свое расположение, как если бы он лично встречал вас на пороге этой комнаты.

Жест, которым маркиз обвел узенькую, заваленную вещами мансарду, вернул Анжелике ее чувство юмора:

— Мне кажется, что вы придаете слишком много внимания этому вашему «ДЛЯ», — заявила она, еле сдерживая смех. — Скорее всего, обыкновенная забывчивость одного из квартирмейстеров. Давайте рассуждать здраво, Филипп. Его Величество по-прежнему испытывает к вам глубокое уважение. Разве не вам оказана честь держать «подсвечник» во время вечерней королевской аудиенции, когда наш государь будет отходить ко сну?

— Отнюдь нет, — возразил дю Плесси, — и это лишнее доказательство недовольства короля. Этой чести меня лишили всего несколько минут тому назад!

Крики маркиза привлекли в коридор постояльцев соседних комнат.

— Ваша супруга права, маркиз, — вмешался герцог де Грамон, — вы напрасно огорчаетесь. Ведь Его Величество лично сообщил вам, что просит отказаться сегодня вечером от «подсвечника», потому что ОН желает удостоить этой чести герцога Бульонского, которому пришлось во время ужина уступить свои почетные обязанности монсеньору принцу.

— Но «ДЛЯ»? Почему здесь не написано «ДЛЯ»? — закричал Филипп, снова принимаясь отчаянно колотить по двери. — Из-за какой-то бабы я могу лишиться королевской милости!

— Разве это я виновата, что тут не написали вашего проклятого «ДЛЯ»? — в свою очередь вспылила Анжелика, в которой поднялась ответная волна злости.

— Вы прогневили короля тем, что игнорировали его приглашения и вывели Его Величество из себя своими несвоевременными появлениями...

Анжелика чуть не задохнулась от возмущения.

— И вы еще осмеливаетесь попрекать меня! Да ведь именно вы... Где мои кареты, где мои лошади? Я ничего не нашла...

— Достаточно, — холодно произнес Филипп.

Он занес руку. Анжелика почувствовала, как что-то взорвалось у нее в голове, пламя свечей на секунду померкло. Она поднесла руку к щеке.

— Ну-ну! Маркиз, — вновь вступился герцог де Грамон, — не будьте таким жестоким.

Анжелика никогда не подвергалась подобному унижению. Пощечина! На глазах у слуг и придворных, пощечина, полученная во время отвратительной, непристойной семейной сцены.

Краска стыда залила ее лицо, в голове вертелась лишь одна мысль: исчезнуть, оставить Версаль — да что там Версаль, покинуть Париж! Анжелика позвала Жавотту и Флипо. Слуги вышли из комнаты как прибитые. Флипо нес сундучок со всякими мелочами хозяйки, Жавотта держала плащ.

— Правильно, — сказал Филипп, — идите и ложитесь спать, где хотите и с кем хотите.

— Маркиз! Маркиз! Не будьте таким грубым, — еще раз вмешался герцог де Грамон.

— Монсеньор, «всяк хозяин в своем доме», — возразил вспыльчивый маркиз, захлопывая дверь перед носом придворных.

Анжелика пошла сквозь разношерстную толпу под фальшивые вздохи сожаления и иронические улыбки. Внезапно ее остановила чья-то рука, высунувшаяся из-за двери соседней комнаты.

— Мадам, — сказал маркиз де Лавальер, — в Версале не сыскать дамы, которая бы не мечтала получить от супруга разрешение, данное вам. Поэтому ловите грубияна на слове и воспользуйтесь моим гостеприимством.

Анжелика резко отстранилась.

— Прошу вас, месье...

Маркиза дю Плесси хотела скрыться, и как можно скорее. Спускаясь по просторным мраморным лестницам, она вытирала слезы досады, выступавшие на глазах.

«Он просто мелочный дурак, который строит из себя вельможу... Дурак! Дурак!»

Но Филипп был опасным дураком, и она собственноручно выковала те цепи, что связали ее с ним, сама предоставила ему грозное право супруга распоряжаться своей женой. Ожесточенный, он жаждал отомстить и не ведал жалости. Анжелика чувствовала, с какой скрытой настойчивостью и с каким наслаждением муж стремится подчинить ее, унижить. Она видела только одну брешь в его доспехах: удивительное чувство, которое Филипп испытывал к королю: не страх и не любовь, но чувство исключительной верности, непоколебимой преданности. Только на этом чувстве и остается сыграть. Нужно превратить короля в союзника, получить от него должность, которая заставит Филиппа смириться с тем, что у нее при дворе есть обязанности. Поставить Филиппа перед выбором: либо вызвать недовольство короля, либо перестать мучить жену. Но найдет ли она свое счастье? То счастье, о котором, несмотря ни на что, она робко грезила в тишине Ньельского леса, когда над белыми башенками ренессансного замка поднималась полная луна... Грезила в их первую брачную ночь... Горькое разочарование! Горькие воспоминания! Она обречена на неудачи.

Анжелика начала даже сомневаться в своей привлекательности и красоте. Когда женщина не чувствует себя любимой, она сама себе не мила. Найдутся ли у нее силы, чтобы продолжить бой, в который она ввязалась? Бывшая Маркиза Ангелов отлично знала собственные слабости и недостатки. Она

могла полюбить, но могла и причинить боль. Ослепленная жаждой успеха, одержимая неистовым желанием победить свалившиеся на нее несчастья, она вынудила Филиппа уступить. Она не оставила ему выбора: ему пришлось жениться, чтобы не втоптать в грязь собственное имя и имя отца, вызвав гнев короля. Он предпочел сочетаться с ней браком, но не простил. Анжелика совершила ошибку, когда осквернила источник, из которого они оба могли утолить жажду, и теперь ее протянутая рука вызывала у Филиппа ужас.

Анжелика в унынии смотрела на свои белые руки.

— Какое пятно вы не можете смыть, очаровательная леди Макбет? — раздался у нее над ухом голос графа де Лозена.

Пегилен склонился к ее ладоням.

— Где кровь ваших преступлений?.. Какие у вас ледяные ручки, красавица моя! Что вы делаете здесь на лестнице, на сквозняке?

— Сама не знаю.

— Вы чувствуете себя одинокой? С такими восхитительными глазами? Это непростительно. Пойдемте ко мне.

Их окружила стайка дам, среди которых находилась и мадам де Монтеспан.

— Мессир де Лозен, мы вас искали. Сжальтесь над нами.

— О, в мое сердце легко заронить зерна жалости. Чем могу быть полезен вам, милые дамы?

— Устройте нас на ночлег. Говорят, король позволил вам построить где-то неподалеку особняк. Для нас не нашлось места во дворце, мы не имеем права даже на каморку в прихожей королевы.

— Но разве вы не фрейлина королевы, как мадам де Рур и мадам д'Артини?

— Так оно и есть, но наши комнаты заняли художники, которые будут расписывать плафоны ^[17] изображениями Юпитера и Меркурия. Так что нас выгнали вон боги...

— Ну что же, не стоит огорчаться. Я провожу вас в мой особняк.

Они вышли на улицу. Туман становился все плотнее, принося с собой запахи близкого леса.

Лозен позвал лакея с фонарем и повел дам к подножию холма.

— Мы пришли, — граф остановился перед грудой белых камней.

— Пришли? Вы шутите?

— Это мой особняк. Вы правы, король приказал мне его построить, но пока заложен лишь первый камень.

— Вы скверный шутник! — прошипела взбешенная Атенаис де Монтеспан. — Заставили нас промерзнуть до самых костей, пробираясь через строительный мусор...

— Осторожнее, не упадите в яму, — любезно предупредил Пегилен, — здесь перекопали груды земли.

Мадам де Монтеспан повернула назад, ко дворцу. Она то и дело спотыкалась и в конечном счете вывихнула себе лодыжку. Атенаис вновь разразилась проклятиями и осыпала ими графа всю оставшуюся дорогу, используя при этом эпитеты, смутившие даже солдат караульной службы.

Пегилен весело хохотал до тех пор, пока не услышал оклик маркиза де Лавальера, который мимоходом крикнул, что Пегилен опаздывает к «подаче сорочки». Король уже удалился в свои покои, и все дворяне обязаны присутствовать на «вечерней аудиенции», во время которой первый камердинер государя передает ночную сорочку главному камергеру, который лично наденет ее на Его Величество. Граф де

Лозен спешно покинул «своих» дам, напоследок сообщив, что он все же готов оказать им гостеприимство и предлагает пройти в его комнату, расположенную «где-то там наверху».

И четыре молодые женщины, за которыми следовала Жавотта, вернулись под крышу дворца, где, по выражению мадам де Монтеспан было тесно настолько, что «стены трещали».

Немного проплутав, они нашли почетную надпись на маленькой низкой двери:

«ДЛЯ графа Пегилена де Лозена».

— Счастливец Пегилен! — вздохнула мадам де Монтеспан. — Он валяет дурака, а король по-прежнему благоволит к нему. И все при таком ничтожном росте и такой посредственной мордашке.

— Он компенсирует оба дефекта двумя замечательными качествами, — вступила в разговор мадам де Рур. — Во-первых, острый ум, а во-вторых — не знаю, как он этого добивается, но дама, проведенная с ним ночь, уже никогда сама не променяет графа ни на кого другого.

Того же мнения, безусловно, придерживалась и юная госпожа де Рокелор, которую дамы застали в комнате Пегилена в весьма откровенном виде: служанка только что надела на хозяйку рубашку из линона, расшитую тончайшими кружевами. Рубашка явно предназначалась для того, чтобы не скрывать, но подчеркивать все прелести красавицы. После минутного замешательства мадам де Рокелор взяла себя в руки и любезно объявила, что если мессир де Лозен предложил своим подругам укрыться у него в комнате, то она не вправе отказывать им в гостеприимстве. В столь исключительных обстоятельствах, как ночлег в Версале, следует помогать друг другу.

Мадам де Рур была в восторге, получив неопровержимое доказательство своей давнишней догадки, что мадам де Рокелор — любовница Пегилена.

Комната была небольшая, со слуховым окном, выходящим в лес. Ее почти полностью занимала постель с пологом, которую как раз стелили слуги. Когда в комнатку вошли дамы, там стало негде повернуться. К счастью, при всей убогости помещения, здесь было тепло, и в маленьком камине весело трещал огонь.

— Ну что же, — сказала мадам де Монтеспан, снимая грязные ботинки, — давайте немного отдохнем от этого проклятого Пегилена.

Она скинула также свои промокшие чулки, и остальные последовали ее примеру. Все четверо, несмотря на огромные юбки, уселись прямо на пол, протянув свои красивые ножки к огню.

— Может, нам полакомиться жареными сухариками? — предложила Атенаис.

Они тут же отправили на кухню служанку, которая вернулась в сопровождении поваренка в белом колпаке. В одной руке он нес корзину с тестом, а в другой держал длинную вилку с двумя зубцами. Вместе со своей утварью он устроился у очага. Мадам д'Артини достала из поясной сумки маленький плюшевый коврик и колоду карт, которую она принялась быстро тасовать.

— Вы будете играть? — спросила она госпожу де Рур.

— С удовольствием.

— И вы, Атенаис?

— У меня не осталось ни единого су. Вчера у мадам де Креки я проигралась в пух и прах.

Анжелика тоже отказалась от игры. Она хотела поболтать с мадам де Монтеспан. Мадам д'Артини настаивала: чтобы составить партию, нужны четверо

игроков. За неимением лучшего в игру приняли одного из слуг и поваренка.

— Я совсем не умею играть в карты, прекрасные госпожи, — застенчиво сказал мальчишка.

— Тогда давайте сыграем в кости, — предложила графиня, беря стаканчик с костями.

— А у меня, госпожа графиня, нет денег, чтобы их проигрывать, — сообщил хитрый слуга.

Мадам д'Артини бросила обоим слугам кошель, извлеченный из недр ее бездонной поясной сумки.

— Вот вам для начала. И не растягивайте рот до ушей. Я отыграю у вас все эти деньги за несколько бросков.

Игроки начали бросать кости. Поваренок держал в одной руке игральный стаканчик, а в другой вилку с сухариком.

Граф де Лозен вернулся с одним из своих приятелей, который стал играть вместо слуги. Лозен и госпожа де Рокелор отправились в постель. Как только они задернули полог, о них больше никто не вспоминал.

Анжелика брала кончиками пальцев обжигающие сухарики и меланхолично грызла их, думая о Филиппе. Как его укротить, как победить или, по крайней мере, как ускользнуть от его преследований, не позволить сломать с таким трудом восстановленную судьбу?

Она вспоминала советы вора-философа, Деревянного Зада, когда, сидя в своем логове на деревянном поддоне, безногий бандит поучал ее: «Не позволяй Весельчаку подчинить себя, или ты умрешь... Ты умрешь иной смертью, худшей, чем настоящая смерть, ты потеряешь себя».

Но разве можно сравнивать грубого Весельчака с изысканным маркизом? Неожиданно Анжелика спросила себя: кто из них опаснее? Может случиться, что однажды глупые выходки супруга, вроде похищения лошадей и карет, станут более

изоощренными и страшными. Филипп знал самые ее уязвимые места: сыновья и свобода. А если ему придет в голову жестокая фантазия мучить Флоримона и Кантора, как уже один раз он это делал? Как защитить детей? К счастью, сейчас оба мальчика находились в Монтелу, под надежным кровом, и с наслаждением носились по окрестностям Пуату с маленькими деревенскими сорванцами. Покуда их судьба не должна беспокоить Анжелику. Она сказала себе, что глупо мучиться из-за воображаемых ужасов, ведь сегодня — ее первая ночь при дворе в Версале.

Огонь становился все жарче. Анжелика попросила Жавотту подать дорожный несессер и достала два каминных экрана из изящно декорированного пергамента. Один из них маркиза предложила прекрасной мадам де Монтеспан, которая восхищенно разглядывала отделанный золотом сундучок из красной кожи с подкладкой из белого дамаста. Внутри него обнаружилось множество отделений, в которых лежали маленький подсвечник из слоновой кости, мешочек из черного атласа с десятью восковыми свечами, подушечка для булавок, два маленьких круглых зеркала и одно побольше — овальное, в оправе, с инкрустацией из жемчуга, два кружевных чепца и ночная сорочка из тончайшего полотна, а также золотой футляр с тремя гребнями и футляр для щеток.

Щетки, инкрустированные белым и красным перламутром и украшенные золотыми арабесками, были подлинными шедеврами.

— Я заказала себе щетки из панциря черепах, которых ловят в теплых морях, — объясняла Анжелика, — а не из коровьих или, того хуже, ослиных копыт.

— Сразу видно, — с завистью вздохнула маркиза де Монтеспан. — Ах! Все бы отдала, лишь бы стать обладательницей таких же прелестных вещиц! Но что говорить, я и так чуть не заложила свои драгоценности,

чтобы выплатить последний карточный долг. Хорошо еще, что я этого не сделала. Как бы я тогда появилась сегодня в Версале? Месье де Ватадур, которому я должна тысячу пистолей, подождет. Он порядочный человек.

— Но вы же получили место фрейлины королевы! Разве эта должность не приносит доход?

— Пф-ф! Не доход, а слезы! Я вдвое больше трачу на туалеты. Только представьте, две тысячи ливров ушли на костюм, в котором я танцевала в балете «Орфей»^[18] — это сочинение месье Люлли. Его недавно ставили в Сен-Жермен. Ах! Это было восхитительное зрелище. Но особенно удачным получился мой маскарадный костюм. Впрочем, балетный не хуже. Я представляю нимфу, у моего платья необыкновенная отделка, которая изображает водные растения. Король, разумеется, представлял Орфея. Мы с ним открывали балет. Бенсерад отметил это в своей хронике. А еще о нас написал поэт Лоре.

— Сейчас много говорят о внимании, которое уделяет вам король, — заметила Анжелика.

Чувства, которые мадам де Монтеспан внушала Анжелике, трудно было назвать искренне теплыми. Маркиза дю Плесси немного завидовала подруге, хотя в привлекательности обеих обнаруживались сходные черты: они принадлежали к древним благородным семьям Пуату, у обеих был веселый нрав, гордая походка, плавная речь. Но рядом с Атенаис Анжелика, обычно непосредственная в общении, смущалась, говорила себе, что «стоит на одну ступеньку ниже», и предпочитала молчать. Мадам дю Плесси отдавала дань искусному красноречию мадам де Монтеспан: самые нелепые мысли она преподносила столь безупречно, таким прелестным языком, что все попадали под ее обаяние. Красноречие урожденной Мортемар, не

лишенное известной простоты и при этом отличавшееся безусловным изяществом, неизменно вызывало восхищение, хотя Атенаис порой высказывала самые циничные мысли. Это был особый семейный дар, который называли «остроумием Мортемаров».

Обе сестры мадам де Монтеспан, мадам де Тианж и Мари-Мадлен, очаровательная аббатиса Фонтевро^[19], и ее брат, герцог де Вивонн, искусно владели этим языком. Многие опасались Мортемаров, однако не переставали восторгаться их речами.

Семья Мортемар де Рошешуар принадлежала к высшей знати. Анжелика де Сансе, чей род, как полагалось, был внесен в гербовник провинции, не могла не восхищаться историей одного из самых знатных домов Пуату. Некогда король Эдуард Английский отдал в жены сеньору Мортемару свою дочь. Крестным отцом и крестной матерью нынешнего герцога де Вивонна были король и королева-мать.

В голубых глазах мадам де Монтеспан сверкала фамильная гордость. Глядя в них, нельзя было не вспомнить несколько безумный девиз рода Мортемаров:

*С тех пор как зародился океан,
Ведет свой род семья Рошешуар.*

Но это не помешало Атенаис явиться в Париж практически без денег, с одной лишь старой каретой. История ее брака стала историей бесконечных денежных затруднений. Молодая женщина, отличавшаяся небывалой гордостью и более чувствительная, чем кто-либо мог предполагать, очень страдала от вечной нехватки средств и порой даже плакала.

Анжелика, как никто другой, знала, сколь унижительны трудности, с которыми сталкивается

знаменитая мадам де Монтеспан, потому что не раз успокаивала вспыльчивых кредиторов, ссужая необходимую сумму, которую не надеялась вернуть, как не надеялась и услышать слова благодарности. Но это не мешало Анжелике испытывать несомненное удовольствие, превращая Монтеспанов в своих должников. Она порой размышляла об их странной дружбе, отлично понимая, что в сущности Атенаис весьма неприятная особа и что из элементарной предосторожности имеет смысл держаться подальше от этой землячки. Но жизненная сила Атенаис притягивала Анжелику. Странное чутье всегда влекло ее к людям, «обреченным» на успех. А мадам де Монтеспан относилась именно к таким персонам. Ее амбиции были столь же необъятны, как море, раньше которого появилась их семья, так что безопаснее держаться на ее стороне и позволить волнам нести себя, чем противостоять мощнейшему встречному течению.

Со своей стороны Атенаис находила удобным во всех отношениях иметь щедрую подругу с солидным состоянием, основанным на удачной коммерции, подругу, которую можно принимать без малейшего ущерба для себя. Несмотря на красоту, Анжелика не могла затмить Атенаис.

Услышав намек на милость короля, мадам де Монтеспан несколько расслабилась, и ее лицо, на котором в тот вечер лежала печать серьезной заботы, вновь стало умиротворенным.

— Королеве скоро рожать, а мадемуазель де Лавальер недавно забеременела. Сейчас самый удачный момент, чтобы привлечь внимание короля, — сказала Атенаис, сверкая улыбкой, в которой, как обычно, чувствовалась затаенная злоба. — Ах! Анжелика, вы заставляете меня говорить и, более того, думать о таких вещах! Я умру со стыда и горя, если

король пожелает сделать меня своей любовницей; я не осмелюсь предстать перед королевой, ведь она такая добрая женщина.

Но Анжелика не дала себя обмануть. Она не верила этим преисполненным добродетели протестам. Некоторые черты характера Атенаис удивляли Анжелику, которая каждый раз не могла разобраться, что это — лицемерная ложь или искреннее чувство. Следует заметить, что легкомысленной Монтеспан была свойственна крайняя набожность. Фрейлина не пропускала ни единой мессы, ни единого богослужения, и королева без устали повторяла, что наконец-то счастлива появлению единомышленницы.

— А помните, — смеясь, воскликнула Анжелика, — как мы вместе с Франсуазой Скаррон ходили к прорицательнице Монвуазен? Кажется, вы уже тогда хотели узнать, сумеете ли влюбить в себя короля...

— Легкомысленные забавы! — маркиза махнула рукой, будто снисходительно насмехаясь над собственными капризами. — Тогда я еще не попала в свиту Ее Величества и искала любой способ зацепиться при дворе. Лавуазен наговорила нам столько глупостей...

— Что нас всех полюбит король!

— Даже Франсуазу!

— Да еще как! У меня отличная память: судьба Франсуазы должна стать самой блистательной. Король женится на ней!

Молодые женщины дружно расхохотались.

— Франсуаза Скаррон!.. Королева Франции!

Игроки тоже от души веселились. Кости гремели в стаканчике, звенели экую, которые выигравшие опускали в свои кошельки. Поваренок так увлекся, что сжег сухарики.

Анжелика подложила в камин полено.

— Я видела Франсуазу сегодня вечером. Она уезжала из Версаля после целого дня бесплодных ожиданий. Ей так и не удалось вручить очередное прошение королю. Бедняжка Франсуаза!

— Она совсем не знает меры, везде ходит со своими прошениями. Во вторник она была в Сен-Жермене. Король повернулся к ней спиной, я услышала, как он сказал герцогу Сент-Эньяну: «О мадам Скаррон просто невозможно забыть; когда она прекратит меня преследовать?»»

— Как хорошо, что его слова не долетели до ушей несчастной просительницы!

— Пустяки! Даже если до ее ушей долетит самая отвратительная реплика, это не помешает ей ходить и просить. Я отлично знаю Франсуазу, ничто не сломит ее настойчивости. Вот уже два года, как она тщетно обивает пороги королевских дворцов. И знаете, к чему это привело? К тому, что она стала появляться все чаще и чаще. Ее скоро начнут путать с персонажами гобеленов, украшающих Сен-Жермен, Версаль или Фонтенбло.

— Еще один способ добиться, чтобы тебя заметили. У Франсуазы красивые глаза, превосходный цвет лица, самые очаровательные в мире манеры и осанка.

— Она слишком чернявая, вы не находите? Но признаю, что она любезна, в чем-то талантлива. Она вполне заслуживает какой-нибудь скромной должности при дворе. Редко можно встретить такую прекрасно воспитанную особу, и при этом такую изворотливую.

«Да... бедность учит изворотливости», — подумала Анжелика.

Атенаис де Монтеспан произнесла этот короткий панегирик своей бывшей подруге по пансиону Франсуазе д'Обинье лишь для того, чтобы вернуться к собственной блистательной персоне.

— Как я несчастна! — внезапно вздохнула она. — Представьте себе, я должна тысячу восемьсот ливров каретнику, который выполняет для меня еще и шорные работы. Это он сделал мне последнюю конскую сбрую. Вы обратили внимание, какая отличная выделка кожи? Я хотела ее позолотить, потому что она похожа на вышивку. Просто чудо!

— Тысяча восемьсот ливров...

— Ну, не такой уж огромный это долг! Я пропустила бы мимо ушей жалобы месье Гобэра и попросила бы его подождать, как других мастеров: портного, белошвейку, ювелира. Но этот несносный Пардаян, мой муж, некстати вмешался в мои дела с мастером Гобэром и пообещал ему отдать мои серьги с тремя гроздьями, украшенными тремя крупными бриллиантами. Я так ими дорожу! Если завтра я не заплачу по счету, то потеряю свое украшение! Случалось ли вам видеть, чтобы муж до такой степени неловко и неосмотрительно вступал в дела жены? Да у него у самого деньги из рук рекой текут... Он играет! Играет! А я не могу наставить его на путь истинный. К тому же его чудачества... Иногда меня охватывает страх при мысли о том, что я окончу жизнь, как тетка Бельгард, — вы знаете про герцогиню? Она из семьи Пардайана, не моей, хочу это подчеркнуть. Муж неожиданно стал ее ревновать. Ему семьдесят пять лет, а ей — пятьдесят пять. Так вот: он запер ее в своем замке, лишил всего необходимого, ей даже приходится резать простыни, чтобы сшить себе рубашки! Вот что меня ожидает оттого, что я имела неосторожность согласиться на этот брак. Во всех этих Пардаян де Монтеспан есть нечто странное. А знаете, что написала в своем завещании прабабка Луи Анри? Она не любила своего третьего сына — того, кто сейчас архиепископ Санса. Вообразите, она оставила ему в наследство «от самого чистого сердца» ровно пять экю «в память о

пяти ранах Спасителя Нашего Иисуса Христа». Согласитесь, что подобную шутку трудно проглотить, даже стоя на краю еще открытой могилы, даже будущему епископу... Впрочем, он не менее эксцентричен, чем его мать. Этот дядя Луи, архиепископ Санса, — сущее наказание. Он постоянно упрекает меня в «легкомыслии». А сам-то не слишком строгих нравов. Про него говорят, что он заставляет других искупать свои собственные грехи... Представляете, в окружении каких сумасшедших проходит моя жизнь? Но думаю, дорогая, что вам не намного легче, чем мне. Эта шутка с каретами, которую сыграл с вами ваш муж, совершенно в духе моих драгоценных родственничков. Наверное, это одна из самых забавных шуток, о которых я слышала.

— Я бы тоже посмеялась этой шутке, если бы оказалась на месте тех дам, которым вы станете ее рассказывать завтра, — с горечью воскликнула Анжелика.

— Не считайте меня настолько болтливой. Я никому ничего не скажу. А жаль! Королевский двор даже представить себе не может красавчика Филиппа в роли ревнивого мужа... Какой неприятный сюрприз!

Анжелика, чья щека еще горела от пощечины, полученной от Филиппа, не находила истории мадам де Монтеспан веселыми. Зато выражение ее лица, по всей видимости, вернуло хорошее настроение лукавой Монтеспан.

— Но вам-то не о чем печалиться, ведь вы удерживаете своего Филиппа иными средствами, чем супружеская привязанность. Скажем так: позволяете ему без меры черпать из ваших сундуков.

При дворе Анжелика хотела быть маркизой дю Плесси-Бельер и никем иным. Намек мадам де Монтеспан на ее коммерческую деятельность заставил Анжелику заскрежетать зубами.

— Конечно, вас ничего не волнует, кроме себя самой, и вам совершенно безразлично, позволю я запереть себя или нет, — с досадой воскликнула Анжелика. — Однако сейчас самое время понять, что вместе со мной вы тоже рискуете многое потерять. Если бы вы были умнее, то помогли бы мне закрепиться при дворе, например указали бы на какую-нибудь вакантную должность, которую я могла бы купить.

Атенаис воздела руки к небу.

— Бедняжка, что вы только говорите! Вакантная должность при дворе? С тем же успехом можно искать иголку в стоге сена. Здесь каждый только и мечтает о какой-нибудь должности, и, увы, золото не помогает.

— Но ведь вы приобрели для себя должность фрейлины королевы.

— Меня назначил сам король. Мне часто удавалось его рассмешить, когда он приходил к мадемуазель де Лавальер. Его Величество решил, что я смогу развлечь и королеву. Король очень внимателен к своей супруге. Он был настолько заинтересован в моем присутствии рядом с Ее Величеством, что деликатно внес деньги за мою должность, ведь я сама никогда бы не смогла за нее заплатить. Если нужна поддержка, то это должна быть поддержка короля! Давайте подумаем: к кому вы могли бы обратиться? Или еще лучше — создайте что-нибудь при вашем непосредственном участии и представьте запрос Его Величеству. Ваше предложение будет рассмотрено Высшим Советом. Если вам удастся зарегистрироваться в Парламенте, вы получите место.

— Это все очень сложно и долго. Что значит «при вашем непосредственном участии»?

— Ну, точно не знаю... Здесь требуется немного воображения. Вот недавний пример. Я слышала, что месье дю Лак, дворецкий маркиза де Лавальера, объединился с Колленом, камердинером герцогини, чтобы просить милости взимать налоги в два су с

каждого арпана земли^[20] на пустырях между Мёдоном, Сен-Клу и хутором Шани близ Версаля. Идея гениальная, потому что раз король благоволит к этому краю, то здесь очень скоро начнут скупать участки. А кто точно знает, что означают эти самые «пустыри»? Прощение поддержала сама мадемуазель де Лавальер, и король незамедлительно его подписал. Он никогда ни в чем ей не отказывает. Парламенту оставалось лишь утвердить решение государя. И вот два ничтожества, наделенные такой привилегией, со дня на день раздуются от эю. А во всем виновата наша фаворитка, которая столь трепетно заботится о челяди! Она не умеет говорить «НЕТ». Король уже тяготится толпами просителей, которых она к нему направляет. Конечно, первый среди них — ее брат-маркиз. Вот у кого настоящий талант к попрошайничеству. Вы могли бы проконсультроваться с ним. Он охотно посоветует вам что-нибудь дельное, тем более что, как я заметила, вы ему небезразличны. А я могу представить вас королеве. Поговорите с ней. Может быть, у вас получится вызвать ее симпатию.

— Это было бы замечательно! — воскликнула Анжелика. — Обещаю вам, что я найду в своих сундуках кое-что, чтобы уgomонить вашего каретника.

Маркиза де Монтеспан не стала скрывать своей радости.

— Договорились. Вы просто ангел! Но могли бы стать архангелом, если бы ко всему прочему подарили мне попугая. Да, одну из этих огромных птиц с островов, где вы ведете торговлю... Такую птичку с красными и зелеными перьями... Ах! Как я мечтаю о попугае!

Глава 6

Как только стало светать, мадам де Монтеспан зевнула и потянулась. Она еще немного поболтала с Анжеликой, перескакивая с одной темы на другую. Неудобство комнаты так и не дало им толком прилечь, чтобы хоть немного отдохнуть.

Поваренок похрапывал, прислонившись к камину. Мадам д'Артини исчезла. Мадам де Рур и молодой человек, бывший ее партнером по игре, тихо беседовали, устроившись рядышком на плиточном полу. Судя по всему, это было не началом любовной интриги, а какими-то деловыми расчетами. До Анжелики то и дело долетали обрывки их разговора: «расходы... продажа с торгов... доля... прибыль».

За пологом огромной кровати, просыпаясь, прильнули друг к другу сонные любовники, а затем послышалось их нежное щебетание.

— Думаю, мне пора спуститься к покоям королевы, — сказала Атенаис. — Скоро Ее Величество позовет своих фрейлин, и я одной из первых пойду вместе с ней к мессе. Вы пойдете со мной?

— Наверное, сейчас не слишком подходящее время для того, чтобы быть представленной Ее Величеству?

— Конечно, нет! Я подожду, пока мы вернемся из часовни. Но вы должны находиться где-то поблизости. Для начала я покажу вам самые удобные уголки, где вы сможете при любых обстоятельствах увидеть Их Величеств и по возможности устроить так, чтобы увидели вас. Это тонкое искусство. Спускайтесь со мной. Я покажу вам, где находится туалетная комната, примыкающая к апартаментам королевы. Фрейлины могут воспользоваться ею, чтобы привести себя в

порядок и поправить прическу. У вас есть другой наряд, кроме охотничьего жюстокора?

— Да, в сундуке. Но для этого надо изловить моего мальчишку-лакея и отправить его за этим сундуком в комнату мужа.

— Утром наденьте что-нибудь скромное. После мессы король принимает просителей, а потом в сопровождении министров удаляется работать. Сегодня вечером, насколько я помню, намечаются комедия и небольшой балет. Вот тут вы можете появиться в самых роскошных драгоценностях. А теперь пойдем.

За стенами комнаты царили холод и сырость. Мадам де Монтеспан спускалась по лестнице, не обращая внимания на сильнейший сквозняк, обдувавший ее прекрасные обнаженные плечи.

— Неужели вам не холодно? — спросила Анжелика.

Атенаис беззаботно махнула рукой. Она обладала необходимой для придворных выносливостью, чтобы стоически переносить любые неудобства: и холод, и жару. Порой в огромных залах дворца гулял ледяной ветер, а иногда люди задыхались в чаду бесконечного множества свечей. Она привыкла к усталости от долгого стояния на ногах, привыкла к бессонным ночам и тяжести роскошных одеяний, украшенных золотым шитьем и драгоценностями.

Выносливый организм, постоянное движение и, прежде всего, отменная еда позволяли представителям высшего света почти не мерзнуть. Они не считали подобный образ жизни чем-то выдающимся и с радостью переносили все бытовые неудобства.

Но Анжелика, как человек, когда-то страдавший от голода, плохо переносила холод и не могла обойтись без теплой накидки. Накидок у нее было множество, все — редкой красоты. Та, в которую она закуталась сегодня, была сшита из бархатных и атласных

прямоугольников голубовато-зеленого цвета и великолепно подходила к ее глазам. Отделку капюшона из венецианского кружева можно было опускать на лицо, чтобы при случае сохранять инкогнито.

Мадам де Монтеспан оставила свою приятельницу у входа в пиршественный зал. Казалось, в огромном дворце все спали, за исключением застывших, словно статуи, швейцарских гвардейцев, которые с алебардами в руках несли круглосуточный караул в своих костюмах с огромными накрахмаленными воротниками. Дневной свет потихоньку разгонял мрак, окутывавший многочисленные залы. Галереи и вестибюли выплывали из темноты, напоминая огромные сказочные пещеры, в глубине которых угадывалось мерцание золота и зеркал.

Почти все свечи потухли.

— Я покидаю вас, — прошептала фрейлина королевы, очарованная торжественной тишиной, столь редкой в этих покоях. — Вот небольшой будуар, где вы сможете пока посидеть. Придворные, которые должны присутствовать на утреннем выходе короля, сейчас появятся. Его Величество рано встает. Мы скоро увидимся.

Она ушла, и Анжелика открыла скрытую гобеленом дверцу, на которую ей указала Атенаис.

— Ах, простите! — воскликнула Анжелика и тут же закрыла дверь.

Не стоило надеяться, что такой укромный уголок, тем более с диваном, не окажется занят какой-то влюбленной парочкой.

«Забавно, — подумала Анжелика, — никогда бы не подумала, что мадам де Субиз может похвастаться великолепной грудью. Она скрывает и свои утехы, и свою красоту».

Надо ли говорить, что ее кавалером был отнюдь не господин де Субиз. В этом Анжелика даже не

сомневалась. В Версале охотно закрывали глаза на внебрачные связи, в то время как супружеская привязанность считалась проявлением мещанства и могла шокировать кого угодно.

Анжелике не оставалось ничего иного, как медленно пойти вдоль анфилады огромных и пустынных залов.

В первом же помещении она остановилась. Это был Ионический зал, названный так благодаря двенадцати колоннам, поддерживавшим карниз. Уже почти рассвело. Госпожа дю Плесси могла рассмотреть изящные белые волюты^[21], катившиеся по фризу, как тихие волны по бескрайнему темному океану. Потолок, украшенный золотыми и эбеновыми кессонами^[22], еще скрывала ночная тень. Из полумрака проглядывали хрустальные подвески люстр, казавшиеся волшебными сталактитами, подвешенными на невидимых нитях. В настенных зеркалах уже отражался, играя, зарождавшийся золотой свет дня.

Анжелика прислонилась к мраморной колонне и посмотрела в окно. Ночь ушла из парка. Песчаная терраса у подножия дворца, свободная от каких бы то ни было излишеств, поражала чистотой крупнозернистого песка. Чуть ниже еще плавали клочья тумана, окутывая высокие строго подстриженные грабы, и эта парковая архитектура рождала на открывающихся просторах таинственный город призраков с белыми стенами, бесконечными узорными партерами^[23], с водоемами, наполненными черной и зеленой водой, по которой скользили гордые лебеди.

Поднявшееся солнце отразилось в убегающей вдаль водной глади, и оба водоема террасы — фонтан Латоны^[24] и фонтан Аполлона — заблестели, как серебряные диски, а за ними сверкнул золотом крест Большого канала. Дальше, насколько хватало глаз,

тянулись уже совсем иные воды — стоячие, мертвые, дикие огромные болота, обитель серых уток и уток-мандаринок.

— О чем размечталась, Маркиза?

Голос звучал очень тихо, а его обладатель остался невидимым. Обескураженная Анжелика огляделась вокруг, и у нее возникло странное ощущение, что к ней могла обратиться только мраморная статуя, стоявшая напротив.

— Ну, так о чем вы мечтаете, Маркиза?

— Кто вы?

— Я Аполлон, бог красоты, я — тот, кому вы любезно составили компанию в столь ранний утренний час.

Анжелика молчала.

— Прохладно, не так ли? У вас хотя бы есть накидка, а я, увы, совсем наг. Знаете ли, мраморное тело — это так холодно!

Анжелика вздрогнула, заглянула за статую, но никого не обнаружила. Тут ее внимание привлекла груда разноцветных тряпок на полу, у самого цоколя скульптуры. Она наклонилась, протянула руку — и в ту же секунду груда одежды взвилась в воздух, сделала замысловатый пируэт и перед изумленной Анжеликой оказался карлик. Он сразу отбросил капюшон, скрывавший его лицо.

— Баркароль! — воскликнула Анжелика.

— Всегда к вашим услугам, Маркиза Ангелов.

Карлик королевы склонился в глубоком поклоне. Он был не выше семилетнего ребенка. Глядя на его уродливое коренастое тельце, посаженное на крошечные кривые ноги, люди невольно забывали о красоте его умного лица. На голове Баркароля красовалась шляпа из темно-красного атласа,

украшенная медалями и бубенчиками. Его камзол и жюстокор тоже были из темно-красного и черного атласа, но без бубенчиков или иных украшений. Рукава заканчивались кружевными манжетами, а на боку висела миниатюрная шпага.

Анжелика очень давно не видела своего старого друга. Она сочла, что карлик выглядит как истинный дворянин, о чем и не преминула сообщить.

— Ты действительно так считаешь? — спросил весьма польщенный Баркароль. — Будь я другого роста, думаю, я дал бы фору любому из этих красавцев сеньоров, что щеголяют при дворе. Эх! Если бы наша добрая королева разрешила снять бубенчики со шляпы, я был бы на седьмом небе от счастья. Но она говорит, что в Испании все шуты носят колокольчики, и когда она не слышит их веселого перезвона, ей становится совсем грустно. К счастью для меня и двух моих товарищей, у нас появился неожиданный союзник: сам король. Он нас терпеть не может. Как придет в покои королевы — сразу выгоняет нас тростью. Мы убегаем, по дороге делаем разные прыжки и сальто, а бубенчики оглушительно звенят. При любой возможности, пока король с королевой беседуют или даже в более деликатных ситуациях, мы со всей мочи трясем побрякушками, а государь злится. В конце концов королева это заметила. Теперь она только вздыхает и не говорит ни слова, когда мы не пришиваем обратно случайно оторвавшийся бубенчик. Между прочим, скоро мы получим еще одну привилегию.

— Какую же?

— Право носить парик, — сообщил Баркароль, закатив глаза.

Анжелика рассмеялась.

— Сдается мне, что вы становитесь господином с амбициями, месье Баркароль.

— Я всячески пытаюсь возвыситься и утвердиться в этом мире, — самодовольно ответил карлик.

Но в его взгляде, взгляде зрелого мужчины, Анжелика прочла выражение грустной иронии. Он насмеялся над самим собой.

— Я счастлива видеть тебя снова, Баркароль. Давай немножко поболтаем.

— А вы не опасаетесь за свою репутацию? О нас станут судачить. Что будет, если ваш муж вызовет меня на дуэль?

— У тебя есть шпага.

— Это правда! Смелость города берет. Ну что же, тогда я намерен поухаживать за вами, моя прекрасная маркиза. И все же давайте подойдем к окну. Тогда люди подумают, что мы любуемся садами, и не смогут заподозрить, будто я произношу пламенные признания.

Карлик засеменил к окну и, подойдя, расплющил нос о стекло, как ребенок.

— Что вы скажете об этом месте? Красиво, да? Маркиза Ангелов, став знатной дамой, ты по-прежнему не отречешься от дружбы с шутком королевы?

Анжелика встала рядом, положила руку ему на плечо и тоже посмотрела на парк.

— От воспоминаний, которые нас объединяют, не отрекаются, Баркароль.

И добавила чуть тише:

— Даже если захочешь, все равно не получится это сделать...

Солнце рассеяло туман. Наступавший день обещал быть погожим, теплым и приятным, как это бывает весной. Освободившись из туманного плена, зелень беседок стала сочной, водоемы окрасились в прозрачный голубой цвет, на клумбах яркими красками запестрели цветы. В парке уже суетились садовники с тачками и граблями. Их было очень много, но на фоне

бескрайних эспланад и широких просторов люди казались просто крошечными.

— Иногда, — тихо сказал Баркароль, — наша королева начинает беспокоиться, потому что целый день не видит меня. Куда подевался ее любимый преданный карлик?.. А он отправился в Париж, нравится это Ее Величеству или нет. Чтобы отдать дань уважения другому Величеству, которым не позволит себе пренебречь ни один из его подданных: Великому Кесарю, Деревянному Заду, королю всего преступного мира. Да! Маркиза Ангелов, таких подданных, как мы, немного. Мало кто способен кинуть в «таз» набитый кошель размером с добрую дыню. Думаю, Деревянный Зад очень меня любит.

— Он и меня очень любит, — сказала Анжелика.

Странное дело: оказавшись в Версале, Анжелика уже в третий раз вспомнила безногого калеку. Кто бы мог подумать, что время от времени прекрасная маркиза дю Плесси-Бельер, переодевшись в неприметное саржевое платье, тайно выходит из своего дома и отправляется на окраину предместья Сен-Дени? Что каждую неделю ее слуги из числа бывших товарищей по воровскому прошлому относят туда же корзины, наполненные самыми изысканными винами, жареными птицей и мясом...

— Ничего не бойся, Маркиза Ангелов, — прошептал Баркароль, — мы умеем хранить секреты. И помни, что с нами ты никогда не останешься одна и всегда будешь в безопасности... даже здесь.

Карлик повернулся и напыщенным жестом обвел окружавшее великолепие.

— Даже здесь!.. В королевском дворце, где каждый безмерно одинок и постоянно подвергается такой смертельной опасности, как ни в каком другом месте...

Может быть, это опять была ирония?

Появились первые придворные. Они зевали, прикрывая рты кружевными манжетами. Стук их деревянных каблуков по мраморным плитам эхом разносился по пустынным залам. Слуги принесли дрова, в величественных каминах загорелся огонь.

— А вот и наша старушенция. Никогда не опаздывает! Тут как тут.

Анжелика увидела, как мимо в накидке с капюшоном прошествовала немолодая дама. Ее седые волосы были покрыты накрахмаленным чепцом — крестьянским по крою, зато сшитым из тончайшего линона. Несколько дворян, завидев даму, приветствовали ее легким поклоном. Но казалось, она их не заметила. Со спокойным достоинством она величаво шла своей дорогой.

— Куда это она поплыла?

— К королю. Это мадам Амелен, его кормилица. У нее привилегия входить по утрам первой в спальню государя. Она открывает шторы и целует короля, пока тот еще в постели. Спрашивает, хорошо ли спалось Его Величеству и чувствует ли он себя бодрым. Несколько минут они беседуют. А все сильные мира сего топчутся под дверью... Потом кормилица уходит, и никто не видит ее до следующего утра. Мы даже не знаем, где ее нора, куда она прячется со своей прялкой... Старушенция — ночная птица. Но все министры, принцы и кардиналы каждый день сгорают от зависти, потому что не кто-то иной, а эта парижская мещанка видит первую улыбку короля и, очень может быть, частенько похищает у них его первую милость.

ПРОБУЖДЕНИЕ КОРОЛЯ.

Сразу после ухода кормилицы в опочивальне появлялись три лекаря в черном, в париках с белыми

буклями и островерхих шляпах, свидетельствовавших об их уважаемой профессии. Они по очереди щупали пульс короля, осведомлялись о его здоровье, обменивались несколькими учеными латинскими словами и выходили из комнаты.

Наступало время первого приема.

Принцы крови склонялись в низком поклоне, а король вставал с постели. Главный камергер протягивал ему халат, который поддерживал первый камердинер. Его Величество самостоятельно надевал короткие панталоны, но затем к нему подходил один из высших офицеров, дабы собственноручно завязать подвязки.

Привилегией подать монарху рубашку был наделен один из первых дворян, и все ждали, пока тот появится в опочивальне, гордо подняв голову, возглавляя процессию из высшей знати и сеньоров, удостоенных особого разрешения. Начиная второй прием.

Когда король надевал рубашку, первый камердинер поддерживал ее правый рукав, а первый распорядитель гардероба — левый.

К третьему приему приглашались герцоги и пэры, которые, толкая друг друга, шептали какие-то восторженные фразы, отвешивали низкие поклоны, так что их ярко расшитые жюстокоры почти касались пола, напоминая полевые цветы, которые склоняются под напором ураганного ветра.

Затем распорядитель королевского гардероба повязывал Его Величеству галстук — это было его право. После чего распорядитель галстуков поправлял, а порой даже перевязывал шейный платок, если тот был завязан плохо — таково было его право. Но он делал так лишь в том случае, если в комнате не присутствовал никто из главных офицеров королевских покоев.

Во время четвертого приема в опочивальне появлялись государственные секретари, во время пятого — послы, и, наконец, шестая комната наполнялась фиолетовыми и пурпурными сутанами кардиналов и епископов.

Король с первого взгляда узнавал каждого из вошедших, отмечал отсутствовавших. Он задавал вопросы, интересовался сплетнями и забавлялся, получая остроумные ответы. А «святые» версальского рая с презрением думали о простых смертных, томившихся за позолоченными дверями, и испытывали радость от сознания того, что именно они допущены видеть короля в халате.

Глава 7

Анжелика с интересом наблюдала за шествием «святых», наделенных правом доступа в «небесную обитель».

— А мы — «души чистилища», — смеясь, сказала ей одна из нарядных дам, появившихся здесь в надежде первыми встретить короля и королеву, направлявшихся в часовню.

Маркиз дю Плесси-Бельер был в числе удостоенных второго приема.

Анжелика дождалась, пока он переступит порог опочивальни короля, и, не мешкая, бросилась вверх. Там, в лабиринте заполненных людьми коридоров, царил полнейший хаос, витали ароматы ирисовой пудры и погасших свечей.

Неизменный Ла Виолетт, напевая какую-то песенку, чистил шпагу хозяина. Он почтительно предложил зашнуровать корсет госпоже маркизе. Анжелика без лишних церемоний выставила наглеца вон из комнаты. Искать Жавотту или какую-то другую горничную было некогда, поэтому она с грехом пополам оделась сама, а потом бегом кинулась вниз и как раз успела к появлению малого кортежа Ее Величества. Хотя слой пудры покрывал румяное лицо королевы, ее нос был красным: должно быть, она проплакала всю ночь. Король не пришел даже «на часок», опечаленно сообщила своим любимым фрейлинам Мария-Терезия. Такое случалось редко, потому что Людовик всегда старался соблюдать приличия и хотя бы «на часок» заглядывал в супружескую постель. Чаще всего — чтобы просто поспать, но все же приходил. А вчера мадемуазель де Лавальер, изображавшая в лесу Диану-охотницу, вновь воспламенила чувства короля.

Свита королевы столкнулась со свитой де Лавальер, которая тоже шла в часовню. Мария-Терезия гордо прошествовала мимо своей соперницы, хотя губы испанки подрагивали — то ли от сдерживаемых рыданий, то ли от готовых сорваться оскорблений. Фаворитка почтительно присела в низком реверансе. А когда она поднялась, Анжелика заметила испуг, застывший в ее нежных голубых глазах. Здесь, среди позолоты и яркого света Версальского дворца, она казалась не охотницей, а всего лишь загнанной ланью. Анжелика утвердилась в мысли, что эта женщина уже потеряла власть. Король еще не лишил ее своей милости, но это начало конца. Мария-Терезия напрасно опасалась Лавальер. Скоро у нее появятся новые соперницы, более грозные и коварные.

Чуть позже король прошел из часовни в парк. Ему сообщили, что несколько окрестных крестьян, больных золотухой, узнали о приезде монарха и ждут его у дворцовых ворот в надежде на исцеление после чудодейственного прикосновения Его Величества. Король не мог отказать. Больных оказалось немного, и после короткой церемонии государь отправился в зал Дианы, чтобы принять ходатайства многочисленных просителей.

Некий дворянин из свиты короля пробрался сквозь толпу придворных и склонился перед Анжеликой.

— Его Величество просит напомнить мадам дю Плесси-Бельер, что рассчитывает увидеть ее на охоте завтра, с самого начала действия.

Сердце Анжелики неистово забилося.

— Поблагодарите Его Величество, — сказала она, от волнения вытянувшись в струну, — и заверьте его, что лишь моя смерть может помешать мне присутствовать на охоте.

— Его Величество не требует подобных жертв. Но если на вашем пути возникнут какие бы то ни было

помехи, он хотел бы, чтобы вы заранее оповестили об их природе.

— Я сделаю, как угодно Его Величеству, передайте ему это, месье Лувуа. Ведь это вы, не так ли?

— Именно так.

— Я хотела бы переговорить с вами. Это возможно?

Лувуа, казалось, был удивлен, но ответил, что если маркиза дю Плесси проследует в галерею, то, вероятно, они смогут побеседовать после того, как король примет все прошения и удалится в свой рабочий кабинет.

— Я буду вас ждать. Прошу вас, заверьте Его Величество, что завтра я появлюсь на охоте.

— Нет, не появитесь, — раздался над самым ухом Анжелики голос Филиппа. — Мадам, жена обязана повиноваться мужу. А я никогда не давал вам позволения находиться при дворе, вы проникли сюда против моей воли. Я приказываю вам покинуть Версаль и вернуться в Париж.

— Филипп, вы несете чепуху, — так же тихо возразила Анжелика. — Это глупо, более того, совершенно бестактно и неуместно. Если я останусь при дворе, вы только выиграете. По какому праву вы докучаете мне этим требованием?

— По праву, данному вами. Вы первая стали докучать мне.

— Это ребячество. Оставьте меня в покое.

— При условии, что вы без промедления покинете Версаль.

— Нет.

— Вы не поедете на завтрашнюю охоту.

— Поеду!

Лувуа не был свидетелем этой сцены, так как он вернулся к свите короля, зато окружающие с насмешкой смотрели на супругов. Семейные сцены дю Плесси-Бельеров становились знаменитыми!

Ближе всего к ссорящейся чете оказался не кто иной, как молодой маркиз де Лавальер с его птичьим профилем. Он делал вид, будто смотрит куда-то вдаль.

Чтобы избежать пересудов, Анжелика прервала перепалку.

— Довольно, Филипп. Я уйду, и давайте не будем больше об этом говорить.

Она быстро пересекла галерею, чтобы укрыться в одном из больших залов, где было менеелюдно.

«Будь у меня официальная должность при дворе, я бы зависела от короля, а не от настроения этого сумасброда», — повторяла она про себя.

Но как получить должность, причем незамедлительно? Именно с этим вопросом Анжелика и хотела обратиться к Лувуа.

В ней уже проснулась коммерческая смекалка. Анжелика вспомнила, что когда она организовывала перевозку парижан в «каретах за пять су», Одиже рассказывал о некоем Лувуа, знатном придворном и политическом деятеле, получившем право наладить движение дилижансов между Лионом и Греноблем.

Безусловно, речь шла именно об этом Лувуа. Анжелика не предполагала, что он настолько молод, но не стоило забывать, что он приходился сыном Ле Телье, государственному секретарю и канцлеру, члену Высшего Совета.

Маркиза надеялась предложить Лувуа деловое сотрудничество и хотела заручиться поддержкой его и его отца.

Маркиз де Лавальер лавировал между группами придворных, явно намереваясь присоединиться к Анжелике.

Она хотела было улизнуть, но передумала.

О маркизе де Лавальере ей довелось слышать как об очень ловком придворном с огромными связями,

которые могли бы оказаться полезными, раз уж он «знает двор, как никто другой».

— По-моему, король не сердится на вас за вчерашнее опоздание на охоту, — сообщил молодой человек, подходя к маркизе.

«Поэтому вы и осмелились продолжить свои ухаживания», — подумала она. Но надо было сохранять хорошую мину при плохой игре, и она завела разговор о придворной должности. В ответ Лавальер только рассмеялся и с сочувствием взглянул на свою собеседницу.

— Наивная малышка... Вы ничего не понимаете! Чтобы получить самую ничтожную должность, нужно убить даже не одного человека, а добрый десяток. Вам известно, что все должности в свите короля и королевы продаются сроком лишь на один квартал?

— Неужели?

— Мы можем приобрести должность только на три месяца. Затем она вновь выставляется на продажу. Самого короля раздражает постоянная смена лиц на той или иной должности, ведь у него есть свои привычки и ему хочется стабильности. К примеру, Его Величество ни за что не желает расставаться с Бонтаном, своим первым камердинером, и поэтому государь вынужден постоянно помогать верному слуге в получении этой должности, даже оплачивает его право на выкуп. А многим это очень не нравится.

— Бог мой, какие сложности! Неужели король не может изъявить свою волю и запретить эту странную торговлю?

— Необходимо угодить всех, — сообщил маркиз де Лавальер и сопроводил свои слова жестом, указывавшим на то, что ему этот удивительный порядок представляется столь же привычным и неизбежным, как смена времен года.

— А вы — как вам удастся устроиться? Мне сказали, что вы всегда находите прекрасные должности, которые приносят отличный доход!

— Это преувеличение. Да, я занимаю должность лейтенанта короля, но это самая скромная должность, если говорить о жалованье. Если же учитывать экипировку и подготовку для четырех кампаний, а еще и все расходы, что требуется нести при дворе, то я никогда не смог бы свести концы с концами, если бы в моей голове не появлялись некоторые идеи...

Де Лавальер прервался и остановил жестом проходящего мимо человека.

— Ну что, их приговорили? — с беспокойством поинтересовался он.

— Да.

— К колесованию?

— К колесованию с отсечением головы.

— Замечательно, — удовлетворенно кивнул молодой маркиз. — Скажем, одна из моих обязанностей, — объяснил он Анжелике, чье наивное удивление льстило ему, — забота о выморочном имуществе^[25]. Вы не знаете, что это такое, вижу-вижу по вашим глазам, крошка.

— Клянусь, я занималась многими вещами, так что...

— В таком случае вы должны знать, что если какой-нибудь поданный королевства осужден на смертную казнь, то все его деньги, все его имущество, сколь бы значительным оно ни было, переходят к короне. С этого момента им распоряжается король, и чаще всего он дарует это имущество тому, к кому благоволит. Должность позволяет мне всегда быть в курсе событий и первому подать прошение о получении выморочного имущества. Обычно король не может мне отказать. Ему ведь это ничего не стоит, не правда ли? Так что я внимательно следил за процессом бывшего помощника

бальи^[26] Шартра, великого и совершенно беззастенчивого ворюги, виновного во многих преступлениях. Он ограбил всю округу и в конце концов был арестован вместе с двумя своими сообщниками по разбою, господами де Каром и де Ла Ломбардьером. Как вы только что слышали, их приговорили к казни, головы им отрубят. Для меня очень выгодное дельце!

Молодой человек с довольным видом потер руки.

— Именно этих сведений я ждал все сегодняшнее утро и даже не последовал за королем на церемонию «исцеления золотушных». Надеюсь, что он не заметил моего отсутствия; ведь не мог же я пропустить такую новость. У этих бандитов крупнейшие состояния, не считая мелких доходов от разных краж. Я заранее составил прошение, в надежде стать бенефициаром^[27]. И лично отнесу эту бумагу, причем немедленно. В этом деле все решает скорость. Ну и чутье. Вот послушайте, у меня есть еще один «след», хотя тут дело более деликатное, но я надеюсь на благоприятный исход и на то, что приду первым. Это касается графа де Реторфора, француза, убитого при Танжере, когда он находился на службе у короля Англии. Если я сумею собрать доказательства, что этот самый де Реторфор был англичанином, то смогу встать в очередь за его наследством, так как состояния иностранцев, находящиеся во Франции, после смерти владельцев также отходят короне...

— Да как вы сможете доказать, что француз был англичанином?

— Как-нибудь вывернусь, что-нибудь придумаю. У меня вообще фонтан идей... Но я вас оставляю, моя красавица, так как полагаю, что Его Величество не станет медлить и вновь вернется в парк.

«Этот красавец действительно очень ловок, — сказала себе немного озадаченная Анжелика, — но у

него замашки злого кота и разум стервятника».

Так что мысль обратиться к Лувуа показалась мадам дю Плесси весьма здоровой. Она вернулась на галерею, где обещала ждать придворного. Ждала она очень долго. Король, принимавший кого-то, лично задержал Лувуа.

От размышлений ее отвлекли шум и гул голосов, которые поднялись с появлением из рабочего кабинета короля делегации иноземцев в ярких одеждах, сопровождаемых министром Лувуа.

Это было экзотическое зрелище: желтые лица, раскосые глаза, сверкающие тюрбаны, усыпанные драгоценными камнями, струящиеся волны желтых и зеленых шелковых одеяний, у пояса — кинжалы, инкрустированные изумрудами и алмазами.

По толпе прокатился шепот восхищения.

— Посольство Великого Могола...

— Вы заблуждаетесь, это махараджа Бирмы со свитой, они в первом путешествии по Европе.

Заинтригованная Анжелика некоторое время любовалась разноцветным кортежем, рядом с которым все придворные, несмотря на их многочисленные ленты и плюмажи, неожиданно показались блеклыми и невыразительными.

Она вздохнула, сама не понимая почему.

Вернулся Лувуа. Проходя мимо Анжелики, он склонился в легком поклоне и прошептал, что, к великому сожалению, обязан присутствовать и на следующей аудиенции, но по окончании ее непременно доставит себе удовольствие и посвятит несколько секунд прекрасной собеседнице. Увы, всего лишь несколько секунд — потом он должен прислуживать во время трапезы Его Величества, так что у него «нет ни мгновения на собственные дела».

Анжелика безропотно согласилась и поразились работоспособности молодого короля, который, как

говорили, лег около трех часов ночи, уже в 6 утра был на ногах, готовый отправиться к мессе, а после этого без перерыва приступил к делам!

Лува направился к весьма непритязательно одетому господину, выглядевшему по меньшей мере неуместно на столь элегантной ассамблее. Его обветренное лицо представляло яркий контраст с кружевным галстуком и париком, который, казалось, он терпел с превеликим трудом. Незнакомец сухо приветствовал Лува словами:

— Да, я посланник с Дофина ^[28].

И оба господина отправились в кабинет короля, пренебрегая пылкими протестами некоего дворянина с военной выправкой, только что прибывшего в Версаль.

— Месье, король срочно вызвал меня и назначил это время. Я должен войти первым!

— Знаю, господин маршал, но я тоже военный и тоже должен исполнять приказы короля. Его Величество, узнав о прибытии сего господина, приказал провести его вне очереди.

— У меня преимущество старшего! Я — маршал, я не потерплю, чтобы мне утер нос какой-то заурядный морской офицер!

— Мессир де Тюренн, этот офицер — гость короля, следовательно, в данной ситуации любое преимущество старшего, к моему глубокому сожалению, не действует.

Тюренн, суровый вояка пятидесяти двух лет, сначала побледнел, а затем вытянулся в струну.

— Мне кажется, что Его Величество пренебрегает привилегиями, которыми сам наделил меня. Ну что же, отлично! Его Величество может вызвать меня снова, если у него найдется время для старых слуг и полезных людей.

Тюренн прошел мимо толпы придворных, как если бы он принимал смотр своих войск. Его черные глаза

под густыми седеющими бровями метали молнии. Два молодых лейтенанта, стоявших на посту у одной из дверей, тотчас оголили сабли и подошли к маршалу.

— О Боже, его сейчас арестуют? — воскликнула потрясенная Анжелика.

Маркиз де Лавальер, который как бы случайно оказался рядом с ней, расхохотался.

— Откуда вы взялись, моя дорогая, если предписываете нашему государю такой зловещий умысел? Черт возьми, можно подумать, что вы никогда не покидали свою провинцию. Арестовать господина маршала! За что, великие боги?

— Но разве он только что не произнес слова, оскорбляющие нашего короля?

— Подумаешь! У мессира де Тюренна, как у настоящего вояки, привычка высказываться прямо и открыто. Он стал жертвой нарушения своих прав, потому-то и злится. И это правильно. У него много привилегий, одна из них заключается в том, что где бы ни находился господин маршал, он имеет право на личную охрану в составе двух кавалеристов или лейтенантов с саблями наголо, которые сопровождают его повсюду, даже на приеме у короля.

— Но если он наделен столь значительными привилегиями, то почему он сердится по пустякам?

Маркиз нахмурился.

— Лично я частично разделяю раздражение нашего маршала. Как командующий армией, он всюду должен проходить первым. Армия — основа королевства.

— А как же дворянство? — подтрунивая, спросила Анжелика.

Пренебрежительная улыбка молодого Лавальера стала еще шире.

— Это мещанская постановка вопроса. Неужели мне следует напоминать вам, что армия — это дворянство, а дворянство — это армия? Кто обязан платить

государству налог собственной кровью? Дворяне! С самого раннего возраста отец учил меня, что я должен носить шпагу и что моя шпага и моя жизнь принадлежат королю.

— Я не нуждаюсь в ваших лекциях, — ответила Анжелика, краснея. — Моя семья не менее знатная, чем ваша, мессир де Лавальер, можете навести справки. И к тому же я — супруга маршала Франции.

— Давайте не будем ссориться по пустякам! — воскликнул маркиз, заливаясь смехом. — Вы немного наивны, но при этом совершенно очаровательны. Я полагаю, что мы станем отличными друзьями. Я был несколько раздосадован, мы все тут при дворе считаем, что мой царственный «зять» уделяет слишком много внимания мещанам и простолюдинам. Вот и сейчас: прежде мессира де Тюренна он принял какого-то неотесанного моряка...

— А вдруг этот моряк привез новости, которые сейчас особенно волнуют Его Величество?

На плечо Анжелики опустилась чья-то рука, заставив ее вздрогнуть от неожиданности. Она обернулась и увидела перед собой господина в темном платье. Как ни старалась, она не могла вспомнить, кто этот человек.

В ее ушах зазвучал тихий и хриплый, но при этом властный голос — голос, не терпящий возражений.

— Мадам, мне нужно безотлагательно побеседовать с вами по одному крайне важному вопросу.

— По какому вопросу, месье? — обеспокоенно спросила Анжелика.

Лавальер, только что разглагольствовавший о дворянской гордости, стал отвешивать многочисленные поклоны.

— Господин министр, умоляю вас напомнить Его Величеству о моем скромном прошении касательно наследства бывшего помощника бальи Шартра. Как вы

знаете, этот величайший из бандитов был только что осужден и приговорен к отсечению головы.

Суровый господин бросил на маркиза не приветливый взгляд.

— Посмотрим, — буркнул он.

Анжелика наконец-то узнала в незнакомце месье Кольбера, нового суперинтенданта финансов и члена Высшего совета.

Кольбер оставил застывшего в поклоне придворного и без дальнейших объяснений повел Анжелику по галерее из зала, в котором она находилась.

Ранее она встречалась с Кольбером, когда они заключили «соглашение», по которому в то время еще мадам Моренс обещала не упоминать имени Месье, брата короля, оказавшегося замешанным в преступлении. В обмен на свое молчание она получила значительное денежное состояние. Впоследствии ей еще дважды выпадал случай беседовать с Кольбером на собраниях крупнейших торговцев, проходивших в Ратуше.

Она знала, что вскоре Кольбер стал министром, заменив осужденного на пожизненное заключение Фуке.

Неужели ей грозит какая-то опасность?

В глубине души Анжелика чувствовала себя сильной. В том давнем деле она по всем статьям обошла Кольбера. Чем же она рискует сегодня?

Тем временем министр сделал знак следовавшему за ним по пятам служащему, и тот протянул Кольберу содержимое большой бархатной сумки для документов. Кольбер вытащил какой-то пожелтевший лист.

— Мадам, как полагаю, вы знаете, что я не придворный и не дворянин, а торговец сукном. После некоторых событий, в которых мы были оба замешаны, я узнал, что вы, будучи дворянкой, занимаетесь

торговлей. В вашем лице я хотел бы обратиться за советом именно к члену торговой гильдии.

Министр пытался говорить шутливым тоном, что было ему совсем не свойственно. Анжелика разозлилась: когда наконец ей прекратят беспрестанно напоминать о торговле шоколадом?

Она поджала губы. Но, взглянув на Кольбера, заметила, что его лоб, несмотря на холод в помещении, стал влажным от пота. Да и парик сидел несколько криво — должно быть, утром Кольбер не дал своему цирюльнику как следует поработать.

Анжелика немного успокоилась. К чему ломаться? И она очень степенно произнесла:

— Я действительно занимаюсь коммерцией, но разве можно сравнить мои скромные дела с теми колоссальными задачами, что стоят перед вами, господин министр! Чем я могу быть вам полезной?

— Я еще не знаю, мадам. Судите сами. В списке владельцев акций Ост-Индской компании я увидел ваше имя. Прежде всего мое внимание привлек тот факт, что вы, как я уже упомянул, принадлежите к дворянскому сословию. Следовательно, ваш случай особенный. В дополнение к этому мне сказали, что ваши дела процветают, и я подумал, что вы могли бы просветить меня и уточнить некоторые детали, которые ускользают от моего понимания, когда речь заходит о данной компании...

— Господин министр, вы лучше меня знаете, что акции этой компании, равным образом как и Компании ста акционеров^[29], которая ее дублирует, с той лишь разницей, что она занимается торговлей с Америками, и пять акций которой я тоже купила, на сегодняшний день стоят не больше одного су.

— Я говорю сейчас не о стоимости акций, которые сегодня действительно обесценились, но о вашей

реальной выгоде, о тех доходах, что вы получаете в той области торговли, где все остальные терпят одни убытки.

— Для меня единственная реальная выгода от этого сомнительного предприятия состоит в том, что я поняла, чего не следует делать. Признаюсь, я дорого заплатила за такой урок, потому что этими делами заправляли воры. Они надеялись на чудо, на какие-то сверхъестественные доходы, в то время как подобные предприятия, связанные с путешествиями в дальние страны, требуют прежде всего кропотливой работы.

Лицо Кольбера, все испещренное морщинами — следствие бессонных ночей, осветилось подобием улыбки, хотя улыбались только глаза, в то время как губы остались неподвижными.

— Ваши слова по духу близки моему девизу «Труд может все».

— «Именно стремление к труду позволяет работать с удовольствием», — выпалила Анжелика и, подняв палец, продолжила цитату: — А осуществление намеченного приносит радость».

Теперь некрасивое лицо министра озарилось настоящей улыбкой и сделалось почти симпатичным.

— Вы даже знаете цитату из моего доклада, касающегося вышеупомянутой компании и дальних плаваний, — в голосе Кольбера прозвучали удивление и явная заинтересованность. — Я спрашиваю себя, много ли почетных акционеров компании дали себе труд прочитать эту фразу.

— Меня интересовало, что думает по этому поводу власть, которую вы в данном случае представляете. Само по себе такое начинание жизнеспособно и вполне естественно.

— Стало быть, вы верите, что это предприятие может и должно приносить прибыль? — очень живо спросил министр.

Однако он тут же взял себя в руки и ровным, даже монотонным тоном перечислил все тайные вклады госпожи дю Плесси-Бельер, она же мадам Моренс:

— Полноправное владение торговым кораблем «Святой Иоанн Креститель» в шестьсот регистровых тонн, оснащенный двенадцатью орудиями, который возит для вас из Мартиники и Санто-Доминго какао, перец, пряности и ценные породы древесины...

— Да, все так, — подтвердила Анжелика. — Мне надо было наладить торговлю шоколадом.

— И капитаном вы пригласили корсара Гинана?

— Верно.

— А разве вы не знали, когда брали его на службу, что он был человеком господина Фуке до того, как Фуке оказался в тюрьме? Вы отдавали себе отчет во всей серьезности подобного шага или это Фуке посоветовал вам поступить подобным образом?

— У меня никогда не было возможности беседовать с месье Фуке, — сказала встревоженная Анжелика. — Я считаю, что это опасный человек, которого деньги наделили огромной властью. И этой властью он злоупотреблял. Но надо отдать ему должное, суперинтендант умел выбрать людей для своего окружения. Я познакомилась с Гинаном совершенно случайно и сразу поняла, что он отличный моряк и торговец, хотя и авантюрист. Я подумала, что только он может спасти мои вложения в пресловутую Ост-Индскую компанию, которая находилась в катастрофическом состоянии и которой я так легкомысленно доверилась. И взяла его на службу. Ненавижу пустые траты! К тому же я вдохновилась примером, который продемонстрировали на самом верху.

— Что вы хотите сказать?

— Король! Он наказывает всех, кого признает виновными, но при этом не разбрасывается талантами.

Живописец Лебрэн^[30], архитекторы Ленотр^[31] и Лево^[32], непревзойденные мастера водных феерий инженеры Франчини...^[33] Не стоит забывать также комедианта Мольера и дворецкого Вателя — все эти люди были найдены Фуке или работали на него, а теперь они состоят на службе у короля, который одаривает их всеми возможными милостями. Что до моей скромной персоны, то я всего лишь наняла одного корсара, но готова отдать его королю, если он того потребует, — пылко закончила Анжелика и обезоруживающе улыбнулась.

Однако спокойствие ее было напускным. Кольбер всегда являлся заклятым врагом Фуке, и именно он в тайне ото всех соткал паутину, в которую попался бывший суперинтендант. Поэтому все, связанное с именем Фуке, оставалось весьма опасным.

— Итак, свой торговый корабль вы посылаете в Америку. Отчего бы не в Индию? — внезапно заинтересовался Кольбер.

— В Индию? Я думала об этом. Но французский корабль не в состоянии пробиться туда в одиночку, а у меня нет средств, чтобы купить несколько судов.

— А до Америки ваш «Иоанн Креститель» добирается без каких бы то ни было осложнений?

— Здесь нечего опасаться берберских пиратов, с которыми в одиночку не способен справиться ни один корабль, особенно когда он проходит острова Зеленого Мыса. Если его не ограбят по пути туда, то ограбят на пути обратно.

— А как же корабли Голландской или Английской Ост-Индских компаний? Ведь, как известно, они процветают!

— Они следуют большими караванами, это настоящие флотилии из двадцати-тридцати крупнотоннажных судов, которые выходят из Гааги или

Ливерпуля. Да и отправляют их не чаще, чем два раза в год.

— Тогда почему французы не поступают тем же образом?

— Господин министр, если этого не знаете даже вы, то откуда знать мне? Может быть, все упирается в особенности национального характера? Или дело в деньгах? Разве я в одиночку могу позволить себе оснастить целый флот? Кроме того, путь в Восточную Индию долгий и многотрудный, французским судам нужны перевалочные базы, расположенные где-то на полдороге.

— Например, на острове Дофин?

— Например, на острове Дофин, но при условии, что командование такими базами должно быть поручено не военным и уж точно не высокородным дворянам.

— Кому же в таком случае?

— Тем, у кого есть опыт в освоении новых земель, тем, кто разбирается в коммерции и умеет считать. Я хочу сказать: торговцам, — ответила Анжелика и вдруг совершенно неожиданно расхохоталась.

— Мадам, у нас серьезный разговор, — возмутился господин Кольбер.

— Извините меня, просто я представила себе такого милейшего сеньора, как маркиз де Лавальер, в роли командующего высадкой среди дикарей.

— Госпожа маркиза ставит под сомнение мужество этого дворянина? Насколько мне известно, он уже не раз доказал свою храбрость, находясь на королевской службе.

— В данном случае речь идет не о храбрости. Представьте, как поступил бы господин маркиз де Лавальер, высадившись на незнакомый берег и увидев, что его окружают орды голых дикарей? Половину бы перерезал, а остальных превратил бы в рабов.

— Рабы — товар необходимый и сулящий большую прибыль.

— Этого я не отрицаю. Но когда речь заходит о том, чтобы наладить дружеские отношения, открыть представительство торговой компании, подобный метод не годится. Вот то немногое, что я могу сказать, и это частично объясняет провал некоторых наших экспедиций, а также и тот факт, что французов, обосновавшихся на новых землях, временами безжалостно истребляют.

Месье Кольбер бросил на собеседницу взгляд, в котором читалось искреннее восхищение.

— Дьявол, я об этом как-то не подумал...

Министр почесал подбородок.

— За последние десять минут я узнал больше, чем за множество бессонных ночей, проведенных за чтением этих злосчастных докладов.

Анжелика кусала губы, уже сожалея о своих словах. Как обычно, когда тема разговора увлекала ее, она позволяла себе чересчур много болтать. Но в Версале нужно проявлять осмотрительность больше, чем где бы то ни было.

Между тем она никак не могла понять, чего добивается от нее могущественный министр.

— Месье Кольбер, мое мнение отнюдь не является истиной в последней инстанции. Я часто выслушиваю жалобы торговцев и мореплавателей, но...

— Это сигналы, которыми не следует пренебрегать. Благодарю вас, мадам. Вы меня сильно обяжете, если согласитесь подождать в приемной еще полчаса.

— В ближайшие полчаса я никуда не тороплюсь, господин министр.

Анжелика вернулась в приемную, где маркиз де Лавальер с плохо скрываемым злорадством сообщил, что ее спрашивал Лувуа, который теперь удалился завтракать.

Анжелика с трудом подавила досаду. Увы, шанс упущен! Она возлагала большие надежды на встречу с военным министром, чтобы просить его посодействовать в получении придворной должности, но из-за непредвиденной встречи с Кольбером, который завел с ней беседу о морской торговле, все пропало. А время не ждет! Какая еще нелепая идея может зародиться у Филиппа? Если она станет противиться ему открыто, он способен посадить ее под замок. Ведь мужья имеют безраздельную власть над собственными женами. Ей необходимо любым способом укорениться при дворе, пока не стало слишком поздно...

Анжелика чуть не затопала ногами от бешенства, когда кто-то из придворных объявил, что Его Величество отложил все аудиенции на завтра и сейчас все присутствующие могут удалиться. Она еще сильнее огорчилась.

Анжелика уже направлялась к выходу, когда к ней обратился служащий господина Кольбера:

— Госпожа маркиза, соблаговолите последовать за мной. Вас ожидают.

Глава 8

Комната, куда проводили Анжелику, была внушительных размеров, хоть и не такой просторной, как дворцовые залы. Она казалась больше благодаря высокому плафону, являвшемуся взору посетителей белоснежные облака и голубые небеса Олимпа. Окна обрамляли тяжелые шторы из темно-голубого шелка, расшитые золотыми и серебряными лилиями. Таким же шелком были обиты массивные кресла с широкими спинками и три табурета, стоявшие вдоль стены. Деревянные стенные панели, как и во всем версальском дворце, украшала сверкающая золотом лепнина, изображавшая гирлянды плодов, перевитые виноградными лозами и цветами. Драгоценная позолота покрывала каждую деталь резного орнамента. Сочетание золота с насыщенным голубым цветом придавало роскошному ансамблю характер изысканной строгости.

Анжелика с первого взгляда оценила интерьер: это была комната мужчины, созданная специально для мужчины.

Чуть впереди она увидела стоящего к ней спиной Кольбера. В глубине кабинета находился стол с массивной столешницей из черного мрамора, которую поддерживали позолоченные бронзовые львы.

За столом сидел король.

Анжелика застыла от изумления.

— Вот и мой консультант, — обернувшись, представил министр. — Прошу, мадам, подойдите ближе и расскажите Его Величеству о своем опыте судовладельца, об Ост-Индской компании. Вы лучше всех освещаете интересующие нас вопросы.

Людовик поднялся, чтобы поприветствовать посетительницу с той особой вежливостью, которой он удостаивал каждую, даже самую скромную особу женского пола. Растерянная Анжелика только теперь сообразила, что еще не удосужилась сделать даже обычный придворный реверанс, и низко присела, проклиная про себя Кольбера.

— Мне известно, что вы не склонны шутить, месье Кольбер, — произнес король, — но я не был готов к тому, что вашим «консультантом», тем официальным представителем мореплавателей, о котором вы мне говорили, окажется одна из наших придворных дам.

— Тем не менее мадам дю Плесси-Бельер относится к числу наиболее влиятельных акционеров компании. Она снарядила корабль для торговли с Индией, но затем была вынуждена отказаться от этой идеи и обратила свой взор к Америке. О причинах этого отказа она вам расскажет сама.

— Откровенно говоря, господин министр, — холодно ответила Анжелика, — я весьма сожалею, что вы придаете значение моим словам. В самом деле, у меня есть вложения в морскую торговлю. Управляющий, который следит за оборотом товаров, время от времени жалуется мне на некоторые сложности с грузами, но в вопросах мореплавания я разбираюсь приблизительно так же, как в сельском хозяйстве, хотя мои арендаторы порой сетуют на неурожай.

Лицо господина Кольбера покрылось пятнами.

— Прекратите строить из себя дурочку! — без обиняков воскликнул он. — Только что вы приводили мне серьезные факты, относящиеся к делу, а теперь пытаетесь спрятаться в кусты. Вас настолько смущает присутствие Его Величества?

Анжелика покраснела, как девочка, и взглянула на короля.

Тот снова сел. Полностью доверяя своему министру, государь терпеливо ждал объяснений по поводу встречи, которая все же несколько удивляла его. Взгляд его карих глаз был устремлен на молодую даму, и она прочитала в этом взгляде ту мудрость и одновременно разумную осторожность, которые отличали большую часть деяний Людовика XIV. Эти качества, столь удивительные для двадцатисемилетнего монарха, отмечали даже самые умудренные опытом дипломаты.

Юность Анжелики тоже была полна испытаний. Из своих многочисленных злоключений она вынесла интуитивное умение разбираться в людях. И сейчас она почувствовала, что прагматичный ум короля и ее ум в чем-то схожи.

— Я знаю, что Ваше Величество не слишком жалуется, когда за кем-то закрепляется репутация экстравагантной личности. Несколько противоестественно, если придворная дама занимается коммерцией и является судовладельцем. Я опасалась...

— Вы не должны опасаться нашего недовольства и не должны пытаться угодить, скрывая правду, — с некоторой суровостью сказал король. — Если месье Кольбер считает, что ваши знания могут быть полезны, то не вам судить, как мы их примем: хорошо или плохо. Поэтому рассказывайте, мадам, и единственной вашей заботой, как я полагаю, должно стать стремление послужить нашим интересам.

Он не предложил Анжелике сесть, подчеркнув тем самым, что принимает ее точно так же, как и прочих подданных, которые, вне зависимости от возраста и прежних заслуг, не имели права сидеть в присутствии Его Величества, если только он не удостоивал их особой чести.

— Итак, вы отказались от отправки своего корабля на Восток, в Индию, вопреки первоначальному желанию, тем самым лишив себя доходов, которые

могло принести это плавание. Следует признать, что так же поступила и большая часть судовладельцев. Но мне непонятны причины утраты ими интереса к столь выгодному предприятию.

Сначала Анжелика рассказала об опасности, исходившей от пиратов-берберов. Они веками промышляли грабежом одиноких судов близ Португалии и берегов Африки.

— Не преувеличиваете ли вы ущерб, который наносят эти пираты, мадам? Мы не раз слышали о путешествиях в Индию, предпринятых одинокими кораблями. Отметим, что эти суда были вооружены хуже, чем ваш корабль, и, тем не менее, они вернулись из долгого плавания со славой. Их капитаны жаловались отнюдь не на серьезные стычки с пиратами, а лишь на свирепые бури. У меня есть отчеты с указанием дат отплытия и возвращения и прочими сведениями. Если у кого-то получилось, то почему вы утверждаете, что большинство кораблей не способно пройти тем же путем?

— Потому что речь идет о торговых кораблях, сир. Сравните тоннаж этих судов, и вам все станет понятно. Большая часть кораблей, от которых вы получали отчеты, — быстроходные военные корабли, даже если они и считаются торговыми. Они отлично знают, что могут ускользнуть от берберских галер исключительно благодаря скорости. Именно поэтому они выходят с почти пустыми трюмами и с пустыми же трюмами возвращаются. Тогда им удастся уйти от пиратов и совершить путешествие, но в коммерческом отношении подобные экспедиции никчемны. Судно большого тоннажа, до края бортов набитое товарами, не способно скрыться от юрких галер алжирцев или марокканцев. Оно — как огромный навозный жук, которого атакуют муравьи. Пушки таких кораблей часто стреляют с перелетом, а когда галеры подходят близко, экипажу

корабля остается только один шанс на спасение — отбиться при abordаже. Благодаря мужеству матросов «Святого Иоанна Крестителя» мое судно два раза смогло уйти из лап этих хищников, но без кровопролития не обошлось. В прошлом году произошли две стычки, в Бискайском заливе и у острова Горе^[34]. После того как половина моих моряков была убита или ранена, я и отказалась от этой затеи.

На выразительном лице господина Кольбера отражались восхищение и в то же время удовлетворение. Редко ему доводилось получать столь четкие и ясные ответы.

Король задумался.

— Следовательно, все упирается в конвой? — спросил он наконец.

— Совершенно верно. Как у англичан и голландцев.

— Я далек от того, чтобы восхищаться нашими старинными недругами, но было бы неразумно отказаться заимствовать их методы, если они приносят плоды. Кольбер, вам надлежит заняться снаряжением крупных торговых судов, которых будут сопровождать военные корабли.

При этих словах король заметил, как на лице Анжелики промелькнула тень сомнения.

— Вас что-то не устраивает в наших распоряжениях, мадам?

В его тоне сквозила ирония. Людовик никак не мог заставить себя относиться серьезно к тому, что красивая женщина давала ему советы. Но Анжелика не собиралась больше отмалчиваться.

— Я думаю, сир, что и в этом деле месье Кольбер столкнется с трудностями. Французы так уж устроены, что не любят коллективных путешествий. Каждый норовит действовать по-своему. Одни будут говорить, что готовы выйти в море в любой момент, другие — что

у них нет денег на снаряжение кораблей. Некоторые крупные судовладельцы уже пытались заключать союзы, чтобы идти большим караваном, — все тщетно.

Ладонь Людовика XIV с силой опустилась на стол.

— Но теперь это приказ короля, — изрек он.

Его голос остался спокойным, но Анжелика смотрела на сильную руку, наделенную властью.

Господин Кольбер заглянул в свои записи.

— Возможно, я ошибаюсь, мадам, но согласно имеющимся в моем распоряжении сведениям, два года тому назад, когда мы снаряжали военную экспедицию мессира де Монтеверга к острову Дофин, вы обратились к нему с просьбой о защите своего судна на его пути в Индию.

— У вас верные сведения, господин министр, но в итоге нам не удалось договориться, и я об этом не жалею.

— Отчего же?

— Я не хотела бы оказаться втянутой в экспедицию, обреченную на неудачу.

Король по-прежнему прекрасно владел собой, но его лицо слегка порозовело.

— Вероятно, вы не знаете, что та экспедиция была организована по моему приказу в помощь Ост-Индской компании с целью основать на острове Дофин крупную перевалочную базу?

— Идея превосходна, сир, и ее необходимо осуществить. Но суда, вышедшие в море, были в жалком состоянии, плохо оснащены, а люди, ими командовавшие, мечтали лишь о громких завоеваниях, не понимая, что Форт-Дофин, где им предстояло высадиться, далеко не Эдем. Чтобы найти питьевую воду, нужно проникнуть вглубь острова, а местные племена весьма враждебно настроены. Коротко говоря, эти дворяне, смелые, но слишком легкомысленные, и их командующий мессир де Монтеверг шли навстречу

катастрофе. В бедственном положении они находятся и теперь.

Глаза короля стали холодными как лед; повисшая гнетущая тишина испугала Анжелику. Она сказала что-то невпопад? Но она говорила откровенно, то есть именно так, как и просил король. Наконец Людовик прервал тягостное молчание:

— Каким образом, мадам, ВАМ известно о поистине катастрофическом положении на острове Дофин, если не употребить выражение «полный крах», которое использовал мессир де Монтеверг? Его помощник прибыл в Бордо четыре дня тому назад, а сегодня утром он прискакал в Версаль. У него был строжайший приказ ни с кем не беседовать до встречи со мной. Я принял его в спешном порядке, и он только что покинул этот кабинет.

— Сир, бедственное положение дел Монтеверга никогда не было тайной для моряков. В течение двух последних лет иностранные суда, заходившие на Дофин, не раз из милосердия брали на борт членов его экспедиции: больных, раненных дикарями, измученных цингой или просто тех, кто хотел вернуться на родину.

Людовик посмотрел на Кольбера.

— А мессиру де Монтевергу понадобилось целых два года, чтобы сообщить новости, которых, как он знал, мы с нетерпением ждем!

— Невероятно! Неужели я стала бы два года ждать известий о судьбе своего корабля?! — увлекшись разговором, воскликнула Анжелика.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился король, не удержавшись от резкого жеста. — Вы утверждаете, мадам, будто ваша почтовая служба организована лучше, чем почта короля Франции?

— В известной степени да, сир. Ваше Величество изволит общаться со своими подданными только напрямую. Разумеется, судну понадобится около двух

лет только для того, чтобы дойти до острова и обратно и доставить уполномоченного офицера, и это не считая пребывания в Форт-Дофине. А у торговцев все обстоит иначе. К примеру, я заключила договор с голландской навигационной компанией, и когда наши суда встречаются, они забирают друг у друга корреспонденцию.

— Опять эти голландцы! — раздраженно заметил король. — Ради своего удобства французские судовладельцы налаживают отношения, которые можно расценивать как измену по отношению к королевству.

— Измена?! Слишком громкое слово, сир. Разве мы находимся в состоянии войны с Соединенными провинциями?

— Конечно нет! Но существует обстоятельство, которое удручает меня, месье Кольбер. Неужели когда речь заходит о владычестве на море, Франция... ФРАНЦИЯ стоит ниже этих торговцев селедкой?! В конце концов, во времена моего деда, Генриха IV, слава французского флота была неоспоримой. Тогда англичане, голландцы и даже венецианцы нанимали французский флагман, чтобы спокойно плавать по Средиземному морю, и были уверены, что союз между Францией и Блистательной Портой^[35] надежно обеспечит их безопасность.

— В те времена, — сообщил Кольбер, — флот насчитывал более тысячи единиц только в Средиземном море.

— А сейчас?

— Пятьдесят кораблей, от двадцатичетырех- до стадвадцатипушечных, все пять классов огневой мощи, несколько фрегатов, брандеры, флейты^[36] и двенадцать галер. Это — почти ничего, сир!

Король резко откинулся на спинку кресла. Он задумался, и его взгляд блуждал где-то вдали. Голова,

увенчанная роскошной темной шевелюрой — Его Величество предпочитал парик естественности, — вырисовывалась на голубом фоне обшивки, где среди вышитых лилий сверкала золотом королевская корона.

— Я не спрашиваю у вас, по каким причинам мы оказались в столь бедственном положении. Мне самому это отлично известно. Мы никак не можем залечить раны, нанесенные королевству в годы хаоса. Я был слишком молод, когда взошел на престол и обратил свой взгляд на государство. И это был не безразличный взгляд стороннего наблюдателя, но взгляд хозяина. Меня глубоко поразило тогда, что почти все дела королевства настоятельно требовали моего личного вмешательства. Беспорядок царил везде. И я принял решение без промедления заняться самыми неотложными делами. Шли годы. Много бурных рек вернулось в свои русла. Теперь пробил час заняться флотом, месье Кольбер.

— Я целиком посвящу себя этой задаче, сир, тем более что от ее решения зависит процветание торговли.

Король встал из-за стола.

Министр низко поклонился и начал пятиться к двери. Через каждые три шага он останавливался, чтобы отвесить новый поклон.

— Еще одно замечание, месье Кольбер. Не обижайтесь на то, что я собираюсь вам сказать, но постарайтесь усмотреть в моих словах лишь искреннюю заботу и дружбу, которые я испытываю к вам. Учитывая ваши высокие полномочия, мы были бы счастливы видеть, что вы уделяете больше внимания своей одежде и внешности.

Министр смущенно дотронулся до плохо выбритого подбородка.

— Да простит меня Ваше Величество! У меня почти не остается времени для личных дел, ведь я всецело отдаюсь службе. Всю ночь я провел за изучением

доклада мессира де Монтеверга. Утром, получив известие, что Ваше Величество еще пребывает в Версале, я спешно покинул свой дом.

— Я знаю, что вас можно упрекнуть только в излишней самоотверженности, господин Кольбер, и далек от того, чтобы заставить вас заниматься кружевами и лентами, если только речь не идет об увеличении числа мануфактур. Конечно, мы должны быть скромными ради нас самих, но при этом обязаны быть достойными того места, которое занимаем. Честь трона и его престиж могут пострадать в глазах всего мира, если те, кто этот трон окружают, будут выглядеть излишне скромно. Поверьте, недостаточно быть, надо еще и казаться^[37]. Примите к сведению, прошу вас... и поговорите об этом с мадам Кольбер.

Улыбкой король смягчил свои обидные слова. Министр еще раз отвесил поклон и удалился. Анжелика собралась последовать его примеру. Она немного устала и почувствовала, что сильно проголодалась.

Но король окликнул ее.

— Задержитесь, пожалуйста, мадам.

Людовик подошел к ней.

— Прежде всего примите мою благодарность за то, что вы были столь любезны и поделились своим опытом, а также разделили наши заботы. Довольно неожиданно обнаружить толковые идеи в хорошенькой головке, но я обещаю, что не стану считать вас экстравагантной.

— Сир, вы меня успокоили.

— Вас очень долго не было в Версале, мадам. Какие причины удерживали вас в отдалении от дворца? Неужели визит, который вы нам нанесли, разочаровал

вас? В моем приеме было нечто, что побудило вас опасаться появления при дворе?

— Сир, — воскликнула Анжелика, потрясенная до глубины души, — не сомневайтесь, что я всегда буду хранить самые прекрасные воспоминания о том чудесном дне, более того...

— Мессир дю Плесси-Бельер забывал передавать вам мои приглашения?

Анжелика ответила не сразу.

— Мой муж пользуется репутацией рассеянного человека, он как ученый из Академии... И его характер...

— У него невозможный характер, — подхватил король, — но я смирился с этим, потому что маркиз обладает одним качеством, которое редко встречается у тех, кто меня окружает: преданностью лично ко мне. Он часто возражает мне, вызывает мое недовольство. Разве не он позволил себе жениться, даже не испросив разрешения на брак? А как он говорит о своей женитьбе? Как о безделице. Но поскольку эта «безделица» оказалась прелестна, я простил его.

Король внимательно посмотрел на Анжелику.

— Вы будете завтра на королевской охоте?

— Сир, у меня твердое намерение быть там.

— Я скажу маркизу, чтобы он поддержал вас в столь добром намерении.

Анжелика сдержала вздох облегчения, и ее лицо осветилось улыбкой.

— В таком случае, сир, могу вас заверить, что я буду на охоте.

В кабинет вошел первый дворянин из свиты короля, герцог де Шаро, и почтительно осведомился:

— Ваше Величество изволит присутствовать на Большом обеде или вы предпочитаете приватную трапезу?

— Поскольку Большой обед был заявлен заранее, не будем разочаровывать подданных, совершивших долгое путешествие в Версаль, чтобы видеть наш Обед. Я буду там присутствовать.

Сделав реверанс, Анжелика уже во второй раз направилась к выходу из кабинета.

Но Его Величество обратился к ней снова:

— Помнится, у вас есть сыновья? Их возраст позволяет им служить при дворе?

— Сир, они еще очень маленькие, им семь и девять лет.

— Значит, они ровесники дофина. Мой сын вскоре будет освобожден от женской опеки и поручен наставнику. Я желаю, чтобы к этому времени во дворце появились его сверстники, которые смогли бы разделить с ним игры и немного растормошили наследника. Привезите к нам ваших сыновей.

Под завистливыми взглядами входивших придворных Анжелика в третий раз присела в реверансе.

Глава 9

КОРОЛЬ ОБЕДАЕТ.

Армия слуг под командованием офицеров королевского рта накрыла на стол и расставила стулья согласно придворному протоколу. Главный камергер проверил все до мелочей и лишь после этого допустил в зал придворных, желавших присутствовать на трапезе Его Величества. Вельможи согласно рангам выстроились в обеденном зале, а в прихожей и коридорах столпилась публика, получившая разрешение пройти мимо сидящего за столом короля.

Его Величество остановился в дверях, с улыбкой отвечая на поклоны. Затем он вошел и занял свое место за столом.

Тотчас же Месье, брат короля, подошел к столу и, низко кланяясь, подал Его Величеству салфетку.

За спиной Людовика встал главный камергер, герцог Бульонский. Он тоже держал салфетку, и весь его вид свидетельствовал о том, что больше он не уступит ее никому, даже принцу крови.

Наконец герцог подал знак к началу трапезы.

Охрана в приемной приказала толпе расступиться, и по образовавшемуся проходу двинулось целое шествие, напоминавшее религиозную процессию.

Возглавлял его стражник в парадном костюме, за ним шествовали слуги с огромной «ракой» на плечах, покрытой шитой золотом и серебром тканью; вслед за ними вышагивал дворецкий, вооруженный командным жезлом, далее следовали распорядитель обеденного зала, дворянин-хлебодар, офицеры королевского рта, служители и прислуга буфета.

Огромная «рака» вмещала королевские яства.

Процессия медленно двигалась мимо монаршего стола. Парижане и парижанки — зажиточные мещане, чиновники, ремесленники, рабочие, простонародье — все старались удержать в памяти каждую подробность грандиозного спектакля. Они были ослеплены не столько видом обедающего короля Франции, сколько блеском хрустальной и золотой посуды.

Король мало говорил, зато подмечал мельчайшие детали происходящего. Анжелика видела, как время от времени он привставал с места, чтобы приветствовать ту или иную придворную даму, и немедленно камергер подавал этой даме табурет. Для прочих дам не находилось ни приветствия, ни табурета. Таких женщин, не имевших «права на табурет», в комнате было большинство, к ним относилась и Анжелика, которая от усталости уже не чувствовала под собой ног.

Стоявшая рядом мадам де Шуази вполголоса обратилась к ней:

— Я слышала, что сказал король по поводу ваших сыновей. Дорогая, это огромная удача! Не сомневайтесь! Если вы привезете их во дворец, куда вхожи только знатные особы, их будущее обеспечено. Мальчики с ранних лет приучатся к галантности, они получат воспитание на всю жизнь, и это позволит им добиться успеха при дворе. Взгляните на моего сына-аббата. С юных лет я прививала ему лучшие манеры. Сейчас ему еще нет и двадцати, а он уже прекрасно устроен — готовится принять сан епископа.

Но в ту минуту Анжелика была меньше всего расположена думать о будущем Флоримона и Кантора, а мечтала лишь об одном: что-нибудь съесть, и желательно — в удобных условиях.

Как можно незаметнее она покинула пиршественную залу и тут же натолкнулась на группу дам, устроившихся вокруг маленьких игровых столиков. Слуги подносили им подносы со всевозможной снедью,

но те с небрежной элегантностью едва прикасались к еде, сосредоточив все внимание на картах.

Рослая дама, поднявшись из-за столика, подошла к Анжелике и расцеловала ее в обе щеки. Это была Великая Мадемуазель.

— Всегда рада видеть вас, красавица моя. Мне кажется, вы недолюбливаете и избегаете королевский двор. За последние месяцы я не раз удивлялась этому, но не осмеливалась расспрашивать короля. Вы ведь знаете: наши беседы всегда плохо начинаются и еще хуже заканчиваются. Однако Его Величество — мой кузен, и мы очень любим друг друга. Но вы наконец появились. Вы что-то ищете?

— Да простит меня Ваше Высочество, но я ищу место, где могла бы посидеть.

Добрейшая принцесса озадаченно огляделась вокруг.

— Это невозможно, здесь вам не удастся присесть — ведь среди нас присутствует Мадам.

— Мне также известно, что положение не позволяет мне сидеть и в вашем присутствии, Ваше Высочество.

— Тут вы ошибаетесь. Вы принадлежите к старинному дворянскому роду, тогда как я — всего лишь «внучка Франции» по деду, Генриху IV. Значит, вы имеете право сидеть в моем обществе на полу или даже на табурете, и я охотно предложила бы вам сесть, дружочек, но в присутствии Мадам, которая по браку с Месье считается «дочерью Франции»^[38], это совершенно, совершенно невозможно.

— Я понимаю.

Анжелика тихонько вздохнула.

— Но я кое-что придумала, — продолжила Великая Мадемуазель. — Присоединяйтесь к нашей карточной партии. Мы как раз ищем партнершу, потому что мадам д'Ориньи проиграла крупную сумму и покинула нас.

— Как же я буду играть стоя?

— Вы сможете сесть! — воскликнула принцесса, в голосе которой слышались нотки нетерпения. — Пойдемте-пойдемте, говорю я вам.

Мадам де Монпансье подвела Анжелику к Мадам, державшей в одной руке карты, а в другой — куриное крылышко. На реверанс маркизы дю Плесси Мадам ответила рассеянной улыбкой.

Но как только Анжелика направилась к свободному месту за столиком, ее едва не сбила с ног мадам де Монтеспан, которая вихрем влетела в комнату.

— На редкость удачный момент, чтобы представить вас королеве. Скорее.

Мадам дю Плесси произнесла слова извинения и поспешила вслед за своей подругой.

— Атенаис, — попросила Анжелика, — просветите меня по поводу «табурета». Я совсем не разбираюсь: когда, почему и при каких обстоятельствах придворная дама имеет право примостить заднюю часть тела на сиденье?

— Почти никогда. Она не имеет права садиться ни в присутствии короля, ни в присутствии королевы, если только не принадлежит к королевской семье. Но существует множество правил и исключений. Ах! Право на табурет! О нем мечтает каждый и прежде всего каждая, еще со времен старых кельтских королей. Мне доводилось слышать, что в давние времена подобного права удостаивались только мужчины. Эта традиция прижилась и при французском дворе, но распространилась и в отношении дам. Табурет — знак высочайшего положения в обществе или особой монаршей милости. Этим правом наделены особы из Дома королевы или Дома короля. Зато существуют разные предлоги, позволяющие обойти это правило.

— Какие, например?

— Например, игра в карты. Если вы играете, то можете сидеть даже в присутствии королевской четы. То же относится и к вышиванию. Нужно держать в руках хоть что-то, напоминающее о рукоделии. Некоторые жеманницы просто держат связку лент. В конце концов вы поймете, что существует тысяча способов...

Королева была окружена придворными дамами, которые наряжали и причесывали ее к вечернему празднеству. На столике с выгнутыми ножками стояли раскрытые ларцы и футляры с драгоценностями короны. Мария-Терезия по очереди примеряла украшения: ожерелья из золота или позолоченного серебра с бриллиантами, серьги с уникальной величины индийским алмазом грушевидной формы, браслеты, диадемы.

Анжелика, сделав множество реверансов и поцеловав королеву руку, держалась несколько в стороне. Она вспоминала инфанту, какой впервые увидела ее в вечер бракосочетания с королем в Сен-Жан-де-Люзе. Куда подевались светлые шелковистые волосы, поднятые накладными буклями, тяжелые испанские юбки, поддерживаемые вышедшими из моды фижмами? Королева была одета на французский манер, но такая мода не украшала ее полную фигуру. Нежная бело-розовая кожа испанки, в былые времена хранимая сумраком мадридских дворцов, теперь покрылась сосудистой сеточкой, кончик носа стал красноватым. Но нельзя было не восхищаться природным величием несчастной женщины, столь обделенной судьбой. Несмотря на набожность и не слишком острый ум, королева отличалась жизнерадостным характером. Ее нрав был воистину «испанским», и он бурно проявлялся как во вспышках гнева и ревности, так и в страсти, которую она питала к королю. Мария-Терезия любила

придворные развлечения и сплетни, а малейшее внимание супруга приводило ее в наивный восторг.

Перехватив взгляд Анжелики, Ее Величество воскликнула, указывая на бриллиантовое кольцо на своей груди:

— Вот на что следует смотреть... а не сюда, — и королева с едва заметной улыбкой обвела рукой свое лицо.

В углу комнаты карлики играли с любимыми собачками-грифонами королевы. Баркароль заговорщически подмигнул Анжелике.

Поскольку погода благоприятствовала, состоялась долгая прогулка по парку. С наступлением темноты слуги зажгли свечи и весь двор погрузился в сильнейшую суматоху — каждый торопился позаботиться о своем туалете.

Анжелика переоделась в приемной, отведенной для фрейлин королевы. Мадам де Монтеспан заявила, что драгоценности, которые принесла маркиза дю Плесси, слишком скромны. Но времени, чтобы отправлять посыльного в парижский отель Ботрейи, не оставалось. Тут же перед Анжеликой с футлярами для драгоценностей появились два ломбардца, придворные мастера золотых и серебряных дел, которые за «скромную» плату предоставляли на несколько часов любые украшения — впрочем, действительно очень красивые. Как полагалось в таких случаях, пришлось подписать целую кипу документов, гарантировавших, что высокородная клиентка не сбежит бог знает куда, прихватив украшения с собой.

Анжелика подписала документы и внесла «скромную» плату в почти двести ливров. На эти деньги можно было купить по меньшей мере два недурных браслета. Затем она спустилась на первый этаж к большой галерее, в которой давали театральное представление.

Король уже занял свое место. Строгость этикета превращала все стулья в недоступную роскошь. Анжелика не слышала ничего, кроме взрывов смеха, доносившихся из первых рядов зрителей.

— Что вы думаете об уроке, который преподносит нам месье Мольер? — тихий голос звучал прямо у ее уха. — Поучительно, не так ли?

Голос был настолько любезным, что Анжелика подумала, будто она грезит: рядом, в роскошном, расшитом серебром костюме из розового атласа стоял Филипп. Персиковая кожа и светлые усы позволяли ему появляться в столь вызывающих нарядах и при этом не выглядеть смешным. Он улыбался, и Анжелика постаралась ответить самым непринужденным тоном:

— Вне всякого сомнения, урок месье Мольера необыкновенно занимателен, но, увы, отсюда я вряд ли сумею оценить его по достоинству.

— Какая досада! Позвольте, я помогу вам продвинуться на несколько рядов.

Дю Плесси положил руку на талию супруги и повлек ее вперед. Перед ними с готовностью расступались. Все знали, что Филипп пользуется особой милостью короля и старались быть с ним полюбезнее. К тому же маршальская должность наделяла маркиза большими привилегиями: например, он мог въезжать в карете во двор Лувра и сидеть в присутствии короля. Правда, эти привилегии не распространялись на его жену.

Супруги расположились справа от сцены. Конечно, им пришлось стоять, но они все прекрасно слышали и видели.

— Кажется, мы нашли великолепное место, — сказал Филипп. — Мы видим спектакль, а король видит нас. Превосходно.

Муж не убрал руки с ее талии; более того, он наклонил голову к лицу Анжелики настолько, что она

почувствовала легкое шелковистое прикосновение его парика.

— Разве необходимо так тесно прижиматься ко мне?
— очень тихо, но достаточно сухо спросила Анжелика. После некоторого размышления она пришла к выводу, что необычное поведение мужа весьма подозрительно.

— Совершенно необходимо. Ваш злокозненный ум не придумал ничего лучшего, как подключить к своей игре короля. А я не хочу, чтобы сюзерен сомневался в моей доброй воле. Желания Его Величества — закон.

— А! Так все дело в этом? — воскликнула Анжелика, глядя на маркиза в упор.

— Да, в этом... И продолжайте смотреть мне в глаза хотя бы несколько секунд. Пусть никто не усомнится, что маркиз и маркиза дю Плесси-Бельер помирились.

— Это важно?

— Этого желает король.

— О! Вы...

— Держите себя в руках.

Руки Филиппа превратились в железные тиски, но голос остался вежливым и даже ласковым.

— Вы меня задушите, грубое животное!

— Не сомневайтесь, это доставило бы мне удовольствие. Потерпите, возможно, дойдет и до этого. Но не сейчас и не здесь... Смотрите, Арнольф требует, чтобы Агнесса прочитала одиннадцать правил брака. Послушайте, мадам, прошу вас.

Пьеса, которую давали в театре, еще не была знакома публике. Король смотрел ее первым. На сцене появился Арнольф, намеревающийся вступить в брак, и вручил своей будущей супруге какой-то рукописный свиток ^[39].

*В кармане у меня и руководство есть,
Где жен обязанность изложена исправно.*

*Не знаю автора, но, верно, малый славный.
Вот собеседник вам на каждый день и час.
Теперь читайте вслух — я буду слушать вас.*

Роль Арнольфа исполнял Мольер. Его одухотворенное лицо чудесно перевоплотилось, отражая все чувства недалекого мещанина: от подозрительности до мелочного тщеславия. Жена актера, Арманда Бешар, тоже поразительно подходила на роль Агнессы, невежественной и легкомысленной юной красотки. Чистым, покорным голосом она читала:

*Жене, что по закону, честно
На ложе мужнее идет,
Должно быть хорошо известно,
Каков бы ни был обиход,
Что муж, ее беря, лишь для себя берет.*

Затем свою реплику вставлял Арнольф:

*Я после объясню вам этих слов значенье,
Пока читайте сплошь, не прерывая чтение.*

*Благоразумная жена
И платье надевать должна,
Какое только муж захочет.
Красива ли жена — оценит муж один...*

Анжелика слушала очень рассеянно. Она любила комедии, но близость Филиппа выводила ее из душевного равновесия.

«Если бы это могло быть правдой, — думала она, — если бы он прижал меня к себе вот так, без злобы, без обид, забыв все разногласия».

Ей хотелось повернуться к мужу и сказать: «Филипп, давайте прекратим вести себя как избалованные

капризные дети... У нас много общего, много того, что позволило бы нам договориться и, наверное, даже полюбить друг друга. Я это чувствую, я верю в это. Когда-то давно ты был моим старшим кузенком, которым я восхищалась и о котором мечтала».

Она исподтишка взглянула на маркиза. Удивительно, но ее трепет не передавался этому великолепному телу, такому мужественному, несмотря на претенциозные наряды. Досужие сплетники напрасно рассказывали ужасы о маркизе дю Плесси: он не был ни маленьким Месье, ни шевалье де Лорреном — он был богом Марсом, богом Войны, суровым, неумолимым и холодным, как мрамор.

Неужели под этой нарядной оболочкой скрыты настоящие живые чувства мужчины? Казалось, он лишен всех человеческих эмоций! У Анжелики появилось гнетущее ощущение, что Филипп так же реагировал бы на нее, будь она деревянной статуей.

В пьесе «Школа жен» Мольер рассказывал о заурядных мужчинах, каких сотни, неважно, кем они были — мещанами или дворянами. Эти мужчины бесились, когда их обманывали, глупели под взглядом прекрасных глаз и менялись в лице, когда красивая женщина прижималась к ним чуть более томно. Но с Филиппом дю Плесси-Бельером психология великого комедиографа не работала. Чем же его можно пронять?

На сцене Арнольф узнал, что Агнесса не только не любит его, но и пылает страстью к светлокудрому Орасу. Он разразился проклятиями:

*Не знаю, для чего я трачу время даром
И не закончу спор хорошеньким ударом.
С ума сведет меня ее насмешек лед,
А хлопну раза два, — и сердце отойдет.*

В своей шутовской и одновременно столь человеческой ярости Мольер был великолепен. Все знали, что в жизни он тоже ревнует и терзается из-за излишнего кокетства прелестной Бежар.

*О странности любви! Изменницам в угоду
Теряем силу мы и отдаем свободу.
Известно каждому, как много между них
Нелепых выдумщиц и ветрениц пустых;
Коварны мысли их, сердца непостоянны,
В решениях слабы, в желаниях престранны,
Чужда им честь — и все ж их любит целый свет,
Как будто лучше их на свете зверя нет.*

— Ха-ха-ха! — заливались зрители.

— Дураки! — вполголоса произнес Филипп. — Они смеются, но среди них не сыскать такого, кто не был бы готов пожертвовать всем на свете ради этих «зверей».

— Потому что у них в жилах течет кровь, а не вода, — ответила Анжелика.

— А в сердцах нет места ничему, кроме глупости!

*Нет, полно дерзости мне выносить от вас...
И если речи вас мои не обуздали,
То я вас вытряхну немедленно подале.
Меня отвергли вы, не внемлете добру,
Я в монастырскую упрячу вас дыру!*

— кричал Арнольф,

Партер отвечал дружным хохотом.

— Конец пьесы мне скорее понравился, — сообщил Филипп. — А вы что на это скажете, мадам?

Анжелика молчала, и после некоторой паузы маркиз продолжил:

— Этот Мольер — ловкий малый и умный человек, — Спектакль закончился, вся публика через сад

направлялась к бальной зале. — Он знает, что сочиняет прежде всего для короля и двора. Именно поэтому он выводит на сцену мещан и мелкий люд. Но из-за того, что он описывает человека вообще, каждый узнает себя и при этом не обижается на автора.

«А Филипп вовсе не глуп», — удивленно подумала Анжелика.

Дю Плесси непринужденно взял руку жены, к чему та отнеслась с некоторым опасением.

— Не бойтесь, я вас не укушу, — сказал он. — Разумеется, я не причиню вам вреда прилюдно: таков основной принцип псовой охоты. Выучка должна проводиться при закрытых дверях, с глазу на глаз. Итак, давайте подведем счет в нашей игре, будете слушать? Тур первый. Первую партию вы выиграли, заставив меня жениться. Я выиграл вторую, подвергнув вас маленькому заслуженному наказанию. Но решающая партия осталась за вами, потому что вопреки моим запретам вы появились в Версале и были приняты при дворе. Я признал себя побежденным, и мы приступили ко второму туру. Я выиграл первую партию, похитив вас, вы выиграли вторую, сбежав из монастыря. Хотел бы я знать, как вам это удалось? Короче, мы вновь оказались на пороге решающей партии. Кому же достанется победа на сей раз?

— Это решит судьба.

— И сила нашего оружия. Возможно, и в этой партии вы выйдете победительницей. У вас большие шансы. Но берегитесь! Предупреждаю: весь турнир выиграю я. У меня репутация человека, который всегда добивается своего, а со временем я обычно укрепляю свои позиции. Готов держать пари, что однажды благодаря моим усилиям вы окажетесь в захолустном монастыре за прялкой и без всякой надежды выйти из заточения. Поспорим?

— А я держу пари, что когда-нибудь вы безумно полюбите меня! Поспорим?

Филипп остановился и сделал глубокий вздох, словно само предположение о подобном исходе дела до глубины души потрясло его.

— Ну так что же? Давайте поспорим, раз вы предложили пари, — с улыбкой продолжила Анжелика. — Если выиграете вы, я передам вам все свое состояние, все торговые предприятия и корабли. К чему мне богатство, если я буду томиться в монастыре, покорная, сломленная, лишенная рассудка от обрушившихся на меня бед?

— Вы смеетесь, — сказал Филипп, глядя на жену, — вы смеетесь, — повторил он, и в его голосе прозвучала угроза.

— А чего вы хотите, нельзя же плакать вечно!

Но ее глаза наполнились непрошеными слезами, а когда Анжелика подняла голову, чтобы взглянуть на мужа, он увидел на основании хрупкой шеи, прямо под ожерельем, которое она надела, чтобы скрыть их, синяки, полученные по его милости.

— Но если выиграю я, Филипп, — прошептала Анжелика, — я требую, чтобы вы подарили мне золотое кольцо, которым ваша семья владеет с незапамятных времен первых королей, и которое каждый старший сын должен надеть на шею своей невесты. Я не помню всех подробностей легенды, связанной с этим украшением, но в нашем краю рассказывали, будто оно обладает особой колдовской силой и дарует женщинам семьи дю Плесси-Бельер исключительное мужество. Со мной вы пренебрегли традицией.

— Потому что вы не нуждались в этом кольце, — резко ответил Филипп.

Он оставил супругу и широким шагом пошел из парка ко дворцу.

На следующий день весь королевский двор верхом отправился в лес.

На этот раз охота оказалась удачной. Уже в полдень великолепный олень, увенчанный рогами с десятью отростками, рухнул на зеленый мох. Возвращение в Сен-Жермен планировалось после церемонии раздела добычи.

Анжелика уезжала в Париж в фиакре. Перед отъездом она увидела принца Конде, который издали дружески махал ей своей тростью. Она подошла поприветствовать старого знакомого и присела в реверансе.

— Монсеньор, — сказала она, — королевский двор — удивительное место. Вы так много знаете об этом странном мире, не могли бы вы дать мне несколько советов?

— Крошка, — ответил Конде, — при дворе важны всего три вещи: хорошо отзываться обо всех и вся, просить любое место, которое оказалось вакантным, и садиться, как только появляется такая возможность!

Глава 10

Из Версаля в Париж Анжелика возвращалась в фиакре.

Путь показался ей недолгим — настолько она была переполнена впечатлениями. Просто не верилось, что с отъезда прошло всего три дня. Новая придворная жизнь вызывала ощущение беспокойства, возбуждала любопытство и в то же время казалась необыкновенно притягательной. Анжелика была еще слишком далека от того, чтобы разобраться во всех ее хитросплетениях. На сей раз ее покорили не столько блеск и праздничность, сколько кипение страстей в этом совершенно особенном, закрытом мире, регламентированном, как балет, но взрывоопасном, как вулкан.

Она вспомнила свой случайный разговор с графом де Лозеном на какой-то лестнице. Едва не приплясывая от нетерпения, он рассказал невероятно сложную и запутанную историю о монсеньоре герцоге де Мазарини^[40]. После того как герцог причислил себя к благочестивым, принцесса де Арекье заявила, что теперь ему нельзя сохранять за собой сразу три или четыре придворных должности, требующие неустанных забот. Принцесса убедила Мазарини отказаться от одной из этих должностей, потому что такой поступок якобы богоугоден. Госпожа принцесса действовала по просьбе Лозена, который намеревался сам подхватить освободившую должность герцога.

Лозена несколько не интересовало управление Эльзасом, но если он получит эту должность, то сможет перепродать ее мессюру де Лонгвиллю, который...

Возбуждение Лозена вмиг пропало, когда он заметил, что в глазах Анжелики танцуют смешинки. Он

криво усмехнулся.

— Смейтесь, дорогая, смейтесь до поры, до времени. Вы тоже придете к этому, как и все. При дворе каждый просыпается в заботах о собственных интересах; мы печемся о них утром и вечером, днем и ночью. Королевский дворец — это огромный рынок, где приходится постоянно торговаться и спекулировать, чтобы отстоять собственные интересы и интересы тех, кто тебе близок.

Как бы то ни было, сама Анжелика возвращалась домой с пустыми руками: ведь она не сумела достичь намеченной цели и не нашла себе даже захудалой должности.

Ей так и не удалось встретиться с Лувуа, но сейчас она не жалела об этом, размышляя, что, может быть, лучше заручиться поддержкой господина Кольбера, или маркиза де Лавальера, или того же де Лозена, или Великой Мадемуазель... Нужно что-то придумать. А это дьявольски сложно!

Она надеялась, что покой отеля Ботрейи пойдет ей на пользу. От усталости ломило все тело, но особенно сильно после бесконечных реверансов болели колени. Ей пришло в голову, что, должно быть, придворные сохраняют железные мышцы до самого преклонного возраста. Но Анжелике пока явно не хватало сноровки.

«Горячая ванна, легкий ужин и — в постель! В конце концов, до завтра Филипп не запихнет меня в монастырь. Кто знает — а вдруг приказ короля сделает моего мужа на какое-то время любезным».

К Анжелике вернулся ее природный оптимизм. Она смотрела на Париж и находила его этим вечером слишком серым, особенно в сравнении с блистающим золотом Версаля. Зато вид Парижа действовал на нее умиротворяюще.

Створки массивных ворот в большой парадный двор оказались распахнутыми настезь.

«Придется сделать внушение привратнику. Как он посмел допустить такой беспорядок!» — подумала Анжелика, спрыгивая на землю во время короткой остановки наемного экипажа рядом с привратницей своего дома. Флипо, по обыкновению более шустрый, чем его хозяйка, лихо выскочил из экипажа, чтобы поддержать край ее плаща.

— Прощения просим, извини, Маркиза, — пробормотал паренек.

Но Анжелика даже не пожурила его за клоунскую выходку — настолько ошеломляющая картина открылась перед ними.

— О Господи, во дворе моего особняка — настоящая деревенская ярмарка!

Каких-нибудь три дня тому назад Анжелика уехала с совершенно пустого двора, но теперь он был битком забит колясками, наемными фиакрами и портшезами. Здесь стояли еще и три кареты — надо признать, довольно скромные, но занявшие самые удобные места.

— По-моему, Маркиза, сюда переселился весь город. Может, они приняли вашу хибару за постоянный двор... не в обиду вам будет сказано?

С пылающим от гнева лицом мадам дю Плесси попыталась пробраться к дому сквозь разношерстную толпу, состоявшую из кучеров и слуг самого низкого положения, так как на большинстве из них не было ни ливрей, ни иных знаков отличия. Никто даже не собирался признавать в ней хозяйку дома.

Какой-то пропахший вином детина с красным носом, ругаясь, загородил Анжелике дорогу.

— Пстой, красотка, куда? Здесь и так полно народу, да еще персоны поважнее тебя будут. Даже они ждут с самого утра.

Флипо заорал наглецу, что перед ним — хозяйка особняка. Но тот нисколько не смутился:

— Не пытайся меня надуть. Здешняя хозяйка — знатная дама, она купается в миллионах, и сам король не отходит от нее ни на шаг, вот как люди говорят. Брось врать, она бы не прикатила в этой старой колымаге, да еще в сопровождении такого сопливого лакея, как ты. Сам-то я состою на службе у первого камердинера мессира де Лавальера, так вот этот первый камердинер побогаче, чем твоя так называемая маркиза. Посмотри на его карету вон там, в углу. И вам хватает наглости требовать, чтобы вас приняли раньше его? Нет уж, дудки!

Анжелика оттолкнула грубияна и пошла дальше под улюлюканье и порой даже нескромные выкрики собравшихся.

— Все не так просто, красотка! Разве что ты найдешь с кем поговорить. Хотя маркиза очень несговорчивая, настоящий верблюд!

Стараясь скрыть растущее беспокойство, Анжелика вошла в переднюю, которая тоже была переполнена незнакомыми людьми.

— Тереза! Марион! — позвала она.

Хотя никто из слуг так и не появился, ее окрик заставил «захватчиков» замолчать.

Один из них, облаченный в богатую ливрею с многочисленными бантами, бросился к ней навстречу и склонился в глубоком дворцовом поклоне, словно перед высокородной принцессой.

— Умоляю госпожу маркизу извинить дерзость, которую я себе позволил, — заговорил незнакомец, бледнея и что-то лихорадочно ища за полкой сюртука. — Ах! Наконец-то!

Он с облегчением вздохнул, вытаскивая перевязанный шелковой лентой свиток пергамента, и начал читать:

— Я, месье Кармин, первый камердинер мессира де Лавальера, прошу о «привилегии аренды» для карет

между Парижем и Марселем...

При виде прошения, составленного каллиграфическим почерком, толпа бедных, но явно принарядившихся к случаю просителей вдруг «расцвела» белыми прямоугольниками. Казалось, будто в комнате вспорхнула стая чаек, но только «птицы» не улетели, а остались на месте.

— У меня тоже прошение: я отставной капитан гвардии Генриха IV. Посмотрите на мою квадратную бороду. Я ходатайствую о получении привилегии по аренде стульев для королевских спектаклей. Вы осчастливите одного из самых старых слуг королевской династии...

Несчастный старик, невзирая на военную выправку, весь трясся так, что на него было жалко смотреть.

Отпихнув дряхлого ветерана, к ногам Анжелики бросилась полная пожилая дама, явно принадлежавшая к старинному дворянскому роду, но в залатанной шали, выдававшей ее бедность.

— Я — баронесса де Водю. Увы, в сложившихся обстоятельствах я не могу позволить себе образ жизни, подобающий моему положению. Добейтесь для меня исключительного права на разгрузку тележек со свежей рыбой в парижском порту, и вы наполните счастьем последние годы моей жизни.

Совершенно сбита с толку Анжелика с трудом подавила желание прыснуть со смеху и срывающимся голосом спросила:

— Свежая рыба?.. Госпожа баронесса, не могу себе представить, как вы отличите сельдь от макрели...

Почтенная дама поднялась с колен и кинула на мадам дю Плесси сердитый взгляд.

— Фи, дорогая маркиза! Разумеется, я не стану заниматься такой пакостью лично. Найду какого-нибудь старого марсельца и за приличную плату передам ему в пожизненное пользование ту привилегию, которую

ваша милость поможет мне получить, заручившись поддержкой нашего всемогущего государя. Несколько су за каждую тележку с рыбой, проезжающей через ворота Сен-Дени.

Тут низенький старичок с реденькой бородкой с неожиданной силой ловко оттеснил баронессу.

— Мадам дю Плесси-Бельер, прошу выслушать в первую очередь меня, потому что я явился сюда ради научного открытия. Это совершенно секретные сведения.

— Месье, я с вами не знакома и знакомиться не собираюсь. Обратитесь к месье Кольберу, он интересуется учеными.

Их разговор прервал какой-то верзила весьма добродушного вида, подошедший в сопровождении молодого человека приятной наружности:

— Нечего и говорить об этом скряге суконщике! Он не разбирается ни в изящной словесности, ни в науке. Мадам, не пренебрегайте месье Перро и моей скромной персоной, ведь мы с вами встречались у мадемуазель де Ланкло и у госпожи де Севинье.

— Ах! Я узнала вас, месье де Лафонтен и, если не ошибаюсь, месье Перро^[41]. Ведь вы — интендант королевских строений?

— Да, мадам, — ответил молодой человек, краснея.

— Проходите, — пригласила Анжелика и втолкнула литераторов в одну из комнат первого этажа, служившую ей рабочим кабинетом.

«Уф!» — выдохнула Анжелика, когда ей наконец-то удалось закрыть дверь.

В последнюю секунду она заметила, что старик с редкой бородкой, воспользовавшись случаем, тоже просочился в кабинет, но воздержался от участия в разговоре, дабы не быть выставленным вон.

Анжелика прежде не разговаривала с Лафонтеном, но не раз видела этого долговязого господина в поношенном платье и в парике, побитом молью, который вечно съезжал набок. У нее возникло такое ощущение, будто их связывает давнее знакомство. По слухам, Лафонтен занимался изящной словесностью и сочинял стихи. Еще говорили, что он необычайно рассеян и настолько погружен в собственные грезы, что по прошествии трех недель ухитрился забыть о своей недавней женитьбе. Нинон любила его за острый ум и умение развлечь публику. Анжелика Лафонтену симпатизировала, хотя и не одобряла его образ жизни: она считала, что этот королевский пенсионер-прихлебатель изобретает массу хитростей, лишь бы не работать, а довольствоваться своим полунищенским существованием.

— Как и зачем вы очутились среди этого балагана?
— строго спросила маркиза. — Разве вы не знали, что я уехала в Версаль?

— Напротив, мы это отлично знали и явились к вам в приемную с самого раннего утра, чтобы не пропустить вашего возвращения из тех благословенных мест. Рассказы о милости, которой вы удостоились...

— Да что это за милость, о которой мне уже все уши прожужжали?! — воскликнула Анжелика. — Черт возьми, я не единственная особа этого города, принятая в Версале! К тому же можно сказать, что я вообще была там впервые.

— Однако это не помешало королю беседовать с вами с глазу на глаз более двух часов.

— С глазу на глаз? В рабочем кабинете Его Величества помимо нас находился месье Кольбер.

— Да, и это намного серьезнее, чем если бы государь принимал вас в своем алькове. Факт редкий, неслыханный: дама в рабочем кабинете Его Величества!

— Если бы вы знали, о чем мы беседовали, то не придумывали бы столько небылиц. Речь шла о... впрочем, вас это не касается.

— Вы совершенно правы, — пошептал Лафонтен и сделал жест, означающий, что негоже простым смертным проникать в тайны богов. — Нам достаточно знать, что Юпитер встретил Венеру, и эта встреча, благословленная Меркурием, не может не всколыхнуть Олимп, ликующий после столь знаменательного события.

Анжелика рухнула на тахту и открыла веер.

— Я — не Венера, и, как бы то ни было, король не показался мне похожим на Юпитера. Что касается месье Кольбера, которого вы нарекли Меркурием, то меня ничуть не удивит, если министр, прослышав об этом, будет взбешен; он решит, что вы насмехаетесь над ним. При всех огромных возможностях этого человека невозможно вообразить, чтобы он прикрепил себе крылья на пятки.

— Я намекал лишь на его небывалую коммерческую смекалку. Вероятно, вы не знаете, что Меркурий слыл прежде всего богом торговли?

— Я этого не знала. И не сомневаюсь, что месье Кольбер тоже не знает. Сколь печально неведение! — усмехнулась Анжелика.

— Так вот почему этот безголовый министр с таким презрением относиться к литературе, — кислым тоном протянул Лафонтен.

— Решительно, вы преувеличиваете...

— Но как иначе расценивать акт вандализма, который он совершил, отобрав пенсии у трех четвертей писателей, которых поддерживал Его Величество?!

— Я слышала, будто он намерен тщательно изучить творчество каждого из них, а затем выплачивать многим из людей искусства крупные пособия, разве не так?

— А чем до той поры жить бедному поэту, у которого на все про все осталась только пожетонная плата Литературной академии^[42] — тридцать два су в день?

— На тридцать су вы можете купить фунт хорошего масла, двух цыплят, дюжину яиц, кувшинчик сидра и два фунта гороха или бобов. И у вас еще останется несколько монет, чтобы выпить шоколад «У испанской карлицы», — засмеялась Анжелика. Она наконец догадалась, к чему клонит этот столь же практичный, сколь и мечтательный поэт.

Добрейший Лафонтен скорчил такую мину, какой комедиант стал бы изображать на сцене удрученное состояние своего героя.

— Увы! Дорогая маркиза, вы безжалостно точны в своем подсчете, хоть и упускаете из виду некоторые, на первый взгляд, незначительные нюансы. Чтобы получить пожетонную плату в Академии, мы вынуждены торчать там часами напролет, доказывая, что обычно не сидим без дела, как будто труд литератора можно измерить, как локоть сукна! Получается, что чем больше мы работаем, тем больше хотим есть.

Анжелика поднялась и достала из своей шкатулки увесистый кошель.

— Это поможет вам дожидаться возвращения королевской пенсии, месье де Лафонтен. А что до милостей, которыми осыпает меня король, то кому, как не вам, знать, что людская молва может превратить в гору даже крошечную песчинку.

На лице поэта отразились живейшие чувства, свидетельствующие о том, что щедрость Анжелики превзошла его ожидания.

— А вы, месье Перро, — маркиза повернулась к молодому человеку, — чего вы желаете?

— Мадам, — подскочил тот, — я ничего... я не знаю... то есть... главное — это ваши желания.

— Замечательно! В таком случае я без обиняков расскажу вам, чего хочу. Я хочу, чтобы меня оставили в покое и чтобы я смогла наконец принять ванну.

— «Купающаяся Сусанна»^[43], — с жаром воскликнул Лафонтен. — О! Какая дивная картина!

Маркиза направилась к маленькой двери в свои апартаменты, а поэт последовал за ней по пятам.

— Я не Сусанна, — категоричным тоном заявила Анжелика, — а вы — точно уж не старцы, не так ли?

— Отчего же — не так, — произнес вдруг третий посетитель, о котором Анжелика успела забыть.

— Что значит «не так»?

— Я — старец, поскольку вы спросили именно об этом, прекрасная дама. Меня зовут Савари, я аптекарь, и мне необходимо побеседовать с вами наедине, потому что мое дело касается короля, вас, но главным образом — науки.

— О нет! Сжальтесь, — простонала Анжелика. — У меня голова раскалывается, неужели вы не понимаете? И ни музыки, ни наука мне не помогут. Вот, возьмите и себе кошелек, но только уйдите!

Казалось, господин с бородкой не видит денег, протянутых Анжеликой. Он подошел к маркизе и сунул ей в рот нечто, что та от изумления тотчас проглотила.

— Мадам, не надо ничего бояться! Эти драже способны укротить самую строптивую головную боль. Секрет их изготовления я узнал на Востоке, ведь я — продавец аптекарских товаров, как я уже имел честь сообщить, а также бывший торговец с Востоком.

— Вы торговец? — удивилась Анжелика, вглядываясь в тщедушную фигуру.

— Я связан с обоими советниками торговых представительств Марселя, и именно через них мне

стало известно, что месье Кольбер говорил о вас как о персоне, которая занимается торговлей на море.

Чуть поколебавшись, Анжелика все же заметила, что ее единственный корабль торгует с Вест-Индией, а вовсе не с Востоком.

— Это неважно, — упорствовал аптекарь, — меня совершенно не интересует ваш корабль. Я пришел к вам по делу, которое может заинтересовать особу короля и вас саму.

Анжелика уже была готова послать настырного просителя ко всем чертям, тем более что обе «гордости» Академии наконец-то тихонько удалились через заднюю дверь.

— Моя просьба может показаться вам в высшей степени странной, — продолжал фармацевт, — вы можете счесть ее нескромной и даже нелепой. Тем хуже, потому что я надеюсь только на вас и мне некуда отступать. Буду краток. Вскоре к Его Величеству прибудет один необыкновенный посол, хотя наш государь сам еще не знает о предстоящем визите. В любом случае, этот визит неофициальный. Еще короче. Посланник Его Величества Сулеймана, шахиншаха Персии^[44], прибудет для ведения переговоров о подписании договора о взаимной помощи и дружбе с королем Франции.

— Может быть, вы и есть тайный посланник персидского шаха? — усмехнулась Анжелика.

Лицо старика потемнело от огорчения, и он стал похож на обиженного ребенка. Со стоном он продолжил:

— Увы! Как бы я хотел быть им! И я бы не хуже других справился с заданием шахиншаха. Я говорю и пишу на персидском, турецком и арабском языках, знаю иврит. Пятнадцать лет я был в рабстве, сначала у турецкого султана в Константинополе, потом попал в

Египет, и меня уже собирался купить султан Марокко, наслышанный о моих медицинских познаниях, когда при посредничестве святых отцов один из близких родственников выкупил меня. Но дело не в этом. Я хочу, чтобы в интересах нашего короля, в ваших собственных интересах и в интересах науки вы попытались раздобыть крошечный образец редчайшего продукта, который персидский посол намеревается преподнести нашему монарху. Речь идет о минеральной настойке, которую называют мумиё^[45]. Надо отметить, что персы обладают этим веществом в чистом виде, тогда как я смог получить лишь образцы из египетских могил, непосредственно с мумий. Эта субстанция использовалась в составе для бальзамирования.

— И вы заставили меня проглотить эту гадость? — воскликнула Анжелика.

— Разве вам не стало лучше?

Анжелика с удивлением заметила, что мигрень в самом деле исчезла.

— Вы — настоящий волшебник! — заметила она с невольной улыбкой.

— Скорее — ученый, исследователь, мадам. Если бы вы смогли достать образец этого раствора, я бы молился на вас, потому что это безмерно помогло бы в работах, которым я посвятил всю свою жизнь. Но мне ни разу не удалось раздобыть даже капли. Я только видел эту жидкость во флаконе, охраняемом тремя мамелюками. Видел и даже смог вдохнуть ее аромат. Она пахнет так сильно, что запах можно почувствовать за сотню туазов. Отвратительный и в то же время дивный запах. Так пахнут трупы и мускус... Восхитительно! — ликовал аптекарь.

Анжелика начинала подозревать, что имеет дело с умалишенным или с человеком, чей рассудок помутился от старости. «Самое главное — ему нельзя перечить», —

решила она. Посетителя следует выпроводить самым вежливым образом. Она пообещала сделать все возможное, хотя и сомневается, что сможет получить доступ к столь ценному подарку.

— Вы можете все! — пылко выкрикнул ученый. — Вы просто обязаны находиться там, когда прибудет посол и станет вручать свой подарок. И если окружение короля и, главным образом, неучи-врачи не оценят всю значимость предмета и совершат кощунство, выбросив его, обещайте мне спасти хотя бы каплю. Умоляю, СПАСИТЕ МОЕ МИНЕРАЛЬНОЕ МУМИЁ!

Анжелика обещала сделать все, что будет в ее силах.

— Спасибо! Тысячу раз спасибо, прекраснейшая дама! Вы дарите мне надежду.

С удивительным проворством ученый опустился на колени и несколько раз коснулся лбом роскошного ковра. Затем убеленный сединами старик поднялся и извинился за восточный обычай, который он перенял, находясь в турецком плену.

Анжелика еще раз повторила свое обещание, незаметно подталкивая собеседника к выходу. При этом она не удержалась и спросила аптекаря, почему вдруг он решил прийти именно к ней вместе со всей разношерстной толпой просителей.

Старик выпрямился и вернулся к действительности. Его взгляд стал острым и внимательным. Он сказал, что, впервые заметив Анжелику, сразу же понял, что она создана, чтобы занимать первое место всюду, где появляется.

— Но где вы могли меня заметить?

— При дворе.

— При дворе? Вы?

— Разве я не говорил вам, что связан с советниками торговых представительств Марсея?

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, он продолжил:

— По тем же причинам, что вам изложили эти господа из Академии, я не мог не заметить, что ваше положение в обществе упрочилось, а король вам благоволит. Но прежде всего вашу значимость усиливает то обстоятельство, что мадемуазель де Лавальер теряет свои позиции, ей грозит скорая опала.

— Опала? А я считала, что она на пике своей славы, осыпана королевскими милостями.

— Все верно, мадам; однако ученый, коим я являюсь, не может не заметить, что ее падение не за горами, потому что кривая, стремящаяся к своей вершине, названной Декартом «максимумом», затем неминуемо низвергнется к нижней точке, названной «минимумом». Но помимо этих, так сказать, математических прогнозов, существуют явления простые, обыденные, которые помогают мне предвидеть будущее. Скажем так: крысы уже бегут с тонущего корабля. Рядовые люди из окружения мадемуазель де Лавальер, включая ее первого камердинера, дезертировали, чтобы явиться к вам. А в свете последних событий это означает лишь одно: у вас неплохие шансы стать фавориткой Его Величества.

— Что за чепуха! — Анжелика пожала плечами. — Мэтр Савари, для вашего возраста у вас слишком бурное воображение.

— Вот увидите! Вот увидите! — сказал маленький старичок, и его глаза блеснули за стеклами массивных очков.

В конце концов он ушел.

Оставшись одна, Анжелика заметила, что в доме что-то переменялось. Внезапно наступила полная тишина.

Она дернула за шнур звонка, не рискуя выйти в переднюю, и через несколько мгновений послышались

шаги дворецкого Роже, который не замедлил появиться в комнате.

— Мадам, ужин подан.

— Ну наконец! Куда пропали все просители?

— Я распустил слух, что вы тайком отбыли в Сен-Жермен, и эти болваны тотчас бросились из особняка в погоню за вами. Пусть госпожа маркиза простит меня, но я не знал, как отразить такое нашествие.

— А должны знать, мэтр Роже, иначе мне придется отказаться от ваших услуг, — резким тоном заявила Анжелика.

Дворецкий согнулся в низком поклоне и заверил хозяйку, что отныне будет самым тщательным образом «отслеживать» всех посетителей.

Анжелика отужинала легким овощным супом, омлетом с ячневой крупой и салатом из побегов капусты, которую называли брокколи. После чего улеглась в кровать и тотчас заснула.

На следующий день, отложив все дела, маркиза уселась за письменный стол и составила послание в Пуату, отцу. Она поручала ему отправить в Париж своих сыновей Флоримона и Кантора, которые уже несколько месяцев находились под присмотром деда. Отправить как можно скорее в сопровождении их прислуги. Она позвонила, чтобы вызвать своего скорохода, но дворецкий напомнил о том, что скороход исчез несколько дней тому назад, когда пропали лошади и все служащие конюшни. Госпожа маркиза отлично знала, что ее каретный двор и конюшня пусты: ни карет, ни лошадей, ни людей, только два забытых портшеза.

Анжелике пришлось приложить немалое усилие, чтобы сдержать гнев в присутствии своего дворецкого. Она сказала Роже, что, когда эти негодяи слуги появятся, он должен палками выгнать их из дома, да еще и лишит жалованья за последний месяц. Мэтр

Роже, сохраняя хладнокровие, заметил, что у них мало шансов вновь увидеть сбежавших слуг, потому что все они уже приняты на службу к мессюрю дю Плесси-Бельеру.

Впрочем, добавил дворецкий, большая часть слуг не усмотрела ничего дурного в приказе отвести лошадей и кареты госпожи маркизы во владения господина маркиза.

— Здесь вы обязаны повиноваться только мне! — сказала Анжелика, кипя от еле сдерживаемого бешенства.

Хозяйка приказала мэтру Роже без промедления отправиться на Гревскую площадь и нанять новых слуг, потом купить лошадей на ярмарке Сен-Дени — достаточно четверной упряжки и двух скакунов для разъездов. После этого пригласить каретника, который обретался по соседству под вывеской «Позолоченные колеса» и уже не раз поставлял экипажи маркизе дю Плесси. Все это называется «выкидывать деньги на ветер», а если говорить о Филиппе, то он совершил ни больше ни меньше как кражу. Могла ли она обратиться к сержанту полиции или в суд? Нет, не могла, оставалось только смириться. Но такое смирение никоим образом не соответствовало темпераменту Анжелики.

— Как быть с письмом, которое госпожа маркиза хотела отправить в Пуату? — осведомился дворецкий.

— Посылайте общественной почтой.

— Общественная почта отбудет только в среду.

— Ничего! Письмо может подождать.

Чтобы успокоиться, Анжелика потребовала отнести ее в портшезе на набережную Межисри, где находились принадлежавшие ей склады-вольеры с экзотическими птицами из Вест-Индии.

Она выбрала яркого попугая, который ругался, как морской пират с острова Сен-Кристоф^[46]. Впрочем, Анжелика вовсе не думала оскорблять слух прекрасной Атенаис, а напротив, хотела повеселить свою подругу. К подарку Анжелика присовокупила маленького негретенка, разноцветный наряд которого был под стать оперению диковинной птицы: оранжевый тюрбан, зеленая курточка, алые шаровары и такие же чулки, расшитые золотом. В черных лаковых ботинках, блестящих, как и мордашка самого мальчугана, маленький мавр был похож на венецианскую деревянную раскрашенную скульптуру для крепления факелов. Такие скульптуры как раз начали входить в моду в Париже.

Это был поистине царский подарок. Анжелика знала, что мадам де Монтеспан его оценит, и полагала, что сделала выгодное вложение. Пока какие-то ненормальные безо всяких оснований уже превратили ее в будущую фаворитку короля, она единственная догадывалась, чего следует ожидать на самом деле. От этой мысли Анжелика чуть не рассмеялась. Все-таки люди так глупы!

Ожидая решения своего «придворного дела», Анжелика не находила себе места. К уже имевшимся трудностям теперь прибавились бесчисленные и бесплодные демарши, которые предпринимали скапливавшиеся у нее в приемной просители всех мастей, назойливые, как слепни в разгар августа.

Когда маркиза вернулась на улицу Ботрейи, трое просителей уже поджидали ее. У Анжелики в глазах потемнело от злости, и она уже хотела схватить их за шиворот, чтобы вышвырнуть вон.

— Здравствуй, Анжелика, — сказали они хором.

В сумерках она не узнала троих младших братьев: Дени, Альбера и Жана-Мари.

Анжелика видела их время от времени, чаще всего — когда юноши нуждались в деньгах. Дени превратился в огромного весельчака двадцати трех лет и служил в армии, в полку Турени. Все его скудное офицерское жалованье поглощалось карточными долгами. Молодой повеса докатился до того, что продал лошадь и отдал внаем слугу. Альбер и Жан-Мари, которым исполнилось семнадцать и пятнадцать лет, еще были пажами, старший служил у мессира Сен-Романа, а младший — у герцога Мазарини.

Анжелика не стала терять время на расспросы. И без того было ясно, чего они хотят: как обычно, денег. Она направилась к шкатулке и отсчитала каждому по несколько экю, на сей раз отказавшись от обычных нравоучений. Довольные Дени и Жан-Мари ушли, но юный Альбер последовал за сестрой в ее комнату.

— Теперь, когда ты так хорошо устроилась, Анжелика, нужно, чтобы ты помогла мне заполучить прибыльную церковную должность!

— У тебя есть деньги, чтобы купить такую должность?

— Ты мне поможешь. Я недавно услышал, что освободилось место настоятеля Ньельского аббатства.

Анжелика, расшнуровывая корсаж перед большим зеркалом, обернулась:

— Ты спятил?

— Ньельское аббатство расположено на ваших землях в Плесси.

— Ничуть не бывало! Это огромная независимая область, настоящая сеньория. От нее зависят несколько бенефициантов. Конечно, аббат — самый главный из них, но он должен, кроме того, поддерживать порядок в обители и постоянно находиться там.

— При помощи Раймона, нашего брата-иезуита, я мог бы получить некоторые льготы...

— Все, что ты можешь получить, милый мой, так это удар шпаги! А эту должность получить невозможно, — сказала Анжелика, презрительно глядя на брата.

Она была к нему почти равнодушна. Альбер отличался бледной красотой, схожей с красотой Мари-Аньес; в его длинном нескладном теле Анжелика не находила силы, присущей юношам Сансе. Она считала его притворщиком, а это качество никогда не было свойственно большинству членов ее семьи. В общем, он был похож на Ортанс.

— Такой юный развратник, как ты, — настоятель Ньельского аббатства?! Всему же есть предел! Я прекрасно знаю, какую жизнь ты ведешь. Совсем недавно ты обращался к эмпирику с Нового моста за лечением от неприличной болезни, которую ты подцепил черт знает где. Видишь, я все знаю...

Юный паж смутился.

— Вот уж не думал, что ты стала так добродетельна. Впрочем, тебе это совсем не идет. Ну и ладно! обойдусь без твоей помощи.

И он высокомерно удалился, бросив с порога:

— Все равно я добьюсь своей цели. Я всегда получаю то, чего хочу.

Последняя фраза была произнесена истинным Сансе.

Через минуту Анжелика уже забыла про брата. Ей доложили о приходе парикмахера, господина Бине. Передавая себя в заботливые руки этого великолепного мастера, Анжелика испытывала настоящее блаженство. Даже наблюдать за тем, как заботливо цирюльник раскладывает расчески, щипцы, маленькую позолоченную жаровню, флаконы, коробочки с мазями, доставляло ей радость.

— Как дела, Бине?

— Могло быть и получше, мадам.

— Неужели вас подводит вдохновение и вы уже не в силах творить новые шедевры на головах взыскательных дам и господ?

— О! Вдохновение — это дар, который меня не подводил никогда, а главное, оно обходится мне дешевле всего. Вы слышали про бальзам из золы сожженных пчел, который я изобрел для укрепления редких волос? Он дарит надежду тем, у кого нет такой роскошной шевелюры, как ваша, мадам.

Опытной рукой парикмахер приподнял копну шелковистых прядей темно-золотистого цвета, среди которых, как солнечные лучи, сияли вкрапления более светлых локонов.

— Я слышал, будто вы имели огромный успех в Версале и даже смогли завладеть вниманием короля.

— Я тоже об этом слышала, — вздохнув, безропотно согласилась Анжелика.

— Мадам, моей скромной профессии грозит серьезная опасность, и я надеялся на ваше вмешательство, которое наверняка спасло бы всех нас от разорения. Я говорю от имени скромных мелких ремесленников, мастеров по изготовлению париков.

Не дожидаясь расспросов, Бине завел рассказ о том, что некий месье дю Лак подал королю прошение об открытии в Париже конторы, куда должны приносить парики для проверки их качества. После этой процедуры на внутренней части парика будет ставиться клеймо, без которого изделия строжайше запрещено продавать под страхом конфискации и наложения на изготовителя штрафа в сто ливров. За осуществление такого контроля месье дю Лак просит право взимать в свою пользу десять ливров с каждого проверенного парика.

— Конечно, этот закон сильно осложнил бы вашу работу, но я думаю, король откажется давать ему ход. Он не занимается подобными глупостями...

— Ошибаетесь, мадам. Месье дю Лак принадлежит к свите мадемуазель де Лавальер, а Его Величество принимает все прошения, представленные от ее имени. Новое правило, о котором я рассказываю, уже передано на рассмотрение в Высший Совет.

— Тогда представь собственное прошение, поддержанное какой-то влиятельной особой из окружения короля.

— Например, вами, мадам, — сказал Бине и быстро достал из сумки запечатанную бумагу. — Вы столь добры, что не откажетесь передать эту обоснованную жалобу в руки Его Величества.

Анжелика не знала, как поступить. Ее прическа должна оставаться безупречной. Любая женщина знает, из каких мелочей складывается успех в высшем свете, и никогда не станет ссориться со своим парикмахером, особенно перед открытием сезона грандиозных зимних праздников.

В итоге она взяла прошение, но предупредила, что ничего не может обещать. Бине рассыпался в благодарностях.

— Мадам, вы можете все, я убежден, я знаю вас уже давно. Вот увидите, я сделаю вам прическу, достойную богини.

— Не расходуй попусту свой талант. Я тебе ничего не обещала и даже не представляю, с какого конца взяться за это дело... Что ты себе возомнил? У меня нет должности при дворе, и вообще я появлялась там всего два раза.

Но оптимист Бине безоговорочно доверял своей старой знакомой. Последующие два часа Анжелика находилась в полной власти этого словоохотливого и восторженного человека. Взглянув в зеркало, она не смогла удержаться от довольной улыбки.

— Я несколько расширил свое прошение, — упомянул Бине перед уходом. — Я настоятельно прошу

Его Величество сделать меня своим личным изготовителем париков.

— Честолюбие не доведет тебя до добра. В нашем королевстве в твоих услугах меньше всех нуждается король. У него роскошная собственная шевелюра, которая лучше любого парика и которой он никогда не согласится пожертвовать.

— Мода есть мода, — нравоучительно заявил Бине. — Перед ней склоняются даже короли. А сейчас в моде парики. Они придают величие даже заурядному лицу, исправляют самые неправильные черты. Они спасают лысых от насмешек, стариков от простуд, они помогают и тем и другим продлить их годы амурных побед. Кто сегодня обходится без парика? Рано или поздно король тоже будет им пользоваться. А я, Франсуа Бине, специально для Его Величества придумал модель, которая позволит ему носить парик, не расставаясь со своей шевелюрой и даже не полностью скрывать ее.

— Месье Бине, вы меня заинтриговали.

— Мадам, я открою свою тайну только одному человеку — королю.

На следующий день Анжелика решила, что больше не может обходиться без придворной суеты, и отправилась в замок Сен-Жермен-ан-Ле, вот уже три года служивший одной из постоянных резиденций Людовика XIV.

Глава 11

Анжелика приказала остановить карету у входа в парк. Здесь подступы ко дворцу казались еще более оживленными, чем в Версале. Близлежащий городок принимал непосредственное участие в жизни королевского двора. Зеваки, просители, служащие, лакеи постоянно сновали туда-сюда.

Одна из прекраснейших панорам Иль-де-Франса открывалась с террасы длиной более чем в полулье, устроенной по проекту архитектора Ленотра.

В эту минуту в роскошной карете, запряженной шестеркой белых лошадей, украшенных богатой сбруей, подъехал и сам король в сопровождении четырехсот всадников-дворян, державших в руках свои шляпы. Необыкновенная разноцветная кавалькада особенно эффектно смотрелась на фоне рыжей осенней листвы. Вдали, за лесом, можно было разглядеть Париж и долину Сены, окрашенную нежными голубоватыми и зеленоватыми тонами.

Маркиз де Лавальер первым оказался около Анжелики. Вскоре рядом с ними остановились маркиз де Рокелор, Бриенн и Лозен. Придворные оживленно обсуждали последнюю новость. Король пригласил во дворец портного и дал ему указание о пошиве замечательных голубых жюстокоров. Это будет почетное одеяние избранных, которое в то же время должно отличаться монашеской строгостью. Были отобраны шестьдесят дворян, которые смогут сопровождать Его Величество в развлекательных прогулках, не испрашивая особого разрешения. Они будут носить голубую униформу, которая в глазах всего света станет ярчайшим свидетельством расположения

государя. Прошел слух, что голубые атласные жюстокоры будут подбиты алой подкладкой и расшиты скромным золотым и серебряным узором, алого цвета будут также обшлага рукавов и жилет.

— Наш друг Андижос преподносит приятные сюрпризы, — сообщил Лозен. — Он осыпан королевскими милостями настолько, что мы можем без опасений прогуливаться в его обществе. Кстати, дорогая, вы видели гроты Сен-Жермена?

Получив отрицательный ответ, Пегилен взял Анжелику за руку и повлек ее прочь от других поклонников, намереваясь продемонстрировать любопытнейшие гроты с говорящей и двигающейся скульптурой, возведенные еще при добром короле Генрихе. Итальянские умельцы Франчини, прибывшие во Францию в 1590 году, которых называли «мастерами в искусстве использования воды для благоустройства парков и садов», населили гроты сонмом мифологических существ, которых вода заставляла двигаться и издавать звуки.

В первом гроте жил игравший на арфе Орфей. Около него по очереди появлялись разные животные, каждое из которых испускало свой собственный крик.

Во втором гроте укрывался пастух, певший в сопровождении хора птиц.

В третьем гроте, где механический Персей освобождал Андромеду, а тритоны дули в огромные раковины, Лозен со своей спутницей встретили мадемуазель де Лавальер в окружении небольшой свиты. Она сидела на краю одного из фонтанов, погрузив тонкие пальчики в журчащую воду.

Граф де Лозен отвесил ей глубокий поклон, и молодая женщина очень радушно ответила ему. С юности привыкшая к куртуазным беседам, давно вышедшая в свет, она, тем не менее, казалась

застенчивой, потому что не могла избавиться от стыда, который постоянно испытывала оттого, что стала любовницей короля.

Луиза де Лавальер страдала от необходимости появляться на людях, но всегда старалась выглядеть естественной и благожелательной. Она с интересом посмотрела на Анжелику.

— Сдается мне, что мадемуазель де Лавальер может снискать любовь, но не преданность, — заметила Анжелика, когда они с Пегиленом возобновили прогулку под сенью зеленой аллеи.

Лозен ничего не ответил, бросив быстрый взгляд на свою приятельницу. Она продолжила:

— Все слуги и прихлебатели, которых она поддерживает, сама того не желая и не отдавая себе в этом отчета, бросят ее при малейшей перемене ветра. Кажется, что в истории не было еще фаворитки, которая бы почти ничего не требовала для себя лично, но при этом так опустошала королевскую казну. Протеже мадемуазель де Лавальер — истинное бедствие для государства. Их можно встретить везде, их зубы остры, руки загребуши, а сами они ненасытны.

— Ваши идеи о придворных кругах кажутся мне вполне разумными, тем более что ваш опыт жизни при дворе невелик, — сказал Лозен. — Стойте! — воскликнул он, останавливаясь сам. — Пожалуйста, поднимите глаза к верхушкам деревьев.

Анжелика, не понимая, в чем дело, выполнила просьбу своего спутника.

— Потрясающе! — вздохнул Лозен. — Ваши глаза становятся изумрудно-зелеными и прозрачными, как родниковая вода. Глядя в них, чувствуешь себя окунувшимся в чистый источник.

Граф поцеловал глаза Анжелики. Она оттолкнула его легким ударом веера.

— Вам совершенно необязательно изображать сатира только потому, что мы оказались в лесу.

— Но я обожаю вас уже очень давно.

— Ваше обожание из тех, что порождают крепкую дружбу. И я хотела бы, чтобы ради этой дружбы вы помогли мне приобрести хоть какую-нибудь должность при дворе.

— Анжелика, вы слишком серьезный ребенок. Вам показывают бесподобные механические игрушки, а вы рассеянно смотрите на них и думаете о ваших школьных заданиях. В ответ на комплименты о ваших прекрасных глазах вы говорите о должностях и местах при дворе.

— Кто здесь об этом не говорит?

— Но мы говорим и о красивых глазах!.. А еще о любви, — прошептал Лозен, мимоходом нежно обвивая талию Анжелики.

Но она не хотела слушать его излияний и потому устремилась к четвертому гроту, где по огромной серебряной раковине прогуливались Вулкан и Венера. В этом гроте собралась целая толпа. Подойдя ближе, маркиза увидела короля.

— А! Вот и наша прелестная Безделица, — промолвил монарх, заметив Анжелику.

Маркиза дю Плесси присела в первом глубоком реверансе. Затем она повторила его для Месье и Мадам, которые тоже находились в гроте.

Король заговорил с графом де Лозеном, и Анжелика, присоединившись к группе придворных, последовала с ними на прогулку в парк. Но появился Пегилен, взял маркизу за руку и повел ее к королю.

— Его Величество желает сказать вам несколько слов...

Анжелика сделала очередной реверанс и осталась стоять перед Его Величеством, в то время как вся

остальная свита застыла на некотором расстоянии от беседующих.

«Еще пару подобных фраз, и число просителей у моих дверей удвоится», — подумала скорее смущенная, нежели польщенная маркиза дю Плесси.

— Мадам, — сказал король, — после нашей последней встречи в Версале нам не раз представлялся повод поздравить себя с тем, что мы выслушали ваши весьма справедливые, в высшей степени разумные и совершенно новые суждения, касающиеся морской торговли. И мы подумали, что недостаточно отблагодарили вас. Если есть милость, о которой вы бы хотели просить, сообщите, мы с большим удовольствием ее исполним.

— Сир, Ваше Величество уже проявили небывалую доброту, заинтересовавшись будущим моих сыновей.

— Это естественно! Но, быть может, у вас имеется какое-нибудь письменное ходатайство ко мне?

Анжелика тотчас вспомнила о просьбе Бине и достала из-за корсажа его прошение, благоухавшее прованскими эфирными маслами.

— Парикмахер? — удивился король. — Я говорил о более важном прошении.

— Парикмахер — весьма важная персона, — серьезно ответила Анжелика. — А этот парикмахер для меня важнее любого другого парижского ремесленника, потому что это мой парикмахер. К тому же он уверяет, будто знает секрет, как Вашему Величеству носить парик, не жертвуя вашими прекрасными волосами и даже не скрывая их.

— Неужели? — воскликнул король, останавливаясь посреди аллеи. — Но как это возможно?

— Месье Франсуа Бине сказал мне, что откроет свой секрет только Вашему Величеству, один на один.

— Пусть меня черти заберут, если у меня хватит терпения ждать до завтра, чтобы решить наконец эту

проблему! Я все время спрашиваю себя: «Отрезать? Или не отрезать?» Но если ваш мастер, о котором я уже слышал много лестных отзывов, действительно нашел средство примирить эти две крайности, клянусь, я сделаю его герцогом!

Смеясь с тем задором, который он позволял себе в моменты отдыха, Людовик подал знак своему первому дворянину, вручил ему прошение Бине и распорядился, чтобы цирюльника доставили в Сен-Жермен.

Вечером, возвращаясь домой, Анжелика испытывала детскую радость от одной только мысли, что ей удалось так быстро решить этот нелегкий вопрос с прощением. Она чувствовала себя почти всемогущей, хотя была вынуждена признать, что при этом ее собственные дела не продвинулись ни на йоту. Она приняла участие в легком ужине, за которым последовал небольшой бал, побеседовала с бесконечной чередой людей, сделала неисчисляемое число реверансов и потеряла 100 ливров, сыграв короткую партию в ландскнехт.

И все же на следующий день и в дни, следовавшие за ним, она ездила ко двору.

При этом она ни разу не встретила Филиппа. Из разговоров маркиза узнала, что муж направлен на несколько дней с инспекцией в Пикардию. Неужели он впал в немилость? Но нет, именно главный ловчий одним из первых примерил пресловутый голубой жюстокор, предмет мечтаний всех придворных. Анжелика наконец переговорила и с маркизом де Лувуа. Услышав ее деловую просьбу, министр закатил глаза и начал рассказывать, в каком нелепом и даже катастрофическом положении он находится. Конечно, он владел, и уже давно, прибыльным транспортом, соединявшим Лион с Парижем. Но недавно некий отъявленный плут по имени Коллен набрался наглости и попросил ту же привилегию у короля, а король подписал его прошение. И теперь сам маркиз де Лувуа

вынужден договариваться с треклятым слугой, который принадлежит к самому низкому сословию. И непонятно, как лучше поступить: то ли отстаивать свои права, предоставив упомянутому Коллену существенную компенсацию, то ли заниматься перевозками с ним на паях, то ли попросту все бросить. Естественно, Коллен принадлежит к дому мадемуазель де Лавальер, что делает ситуацию особенно щекотливой. Лувуа долго распространялся о своих несчастьях и впал в столь угрюмое настроение, что совершенно забыл о комплиментах, которые он заготовил для очаровательной маркизы, чья красота, соединенная с пронизательным умом и простодушным нравом, начала завладевать его грезами.

Маркиз де Лавальер, раздраженно наблюдавший за долгой беседой Анжелики с Лувуа, направился к ней с явным намерением высказать свои упреки. Но упреки замерли на его устах, стоило ей спросить, удалось ли ему «превратить в англичанина» француза, умершего в Танжере, о чьем наследстве он так мечтал. Да, посмертное превращение француза в англичанина скоро будет завершено. Осведомители маркиза де Лавальера уже обнаружили среди предков несчастного графа Реторфора шотландцев. А пополнило ли имущество помощника бальи Шартра казну маркиза? Пожав плечами, Жан Франсуа де Лабом-Леблан маркиз де Лавальер дал понять, что достиг своей цели, но, увы, полученные средства не удовлетворяют его аппетиты.

Пегилену де Лозену дважды удалось заманить Анжелику в тихий уголок: повеса не скрывал своего желания сорвать пару поцелуев с губ своей прекрасной приятельницы.

Сделав вид, что она не поняла его намерений, Анжелика осведомилась о господине герцоге де Мазарини. Религиозные убеждения наконец

поспособствовали его отказу от одной из должностей в пользу мессира де Лозена?

От возбуждения щеки Пегилена покрылись красными пятнами. «И да, и нет», — загадочно ответил он. Впрочем, дело уже почти закончено. Монсеньор герцог Мазарини действительно отказался от должности главного начальника артиллерии по просьбе мадам де Лонгвиль, которая намеревалась купить это место для господина ее сына. Договор был заключен, но когда мадам де Лонгвиль испросила согласие короля, тот заявил, что сделка его совершенно не устраивает и что он вообще не знал о намерении герцога Мазарини отказаться от своих обязанностей. Тогда Мазарини объявил, что вовсе не собирался продавать свою должность.

Но тут уже король в свою очередь засомневался, стоит ли оставлять место за Мазарини. Его Величество выставил должность на продажу, лично назначив цену. Государь решил передать все полномочия господину де Лувуа, который согласно своему рангу занимался исключительно военными вопросами, а господину де Лозену предложил отказаться от своей должности драгунского генерала и занять должность главного начальника артиллерии формально...

Анжелике показалось, что Лозен чувствует себя глубоко оскорбленным из-за того, что должность предложена ему всего лишь номинально, тогда как реальные полномочия перейдут к господину де Лувуа.

Лозен обратился к государю с просьбой предоставить ему место непосредственно при королевской особе, на котором он мог бы действовать самостоятельно.

Если же он примет должность главного начальника артиллерии, то у него начнутся распри с господином де Лувуа.

Король учел чувства мессира де Лозена и, чтобы продемонстрировать свое доверие, поручил ему охрану собственной персоны, назначив графа на должность капитана королевской охраны.

А главным начальником артиллерии стал граф де Людр.

Граф продал свою должность первого дворянина господину де Жевру, который, в свою очередь, передал должность капитана королевской охраны господину де Лозену, продавшему должность драгунского генерала господину де Руру.

Последний продал свою должность в легкой коннице и отдал причитающиеся за нее деньги господину герцогу Мазарини за должность главного начальника артиллерии.

Так Анжелика узнавала новые для себя правила жизни при дворе. Как прилежная ученица, сложив руки на коленях, она, во-первых, постигала тайны сложных дворцовых интриг, а во-вторых — оттачивала стратегию защиты красивой женщины, желающей избежать чересчур назойливых ухаживаний придворных кавалеров, которые забывали обо всем, пускаясь в рассказы о своих надеждах и честолюбивых планах. Она с удивлением отметила про себя, что при дворе, который славился своей галантностью, любовь порой уступала место расчету. Как бы сказал баснописец Лафонтен, маленький бог Эрос частенько бежал, пугаясь грозной пары: слепой Фортуны, опирающейся на колесо, и Меркурия с его крылатыми сандалиями.

Этим сложнейшим «балетом» дирижировал сам король, непременно собранный, педантичный, внимательный к мелочам. Он возвышал тех, кто всегда на виду и полезен его персоне. Надо было постоянно показываться ему на глаза. Наглость приносила меньше вреда, чем отсутствие при дворе.

Непрерывная череда развлечений, балов, ужинов, комедий, кавалькад, приемов собирала жадную толпу, кружившуюся в орбите «короля-солнце».

Глава 12

Вскоре Лувау передал Анжелике новое королевское приглашение. На сей раз ей надлежало следовать за двором в Фонтенбло, где монарх собирался задержаться на несколько дней.

— Королева с придворными дамами отправляются во второй половине дня и придут в замок уже затемно. Я советую вам ехать вместе с ними, потому что сама поездка представляет собой незабываемое зрелище: на протяжении всего пути за экипажами следуют факельщики, и кавалькаду сопровождает военный оркестр. По прибытии в Фонтенбло будут поданы легкие закуски. Затем состоится представление комедии, после него бал и большой ужин. На следующие дни планируют охоту на волка. Собственно, для этого мы по осени и отправляемся в Фонтенбло. Окрестные крестьяне уже давно просят королевских охотников помочь избавиться их от хищников. Говорят, что какой-то опасный волк уже несколько лет нападает на одиноких путников и ворует ягнят. Люди боятся за своих детей. Мы решили откликнуться на просьбы несчастных подданных.

Под низким серым небом по убранным полям и через рощи тянулась бесконечная череда карет, фургонов, всадников и пеших слуг.

Казалось, будто переезжает целый город. «Королевский Рот», «Королевская Капелла», «Дом Короля», к которому присоединился «Дом Королевы», охотники, псары, приспособления для игры в мяч, арсенал, движимое имущество короны, включая роскошные гобелены, которые крепились к стенам для защиты от холода. В Фонтенбло планировали остаться на неделю главным образом для того, чтобы охотиться

на волков. Но, как подчеркнул король, это не помешает балам, театральным представлениям и прелестным ночным ужинам.

С наступлением ночи на дверцах карет зажглись смоляные факелы. Так, огненным потоком, процессия прибыла в Фонтенбло — бывшую резиденцию французских королей, которая пережила свой расцвет еще в XIV веке. Франциск I, любивший этот замок, перед визитом Карла V превратил его в настоящее чудо ренессансной архитектуры.

В Фонтенбло этикет соблюдался менее строго, нежели в других королевских резиденциях. Все дамы, даже не имевшие «права на табурет», могли сидеть в присутствии королевской четы: некоторые на подушке, остальные — на полу. Мерзлячка Анжелика не стала злоупотреблять этим разрешением. Великая Мадемуазель, любившая изображать из себя «проводника», пригласила мадам дю Плесси осмотреть королевское жилище. Она показала китайский театр, галерею Генриха II и апартаменты, где десять лет тому назад королева Швеции Кристина приказала убить своего фаворита, маркиза Мональдески^[47]. Великая Мадемуазель познакомилась с этой довольно взбалмошной северной королевой, когда она посещала Францию.

— Она одевалась так, что скорее походила на красивого юношу. В ее свите не было ни одной женщины; ее одевал и укладывал в постель камердинер, и если быть откровенной до конца, то следует сказать, что время от времени он удовлетворял ее желания, когда рядом не оказывалось кого-нибудь из фаворитов. Когда Кристина впервые увидела нашего молодого короля, а он в ту пору был робок, то спросила его прямо в присутствии королевы-матери, есть ли у него любовницы. Кардинал Мазарини постарался

перевести разговор на другую тему, но Его Величество сделался таким же пунцовым, как кардинальская мантия... Сегодня он бы не стал так смущаться.

Анжелика рассеянно слушала принцессу, ища глазами Филиппа. Она сама не знала почему — то ли из желания, то ли из страха увидеть мужа. Она не ждала добра от их встречи. У Филиппа для нее припасены лишь колкости и презрительный взгляд. Но, слава Богу, дю Плесси почти игнорировал жену и был с ней менее любезен, чем с любой другой придворной дамой. Казалось, он смирился с ее присутствием, но, может быть, такая передышка стала возможной только благодаря приказу короля? Анжелика жила в постоянном напряжении, но, встречая Филиппа, не могла побороть в себе сложные чувства — смесь смиренного восхищения и тайной надежды. Тогда она вспоминала свои мечты неловкой и застенчивой девочки, робевшей перед элегантным белокурым кузеном.

«Как больно, когда наши детские мечты умирают!» — думала она.

В день прибытия в Фонтенбло Филипп ни разу не попался на глаза супруге. Он занимался приготовлениями к охоте. Все в один голос твердили о том, насколько напуганы крестьяне. Овцы пропадали прямо из овчарен. Волк напал на десятилетнего ребенка и загрыз его. Самой опасной и наглой «бандой» волков предводительствовал огромный самец — по словам местных жителей, «крупный, как теленок». Его не раз видели на подступах к деревням. Смелость этого хищника поражала воображение. По вечерам он выл у самого порога хижин и царапался в двери; дети плакали от ужаса и жались к матерям. После наступления сумерек каждый житель округи старался спрятаться в безопасное место.

Охота сразу приобрела жестокий и беспощадный характер. В погоню за хищниками устремились все. Большинство крестьян, вооружившись вилами и рогатинами, присоединились к забойщикам или помогали псарям управлять собаками. Никто не остался в стороне.

Дворяне знали, что такое волки. Среди них почти не было тех, кто в детстве, у себя в замке, не наслушался рассказов об этих опасных, хищных и грозных животных — истинном бедствии деревень, о тварях, поджидающих одиноких путников на лесных тропинках. Так что у придворных ненависть к волкам передавалась из поколения в поколение. К шести вечера на снегу уже лежало шесть трупов зверей.

Среди рыжих деревьев, над знаменитыми валунами леса Фонтенбло, над черными крутыми обрывами, песчаными террасами, покрытыми льдом откосами непрерывно звучало призывное пение рогов.

Анжелика оказалась на выстланной снежным ковром тесной прогалине, окруженной замшелыми скалами и валунами. По всей округе разносилось слаженное волнующее эхо рожков. Охваченная щемящей грустью от нахлынувших воспоминаний, Анжелика остановила лошадь и прислушалась. Лес! Как давно она не была в лесу! Сырой воздух, напоенный ароматами старых деревьев и сухих листьев, вмиг смахнул годы, прожитые в шумном смрадном Париже, и вернул ее к детским радостям, пережитым в Ньельском лесу. Она любовалась деревьями, окрашенными в теплые цвета охры и пурпура: осень еще не успела оборвать пожелтевшую листву. Подтаявший снег освежил краски природы, и в робких лучах ласкового вечернего солнца листья сияли, как драгоценные камни. Анжелика разглядела, как в полумраке

подлеска, переливаясь, поблескивают красные капли ягод остролиста. Она вспомнила, что в Монтелу накануне Рождества остролист собирали целыми охапками. Как это было давно! Неужели настоящее Анжелики дю Плесси-Бельер может встретиться с прошлым Анжелики де Сансе, если им поможет скромный остролист?

«Жизнь никогда не отдаляет нас от самих себя», — подумала она, словно получив внезапное обещание счастья.

Наверное, это было ребячеством, но Анжелика, как и любая другая женщина, порой совершала нелепые, детские поступки — роскошь, которую она сейчас могла себе позволить.

Она спрыгнула со своей Цереры и, набросив уздечку на ветвь орешника, побежала к кусту остролиста. Среди элегантных безделушек, прикрепленных к ее поясу, нашелся маленький нож с перламутровой рукояткой, которым она стала срезать веточки. Дело не слишком спорилось.

Анжелика заметила, что звук рогов и шум охоты отдалился, лишь когда почувствовала волнение своей кобылы, которая нервно дергала повод. Но на смятение лошади она обратила внимание только в ту секунду, когда та заржала, в панике сломала ветку орешника и галопом кинулась в лес, не разбирая дороги.

— Церера, — позвала Анжелика, — Церера!

И в то же мгновение она увидела, что стало причиной бегства лошади.

На противоположной стороне прогалины, наполовину скрытая зарослями кустарника, мелькнула тень.

«Волк», — подумала Анжелика.

И когда волк появился из кустов, осторожно ступая по ковру из сухих листьев, она уже знала, что перед ней тот самый вожак стаи — ужас всего края. Это был

действительно огромный зверь, серо-рыжий, как сам лес; он изогнул спину, и шерсть у него на загривке встала дыбом.

Волк замер. Его фосфоресцирующие глаза остановились на Анжелике.

Она пронзительно закричала.

Тогда волк вздрогнул, присел на лапах, а затем начал приближаться, оскалив пасть с острыми клыками. Еще мгновение — и он прыгнет...

Анжелика быстро оглянулась на высокий скалистый пригорок за своей спиной.

«Нужно попробовать забраться как можно выше».

Она предприняла отчаянную попытку и сумела залезть на небольшой выступ, но совсем невысоко, потому что ногти стали скользить по гладкой поверхности и было не за что уцепиться.

Волк прыгнул, но лишь рванул подол ее платья. Тогда он отскочил назад и принялся выжидаяще бродить вокруг. Его глаза налились кровью. Анжелика закричала что было сил. Ее сердце билось так громко, что она не слышала других звуков, кроме этих глухих и беспорядочных ударов. В панике она стала торопливо молиться:

— Господь Всевышний! Господи! Не дай мне так глупо умереть!.. Сделай что-нибудь!

Лошадь, летевшая галопом, резко остановилась в облаке снежной пыли, и всадник спрыгнул на землю.

Словно во сне, Анжелика смотрела, как к ней приближается главный королевский ловчий — ее муж, Филипп дю Плесси-Бельер. Зрелище потрясло ее настолько, что за секунду в ее голове запечатлелись мельчайшие его детали.

Филипп был затянут в жюстокор из белой кожи, богато расшитый серебром. меховой воротник и меховые же обшлага рукавов по цвету гармонировали со светлым париком.

Он шел вперед ровным, выверенным шагом, вбивая в снег белые кожаные сапоги, тоже украшенные серебром.

Спрыгивая с лошади, Филипп сорвал перчатки, и теперь его руки оказались обнажены. В правой руке маркиз держал тонкий охотничий нож с серебряной рукояткой.

Волк повернулся к новому противнику. Филипп шел к нему не торопясь, неумолимый, как сам рок. Когда он приблизился к волку на расстояние шести шагов, зверь прыгнул, разинув красную пасть с острыми клыками.

Молниеносным движением Филипп выбросил вперед левую руку. Его ладонь плотно сомкнулась вокруг горла зверя. Другой рукой охотник вспорол хищнику брюхо снизу доверху. Волк отбивался, издавая ужасающие хрипы, из его раны хлестала кровь. Наконец он замер и затих. Филипп отбросил прочь еще трепещущее тело. Окровавленные внутренности вывалились на снег.

К прогалине со всех сторон съезжались забойщики и всадники. Слуги с трудом удерживали неистовую свору, рвавшуюся к трупам.

— Отменный удар, господин маршал, — похвалил король.

В общей суматохе никто не заметил Анжелику. Она же тем временем спрыгнула со скалы, вытерла исцарапанные руки, нашла свою шляпу.

Один из забойщиков привел ей Цереру. Это был немолодой, опытный охотник, поседевший за годы службы, и потому он открыто говорил то, что думал. Бросившись следом за Филиппом, забойщик отлично видел конец сражения.

— Ну и напугали вы нас, госпожа маркиза! — сказал он. — Мы знали, что волк где-то рядом. А когда увидели, что ваша лошадь вернулась с пустым седлом, и услышали ваш крик... Поверьте слову забойщика,

мадам, впервые в жизни я видел, чтобы господин
главный ловчий побледнел, как смерть!

Глава 13

После окончания охоты наступил праздник, на котором Анжелика наконец-то встретилась с Филиппом лицом к лицу. До того она тщетно искала встречи с супругом. Тогда, на охоте, прежде чем снова вскочить в седло, маркиз в своем окровавленном жюстокоре бросил на нее яростный взгляд. Вне всякого сомнения, он был готов отвесить ей звонких пощечин. И все же она считала, что женщина, спасенная от смерти собственным мужем, по крайней мере, обязана выразить ему благодарность. Как только в перерыве между сменой блюд на торжественном обеде ей удалось подойти к мужу, Анжелика обратилась к нему со словами:

— Филипп, я так вам признательна! Без вас меня бы уже не было в живых.

Он медленно поставил на поднос проходившего мимо слуги свой бокал, взял Анжелику за руку и сжал с такой силой, что чуть не сломал ее.

— Если не знаешь правил псовой охоты, нужно сидеть дома за вышиванием, — тихо произнес он голосом, срывавшимся от гнева. — Вы постоянно выставляете меня в самом глупом свете. Вы — неотесанная крестьянка, невоспитанная торговка. Когда-нибудь я добьюсь того, чтобы вы покинули двор, и избавлюсь от вас раз и навсегда!

— Почему же было не позволить господину волку сделать за вас всю грязную работу, ведь он так хотел меня сожрать?

— Я был обязан убить этого волка, а ваша судьба меня несколько не волновала. Не смейтесь, вы меня бесите. Вы, как любая женщина, полагаете, что неотразимы и что каждый с радостью готов умереть за

вас. Я не отношусь к этой породе мужчин. Когда-нибудь вы поймете, если не поняли до сих пор: я тоже волк.

— Мне не хотелось бы в это верить, Филипп.

— Что ж, я смогу вам это доказать, — промолвил маркиз с холодной улыбкой, и в его глазах, как в былые дни, вспыхнули злые огоньки.

С нежностью, в которую Анжелика не поверила, он взял ее руку и поднес к губам.

— Мадам, то, что вы посеяли между нами в день нашего брака — ненависть, злобу, месть, — никогда не удастся скинуть со счетов. Имейте это в виду.

Ее тонкое запястье оказалось прямо около его губ. И вдруг Филипп изо всей силы укусил ей руку.

Анжелике потребовалась вся ее выдержка и умение вести себя в свете, чтобы не завопить от боли. Она резко отпрянула назад и с размаха наступила каблуком на ногу встававшей из-за стола Мадам, которая вскрикнула от боли.

Анжелика покраснела, потом побледнела и пробормотала:

— Пусть Ваше Высочество извинит меня!

— Как вы неловки, дорогая...

А Филипп недовольным тоном добавил:

— В самом деле, следите внимательнее за собой, мадам. Вино не идет вам во благо.

В его глазах сверкала злая насмешка. Он склонился в церемонном поклоне перед принцессой и оставил дам, чтобы последовать за выходящим из зала королем.

Анжелика приложила к укусу маленький кружевной платок. Резкая боль вызвала у нее головокружение и тошноту. Ей было дурно.

В глазах у Анжелики помутилось; она проскользнула между гостями и добралась до галереи, где оказалось намного прохладнее.

Она рухнула на первый попавшийся диван, стоявший в одной из оконных ниш. После этого

осторожно приподняла скомканный платок и увидела посиневшее запястье; на нем выступили темные капли крови. С какой же яростью он ее укусил! И какое лицемерие! «Следите внимательнее за собой... вино не идет вам во благо». Теперь поползут сплетни, что мадам дю Плесси выпила лишнего и толкнула Мадам, что маркиза не умеет держать себя при дворе!

Анжелика нервно всхлипнула, сломленная горем, как маленькая девочка, которую обидели злые дети. Сколько Филипп собирался платить за ее содержание в монастыре?

Двадцать су, как за Воскресенье! Все это так глупо! Нужно просто посмеяться... но Анжелика не сдержалась и разрыдалась.

Граф де Лозен, в голубом, как у Филиппа, костюме, сразу узнал знакомую женскую фигуру.

— А теперь я собираюсь вас хорошенько отругать, — начал он, подходя к дивану, на котором она сидела. — Снова одна!.. Опять!.. При дворе!.. Прекрасная, как утро!.. Прячетесь! И где? Боже, какой позор! В уголке, столь почитаемом влюбленными, таком незаметном и так хорошо укрытом, что его прозвали «кабинетом Венеры»! Одна!.. Вы бросаете вызов всем правилам, элементарным приличиям, не говоря уже о законах самой природы.

Пегилен уселся рядом с Анжеликой и напустил на себя строгость, подобающую заботливому отцу, который отчитывает непослушную дочь.

— Какая муха вас укусила, милое дитя? Какой мрачный демон снедает вашу душу и подбивает вас пренебрегать ухаживаниями кавалеров, бежать от галантных спутников? Вы забыли о том, что небо наделило вас необыкновенной привлекательностью? Вы хотите оскорбить богов?.. Но что я вижу? Анжелика, сердце мое, этого не может быть!

Голос графа дрогнул. Он взял Анжелику за подбородок и поднял ей голову.

— Вы плачете? Из-за мужчины?

Анжелика кивнула и конвульсивно тихонько всхлипнула.

— Значит, — сказал Лозен, — это уже не ошибка, это — преступление. Ваша главная задача — заставлять плакать других... Дитя мое, здесь нет ни одного мужчины, достойного ваших слез, — ну, за исключением меня, разумеется. Но я не смею надеяться...

Анжелика попыталась улыбнуться. Она наконец смогла заговорить:

— Ничего! Я не слишком огорчилась, это все нервы... Просто мне больно.

— Больно? Где?

Она показала запястье.

— Хотел бы я знать, какой негодяй так с вами обошелся! — воскликнул потрясенный Пегилен. — Назовите мне его имя, мадам, и я потребую у него ответа.

Но она удержала Лозена.

— Не стоит возмущаться, Пегилен. Увы, он имеет на меня все права.

— Уж не хотите ли вы сказать, что речь идет о красавце маркизе, вашем супруге?

Анжелика не ответила, а лишь снова горько заплакала.

— Эх! Чего хорошего можно ждать от мужа, — заявил Пегилен, скорчив презрительную мину. — Это вполне в духе вашего избранника. Но почему вы упорствуете и продолжаете с ним встречаться?

Анжелика задыхалась от слез.

— Перестаньте! Перестаньте! — ласково прошептал Пегилен. — Не стоит так убиваться из-за мужчины, а из-за собственного мужа — и подавно! Мое сокровище, вы либо чересчур старомодны, либо больны... Впрочем, мне

давно кажется, что с вами что-то не в порядке. И я не раз хотел поговорить с вами об этом... Но сначала вытрите слезы.

Граф достал из кармана чистейший батистовый платок и заботливо вытер Анжелике щеки и глаза. Она поймала его насмешливый взгляд: остроумных проказ де Лозена привык опасаться не только весь королевский двор, но и сам Людовик. Светская жизнь и распутство уже отметили морщинками уголки его рта, вечно искривленного в саркастической усмешке. Но, несмотря на это, его привлекательное лицо излучало жизнелюбие и довольство. Истинный южанин, гасконец — горячий, как солнце, и проворный, как форель, которую ловят в горных ручьях Пиренеев. Положительно, он мог согреть одним своим присутствием.

Она облегченно вздохнула, откинулась на спинку дивана и по-дружески взглянула на собеседника. Тот улыбнулся.

— Ну что, стало полегче?

— Как будто.

— Сейчас мы все уладим, — сказал граф.

И он на несколько минут замолчал, внимательно рассматривая Анжелику.

Их было совершенно не заметно из галереи, по которой сновали бесчисленные придворные и слуги. Чтобы попасть в нишу, надо было преодолеть три ступени; почти все ее пространство занимал огромный диван, высокие подлокотники которого скрывали сидящих от любопытных взглядов.

Наступили ранние зимние сумерки, и оконный свет мерцал красным золотом заката. В саду песчаную террасу, мраморные вазы и зеркало водоема уже затягивал туман.

— Так вы говорите, что этот неприметный уголок называется «кабинетом Венеры»? — неуверенно

спросила Анжелика.

— Да, именно так. Здесь, насколько это вообще возможно при дворе, убежище от нескромных взглядов. Ходят слухи, что слишком нетерпеливые любовники приходят сюда, чтобы принести жертву на алтарь богини. Анжелика, а вдруг вы навлекли на себя гнев богини за то, что пренебрегали ее благосклонностью?

— Богиня любви?.. Пегилен, это скорее я могу упрекнуть ее за то, что она совсем обо мне забыла.

— Мне кажется, это не так, — мечтательно прошептал де Лозен.

— Что вы имеете в виду?

Граф покачал головой, а затем в раздумье подпер подбородок кулаком.

— Проклятый Филипп! — вздохнул он. — Как понять, какие чувства скрывает этот странный человек? А вы никогда не пробовали подсыпать в его стакан какой-нибудь чудодейственный порошок перед тем, как соединиться с ним в спальне? Говорят, что у банщика Лавиена, чье заведение находится на улице Фобур Сент-Оноре, есть снадобья, которые могут вернуть силу любовникам, истощенным слишком частым и усердным поклонением богине, а еще старикам или тем, чье не слишком горячее естество заставляет их отворачиваться от Венеры. А еще у него есть одно средство, так называемый «поллевиль»... говорят, это просто волшебное лекарство.

— Не сомневаюсь. Но мне такие способы не по душе. К тому же у меня должна быть возможность подойти к Филиппу настолько близко, чтобы хоть дотронуться до его стакана. А такое случается нечасто.

Глаза Пегилена округлились.

— Уж не хотите ли вы сказать, что супруг безразличен к вашим прелестям настолько, что даже никогда не появляется в ваших апартаментах?

У Анжелики вырвался невольный вздох.

— Да, это так, — хмуро сказала она.

— А что думает об этом ваш официальный любовник?

— У меня его нет.

— Что?

Лозен подскочил.

— Ну, тогда, скажем... ваши случайные друзья?

Анжелика промолчала.

— Вы осмелитесь признаться, что у вас их нет?

— Конечно осмелюсь, Пегилен, ведь это правда.

Граф де Лозен не скрывал крайнего изумления.

— То есть вы хотите сказать, что у вас... Или, скорее, как давно вы не... Короче, сколько дней? — строго спросил он.

— Ах! Если бы речь шла о днях...

— Тогда недель?

— Хорошо, раз вы хотите точности, — промолвила Анжелика вымученно, хотя и не удержавшись от смеха, — то я признаюсь вам, что после брачной ночи мой супруг, кажется, забыл, что у него есть жена.

— Не-ве-ро-ят-но! — прошептал Пегилен, делая вид, что вот-вот рухнет в обморок, услышав столь трагическую новость. — Анжелика, вы заслуживаете порки.

— Почему? — возмутилась она. — Ведь это не моя вина!

— Ваша. Когда у женщины такая кожа, такие глаза, такая фигура, ими нельзя распоряжаться столь бесхозяйственно. Вы — чудовище, создание, которое приводит меня в отчаяние! Вы — опасное существо!

Лозен дотронулся вытянутым пальцем до ее лба.

— Что в вашей упрямой головке? Расчеты, проекты, разные сложные замыслы, дела, которые могут озадачить всех, начиная от самого месье Кольбера и заканчивая угрюмым Ле Телье? Солидные люди ходят за вами с протянутой рукой, а несчастные обезумевшие

юнцы не знают, как сохранить последние су, чтобы они не попали в ваши хищные руки. И при этом — лицо ангела, глаза, в сиянии которых можно утонуть, губы, на которые невозможно смотреть, не желая припасть к ним поцелуем! У вас изощренная жестокость. Каждая частичка вашего тела достойна богини... и для кого все это? Для кого, я вас спрашиваю? Только для того, чтобы тешить ваше тщеславие! Где он, тот хозяин, что сломит вашу гордость и сумеет сделать вас счастливой, трепещущей и даже немножко глупой, как любая влюбленная женщина?

— Пойдите! — возразила Анжелика, сраженная столь пылкой речью. — Разве вы не считаете, что у меня уже есть хозяин, причем — настоящий тиран?

— Вас следует покорять иначе. С ним вы ведете себя как необъезженная кобылка перед недоуздом^[48]. Если вы и уступаете, то с задней мыслью взять реванш, чем раньше, тем лучше... или сразу исподтишка лягнуть копытом. Но ваше сердце и ваше тело остаются холодными, как серебряное эю, которое не способна согреть человеческая рука.

Внезапный напор поразил и без того взвинченную Анжелику, и каждое слово звучало для нее, как удар. Она едва слышно прошептала:

— Я не считаю себя такой холодной, и, разумеется, я не слишком требовательна. Но у меня столько забот...

— Черт возьми, чем может заниматься женщина, кроме любви? Да вы настоящая эгоистка! Вы томитесь в башне, которую сами построили, чтобы защитить себя от жизни.

Анжелика безмерно удивилась тонкой пронизательности, что скрывалась за маской легкомыслия этого придворного.

— Это так, но в то же время и не совсем так, Лозен. Кто сможет меня понять? Вы никогда не были в аду...

Анжелика запрокинула голову и, почувствовав внезапную усталость, закрыла глаза. Только что она вся пылала, а теперь ей казалось, будто кровь стынет в жилах. Состояние, напоминающее смерть или приближение старости. Она хотела позвать Пегилена на помощь и в то же время осознавала всю опасность разговора, которым они увлеклись. Кроме того, она боялась окончательно испортить и без того никудашные отношения с Филиппом, изменяя ему. Перипетии любовных приключений не привлекали ее. Жизнь и без того была нелегкой. Анжелика решила обойти скользкую тему, прибегнув к психологической уловке, которая уже не раз выручала ее. Она подняла голову и жизнерадостно спросила:

— Кстати, Пегилен, вы мне так и не рассказали: вам все-таки удалось получить должность главного начальника артиллерии?

— Нет, — спокойно ответил Пегилен.

— Как нет?

— Нет, вы уже неоднократно пользовались этим приемом, но на этот раз я не позволю вам сбить себя с толку. Я вас поймал и не собираюсь так легко отпускать. Сейчас меня несколько не интересует моя должность. Признавайтесь, почему ваша женская жизнь заключается здесь, в этой упрямой головке, а не здесь, — добавил он и положил руку ей на грудь.

— Пегилен! — Анжелика возмущенно подскочила.

Но Лозен удержал ее правой рукой, а левой подхватил под колени, и, лишенная равновесия, она упала на диван. Пегилен прижал Анжелику к себе.

— Молчите и не двигайтесь, — велел он, назидательно поднимая палец. — Дайте лечащему врачу ознакомиться с вашим случаем. Я нахожу его тяжелым, но не безнадежным. Напрягите свою память и без жеманства перечислите мне имена тех приятных

сеньоров, которые вьются вокруг вас и теряют сон при одной только мысли о вас.

— Право... неужели вы полагаете, что их так уж много?

— Я запрещаю вам делать вид, будто вы удивлены моим вопросом.

— Пегилен, уверяю вас, я не могу понять, на что вы намекаете.

— Как, разве вы не заметили, что при вашем появлении маркиз де Лавальер начинает порхать, как обезумевший мотылек? Брат Атенаис Вивонн, чье имя у всех на устах, заикается, а Бриенн пытается острить... Господа Сент-Эньян, Рокелор и даже вечно невозмутимый Лувуа через каких-нибудь десять минут разговора с вами из кожи вон лезут, чтобы удержать ваше внимание...

Настроение у Анжелики поднялось, она засмеялась.

— Я запрещаю вам смеяться, — отрезал Пегилен. — Если вы не заметили всего того, о чем я сейчас толкую, то вы больны сильнее, чем я думал. Неужели вы не чувствуете, что вокруг вас бушует пламя? Клянусь Вельзевулом, тогда у вас кожа саламандры...

Пегилен провел указательным пальцем по ее шее.

— А на первый взгляд и не скажешь.

— Мессир де Лозен, а вы состоите в моем списке «воспламененных»?

— Нет, ни в коем случае, — возразил он. — О! Я бы никогда не осмелился, это слишком опасно.

— Вы боитесь меня?

Взгляд графа помрачнел.

— Вас и всего того, что вас окружает. Вашего прошлого, вашего будущего... вашей тайны.

Внимательно взглянув на собеседника, Анжелика вздрогнула и спрятала лицо у него на груди.

— Пегилен!

Легкомысленный Пегилен был ее старинным другом. Он был связан с ее далекой трагедией. Он появлялся в самые драматичные минуты ее жизни, как марионетка в комедии. Появлялся, пропадал и вновь появлялся.

Вот и сегодня вечером он был рядом, такой похожий на самого себя.

— Нет, нет и нет, — повторил Пегилен. — Я не люблю подвергаться опасностям. Сердечные муки меня пугают. Если вы ждете ухаживаний, то на меня не рассчитывайте.

— А чем же вы сейчас занимаетесь?

— Я вас успокаиваю, а это не одно и то же.

Его палец вновь скользнул по атласной шее молодой женщины и вывел на ней несколько узоров, следуя за извилистой линией ожерелья из розового жемчуга, чья молочная свежесть подчеркивала белизну нежной кожи.

— Вам причинили столько горя, — ласково прошептал он, — а сегодня вечером вы снова страдаете. Черт побери! — он потерял терпение. — Да успокойтесь же вы! Словно натянутая струна. Право, можно подумать, что вас никогда не касалась мужская рука! Я испытываю дьявольское искушение преподать вам маленький урок...

Лозен склонился к Анжелике. Она снова попыталась вырваться, но он силой удержал ее. Его жесты были властными жестами уверенного в себе мужчины, поймавшего удачу; в глазах появился странный блеск.

— Вы достаточно подразнили нас, крошка! Пробил час отмщения. Я умираю от желания ласкать вас, и я уверен, что вы в этом нуждаетесь.

Пегилен принялся целовать ей веки и виски, потом горячие губы опустили к ее рту.

Она вздрогнула. Так подстегивает животное удар хлыстом. К желанию примешивалось чуть извращенное любопытство: на собственном опыте познакомиться с

пресловутыми талантами знаменитого Дон Жуана королевского двора.

Пегилен прав: Филипп не в счет. Безумный праздник, блистательный дворцовый балет увлек Анжелику. Она поняла, что не сможет прожить всю жизнь, безучастно наблюдая за этим сумасшедшим танцем, стоя одна в своих прекрасных платьях и дорогих украшениях. Нужно присоединиться к остальным, стать похожей на них, окунуться в бурный поток интриг, сделок с совестью и супружеских измен. Из этого потока можно напиться отравленного, но такого восхитительного напитка, и чтобы не погибнуть, пить надо залпом.

Анжелика глубоко вздохнула. В благотворном тепле мужских ласк к ней вернулась прежняя беззаботность. Поэтому, когда губы Лозена накрыли ее губы, она ответила, сначала робко, затем все более и более страстно.

Вспышка факелов и свечей, которые несли вдоль галереи две вереницы слуг, на короткий миг отбросила их друг от друга.

До этой минуты Анжелика даже не понимала, что уже совсем стемнело.

Около их убежища какой-то слуга поставил подсвечник с шестью свечами.

— Эй, приятель, — прошептал Пегилен, перегнувшись через подлокотник дивана, — отставь-ка светильник подальше.

— Не имею права, мессир, а то получу нагоняй от господина офицера света, который отвечает за эту галерею.

— Ну, хотя бы задуй три свечи, — сказал граф, бросая лакею золотую монету.

Он повернулся и вновь заключил свою даму в объятия.

— Иди ко мне! Как ты прекрасна! Ты такая вкусная!

Ожидание раззадорило их обоих. Анжелика застонала и в порыве страсти впилась зубами в муаровый галун роскошного голубого камзола. Пегилен негромко рассмеялся.

— Тише, тише, маленькая волчица... сейчас я удовлетворю вашу страсть... Здесь слишком людно, позвольте мне руководить нашими маневрами.

Изнемогающая от нетерпения, податливая, Анжелика повиновалась ему. Золотая пелена сладостного забвения упала на все ее печали и горести. Осталось лишь пылающее тело, изголодавшееся по ласкам и наслаждению, и ее больше нисколько не смущали ни место, где она оказалась, ни ловкий партнер, заставлявший ее трепетать от страсти. Она расслаблялась, поддаваясь его напору, потом смело устремлялась вперед, чтобы вновь подчиниться и позволить потоку сладострастия унести ее вдаль, навсегда...

— Дитя мое, вы много грешили, но раскаялись, так что теперь с жаром доказываете и исправляете свои ошибки. Поэтому я не буду лишать вас прощения или благословения маленького бога Эроса. В качестве покаяния вы расскажете...

— О! Вы — ужасный распутник, — ответила обессиленная Анжелика, смеясь низким смехом.

Пегилен поцеловал прядь ее светлых волос. В глубине души он удивлялся тому, насколько сейчас счастлив. Ничего похожего на разочарование, которое нередко приходит после утоления плотского желания. Как же так? Что это за женщина?

— Анжелика, ангел мой, боюсь, что я забуду о всяком благоразумии! Да, я горю желанием узнать вас поближе. Не хотите ли вы... пожалуйста, приходи ко мне сегодня ночью, после того, как король ляжет почивать.

— А мадам де Рокелор?

— Да ну ее!..

Анжелика отпрянула от плеча мужчины, к которому прижималась, и стала поправлять кружева на корсаже. Ее рука застыла в воздухе.

В нескольких шагах от них, на фоне освещенной галереи, чернела неподвижная мужская фигура. Его ни с кем нельзя спутать: Филипп!

У Пегилена де Лозена был большой опыт подобных переделок. Он быстро оправил свою одежду, поднялся с дивана и низко поклонился.

— Месье, назовите ваших секундантов, я к вашим услугам...

— Это моя жена к услугам всех подряд, — процедил Филипп. — Прошу вас, граф, не стоит беспокоиться.

Вытянув ногу, он поклонился не менее глубоко, чем только что Пегилен, и пошел прочь своей чеканной походкой.

Граф де Лозен превратился в соляной столб.

— Какого дьявола! — выкрикнул он. — Я еще никогда не встречал таких мужей.

Выхватив шпагу, Пегилен одним прыжком перемахнул через три ступени и бросился вслед за главным ловчим.

Разгоряченный, он ворвался в салон Дианы как раз в тот миг, когда из кабинета вышел король в сопровождении дам его семьи.

— Месье, — раскатисто вскричал Пегилен, — ваше пренебрежение оскорбительно. Я не желаю его терпеть. Пусть ваша шпага ответит мне.

Филипп подошел к сопернику, глядя на него с холодным бешенством.

— Моя шпага принадлежит королю, месье. Я никогда не обнажаю ее ради шлюх.

Лозен был в такой ярости, что к нему вернулся его южный акцент.

— Я наставил вам рога, месье! — зарычал он, пьяный от гнева. — И я настаиваю, чтобы вы потребовали у меня сатисфакции.

Глава 14

Анжелика приподнялась на постели: голова была тяжелой, во рту чувствовалась горечь. Занимался пепельный рассвет.

Она провела рукой по спутанным волосам. До головы было больно дотронуться. Потянулась, чтобы взять зеркало с ночного столика, но скривилась от боли. Кисть руки распухла. В полном оцепенении Анжелика посмотрела на рану — и сразу опомнилась: Филипп!

Она соскочила с кровати, спотыкаясь, надела туфли без задника. Надо куда-то бежать, узнать, что с Филиппом и с Пегиленом. Сумел ли король убедить их не сражаться? А если дуэль все-таки состоялась — что ожидает выжившего? Арест, тюрьма, опала?

О чем бы ни думала Анжелика, ей мерещились только ужасы, положение казалось совершенно безвыходным.

Скандал! Ужасный скандал!

Стоило лишь вспомнить о том, что произошло в Фонтенбло, как она вспыхивала от стыда.

Она снова видела, как Филипп и Пегилен вытаскивают шпаги и становятся в позицию на глазах у самого короля. Господа де Жевр, де Креки и де Монтозье попытались разнять дуэлянтов. Мессир де Монтозье сгреб в охапку горячего гасконца, который ревел: «Я наставил вам рога, месье!», и все взоры двора обратились к покрасневшей Анжелике в ее роскошном розовом платье, весьма красноречиво измятом.

Каким-то чудом она сумела собрать волю в кулак, подошла к королю и присела в глубоком реверансе, затем сделала глубокий реверанс перед королевой и удалилась с гордо выпрямленной спиной. Она шла мимо стоявших рядами придворных, провожавших ее

насмешливыми или возмущенными взглядами, шепотом, приглушенным смехом, при этом ее окружало столь глубокое и ужасающее молчание, что больше всего на свете ей хотелось подхватить юбки и броситься бегом оттуда.

Но Анжелика стойко держалась до конца и вышла из зала, не ускорив шага, и только после этого скорее мертвая, чем живая, рухнула на банкетку на какой-то плохо освещенной и пустынной лестничной площадке.

Именно там некоторое время спустя Анжелику и обнаружила мадам де Шуази. Поджав губы, благородная дама сообщила маркизе дю Плесси-Бельер, что Его Величество отчитывает с глазу на глаз мессира де Лозена, а Его Высочество принц опекает оскорбленного супруга, и все надеются, что на этом неприятная ссора прекратится. Однако мадам дю Плесси должна понять, что ее присутствие при дворе нежелательно, и король уполномочил мадам де Шуази сообщить маркизе, что та должна без промедления покинуть Фонтенбло.

Бедная Анжелика выслушала приговор едва ли не с облегчением. Она бросилась в свою карету и заставила гнать всю ночь, не обращая внимания на ворчание кучера и лакеев, которые боялись, что в лесу на них нападут разбойники.

«До чего же мне не везет! — думала Анжелика, с горечью разглядывая себя в высоком зеркале туалетной комнаты: усталый вид, синие тени залегли вокруг глаз. — Каждый день и каждую ночь при дворе бесчисленное количество женщин с легкостью обманывают своих мужей, и надо же такому случиться, что когда это сделала я, чуть небо на землю не упало. Нет, мне решительно не везет!»

Вчерашнее излишне обильное возлияние до сих пор туманило ее мозг и наполняло рот вязкой слюной.

Анжелика была готова расплакаться. Она стала дергать за все звонки. Появились сонные зевающие Жавотта и Тереза. Анжелика приказала помочь ей одеться, а потом послала за Флипо, которому велела бежать в особняк маркиза дю Плесси на улицу Фобур Сент-Антуан и узнать все новости.

Она заканчивала одеваться, когда раздался шум кареты, медленно въезжавшей во двор особняка. Анжелика застыла, сердце колотилось, как сумасшедшее. Кто мог приехать к ней в шесть утра? Зачем?.. Она кинулась в переднюю, нетвердым шагом спустилась на несколько ступенек и перегнулась через перила.

Она увидела Филиппа, за которым следовал Ла Виолетт с двумя шпагами в руках и личный духовник маркиза.

Маркиз дю Плесси поднял голову.

— Я только что убил месье де Лозена, — заявил он.

Анжелика вцепилась в перила, чтобы не упасть. Ее сердце забило еще сильнее. Филипп жив!

Она сбежала по лестнице и, подойдя к мужу, увидела, что его манишка и жилет перепачканы кровью. Плащ маркиза выглядел не так элегантно, как обычно, потому что Филипп поддерживал левой рукой правую.

— Вы ранены! — одними губами произнесла Анжелика. — Seriously? Филипп, нужно сделать перевязку. Прошу вас, пойдете!

Она помогла ему дойти до своей спальни. Видимо, Филиппу было совсем плохо, потому что он последовал за женой без каких-либо возражений. Он тяжело рухнул в кресло и закрыл глаза. Его лицо казалось блее воротника рубашки.

Анжелика лихорадочно схватила свою шкатулку с рукоделием, вынула ножницы и принялась резать ткань, пропитанную кровью. Она крикнула служанкам,

чтобы те принесли воды, бинт, лечебные порошки и бальзамы и еще ликер венгерской королевы.

— Выпейте это, — сказала Анжелика, как только Филипп немного пришел в себя.

Рана не выглядела серьезной. Длинный разрез тянулся от правого плеча к левому боку, но он был совсем неглубоким. Анжелика промыла рану, обработала ее дижонской горчицей^[49], присыпала порошком из панциря раков^[50] и сверху приложила мазь Двенадцати апостолов^[51].

Филипп перенес все процедуры, не поморщившись, даже когда его мазали горчицей. Казалось, он о чем-то глубоко задумался.

— Я все спрашиваю себя: как они решат вопрос этикета? — произнес он наконец.

— О каком этикете вы говорите?

— Об этикете ареста. В принципе, арест производит капитан королевской охраны, но действующий капитан — не кто иной, как граф де Лозен! Он ведь не может арестовать самого себя, не так ли?

— Едва ли это возможно, особенно учитывая, что он умер, — заметила Анжелика с нервным смешком.

— Умер? Да у него ни царапины!

Анжелика застыла с бинтом в руке.

— Но вы только что сказали...

— Я хотел посмотреть, упадете ли вы в обморок.

— Я не буду падать в обморок из-за Пегилена де Лозена! Конечно, я огорчилась... но, Филипп, тогда получается, что поражение потерпели вы?

— Надо же было каким-то образом остановить эту дурацкую дуэль. Я не собирался портить двадцатилетнюю военную дружбу с Пегиленом из-за какой-то...

— Безделицы, — выпалила Анжелика, чтобы избежать очередной грубости. — Да, я знаю... король тоже называет меня Безделицей.

И она разрыдалась. Плакать по любому поводу было совсем не в ее характере, но казалось, вина Фонтенбло, которыми она вчера злоупотребила, открыли неиссякаемый источник слез.

Слезы падали на бинт, которым она продолжала перевязывать раненого мужа.

— Филипп! О Господи... Филипп! Как глупо... Почему все так ужасно получилось?! Я так хотела... любить вас.

Маркиз предостерегающе поднял руку, призывая ее к молчанию.

— Кажется, вот и они, — сказал дю Плесси.

На мраморной лестнице послышалось звяканье шпор и сабель. Дверь медленно отворилась, и в комнату заглянул смущенный граф де Кавуа.

— Кавуа! — воскликнул Филипп. — Ты пришел меня арестовать?

Граф удрученно кивнул.

— Прекрасное решение. Ты — полковник мушкетеров, и после капитана королевской стражи его функции должны перейти именно к тебе. Что с Пегиленом?

— Он уже в Бастилии.

С болезненной гримасой Филипп поднялся.

— Пойдем. Мадам, будьте так любезны, накиньте мне на плечи камзол.

Но услышав слово «Бастилия», Анжелика потеряла голову. Все повторяется!.. Они опять пришли, чтобы отнять у нее мужа и посадить его в Бастилию. Побледнев, как полотно, она умоляюще сложила руки.

— Мессир де Кавуа! Заклинаю вас, только не Бастилия.

— Мадам, я сожалею, но таков приказ короля. Вы должны знать, что дуэль — это серьезный проступок, и

мессир дю Плесси совершил его вопреки запрещающим эдиктам. Но успокойтесь, с ним будут хорошо обращаться, о нем позаботятся. Есть разрешение, чтобы его сопровождал слуга.

Граф протянул Филиппу руку, чтобы тот мог о нее опереться.

Из груди Анжелики вырвался крик раненого зверя:

— Только не в Бастилию!.. Заприте его где угодно, но не в Бастилии!

Оба дворянина, уже подошедшие к двери, обернулись и с непониманием посмотрели на нее.

— И где же вам угодно, чтобы меня заперли? — возмущенно спросил Филипп. — Может быть, в Шатле, с деревенщиной?

Все начиналось заново! Ожидание, тишина, невозможность что-либо сделать, неотвратимость гибели. Анжелика мысленно видела, как она опять неуверенно бредет по дороге... Ее охватил безумный страх, как бывает в ночных кошмарах, когда вы тщетно пытаетесь бежать, а ноги, налитые свинцом, прирастают к земле. Несколько долгих часов маркизе казалось, что она теряет рассудок.

Ее служанки были потрясены, видя свою всегда хладнокровную и энергичную хозяйку в таком состоянии! Наконец они пришли к единственному решению, которое могло бы успокоить Анжелику:

— Вам необходимо навестить мадемуазель де Ланкло, мадам. Мадемуазель де Ланкло.

Они едва ли не силком запихнули маркизу в портшез.

Это была правильная мысль. Только Нинон с ее уравновешенностью, опытом, тактом и чуткостью могла

выслушать Анжелику, не принимая ее за сумасшедшую или не впадая в панику.

Нинон укачивала свою подругу в объятиях, называла ее «нежным сердечком», а когда Анжелика немного успокоилась, стала объяснять, что ситуация вполне заурядная. Случается великое множество похожих историй. Каждый день мужья дерутся на дуэли и мстят за оскорбленную честь.

— Но... Бастилия!

Ненавистное название пламенем горело перед глазами Анжелики.

— Бастилия! Но из нее выходят, дорогая моя.

— Только на костер!

Нинон погладила лоб Анжелики.

— Я не знаю, что вы имеете в виду. Наверное, вы помните о каком-то страшном событии, которое пугает вас и лишает обычного хладнокровия. Но когда к вам вернется способность рассуждать здраво, вы, как и я, поймете, что репутация Бастилии, конечно, впечатляет, но не пугает. Бастилия — как угол, куда король ставит шалунов. Разве найдется кто-то среди наших вельмож, кто не провел хотя бы нескольких дней в этой тюрьме, расплачиваясь за дерзость или за недисциплинированность, которой отличаются эти горячие головы? Лозен сам попадает туда в третий, если не в четвертый раз. И его пример наглядно доказывает, что из Бастилии выходят и что порой после этого провинившимся оказывают больше уважения, чем раньше. Итак, оставьте за королем право карать свое непослушное стадо. Он будет первым, кто вздохнет с облегчением после возвращения шалопая Лозена и своего главного ловчего.

Разумные речи куртизанки помогли Анжелике обрести спокойствие духа, и она решила, что ее страх смешон и необоснован.

Нинон посоветовала подруге ничего не предпринимать и подождать, пока уляжется буря:

— Один скандал вытеснит другой. Королевский двор богат скандалами! Наберитесь терпения. Я готова поспорить, что через неделю про вашу историю забудут и на языках сплетниц появится новое имя.

Следуя совету Нинон, Анжелика решила укрыться в монастыре кармелиток, где стала послушницей ее сестра Мари-Аньес. Это было наилучшим способом скрыться от света, не уезжая при этом куда-то далеко.

В своем монашеском одеянии юная Мари-Аньес де Сансе, с зелеными глазами, остреньким личиком и хитрой улыбкой походила на одного из ангелов с портика старинного собора, которые смущают прихожан своим изяществом.

Прежде Анжелика удивлялась твердому решению сестры принять постриг, ведь ей только исполнился двадцать один год. Жизнь, полная лишений и молитв, казалось, не соответствовала темпераменту младшей Сансе: уже в двенадцать лет о ней говорили, что она наделена необузданным нравом, а ее недолгая карьера фрейлины королевы была чередой распутных приключений. Анжелика до сих пор полагала, что в любви у Мари-Аньес намного больше опыта, чем у нее самой. По всей видимости, молодая монахиня думала так же, потому что, выслушав исповедь сестры, она снисходительно вздохнула:

— Как же ты еще молода! Почему так переполошилась из-за банальной истории?

— Из-за банальной истории? Мари-Аньес, я только что рассказала тебе, что изменила своему мужу. Ведь это грех, как мне кажется!

— Нет ничего банальнее, чем грех. Вот добродетель — это редкость. Такая редкость, что в наши дни считается чудачеством.

— Я вообще не понимаю, как все это произошло. Я не хотела, но...

— Послушай, — сказала Мари-Аньес, и в ее голосе зазвенел металл, свойственный всей семье, — мы или хотим этого, или нет. И если нет, то не нужно появляться при дворе.

Наверное, именно в этом и крылось объяснение ее полного разрыва с миром.

В ватной тишине святой обители, где умирал всякий городской шум, Анжелика еще раз обдумала свое намерение каяться. Неожиданный визит мадам де Монтеспан несколько охладил ее порыв обратиться к небу и вернул к сложным земным проблемам.

— Не знаю, насколько разумно я поступаю, — сказала приятельнице прекрасная Атенаис, — но, взвесив все «за» и «против», я подумала, что будет полезным предупредить вас. Вы можете действовать, как захотите, главное, не упоминайте моего имени. Этой историей с дуэлью заинтересовался Солиньяк. Иными словами, дела вашего мужа не слишком хороши.

— Маркиз де Солиньяк? Какое ему дело?

— Как всегда, он действует во имя Бога и священного закона. Должна предупредить, это человек неприятный и непредсказуемый. Он вбил себе в голову, что дуэль — одна из ересей, разновидность атеизма, и, пользуясь случаем, попытается убедить короля, что де Лозена и вашего мужа следует строго наказать, как он говорит, «в назидание другим». Я слышала, что он может даже потребовать костра.

Увидев, как побледнела Анжелика, легкомысленная маркиза легонько стукнула ее веером.

— Я пошутила. Но будьте осторожны! Этот взбесившийся ханжа способен настоять на длительном тюремном заключении или опале, уж я-то его знаю. Король может прислушаться к его мнению и вспомнить, что Лозен слишком часто выводит его из себя. Его

Величество очень недоволен, что они оба пошли против его желания уладить дело мирно. Сама по себе дуэль никого не шокирует — все дело в исполнении закона. Как бы то ни было, запал тлеет. На вашем месте я попыталась бы вмешаться, пока есть время, ведь король еще не принял решения.

Анжелика отложила молитвенники и спешно покинула святое убежище.

Нинон де Ланкло, к которой она обратилась вновь, сначала сказала, что историю с обманутым мужем не стоит принимать всерьез. Раздуть из столь заурядного происшествия показательный процесс просто нелепо. Когда начинается эпидемия, врачи не занимаются отдельными случаями болезни.

Людовик, которому сообщили об этих словах, улыбнулся. А это — добрый знак.

Но когда Анжелика рассказала Нинон о роли, которую взял на себя господин де Солиньяк, та нахмурилась. Она вспомнила время, когда Ришельё приказал палачу рубить благородные, но слишком горячие головы дворян именно «в назидание другим»: таким способом он надеялся заставить молодых сеньоров отказаться от этой отвратительной привычки драться на дуэлях, уничтожавших цвет королевства.

— Если месье де Солиньяк вбил себе в голову, что Провидение коснулось шпаги вашего супруга, то можно не сомневаться: он будет надоедать королю с упорством, которое иные прилагают для того, чтобы заручиться монаршей милостью.

— Неужели вы полагаете, что король позволит кому бы то ни было повлиять на свое решение?

— В данном случае речь идет не о слабости с его стороны. Даже если государь считает мессира де Солиньяка невыносимым, аргументы, которые тот выдвигает, весомы. Существует религиозный закон, и закон светский не противоречит ему. Если король

обязался соблюдать и тот, и другой, он не может отступить. Все могло бы обойтись, если бы дуэль прошла незаметно. Но о ней трубят на всех перекрестках.

Анжелика опустила голову и задумалась. Теперь, перед битвой, она сумела справиться со своим волнением.

— Может быть, мне следует навестить мессира де Солиньяка?

— Попробуйте.

Глава 15

Несколько минут Анжелика простояла под проливным дождем перед решеткой Сен-Жерменского дворца — как оказалось, двор переехал в Версаль. Она чуть было не отказалась от своей затеи, но все же взяла себя в руки и поднялась в карету.

— В Версаль, — крикнула она кучеру.

Кучер с ворчанием принялся разворачивать упряжку.

Сквозь стекла, занавешенные пеленой дождя, Анжелика смотрела, как мимо проносятся голые леса, подернутые серым туманом.

Дождь, холод, грязь! Наступила угрюмая зима. Все мечтали о снегопадах, о сверкающей белизне, которую принесет Рождество.

Анжелика не чувствовала заледеневших ног. Время от времени она сжимала губы, и в ее глазах зажигалось нечто, что мадемуазель де Паражонк называла «боевым задором».

Анжелика снова вспоминала свою встречу с маркизом де Солиньяком, который все же согласился ее принять. Нет, не у него дома, тем более не у нее: тайная встреча прошла со всеми мыслимыми предосторожностями в маленькой холодной приемной монастыря целестинцев. Вне королевского двора, где высокий рост и монументальный парик придавали Солиньяку величественность, главный камергер королевы производил впечатление хитроватого, если не сказать — подозрительного человека.

Казалось, что все окружающее предоставляет Солиньяку повод для возмущения. Он не преминул сделать Анжелике внушение, что она недостаточно скромно одета для официальной встречи.

— Вам, должно быть, кажется, что вы освещены дворцовыми люстрами, а меня вы принимаете за одного из тех блондинов, которые теряют голову от вашей красоты? Не знаю причины, по которой вы пожелали со мной встретиться, но, учитывая печальное положение, в которое завело вас ваше легкомысленное поведение, по крайней мере, имейте стыд прикрывать гибельные прелести, ответственные за происшедшее несчастье.

Анжелику ожидали сплошные сюрпризы. Господин де Солиньяк, полуприкрыв глаза, стал расспрашивать: постится ли она по пятницам, подает ли милостыню и видела ли «Тартюфа» — а если да, то сколько раз.

Мольеровского «Тартюфа» кичившиеся своей набожностью ханжи встретили в высшей степени недоброжелательно. Когда комедию представляли королю, Анжелики не было при дворе, так что она пьесу не видела.

Недооценив влияние, которое оказывало в придворных кругах Общество Святого Причастия, она вышла из себя. Разговор стал резким и язвительным.

— Да обрушатся несчастья на голову того или той, кто стал причиной скандала! — закончил беседу неуступчивый маркиз.

Анжелика удалилась, потерпев полное поражение. На смену мужеству пришел гнев. И тогда она приняла решение встретиться с королем.

Маркиза переночевала в придорожной таверне в окрестностях Версаля и с восходом солнца уже находилась в зале просителей, сделав глубокий реверанс перед портретом Людовика, висевшим над мраморным камином в позолоченном нефе дворца. В «час прошений» под расписными плафонами Версаля, как обычно, собрались просители: отставные военные, оставшиеся без пенсий, ограбленные вдовы и обнищавшие дворяне. Сломленные судьбой и покинутые близкими, эти люди обращались с последней надеждой

ко всесильному королю. Стоявшая тут же мадам Скаррон в своей поношенной накидке являла собой классический облик просителя и была едва ли не его символом.

Анжелика не стала поднимать с лица кружевную вуаль и осталась неузнанной.

Когда вышел государь, она опустилась на колени и всего лишь протянула ему прошение, в котором смиренно умоляла Его Величество уделить несколько минут маркизе дю Плесси-Бельер.

Она с радостью заметила, что король, бросив взгляд на ее прошение, оставил его в руках, а не передал вместе с прочими бумагами господину де Жевру.

Когда толпа просителей рассеялась, не кто иной, как де Жевр, подошел к закутанной в накидку даме и тихим голосом пригласил следовать за собой. Перед маркизой распахнулись двери в кабинет Людовика.

Анжелика не смела и надеяться, что ее примут столь скоро. Сердце ее заколотилось. Как только дверь королевского кабинета затворилась за ней, Анжелика прошла несколько шагов и упала на колени.

— Поднимитесь, мадам, — раздался голос короля, — встаньте и подойдите ко мне.

Голос не был сердитым.

Анжелика повиновалась и, приблизившись к столу, откинула вуаль.

В кабинете было темно. Тучи затянули небо, снаружи слышался шум дождя, и вода разбивалась о песок садовых партеров. Несмотря на полумрак, Анжелика все же сумела различить слабую улыбку на лице Людовика. Он милостиво произнес:

— Я огорчен, что одна из моих придворных дам считает необходимым соблюдать тайну для встречи со мной. Почему вы не сочли возможным обратиться к своему королю открыто? Ведь вы — жена маршала.

— Сир, мне так неловко...

— Итак, мы подошли к главному. Я принимаю ваше смущение в качестве оправдания. Но в тот вечер было бы разумнее не уезжать из Фонтенбло с такой поспешностью. Бегство не достойно вас, не достойно мужества, с каким вы держались во время неприятного инцидента.

Анжелика с трудом сдержала изумленное замечание, что уехала, подчиняясь его приказу, переданному мадам де Шуази.

Король продолжил:

— Оставим это. Какова цель вашего визита?

— Государь, Бастилия...

Она запнулась, сраженная прозвучавшим словом. Ей не стоило начинать с названия крепости. Анжелика растерялась и судорожно сжала руки.

— Давайте выясним, — очень мягко начал король, — за кого вы пришли просить? За графа де Лозена или за маркиза дю Плесси?

— Сир, — с чувством воскликнула Анжелика, — меня волнует только судьба моего мужа!

— Увы! Так было не всегда, мадам! Если верить слухам, то на какой-то миг, быть может очень краткий, судьба маркиза и сама его честь отошли для вас на задний план.

— Это правда, сир.

— Вы сожалеете об этом?

— Всею душой, сир.

Под пронизывающим взглядом Людовика Анжелика припомнила, что король всегда проявлял живейшее любопытство к личной жизни своих подданных.

Однако такой интерес облекался в весьма тактичную форму. Король знал, но хранил молчание. Более того: он заставлял молчать других.

Было очевидно, что король желал проникнуть в тайны своих подданных прежде всего потому, что искал надежные средства для управления ими.

Анжелика перевела взгляд с серьезного лица монарха, освещенного тусклыми рассветными лучами, на его руки, лежавшие на черной столешнице. Руки расслабленные, неподвижные и в то же время сильные, не знающие дрожи: руки короля.

— Какая унылая пора! — Людовик встал из-за стола, отодвинув кресло. — Уже в полдень приходится просить принести свечи. Я не вижу вашего лица. Подойдите сюда, я взгляну на вас.

Анжелика покорно прошла вслед за королем к окну, по стеклам которого струился дождь.

— Не могу поверить, что мессир дю Плесси в самом деле безразличен к чарам своей жены и к тому, как она этими чарами распоряжается. Должно быть, тут ваша вина, мадам. Почему вы не живете в особняке своего мужа?

— Маркиз дю Плесси меня никогда не приглашал.

— Странно! Ладно, Безделица, расскажите, что произошло в Фонтенбло.

— Я знаю, что мой проступок непростителен, но муж сильно оскорбил меня, и оскорбил публично.

Анжелика машинально дотронулась до своей укушенной руки. Король взял ее руку, взглянул на тонкое запястье, однако ничего не сказал.

— Я присела в укромном уголке. Мне было очень тяжело. Граф де Лозен проходил мимо, и...

Она рассказала, как сначала Лозен пытался успокоить ее разговорами, а потом перешел к действиям.

— Очень трудно устоять под натиском господина де Лозена, сир. Он настолько ловок, что если начнешь возмущаться или защищаться, то рискуешь оказаться в таком глупом положении, из которого уже не выпутаться без скандала.

— Ха-ха-ха! Так вот он каков!

— У мессира де Лозена столько опыта. Он распутник, отвергающий любые условности, он способен совратить даже праведника. В конце концов, Ваше Величество знает его лучше, чем я.

— Хм! — усмехнулся король. — Смотря какой смысл вы вкладываете в свои слова, мадам. Вы прелестны, когда так краснеете, — продолжил Людовик. — В вас много восхитительных контрастов. Вы одновременно робки и отважны, веселы и серьезны... Недавно здесь, в Версале, я посетил оранжерею: хотел полюбоваться цветами, которые скрываются в ней от зимнего холода. И вот среди тубероз я заметил один цветок, нарушавший цветовую гамму. Садовники хотели вырвать его, потому что это дикий росток. На самом деле он был такой же яркий, как и остальные цветы, просто он отличался от них. Именно об этом цветке я вспоминаю, когда вижу вас среди придворных дам... Теперь я уже готов поверить, что вся вина лежит на мессире дю Плесси...

Людовик нахмурил брови, и его лицо, до того бывшее приветливым, омрачилось.

— Мне никогда не нравилась его репутация грубияна. Я не желаю видеть при своем дворе сеньоров, которые своим поведением могут дать иностранцам повод думать, будто французские нравы остались грубыми и даже варварскими. Я ценю куртуазное отношение к дамам. Галантность необходима для славы нашей страны. Правда ли, что муж бьет вас, причем публично?

— Нет! — решительно заявила Анжелика.

— Так уж и нет! Я полагаю, что красавец Филипп задумается о своем поведении, если посидит подольше в стенах Бастилии.

— Сир, я пришла просить о его освобождении. Выпустите его из Бастилии, умоляю вас!

— Значит, вы его любите? А мне казалось, что ваша семейная жизнь состоит скорее из горьких ссор, нежели из счастливых примирений. Я слышал, до венчания вы были едва знакомы?

— Наверное, мы не слишком хорошо друг друга знаем, но знакомы очень давно и в детстве я называла его «старшим кузенком».

Она снова вспомнила подростка в небесно-голубом костюме с золотистыми локонами, ниспадавшими на кружевной воротник, приехавшего в замок семьи де Сансе.

Анжелика с улыбкой смотрела в окно. Дождь прекратился. Солнечный луч, пробившийся между тучами, осветил мощенную мрамором дорогу, по которой четверка вороных катила оранжевую карету.

Луч света упал ей на лицо.

— Тогда он тоже отказался меня поцеловать, — вздохнула она. — Брезгливо замахал своим кружевным платком, как только мы с младшими сестрами подошли к нему.

И она рассмеялась.

Король внимательно смотрел на собеседницу. Он знал, что она очень красива, но впервые разглядывал ее так близко. Он любовался ее кожей, мягкой нежностью щек и влажной прелестью губ. Когда Анжелика подняла руку, чтобы убрать с виска золотистый локон, Людовик почувствовал ее аромат. Она излучала странное свечение тепла и жизни. Внезапно он протянул руки к этому соблазнительному созданию и привлек ее к себе. Он нашел ее тело чудесно гибким. Он склонился к улыбающимся губам. Она была такой восхитительной, такой желанной. Он приоткрыл ее рот, нащупал языком зубы, гладкие и твердые, как маленькие жемчужины.

Анжелика оцепенела. Она не отвечала на этот поцелуй, пока поток страсти не стал невыносимо-

сладостным, но когда жар его рта опалил ее губы, она резко вздрогнула и сжала плечи короля.

Людовик отступил на шаг и очень спокойно, с улыбкой сказал:

— Не пугайтесь. Я лишь хотел для себя решить, на кого следует возложить ответственность, и должен был убедиться, нет ли в вас скрытой холодности, способной оттолкнуть законные притязания супруга.

Анжелику не обманули его слова. У нее было достаточно опыта, чтобы почувствовать, что король, находясь рядом с ней, оказался во власти непреодолимого желания.

— Я полагаю, что Ваше Величество придает изучению этого вопроса больше внимания, чем того заслуживают его скромные подданные, — с улыбкой ответила она.

— Неужели?

— Безусловно.

Король отступил еще на несколько шагов и направился к письменному столу. Но он улыбался и не выглядел рассерженным.

— Допустим! Но я нисколько не сожалею о том, что продвинулся в моем маленьком расследовании слишком далеко. Теперь я составил собственное мнение... Мессир дю Плесси — последний дурак. Он сто раз заслужил ту неприятность, которая с ним произошла, и я позабочусь лично сказать ему об этом. Надеюсь, на сей раз он учтет мое мнение. Я намерен отослать его в армию, в Пикардию, пусть побудет там некоторое время для закрепления урока. И не плачьте больше, Безделица, вам скоро вернут вашего «старшего кузена».

Из оранжевой кареты, остановившейся под окнами дворца на Мраморном дворе, вышел главный камергер королевы, господин де Солиньяк.

Глава 16

Анжелика вернулась домой взволнованная до крайности, ее разум и чувства были в полном смятении.

Во дворе своего особняка она увидела уже распряженную карету, из которой выгружали гору вещей.

На лестнице у парадного входа, держась за руки, стояли два румяных мальчугана.

Анжелика сразу спустилась с небес на землю.

Флоримон! Кантор!

Она напрочь забыла о своем письме в Пуату, в котором просила отца отправить детей к ней в Париж. Был ли их приезд теперь кстати?

Впрочем, радость от встречи с сыновьями перечеркнула все тревоги. Анжелика крепко обняла своих малышей.

Они казались немного смущенными, держались скованно и молчали, как простые деревенские мальчишки, впервые попавшие в город.

На них были грубые башмаки, подбитые гвоздями, и заштопанные чулки, а одежда насквозь провоняла навозом — ничего удивительного, зато Анжелика пришла в изумление от того, как вытянулся Кантор. В свои семь лет он почти догнал старшего брата, а ведь и тот заметно подрос. Братья были совсем не похожи, разве что оба с густой вьющейся шевелюрой: у Флоримона — черной, а у Кантора — темно-русой. Флоримон так и остался маленьким южанином с теплым и живым взглядом. Зеленые глаза Кантора цветом напоминали листья дягиля, растущего в тени пуатевинских болот. Его глаза казались прозрачными и одновременно какими-то непроницаемыми, в них невозможно было прочесть чувства мальчика.

Атмосферу разрядила Барба — служанка, воспитавшая детей. Она верещала без умолку. Как она счастлива вернуться в Париж! Она уже думала: неужели придется просидеть еще и зиму в замке, в провинции, среди неотесанных крестьян, в обществе двух неисправимых шалунов, которых свежий деревенский воздух окончательно сбил с пути истинного?! Они стали совсем неуправляемыми. А господин барон, их дедушка, потакает внукам во всем, да и старая кормилица тоже. Давно пора отдать юных оболтусов в руки хорошего учителя, который научит их грамоте и не будет жалеть розог.

— Они будут представлены ко двору, — тихо сказала Анжелика, — и станут компаньонами монсеньора дофина.

От восторга Барба вытаращила глаза и, всплеснув руками, по-новому, с уважением уставилась на маленьких озорников.

— Их предстоит еще многому научить!.. Они должны хорошо владеть шпагой, уметь носить шляпу с перьями, освоить придворные поклоны. Им надо выучиться сморкаться, не плевать и не пускать газы где попало. Они должны уметь вести беседу с дамами, а не ворчать, как свиньи в хлеву...

Разностороннее и быстрое воспитание обоих мальчиков казалось почти неразрешимой задачей.

За дело взялась мадам де Шуази. Через несколько дней она появилась в отеле Ботрейи в сопровождении невысокого и по-девичьи худенького священника в черном жюстокоре. Огромные глаза выделялись на его лице, обрамленном локонами припудренного парика. Мадам де Шуази представила его как отпрыска младшей ветви Ледигьеров из Шартра, что свидетельствовало одновременно о благородном происхождении и о бедности.

Сама мадам де Шуази обращалась именно к этому наставнику, чтобы вывести в свет своего юного Мориса, и поэтому она сочла подобающим рекомендовать Ледигьера маркизе дю Плесси-Бельер, чтобы та доверила ему воспитание своих сыновей.

Ледигьер получил превосходное образование и служил пажом у архиепископа Санса.

Мадам де Шуази добавила, что надо нанять второго наставника, а также учителей танцев, верховой езды и фехтования. У нее есть на примете все три кандидатуры. Вторым наставником она предложила взять Ракана из рода де Бюёй. Он изучал право, но теперь ищет места, потому что для выкупа адвокатуры у него не хватает средств. Учителем танцев мог бы стать внук маркиза Лебурга из Фландрии. Этот род знаменит тем, что многие его представители были рыцарями ордена Золотого руна. В отличие от них, третий кандидат был единственным наследником колоссального состояния, пока его не лишили наследства за то, что он выбрал себе карьеру «гладиатора». Мадам де Шуази также порекомендовала Анжелике нанять двух девиц Жиландон из Шамбора, бабушка которых происходит из рода Жуаёз, а сестра состоит в браке с графом Рошем. Они хотя и не красавицы, зато неглупы, и могли бы довольствоваться небольшим пенсионом, так как отец оставил их без средств к существованию, когда по возвращении из Испании обнаружил, что их мать беременна.

— К чему мне эти девицы?

— Они станут вашей свитой. Вас постоянно сопровождают служанки в чепцах, а это не к лицу знатной даме с вашим именем, которая собирается делать карьеру при дворе.

Мадам де Шуази пустилась в назидательные рассуждения о том, что в порядочном доме среди домочадцев должны быть представители всех сословий:

из духовенства — исповедники и наставники для детей; из дворян — учителя фехтования и верховой езды, паж и камеристки; из мещан — управляющий, дворецкий, камердинеры, шеф-повара; наконец, простой люд — лакеи и служанки, кухонные рабочие, посыльные, конюхи.

Мадам дю Плесси пока не хватает окружения, соответствующего ее статусу. Мадам де Шуази уверяла, что охотно поможет ей в этом деле, но в свою очередь надеется, что молодая маркиза будет ответственно следить, чтобы ее домочадцы молились утром и вечером и регулярно ходили к причастию.

Анжелика так и не разобралась, какую же роль сыграла мадам де Шуази во время инцидента в Фонтенбло. Должно быть, она переусердствовала и не совсем верно передала приказ короля? В тот день она казалась вне себя от возмущения, а теперь преисполнилась любезности.

Мадам де Шуази выглядела лет на сорок, но ее глаза еще сияли молодым задором, а улыбка казалась очень милой. И все-таки было в ней нечто отталкивающее, что мешало завести с ней дружбу. Слуги называли дом своей хозяйки настоящей тюрьмой Консьержери. Бедные девушки, имевшие несчастье попасть в ее дом, не могли из него вырваться; госпожа заставляла их работать до седьмого пота и жестоко наказывала. Привратник не осмеливался открывать двери без разрешения после того, как однажды его выпороли за нарушение инструкции. Одну из служанок по приказу хозяйки едва не заporоли до смерти. Ходили слухи, что мадам де Шуази приказала отстегать кнутом даже собственного мужа, но впоследствии искренне раскаялась и в качестве епитимьи простояла несколько часов по шею в болоте.

Анжелика не слишком доверяла досужим сплетням, хотя склонность новой приятельницы влезать в чужие

дела несколько настораживала ее. Опасаясь, как бы мадам де Шуази не прислала к ней каких-нибудь новых протеже, Анжелика, хотя и не до конца разобравшись с рассказами о Ледигьере, Ракане и девицах Жиландон, наняла их всех к себе на службу.

Впрочем, Флоримона и Кантора нужно было незамедлительно передавать в руки учителя верховой езды. Они вступили в тот возраст, когда возникает стремление оседлать все, что только можно. За неимением дедушкиных мулов, братья довольствовались лестничными перилами из драгоценной древесины. Их былая робость улетучилась, и отель Ботрейи огласился невообразимым шумом игрушечных сражений и постоянной беготни.

Погрузившись в домашние хлопоты, Анжелика не заметила, как летит время, и лишь молва донесла до нее весть об освобождении Филиппа. Маркиз не явился повидать жену, и она не знала, что предпринять. Мадам де Монтеспан советовала появиться при дворе с высоко поднятой головой.

— Король вас простил. Все знают, что он довольно долго беседовал с вами наедине. Он с глазу на глаз отчитал вашего мужа, но в тот же вечер удостоил его чести «подавать рубашку» на церемонии отхода ко сну в Сен-Жермене. Так что придворные понимают, насколько Его Величество благоволит вам обоим.

Мадам де Шуази разделяла это мнение. Король выразил желание увидеть, как маркиза дю Плесси представит ко двору своих сыновей, и следует повиноваться, а не ждать, пока добрые помыслы испарятся из монаршей головы. Мадам де Шуази виделась с воспитательницей детей Франции мадам де Монтозье, супругой будущего наставника дофина. Момент благоприятствует.

Итак, Флоримон и Кантор отправились в Версаль, чтобы быть представленными королевскому двору.

Мальчики были одеты в атласные костюмы синезеленого цвета, украшенные положенным количеством розеток и лент, белые чулки с золотыми стрелками и туфли на высоких каблуках. На боку висели маленькие серебряные шпаги. На обеих кудрявых головах красовались черные фетровые шляпы с красными перьями, которые по последней моде стелились вдоль поля головного убора и свисали вниз — не то что привычный плюмаж с перьями, торчащими султаном. Стояла снежная зима, и на их детских плечах лежали бархатные плащи, отделанные золотым сутажем. Ледигьер уверял, что Флоримон носит плащ «с необычайным изяществом», а это особое искусство, которое дается от рождения отнюдь не всем, да и не каждый способен этому научиться.

Кантор казался более неуклюжим. За Флоримона, быстро освоившего придворные поклоны и расшаркивания, наставники почти не волновались, зато в отношении Кантора приходилось надеяться, что ему будет приятно произвести хорошее впечатление, потому что у него все получалось только тогда, когда он сам этого очень хотел. Оставалось молить Господа о послушании Кантора.

В апартаментах, отведенных королевским детям, царила уютная атмосфера, совершенно не свойственная прочим покоям Версаля. Здесь было очень тепло. В углу стояли большая клетка для птиц и два кресла-качалки маленькой Мадам, спинки которых были покрыты очень дорогими кружевными накидками. В таком же кресле располагалась старая кормилица короля мадам Амелен, которая частенько приходила в детскую прясль, и ее веретено весело крутилось и трепетало подобно белому крылу. Мадам Монтозье по доброте своей не воспитывала наследника в строгости, но скоро для дофина наступит время, когда ему придется подчиняться указке учителя и неукоснительно

соблюдать правила этикета, которые отныне будут определять каждый шаг царственного ребенка.

Склонный к полноте дофин почти всегда держал рот приоткрытым из-за «немного испорченного носа»^[52], как говаривала его воспитательница. Не слишком умный, зато доброго нрава, он уже в свои шесть с половиной лет был вынужден приспособливаться к трудной роли сына Людовика XIV — роли, которую ему доведется играть всю жизнь. Он рос единственным ребенком в семье: две маленькие принцессы умерли почти сразу после рождения. Ходили слухи, будто одна из девочек была черной, как мавританка, потому что беременная королева пила слишком много шоколада.

Третья малышка, Мария-Тереза, прожила только десять месяцев.

Анжелика ясно видела, что ее сыновья, несмотря на отсутствие должного воспитания, выглядят не только более элегантно, раскованно и непринужденно, но и более представительными, чем наследник короны. Она восхищенно наблюдала, как мальчики одновременно отвесили низкие поклоны, выставив одну ногу и коснувшись шляпами пола, а потом под поощряющим взглядом мадам де Монтозье по очереди вышли вперед поцеловать руку, протянутую дофином. Она чуть не лопнула от гордости, когда Флоримон почтительно, но очень естественным и добродушным тоном сказал:

— Монсеньор, какая красивая у вас ракушка!

Выяснилось, что это украшение дофин самолично добавил в свой наряд. Он нашел ракушку сегодня утром среди песка паркового партера и не желал с ней расставаться, потребовав, чтобы ее прикрепили между крестом святого Людовика и крестом великого адмирала флота. Придворные дамы в конце концов уступили детскому капризу.

Замечание Флоримона оживило интерес дофина к своему сокровищу, и он тут же возжелал показать его своим новым друзьям. А потом, забыв о застенчивости, повел мальчиков любоваться коллекцией глиняных фигурок, маленькой пушкой и своим лучшим барабаном с серебряными палочками.

Интуиция Флоримона, подсказавшая ему невинную лесть, помогла справиться со сложной взрослой ситуацией, вызвав восторг у его воспитателей. Ледигьер и Ракан заговорщически переглянулись, и счастливая Анжелика решила вечером выдать им вознаграждение в тридцать экю.

Согласно церемониалу, в комнате появилась королева в сопровождении свиты фрейлин и нескольких дворян. После поклонов Кантора попросили спеть перед Ее Величеством. В начале его выступления произошло небольшое недоразумение. Встав на одно колено, Кантор запел свою любимую песенку:

*Бьют барабаны. Это на бал
Король своих дам созывает...*

Неожиданно аббат подскочил к своему воспитаннику, якобы чтобы перенастроить лютню. Перетягивая струны, учитель что-то прошептал мальчику, после чего тот с невозмутимым видом запел совсем другую песню. Происшествие оставили без внимания все присутствующие, и в первую очередь королева-испанка, совершенно не знакомая с французскими народными песенками. Зато Анжелика смутно помнила, что в той песне, сложенной в прошлом веке, говорилось о прелюбодеяниях короля Генриха IV, и была признательна аббату за своевременное вмешательство. Право, ей стоит лишний раз поблагодарить мадам де Шуази за удачный выбор наставников.

Голос Кантора был поистине ангельским — чистого тембра, при этом твердый и уверенный. Он нисколько не вибрировал, даже когда мальчик брал самые длинные ноты. Голос был хрустальным, но без пошлой слащавости, иногда свойственной маленьким детям.

Дамы, которые из вежливости приготовились слушать очередное «юное дарование», пришли в полный восторг. Флоримон, изначально привлечший их внимание, отошел на второй план. Все присутствовавшие благожелательно рассматривали маленького певца, пусть и не такого красивого, как его старший брат, но с глазами редкого оттенка, которые во время пения сияли одухотворенным светом. Особенно бурно восхищался господин де Вивонн, расточавший юному певцу комплименты не только из желания польстить Анжелике. Как и многие придворные, он был одаренным человеком. Брат мадам де Монтеспан, капитан галер и генерал-лейтенант флота, писал стихи, сочинял музыку и играл на нескольких музыкальных инструментах. Разумеется, он называл себя дилетантом и уверял, что для него эти увлечения — не более как средство от скуки, но именно ему неоднократно поручали постановки придворных балетов, причем с этой задачей он весьма недурно справлялся. Вивонн попросил Кантора исполнить еще несколько песен из его репертуара, выбирая наименее фривольные. Прозвучала даже ариетта рождественской мессы, притом в настолько виртуозном исполнении, что все были тронуты до глубины души. Королева потребовала немедленно послать за господином Люлли.

Придворный композитор занимался с хористами в часовне и был весьма раздосадован, что его оторвали от репетиции. Но когда он услышал, как поет удивительный ребенок, его лицо расплылось в улыбке. Голос необычайно высокий и очень редкий, заявил Люлли. Он не поверил, что Кантору еще не исполнилось

восемью лет; потому что такая грудная клетка бывает у одиннадцатилетних. Но карьера юного дарования будет короткой, уже мрачно добавил Люлли: ведь при взрослении голос почти наверняка испортится. Разве что он станет «голосом кастрата», а для этого мальчика к десяти или одиннадцати годам придется лишиться мужественности. Подобные голоса пользуются огромным успехом: безбородые юноши с ангельской внешностью считаются самым изысканным украшением королевских капелл всей Европы. Обычно их набирают из детей бедных музыкантов или бродячих комедиантов, стремящихся обеспечить своим сыновьям достойную карьеру вместо обычной нищенской жизни при посредственном таланте.

Анжелика даже вскрикнула от негодования. Кастрировать ее малыша Кантора?! Какой ужас! Слава Богу, он — дворянин, ему уготована совсем иная судьба, нежели потеря мужского естества. Он научится владеть шпагой, поступит на королевскую службу и наплодит многочисленное потомство.

Предложение господина Люлли стало предметом фривольных придворных шуток, хотя и в иносказательной форме. Кантора передавали из рук в руки, ласкали, хвалили, подбадривали. Как всегда, спокойный мальчик принимал это внимание и восторг с видом добродушного кота, который в то же время думает о чем-то своем.

В конце концов решили, что когда монсеньор дофин будет передан в руки воспитателей-мужчин, Флоримон и Кантор займут место в его свите среди прочих сеньоров, чтобы сопровождать наследника в манеж, в зал для игры в мяч, а позже и на охоту.

Итак, мальчики, едва выйдя из пеленок, уже почти получили должность при дворе, между тем как их мать пока не достигла никаких успехов на этом поприще. Ей предстояло довольствоваться ролью матроны,

получающей пенсию, из которого она отсчитывает экую, чтобы выкупать должности для господ Флоримона и Кантора де Моренс-Бельер. Перспектива забавная, но несколько оскорбительная.

Анжелика спрашивала себя, что ей предпринять. На первый взгляд, казалось бы, все ясно: приобрести должность при дворе ей помогут осведомленность и деньги. Но, несмотря на солидное состояние, она не смогла добиться даже ничтожного места. Например, должность второй камер-дамы королевы у нее из-под носа похитила некая бедная родственница мадемуазель де Лавальер.

«Напрасно все твердят о закате этой тихони», — думала Анжелика, начавшая разделять глухую неприязнь придворных к Луизе, которая, будучи олицетворением самой скромности, ухитрилась портить жизнь всему двору.

В конце концов придворные стали мечтать о том, чтобы рядом с монархом появилась высокомерная и не слишком щепетильная дама, которая стала бы настоящей королевской фавориткой: обожала бы искусство и роскошь, участвовала бы в дворцовых интригах как влиятельная фигура на шахматной доске. Анжелика думала при этом о мадам де Монтеспан. Но пока деньги Анжелики лишь выручали Атенаис из многочисленных затруднений, но не помогали ей достичь намеченной цели. Насколько прекрасная пуатевинка продвинулась в своем стремлении очаровать короля? Если бы ей это удалось, Анжелика бы узнала. Нет, заветный час еще не пробил ни для Атенаис, ни для Анжелики, сорившей деньгами ради успеха своей приятельницы.

Но пока Анжелика чувствовала себя обделенной и злилась. Не имея постоянной должности при дворе, она принимала участие в увеселениях и переездах из одной резиденции в другую лишь благодаря приглашениям,

присланным с нарочным, и оставалась зависимой от причуд и тирании мужа. Шаткость положения сводила ее с ума.

Разве можно представить себе более экстравагантного супруга, чем Филипп? Жена, проливая слезы, вытащила его из Бастилии, а он даже и не подумал нанести ей простой визит вежливости!

Подоспела пора, когда под звук скрипок и смех Париж понемногу начал пробуждаться и готовиться к праздникам.

Несмотря на подписание мирных договоров, привычка вести войну почти все лето удерживала большую часть дворян вдали от столицы. Если битвы с испанцами закончились, то теперь приходилось сражаться с турками или с епископом Мюнстера ^[53].

С наступлением ноября было заключено перемирие. Офицеры расформировали ставшие бесполезными подразделения, отправили некоторые войсковые части на зимние квартиры и спешно помчались в столицу и ко двору. Рано наступавшая ночь расцвечивалась бумажными фонариками зимних праздников, участились фейерверки, предвосхищавшие буйство карнавала.

Королева и придворные дамы старались вести себя сдержанно. До крещения они строго следовали религиозным предписаниям, слушали проповеди и занимались благотворительностью.

Но Его Величество, Месье, принцы крови, офицеры короны и знатные вельможи не считали необходимым связывать себя чрезмерной строгостью. Их шалости стали чуть скромнее, зато более изощренными. Двор совершал веселые путешествия из Сен-Жермена в Версаль, из Венсенского замка в Сен-Клу, где располагался загородный дом Месье. К «радостям желудка» — в основном роскошным легким закускам —

присоединялись радости танцев, приятных бесед и игр. Такие развлечения были своеобразной подготовкой к разгульным дням после праздника Богоявления.

Между тем Анжелика с нарастающим раздражением замечала, что ей становится все труднее двигаться: сказывалось приближение материнства. Это обстоятельство тоже могло дать Филиппу право удалить супругу от светской жизни. Анжелика тщетно все туже затягивала корсеты; при всем благоволении моды к пышным формам, она уже не могла надеть свои самые роскошные туалеты. Судьба снова посмеялась над ней: ребенок, которого она носила теперь, был намного крупнее старших сыновей.

Не участвуя в придворных увеселениях, Анжелика продолжала появляться в Сен-Жермене, куда каждый мог приезжать без специального приглашения. Здесь решались многие дела королевства, и коридоры дворца были заполнены самыми разными людьми: помощники министров, с гусиным пером за ухом, общались с иностранными послами, а ученые советники с серьезным видом прохаживались среди знатных дам, поигрывающих веерами, и обсуждали состояние торговли.

Однажды в Сен-Жермене Анжелика встретила старого аптекаря Савари, который приходил к ней в особняк как проситель и которого она называла про себя магом. В блестящей атмосфере Сен-Жермена довольный ученый чувствовал себя как рыба в воде.

Завидев Анжелику, он заговорщически улыбнулся:

— Мадам, не забудьте про мумиё.

— Когда же приедет ваш посол?

— Тише! Я дам знать заранее, я буду направлять вас шаг за шагом, но пока — никому ни слова, это тайна!

Проходившая мимо молодая дама тихонько вскрикнула и, схватив старого Савари за брыжи ^[54],

впилась в него глазами. Анжелика узнала мадемуазель де Бриенн.

— Месье, — негромко произнесла она, — я вас узнала. Вы — прорицатель и даже немного волшебник. Давайте заключим сделку!

— Мадам, вы ошибаетесь. Да, у меня есть определенная репутация, и обо мне неплохо отзываются при дворе, но я всего лишь скромный ученый.

— Я все знаю, — настаивала мадемуазель де Бриенн, и ее прекрасные глаза сверкнули, как карбункулы. — Я знаю, вы многое можете. У вас есть зелье, которое вы привезли с Востока. Послушайте, мне необходима ваша помощь, чтобы получить королевский «табурет». Назовите свою цену.

— Такие вещи нельзя получить за деньги.

— Тогда я буду принадлежать вам душой и телом.

— Бедная крошка, да вы с ума сошли!

— Подумайте, месье Савари. Для вас это не так уж и сложно, а я не вижу иного способа заставить короля предложить мне «табурет». Я хочу этого, хочу больше всего на свете. Ради «табурета» я готова на все!

— Хорошо, хорошо! Я подумаю, — покладисто согласился старый аптекарь.

Но категорически отказался брать кошель, который мадемуазель де Бриенн пыталась ему всучить.

— Как можно ввязываться в такие дела! — сказал он Анжелике после ухода мадемуазель де Бриенн. — Видите, какие это вертушки?! «Табурет»! Право сидеть на табурете в присутствии короля! Вот о чем они мечтают, едва появившись при дворе.

Старик снисходительно покачал головой, достал из складок своей одежды большой клетчатый платок и принялся протирать им очки.

— Ой ли! Месье Савари, я готова поверить, что вы действительно немножко колдун. Самые неприступные

красавицы двора бросаются к вашим ногам и...

— Прошу не принимать меня за похотливого сатира, я совсем не такой человек. Но молодые дамы, а чаще юные девицы порой ведут себя настолько дерзко, что я просто теряюсь. Эта ветреница тщеславнее, чем одалиска в гареме.

— Ого, вы бывали в гареме?

— Естественно, ведь мои снадобья были очень востребованы среди обитательниц гаремов, и они становились моими любимыми клиентками. Да, за высокой оградой гаремов редко встретишь мужчину, даже убеленного сединой. Меня приводили туда с завязанными глазами и в сопровождении трех евнухов с кривыми турецкими саблями. Однажды из-под вуали любимой наложницы османского султана Ибрахима ^[55] раздалась французская речь. Оказалось, что красавицу из Ла-Рошели в шестнадцать лет похитили берберские пираты. Но не заставляйте меня предаваться воспоминаниям, мадам. Сейчас мы должны думать только о мумиё. Могу ли я напомнить данное вами обещание оказать мне посильную помощь?

— Мы же договорились. Я буду стараться изо всех сил, и я не потребую у вас «табурет». Но мне кажется, что вы переоцениваете мои возможности.

Мэтр Савари пытливо посмотрел на свою собеседницу.

— Я не прорицатель, как уверяет эта юная вертихвостка, но все же могу вам предсказать, что у вас «табурет» будет. Но не думаю, что вы долго на нем усидите, особенно в Версале, и особенно перед королем...

— Пока я не могу получить даже самой захудалой должности при дворе, но знайте, что если когда-нибудь у меня будет «право на табурет», то я не настолько глупа, чтобы по собственной воле отказаться от него.

— Мадам, не сердитесь. Если бы вы жили на Востоке, то узнали бы, что гнев выпивает жизненную энергию. А вам необходимо сохранить свои силы.

— Чтобы дожидаться, когда доставят ваше мумиё? — рассмеялась Анжелика.

— И для этого, и для кое-чего другого, — любезно откликнулся Савари.

Она хотела как-то отшутиться в ответ, но ее собеседник неожиданно бесследно исчез.

«Наверное, он научился появляться и исчезать, как привидение, в дальних странах, где продавал свои снадобья, — подумала мадам дю Плесси. — Такой смешной!»

Анжелика увидела мадемуазель де Бриенн за ломберным столиком.

— Что вы хотели от маленького аптекаря? — с жадным любопытством принялась расспрашивать девица. — Он пообещал вам содействие? Говорят, он даже сильнее, чем колдунья Монвуазен, он умеет влиять на людей на расстоянии.

Анжелика всего лишь улыбнулась и перетасовала карты. Мадемуазель де Бриенн была весьма привлекательной пикантной брюнеткой, немного экзальтированной, а главное — дурно воспитанной. Она выросла при дворе, поэтому ее куриные мозги пропитались особой моралью. Азартные игры, вино и амурные похождения стали в ее представлении столь же безобидным и приятным времяпрепровождением, как вышивание или плетение кружев для молодых мещанок. В тот день, проиграв Анжелике десять тысяч ливров, она призналась, что не сможет расплатиться сразу, потому что погрязла в долгах.

— Я так и знала, что этот чертов аптекарь приколдовал вам удачу. — На лице мадемуазель де Бриенн появилось выражение детской обиды, она была готова расплакаться. — Что ему предложить, чтобы он

занялся моими делами? Только за последнюю неделю я потеряла около тридцати тысяч ливров. Брат опять примется читать мне нотации, станет говорить, что я его разорю...

Увидев, что Анжелика отнюдь не собирается предоставлять ей кредит на неопределенно долгое время, Бриенн спросила:

— Может быть, вы согласитесь выкупить мою должность консула Кандии? Я как раз веду переговоры о ее продаже. Она стоит сорок тысяч ливров.

При слове «должность» Анжелика встрепенулась.

— Должность консула? — переспросила она.

— Да.

— Кандии?

— Это город, мне так кажется, — неуверенно сказала мадемуазель де Бриенн.

— Где же он находится?

— Не знаю.

— Разве дама может быть консулом?

— Так уж получилось. Я уже три года состою в этой должности. Это — одна из тех обязанностей, которые не требуют личного присутствия, но вы получаете какой-то вес при дворе, потому что любой консул, даже в юбке, имеет право и даже обязан постоянно бывать во дворце. Покупая эту должность, я вообще-то надеялась, что она будет приносить существенные прибыли. Но увы! Ничуть не бывало. Оба управляющих, которых я туда направляла, — настоящие бандиты! Они наживаются за моей спиной да еще заставляют меня оплачивать свои представительские расходы. Я не должна была вам этого говорить, ведь я хочу, чтобы вы выкупили эту должность, но я всегда делаю глупости. А может быть, вы справитесь с этой миссией лучше, чем я. Сорок тысяч ливров — это недорого, а меня такая сумма как раз выручит, смогу раздать свои долги.

— Я подумаю, — туманно пообещала Анжелика.

На самом деле Анжелика была в замешательстве. Консул Франции! Она думала о разных должностях, но не об этой.

Она направилась на поиски Савари, и ей посчастливилось.

— Вы ведь много путешествовали. Знаете, где расположена Кандия?

— Кандия? Конечно, знаю, хотя ни разу там не бывал. А жаль, это очень интересный остров в Средиземном море. Именно на нем добывают ладан. Это вещество, которое, как и мускус, обладает уникальным свойством придавать устойчивость самым редкостным ароматам. У меня есть несколько кусочков этого вещества, к сожалению, очень маленьких. Я храню их в крошечных пробирках. Ладан представляет собой смолянистую субстанцию, вероятно, растительного происхождения, но я не знаю, каким образом ее добывают...

— Месье Савари, меня интересует только, кому принадлежит Кандия и каковы права французов на этой территории.

Мэтр Савари мечтательно пожевал кончик бороды.

— Кандия! Кандия! Мне необходимо побывать там, тайна ладана не должна остаться неразгаданной...

— Кандия, — слышалось вдруг. — Ах! Остров Крит, лабиринт Минотавра, самые жестокие правители Греции. Вы интересуетесь историей древности, мадам?

Анжелика узнала поэта Лафонтена, который поклонился маркизе, а затем и Савари. Лафонтен фамильярно взял Анжелику под руку и повел ее прочь, объясняя на ходу:

— Я всегда стараюсь приветствовать людей, чей облик кажется мне знакомым, хотя имена не удержались в памяти. Где я мог встречать этого благородного старца? Кто мне скажет?

— Я, потому что вы встречали его у меня в особняке. А теперь расскажите мне о Кандии.

— Фи! Кандия — слишком новое название. На самом деле — это остров Крит. Мед и молоко текут у подножия горы Иды, где Тезей убил Минотавра. Хотите услышать легенду о прекрасной Ариадне?

Анжелика вежливо отказалась. Она любила получать новые знания, но близился вечер и ей пора было возвращаться в Париж.

— По крайней мере, согласитесь принять дар признательности, который я намереваюсь вам преподнести, — сказал поэт, доставая из потрепанной бархатной сумки новую книгу. — Сегодняшний день стал для меня особенно знаменательным, потому что я вручил королю экземпляр первого издания моих «Сказок»^[56]. Я хотел бы вручить его и вам, так как именно благодаря вашему великодушию эта книга увидела свет.

Анжелика поблагодарила автора. О сказках она уже слышала: Нинон де Ланкло называла их «требником чувствительной женщины» и распространяла копии рукописи. Поэт сам повсюду читал свои галантные опусы, но настолько нудно, что его чтение было похоже на проповедь. Мадам де Севинье считала, что он подражает Боккаччо, но превосходит итальянца наивностью, и его творения не столь фривольны. Лафонтен называл Анжелику «прекрасной меценаткой», и в тот день ей с большим трудом удалось избавиться от его общества.

Глава 17

Интерьер рабочего кабинета Кольбера нес на себе печать мещанского комфорта и не отличался особой изысканностью. Этот холодный человек, которому мадам де Севинье дала прозвище Север, никогда не стремился к безумной роскоши. Экономность передалась ему по наследству. Он тешил свое тщеславие иначе: безукоризненным и дотошным ведением счетов и изучением собственного генеалогического древа.

Ради заветной мечты он, не скупясь, оплачивал труд многочисленных служащих, пытавшихся обнаружить в неразборчивых рукописях хоть косвенное упоминание о предке, который мог бы связать Кольбера с дворянским родом. Эта маленькая слабость не мешала министру видеть изъяны высокородных дворян и понимать, что в скором времени на дела королевства главное влияние будет оказывать третье сословие — самое деятельное и разумное сословие государства.

Мадам дю Плесси извинилась перед министром за беспокойство: она собирается приобрести должность консула Кандии и знает, что именно министр контролирует распределение подобных постов, поэтому она просит его высказать свое мнение. Кольбер, сначала хмурый, расслабился. Нечасто прекрасные дамы обращались к нему, чтобы обсудить приобретение какой-то должности. Как правило, они вообще не слишком задумывались о последствиях своих поступков. Значительную часть времени Кольберу приходилось исполнять неблагодарную работу — жонглировать прошениями, поддерживая сколько-нибудь разумные из них и не давая ход тем, что угрожали нанести чересчур большой ущерб финансам.

Это занятие было не только весьма обременительным, но и вызывало много обид у разочарованных просителей.

Анжелика сразу поняла, что назначение дамы консулом Франции не шокировало министра: то была привычная практика.

От Кольбера, в дополнение к «фармацевтическому» рассказу мэтра Савари и легендам милейшего Лафонтена, Анжелика выслушала еще одно суждение о Кандии.

По словам министра, столица Крита Кандия была важна как лучший невольничий рынок на всем Средиземном море. Только туда доставляли русских невольников, крепких и сдержанных северян. Каждый такой раб стоил от сотни до полутора ста ливров. Обычно русских выкупали у турок, которые захватывали пленников в бесконечных стычках на территории Армении, Украины, Венгрии или Польши.

— Это очень важно для нас, особенно сейчас, когда мы сосредоточились на укреплении флота и нам предстоит увеличить количество королевских галер в Средиземном море. Мавры, тунисцы или алжирцы, которых мы захватываем в боях с пиратами, способны выполнять только грязную работу. При острой нехватке рабочих рук мы все же используем их для пополнения экипажей кораблей, но в основном обмениваем на христиан, захваченных варварами. А осужденные, каторжники, вообще не пригодны к тяжелому труду. Они не переносят условий жизни на море и мрут, как мухи. Лучших гребцов можно набрать среди турок и еще среди этих русских, которыми торгуют в Кандии. К тому же они превосходные моряки. Позволю себе заметить, что значительная часть экипажей английских парусников также сформирована все из тех же русских рабов. Англичане не скупятся, чтобы заполучить

хорошего раба. Именно по этим причинам Кандия представляется мне местом, не лишенным интереса.

— А какое положение занимают там французы? — спросила Анжелика, пока не слишком хорошо представлявшая себя в роли работоторговца.

— Думаю, что наших представителей там уважают. Крит — бывшая венецианская колония. Но несколько лет тому назад турки решили во что бы то ни стало захватить остров, и теперь он у них в руках ^[57].

— Значит, вкладывать деньги туда рискованно?

— Это с какой стороны посмотреть. Иногда торговля нации только выигрывает от очередной войны, особенно если нация не принимает участия в конфликте. Франция заключала союзы и с Венецией, и с Золотым Полумесяцем.

— Мадемуазель де Бриенн не стала от меня скрывать, что должность принесла ей одни лишь убытки. В своих несчастьях она обвиняет управляющих, которые, по ее словам, трудятся лишь во благо собственного кошелька.

— Вполне возможно. Назовите мне их имена, я прикажу провести расследование.

— Значит, вы поддержите мою кандидатуру на эту должность, господин министр?

Кольбер помолчал, хмуря брови, и наконец произнес:

— Да. В любом случае мы только выиграем, если это место будете занимать вы, мадам Моренс, а не мадемуазель де Бриенн или любой другой легкомысленный дворянин. С другой стороны, это полностью согласуется с указаниями, которые имелись у меня на ваш счет.

— На мой счет?

— Да. Неужели вы могли подумать, будто мы с легкостью откажемся использовать ваши знания и ваш

опыт во благо государства? Одно из главных достоинств Его Величества — делать стрелы из любой древесины. В том, что касается вас, король испытывает некоторые затруднения, потому что ему трудно поверить, чтобы красивая женщина могла добавить к своей привлекательности еще пару полезных качеств, например практичный ум. Но я убедил его не предоставлять вам при дворе первую попавшуюся должность, с которой может справиться любая дурочка. Вы должны заниматься куда более полезным делом, а не исполнять должность камер-дамы, ведающей нарядами в свите королевы или какой-нибудь подобной чепухой. Предоставьте это девицам из бедных дворянских родов, у которых за душой нет ничего, кроме смазливости, которая пойдет на оплату их должностей. Ваше состояние — великая сила, которая наделяет вас большими возможностями.

Анжелика помрачнела.

— У меня есть деньги, это известно, — сказала она, — но боюсь, их не хватит, чтобы спасти все королевство.

— Разве кто-то говорит о деньгах? Речь идет о работе. Именно труд изменит страну и вернет ей былое величие. Видите — я был простым торговцем сукном, а стал министром, но это мне нисколько не льстит. Зато я горжусь, что назначен директором королевских мануфактур. Мы можем и должны производить товары во Франции, а не покупать их за границей. Но нам не хватает единства. Я ведь мог по-прежнему заниматься торговлей и увеличивать собственный капитал, но предпочел встать рядом с кардиналом Мазарини и учиться управлять государством, привнося в управление свою торговую смекалку и трезвый расчет. Это делает сильнее страну и вместе с ней — меня. Наш король, несмотря на свою молодость, исповедует тот же принцип. Он тоже ученик кардинала, но превзошел

своего учителя в мудрости, потому что знает, с чем ему придется работать. Покойный монсеньор кардинал ничего не знал о французах. Он обладал удивительной политической интуицией, но не слишком хорошо разбирался в людях. Наш король сам работает больше, чем четыре короля, вместе взятых, и при этом находит силы искать в своем окружении людей, которые могли бы ему помочь.

С начала своей речи министр все больше и больше распалялся, так что когда он наконец замолчал, на его лице появилось выражение настоящего бешенства. Анжелика не удержалась и спросила о причинах такого раздражения.

— И сам не пойму, с чего вдруг я так разоткровенничался перед вами. Мадам Кольбер сильно удивилась бы, услышав, что я столько болтаю о своих переживаниях.

Анжелика повеселела и призналась, что многие мужчины, известные своей скрытностью, упрекали ее за то, что она вызвала их на откровенность.

— Здесь нет никакой хитрости, господин министр, поверьте. Мне в высшей степени интересно слушать вас, и, наверное, именно мое внимание побуждает вас говорить. Мне очень лестно, что такой знаменитый человек удостоил меня своей беседой.

Кольбер надулся, как цапля, проглотившая слишком крупную жабу. Он ненавидел лесть, если подозревал в ней тайный умысел. Но сейчас, взглянув на Анжелику, он решил, что она говорит искренне.

— Что ж, — буркнул он, — в наши дни отнюдь не каждый наделен даром интересоваться чужими мыслями.

И его лицо опять озарилось улыбкой.

— Используйте свой дар, находясь в обществе старых ворчунов вроде меня, мадам. Для молодых достаточно и вашего обаяния. А что касается дам, то

ваша элегантность, ваш живой характер заставят их следовать за вами. Итак, вы располагаете сильным оружием, которое просто невозможно скидывать со счетов.

— И в каких целях я должна использовать свой могучий арсенал?

Министр вновь задумался.

— Прежде всего, не оставляйте двор. Будьте при дворе безотлучно и следуйте за ним повсюду, стараясь узнать о нем как можно больше.

Молодая женщина с трудом скрыла ту бурную радость, которую у нее вызвали такие распоряжения.

— Эта работа не кажется мне слишком опасной.

— Но только в этом случае мы сможем прибегать к вашим услугам для выполнения различных миссий, которые будут иметь отношение к морской торговле, а также к мелкой торговле, в частности такой ее важной составляющей, как мода.

— Мода?

— Я специально добавил в этот перечень моду, чтобы убедить Его Величество доверить вам, даме, более важные полномочия. Объясню. Например, я хочу во что бы то ни стало заполучить тайну изготовления венецианских кружев, которые вызвали такой фурор и которые до сих пор не удается производить нам. Я пытался запретить их продажу, но благородные дамы и господа прячут воротники и манжеты под накидками, и в результате более трех миллионов ливров ежегодно уплывают в Италию. Как бы их ни покупали: открыто или тайно — это весьма печально для французской торговли. Так что есть веское основание разузнать секрет производства кружев, от которых сходят с ума наши модники, и открыть мануфактуру в нашем королевстве ^[58].

— Но для этого мне потребуется отправиться в Венецию.

— Не думаю. В Венеции вы сразу же вызовете подозрение, а я убежден, что при нашем дворе тоже можно встретить агентов, поставляющих этот товар контрабандой. Через них мы могли бы раскрыть всю цепочку, по крайней мере, узнать, кто их снабжает. Я подозреваю двух представителей марсельской торговой гильдии. Эти поставки должны были принести им огромные состояния...

Анжелика задумалась.

— Деятельность подобного рода очень походит на шпионаж...

Месье Кольбер согласился. Это слово несколько его не шокировало. Шпионы? Да, их используют все и повсюду.

— Вы будете заниматься еще и торговлей. Новые акции Ост-Индской компании поступят в продажу уже в ближайшее время. Вашим полем действия станет королевский двор. Вы должны ввести моду на Индию, убедить скупцов, понимаете? При дворе оборачиваются крупные денежные суммы. Они не должны обратиться в дым, быть растрачены бездумно... В итоге вы сами убедитесь, как много у вас появится возможностей проявить все свои таланты. Сложнее всего было выбрать для вас официальную должность. Какое место предлагать? Если придумать специальную должность, то как ее назвать? Консульство в Кандии станет идеальным прикрытием вашего постоянного присутствия при дворе.

— Эта должность не приносит прибыли.

— Есть договоренность, согласно которой за свою неофициальную работу вы будете получать недурной доход. Его сумма будет определяться для каждого задания отдельно. Вы также сможете принимать участие в успешных сделках.

По привычке Анжелика стала торговаться.

— Сорок тысяч ливров — это слишком дорого.

— Для вас — капля в море. Скажем, должность прокурора стоит сто семьдесят пять тысяч ливров, а должность министра финансов, которую я занимал раньше, обошлась в миллион четыреста тысяч. Король сам заплатил эти деньги, потому что хотел видеть на этом месте именно меня. Но теперь я чувствую себя должником государя и смогу отдохнуть спокойно только тогда, когда заработаю на благо королевства сумму, во много раз превосходящую ту, что заплатил Его Величество.

«Вот он, королевский двор, — думала Анжелика, — сегодня вечером он весь здесь, в Пале-Рояле, где мы танцуем, и выглядит именно так, как его рисует в своем воображении наивный народ: залитая светом обитель вечного праздника».

Скрыв лицо под бархатной маской, она следила взглядом за танцующими.

Бал открывал сам король в паре с Мадам. В балете «Праздник на Олимпе» Его Величество играл роль Юпитера. Все взгляды были прикованы к фигуре Людовика. Маска не давала монарху сохранить инкогнито. Она была золотой. Золотой шлем с чеканным листовенным орнаментом искрился кабошонами и розовыми алмазами; венчал головной убор гребень из огненных перьев.

Золотой парчовый костюм Юпитера переливался огнем бриллиантов, обрамленных искусной вышивкой. На следующий день поэт Лоре, восхваляя наряд короля, не мог подобрать слов.

Монарха сего амуниция

Стоит не меньше провинции...

«Какая роскошь, — думала Анжелика. — Вот он — королевский двор».

Месье, брат короля, был в более скромном наряде. Его округлая, несколько одутловатая фигура выглядела еще дороднее в пышном атласном костюме с горностаевой отделкой. Лицо Месье закрывала кружевная маска.

Монсеньора принца можно было узнать по обилию бирюзы, монсеньора герцога — по жемчугам.

Белобородый речной бог в костюме, расшитом серебряными чешуйками, со свисающими гирляндами тростника, голубыми и зелеными водорослями из атласа, коснулся Анжелики.

Эол^[59], в костюме из белых и пурпурно-розовых перьев, с ветряной мельницей на голове вовлек ее в круг танцующих. Она подчинилась быстрому ритму танца, в котором дама постоянно переходила от одного кавалера к другому. Ее ладони мимолетно касались ладоней, унизанных сверкающими перстнями. Золотая маска, маска серебряная, маски бархатные, кружевные, атласные... Громкий смех, резкие духи. Запах вина и аромат роз. Весь пол усыпан лепестками роз. Розы в декабре...

И это королевский двор. Изобилие. Безумие. Но если присмотреться, всё куда удивительнее! Толика пронизательности, и перед вами он — молодой король, исподтишка дергающий за веревочки марионеток. А стоит приглядеться пристальнее, и вы увидите, что время от времени и сами марионетки снимают маски — и оказываются живыми людьми, снедаемыми жгучими страстями, жестокими амбициями и странной самоотверженностью...

Недавний разговор с господином Кольбером приоткрыл перед Анжеликой неведомые, скрытые стороны жизни королевского двора. Размышляя о той роли, которую министр для нее уготовил, она спрашивала себя: что кроется за этими масками, какие тайные миссии выполняют они? «Неужели вы думаете, что король так легко откажется использовать знания и опыт своих подданных...» В прошлом, когда Пале-Рояль еще назывался Кардинальским дворцом, здесь в фиолетовой сутане прогуливался Ришельё, строя планы по усилению своей власти. Все без исключения, кто имел доступ в его дворец, находились на службе кардинала. Его шпионская сеть превратилась в колоссальную паутину. Монсеньор любил использовать женщин в качестве своих агентов. «У них, — говаривал он, — природный актерский дар и стремление к скрытности». Значит, молодой король тоже придерживался этого принципа?

Когда Анжелика покинула круг танцующих, какой-то маленький паж тут же приблизился к ней и вручил письмо. Она вышла из зала, чтобы прочесть послание. Это была записка от Кольбера. Он писал:

«Да будет Вам известно, что отныне у Вас есть постоянная придворная должность, которой Вы добивались. Назначение на пост консула Франции в Кандии будет вручено Вам завтра».

Мадам дю Плесси сложила письмо и убрала его в поясную сумочку. В уголках ее губ играла улыбка. Она победила.

В сущности, не было ничего странного в том, что маркиза стала консулом Франции. В этом мире, где баронессы занимались рыбной торговлей, а герцогини требовали монополии на поставку театральных стульев, где военный министр настойчиво добивался права владеть общественным транспортом, а известные

развратники получали церковные доходы, было
возможно все.

Глава 18

Анжелика медленно, с ленцой раздевалась сама, отклонив помощь служанок и девиц Жиландон. Она еще переживала кульминацию своей победы. Сегодня ее управляющий передал управляющему мадемуазель де Бриенн сорок тысяч звонких ливров, а месье Кольбер от имени короля вручил мадам дю Плесси грамоту о ее назначении. Маркиза приложила личную печать к каждому из громадного вороха документов, присыпала песком несколько целиком исписанных бумаг и истратила по мелочам, на пошлины и другие расходы дополнительно десять тысяч ливров.

Но вовсе не расходы, а мысль о Филиппе омрачала ее радость.

Что он скажет, узнав о ее назначении? Он бросил ей вызов, когда пообещал предпринять любые шаги, чтобы она не задержалась при дворе, и заявил, что готов на все. Но его заточение в Бастилии и последовавший за освобождением отъезд в армию позволили Анжелике успешно завершить дела. Она торжествовала, хотя совесть ее не была спокойной. Филипп вернулся из Пикардии еще на прошлой неделе. Сам король сообщил об этом мадам дю Плесси-Бельер, дав понять, что именно удовольствие от общения с ней заставило его предать забвению серьезный проступок Филиппа: участие в дуэли, которое рассматривалось как неповиновение королевской воле. Поблагодарив Его Величество за великодушие, Анжелика задумалась о будущем. Как должна вести себя жена по отношению к мужу, которого бросили в тюрьму за то, что она ему изменила? Вероятнее всего, реакция Филиппа будет вполне предсказуемой. Осмеянный и получивший порицание короля, то есть проигравший по всем

статьям, Филипп никак не мог смягчить своего отношения к жене. Честно взвесив претензии, которые он мог ей предъявить, Анжелика ясно осознала, что должна готовиться к худшему. Именно поэтому она так спешила завершить сделку по приобретению должности, которая помешала бы мужу от нее избавиться. Но дело сделано — и никакой реакции со стороны Филиппа. Ей передали, что он побывал у короля, чтобы засвидетельствовать свое почтение, и Людовик встретил маркиза с «распростертыми объятиями». Филиппа видели в Париже у Нинон. Затем он дважды сопровождал короля на охоту. Сегодня, когда Анжелика подписывала бумаги у господина Кольбера, маркиз дю Плесси находился в лесах Марли.

Он решил оставить ее в покое? Хотелось бы верить, но Филипп уже приучил Анжелику к жестоким пробуждениям от грез. Эта тишина — скорее всего лишь молчание затаившегося тигра, который готовится к прыжку. Она тяжело вздохнула.

Поглощенная своими мыслями, Анжелика расстегивала пластрон с атласными петлями, складывая булавки в вазочку из оникса. Потом она сняла корсаж и развязала тесемки на трех юбках, которые тяжелыми складками упали к ее ногам.

Перешагнув через образовавшийся вокруг нее вал шелков и бархата, Анжелика взяла со спинки кресла пеньюар из тончайшего линона, приготовленный для нее Жавоттой. Наклонилась, чтобы развязать подвязки из шелка и атласа, украшенные драгоценными камнями. Ее движения были очень медлительными, она продолжала думать о своем. В последние недели она потеряла свою обычную ловкость.

Снимая браслеты, Анжелика подошла к туалетному столику, чтобы убрать каждое украшение в отдельный футляр. Свечи своим мягким светом придавали ее отражению в большом овальном зеркале золотой

отблеск. С удовольствием, хотя и не без грусти, Анжелика отмечала совершенство своего лица, разглядывала щеки и губы, свежие, как розы. Кружево рубашки подчеркивало округлость плеч, почти девичью упругость груди, соблазнительную линию гибкой шеи.

«Венецианское кружево — это и в самом деле настоящее чудо. Понятно, почему Кольбер так стремится заполучить его для Франции».

Она коснулась пальцем кружевной отделки, тонкой, как паутинка. Сквозь ажурные цветы изысканной работы ее перламутровая кожа казалась сияющей. Часть кружева сползла совсем низко, приоткрывая пару обольстительных темных бутонов груди.

Анжелика подняла обнаженные руки, чтобы снять жемчужную диадему, закрепленную на волосах. Тяжелые медового цвета пряди рассыпались по плечам. И, несмотря на располневшую талию, различимую под полупрозрачной рубашкой, Анжелика подумала, что она по-настоящему красива. Коварный вопрос, заданный Лозеном, преследовал ее: «И для кого все это?»

Она остро чувствовала одиночество своего тела, которым пренебрегали и которое так жаждало ласки.

С очередным вздохом она наклонилась, взяла халат из пурпуровой тафты и плотно закуталась в него.

Чем бы заняться сегодня вечером? Сон к ней не шел.

Написать Нинон де Ланкло? Или мадам де Севинье, дружескими отношениями с которой она в последнее время несколько пренебрегала? А может, по привычке, приобретенной за годы занятия коммерцией, проверить счета?

В галерее раздались мужские шаги, и кто-то стал быстро подниматься по лестнице, позвякивая шпорами. Должно быть, это Мальбран, учитель верховой езды, наставник Флоримона и Кантора, прозванный Мальбран-Удар-Шпагой, возвращался домой, в очередной раз хорошо повеселившись.

Шаги приближались.

Анжелика встревожилась. Озарение пришло внезапно, и она бросилась к двери, чтобы задвинуть засов.

Но было уже поздно. Дверь распахнулась. На пороге стоял маркиз дю Плесси-Бельер.

На нем был серебристо-серый охотничий жюстокор, отороченный черным мехом, черная шляпа с белым пером и высокие черные сапоги, забрызганные грязью, смешанной с талым снегом. В руках, затянутых в черные перчатки с широкими раструбами, он держал длинный кнут для собак.

На какое-то мгновение он застыл, как будто врос в пол на широко расставленных ногах, и окинул взглядом светловолосую молодую женщину, стоявшую у туалетного столика среди раскиданных нарядов и драгоценностей. Его губы растянулись в ленивой улыбке.

Он вошел в комнату, закрыл дверь и коротким сухим щелчком задвинул запор.

— Добрый вечер, Филипп, — сказала Анжелика.

При виде мужа в ее груди поднялись одновременно страх и радость.

Он так красив! Она почти забыла, как он красив, почти совершенен. В нем не было ни единого изъяна. Самый красивый дворянин королевского двора! И он принадлежит ей, как она и мечтала, когда девочкой восхищенно смотрела на прекрасного подростка.

— Не ожидали моего визита, мадам?

— Нет, я ждала... надеялась.

— Право, мужества вам не занимать. Разве у вас не было серьезных причин опасаться моего гнева?

— Конечно, были. И поэтому я думала, что чем раньше состоится наша встреча, тем лучше. Никто не выигрывает, оттягивая момент принятия горького лекарства.

Лицо Филиппа перекоилось от бешенства.

— Маленькая лицемерка! Предательница! Вы напрасно лжете, будто хотели меня видеть! Ведь вы в очередной раз утерли мне нос. Неужели вы надеялись скрыть приобретение двух постоянных должностей при дворе?

— А! Стало быть, вы знаете, — слабым голосом сказала Анжелика.

— Да. Знаю! — рявкнул маркиз, вне себя от ярости.

— Вы... мной недовольны?

— А вы думали, что мне понравится, как вы упекли меня в тюрьму, чтобы спокойно ткать свою паутину? Теперь рассчитываете, что я ничего не смогу изменить? Но последнее слово еще не сказано. Я заставлю вас дорого заплатить за эту сделку. Подводя итоги, вы явно не учли тех изменений в цене, которые я намерен в нее внести.

Кнут с сухим щелчком прошелся по полу. Анжелика закричала от ужаса. Мужество оставило ее.

Молодая женщина забилась в альков и зарыдала. Нет, у нее никогда не хватит сил еще раз пережить страшную сцену в Плесси.

— Не мучайте меня, Филипп, — взмолилась она. — Умоляю, не мучайте... Подумайте о ребенке.

Он замер. Прищурил глаза.

— О ребенке? О каком еще ребенке?

— О том, которого я ношу... о вашем ребенке!

В комнате воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая лишь глухими рыданиями.

Наконец маркиз очень медленно снял перчатки, положил их вместе с кнутом на туалетный столик и, с подозрением глядя на жену, подошел к ней.

— Покажитесь, — приказал он. Затем отодвинул край пеньюара и вдруг, запрокинув голову, расхохотался.

— Черт возьми, правда! Ну надо же! Вы стали пузатой, как доярка!

Филипп присел на край постели, рядом с Анжеликой, обнял ее за плечи и притянул к себе.

— Почему бы не сказать об этом раньше, маленькая непослушная дурочка? Я не стал бы вас пугать.

Анжелика тихо плакала и никак не могла успокоиться.

— Ну-ну, не плачьте больше, хватит, — повторял Филипп.

Это было так странно — прижать голову к плечу жестокого Филиппа, спрятать лицо в буклях его светлого парика, благоухающего жасмином, и почувствовать, как его рука нежно ласкает живот, в котором бьется новая жизнь, еще пребывающая в лимбе неродившихся душ ^[60].

— Когда он должен родиться?

— Скоро. В январе.

— Значит, все случилось в Плесси, — произнес Филипп после нескольких минут раздумья. — Что ж, признаюсь, я рад. Мне нравится, что мой сын был зачат под кровом своих предков. Хм! Надо полагать, что насилие и злоба никогда не испугают его. Он станет военным, таково предзнаменование. Найдется ли у вас что-нибудь выпить за здоровье будущего младенца?

Филипп встал и направился к буфету из эбенового дерева, взял оттуда два кроваво-красных кубка и графин бонского ^[61] вина, которое там всегда держали на случай какого-нибудь непредвиденного визита.

— Итак, выпьем! Даже если вам неприятно со мной чокаться, правила хорошего тона требуют, чтобы мы поздравили друг друга с нашим творением. Почему вы смотрите на меня с тупым удивлением? Думаете, нашли еще одно тайное средство меня разоружить? Терпение, дорогая. Я очень рад известию, что у меня появится

наследник, и потому пока не стану вас трогать. Я уважаю правила перемирия. Но мы встретимся позже. Сам дьявол подстроил так, что вы снова воспользовались моей добротой и сыграли со мной очередную злую шутку... Так вы говорите, январь? Отлично. До января достаточно будет держать вас под неусыпным контролем.

Отставив локоть, он залпом выпил вино и швырнул кубок на плиты пола, воскликнув:

— Да здравствует мой наследник де Миремон дю Плесси де Бельер!

— Филипп, — прошептала Анжелика, — вы действительно самый поразительный и непредсказуемый человек, с кем мне довелось встречаться. Любой мужчина, услышав мое признание в такой сложный момент, заявил бы мне в лицо, что я пытаюсь навязать ему отцовство, за которое он не несет никакой ответственности. Я была уверена, что вы обвините меня в том, что я выходила за вас замуж, будучи беременной.

Филипп старательно натягивал перчатки. Он бросил на Анжелику долгий мрачный взгляд, в котором вновь поднималась волна бешенства.

— Хочу подчеркнуть, — сказал он, — что, невзирая на пробелы в моем образовании, я все же умею считать до девяти, и если бы этот ребенок не был моим, то природа уже вынудила бы вас произвести его на свет. Добавлю: я считаю вас способной на все и даже на большее, но не на подобную низость.

— Однако женщины способны на подобные низости... вы так презираете женщин... я ожидала недоверия с вашей стороны.

— Вы непохожи на остальных женщин, — надменно заявил Филипп. — Вы — моя жена.

И быстро вышел из комнаты, оставив Анжелику в смятении, в котором мелькали искорки надежды.

Глава 19

Мертвенно-бледным январским утром, когда снег отбрасывал фантастические блики на темные гобелены, украшавшие стены, Анжелика почувствовала, что наступил ее час. Она велела позвать повитуху, мамашу Корде из квартала Маре, которая ей понравилась. Многие знатные дамы рекомендовали Анжелике обратиться именно к ней. Мамаша Корде отличалась решительным характером вкупе с известным добродушием, что обеспечивало ей успех у самой капризной клиентуры. Она приводила с собой двух учениц, и это подчеркивало ее солидность. Появившись в доме маркизы дю Плесси, акушерка распорядилась поставить перед очагом большой стол, похожий на козлы, на котором, по ее словам, «было удобнее работать».

В комнату внесли жаровню, чтобы стало теплее. Служанки сворачивали полосы бинта и кипятили воду в медных тазах. Акушерка доставала свои склянки, и помещение наполнялось ароматом лекарственных трав, вызывавшим в памяти ароматы лугов, пропитанных летним солнцем.

Анжелика чувствовала себя в высшей степени раздражительной и взвинченной. Эти роды ее не интересовали. Она бесилась, что вместо нее не может родить кто-то другой.

Неспособная улежать в постели, она бродила по спальне, время от времени останавливаясь перед окном, чтобы посмотреть на белую и словно заснувшую под снегом улицу. Сквозь маленькие квадратные стекла окон, забранные в свинцовый переплет, можно было наблюдать за размытыми фигурами прохожих. Вот, раскачиваясь и поскрипывая, по снегу с трудом

проехала карета. Из ноздрей четырех лошадей вырывались облачка пара, окрашиваясь в хрустальном воздухе в голубоватые тона. Хозяин кареты что-то кричал, приоткрыв дверь. Кучер ругался. Кумушки смеялись.

Накануне было Богоявление — праздник, в который по традиции угощали отменным красным и белым вином и огромными золотистыми пирогами с запеченным внутри сюрпризом. Весь Париж сорвал глотки от дружных воплей «Король пьет!».

Как того требовал обычай, в отеле Ботрейи тоже устроили пир, на котором стояла суета вокруг Флоримона — маленького «бобового короля»^[62], увенчанного позолоченной короной. Дружно поднимались хрустальные бокалы, звучали здравицы. А сегодня хотелось спать, и все домочадцы то и дело зевали. Вот уж поистине неподходящий день для родов!

Чтобы обмануть свое волнение, Анжелика попробовала заняться домашними делами. Остатки угощения собраны для бедных? Да, четыре корзины со снедью еще утром отнесли к портику, где сидят нищие-калеки.

По кошельку с милостыней раздали «синим детям» — сиротам из квартала Тампля, которых одевают в синее, и «красным детям» — сиротам из Отель-Дьё, которые носят одежду красного цвета.

Скатерти замочили? Посуду уже расставили? Столовые приборы вымыты, а ножи почищены золой из сена? Мамаша Корде стала успокаивать роженицу. Нет нужды брать на себя эти мелочные заботы. В особняке полно прислуги, дворецкий справится сам, а госпожа маркиза должна думать сейчас совсем о другом. Но именно об этом Анжелика думать и не хотела.

— Прямо не верится, что вы ждете третьего ребенка, — ворчливо заметила акушерка. — Ломаете

такую комедию, как будто у вас первые роды.

Тогда, в первый раз, она была намного спокойнее. Анжелика вспомнила рождение Флоримона: юная мать была напряжена, напугана, но молчалива. В те годы она была смелее. У нее в запасе оставалось еще очень много силы, той силы, которой наделены молодые звери, — ведь они еще не пожили на этом свете и оттого считают себя непобедимыми.

Тогда к ней склонялось его лицо. Его глубокий голос нежно шептал:

«Душа моя... как ты мучаешься! Прости меня. Я и не представлял, сколько тебе придется вынести...»

Великий граф Тулузский не находил себе места из-за той пытки, которой подвергалась его любимая.

Как она была счастлива тогда!

А потом на нее обрушилось слишком много горя, и это подорвало ее силы. Нервы бывшей графини де Пейрак стали хрупкими.

— Ребенок очень крупный, — простионала она. — Другие дети не были такими крупными...

— Ба! Что вы мне сказки рассказываете! Я видела в передней вашего младшенького. Он такой здоровяк, что мог бы посмеяться над размерами малыша, который собирается показаться на свет.

Рождение Кантора! Об этом Анжелика вообще не хотела вспоминать. Липкий кошмар, зловоние, ледяная мрачная пропасть, в которой она узнала о боли все. Но, вспомнив об ужасах Отель-Дьё, где выпускали первый крик многие невинные младенцы, Анжелика устыдилась своих жалоб и решила вести себя более достойно.

Она согласилась сесть в большое кресло и положить под поясицу подушку, а ноги поставить на табурет. Одна из девиц Жиландон предложила хозяйке дома почитать вслух молитвы. Анжелика отослала ее. Что делать этой болтушке в комнате роженицы? Пусть идет к аббату Ледигьеру, а если им не о чем будет

потолковать, то пускай оба помолятся за нее или сходят в церковь Святого Павла и поставят за нее свечку.

Схватки стали чаще и сильнее, и мамаша Корде заставила Анжелику лечь на стол перед камином. Будущая мать уже не могла сдерживать стоны. Это был трудный и томительный период, когда плод уже готов выйти из носящего его тела, и кажется, что он вырывает корни дерева, на котором созрел. От приступов боли у Анжелики шумело в ушах. В какой-то миг ей почудилось, что она слышит возню где-то за пределами комнаты, а затем хлопнула дверь.

Послышался голос Терезы: «Ах! Господин маркиз».

Она поняла, кто вошел, лишь когда увидела в изголовье кровати великолепного лощеного Филиппа. Как странно он смотрелся в окружении хлопочущих женщин в своем придворном жюстокоре с кружевными манжетами, в парике, в шляпе с плюмажем из белых перьев, при шпаге.

— Филипп! Что вы здесь делаете? Что вам нужно? Зачем вы пришли?

На его лице появилось насмешливое и в то же время высокомерное выражение.

— Сегодня у меня родится сын. Представьте, подобные вещи меня интересуют!

Негодование придало Анжелике сил. Она приподнялась на локте.

— Вы пришли полюбоваться на мои страдания, — закричала она. — Вы — чудовище! Самый гнусный, самый жестокий человек на свете, самый...

Новая схватка заставила ее замолчать. Она откинулась назад, пытаясь восстановить дыхание.

— Тише! Тише! — сказал Филипп. — Не надо волноваться.

Он положил руку на ее влажный лоб и стал тихонько гладить ее по голове, шепча нежные слова,

которые Анжелика едва слышала, но мягкий шелест которых успокаивал:

— Спокойно! Спокойно! Все в порядке! Смелее, моя хорошая...

«А ведь он впервые ласкает меня, — подумала Анжелика. — Он подбирает для меня те же слова и жесты, что и на псарне или в конюшне для суки или кобылы, которые должны разродиться. Почему бы и нет? Кто я сейчас, как не жалкий загнанный зверь... Говорят, что он может часами терпеливо сидеть рядом со своими питомцами и успокаивать их, и за это самые злобные псы лижут ему руки...»

Филипп был тем человеком, от которого Анжелика могла бы в последнюю очередь ждать помощи в такой час. Но надо признать, что маркиз дю Плесси-Бельер не переставал ее удивлять. Его рука дарила покой, возвращала силы.

«Неужели он думает, что я не могу родить ребенка? Я ему покажу, на что способна. Он не услышит ни единого крика!»

— Вот так, хорошо! Хорошо! — повторял Филипп. — Ничего не бойся... Эй, вы, неповоротливые неумехи, помогите ей хоть немножко. Что стоите столбом?

Он обращался к повитухе и ее помощницам, как к слугам на псарне.

В полузабытии последних, самых тяжелых минут родов Анжелика обратила взор к Филиппу. Ее глаза, обведенные темными кругами, расширившиеся от боли и подернутые легкой пеленой, казались такими трогательными... И он вспомнил то, что так давно стремился изгнать из своей памяти. Эта женщина, которая казалась ему средоточием честолюбия, жестокости и корысти, бывает очень слабой? Это был взгляд из прошлого, взгляд той девочки в сером платье, которую он держал за руку, с издевательским смехом

представляя своим друзьям: «Вот баронесса Унылого Платья».

Филипп сжал зубы. И отгородился рукой от этого взгляда.

— Ничего не бойся, — повторил он, — теперь ничего не бойся...

— Мальчик, — сказала акушерка.

Неодолимый сон давил на веки. Но она искала глазами Филиппа.

— Какой же он страшненький, — отозвался Филипп.

Мамаша Корде решительно возразила:

— Великолепный ребенок! Сразу видно, что господин маркиз не привык видеть новорожденных младенцев!

Анжелика смежила веки, ее глаза наполнились слезами. Ноги часто дрожали, и она никак не могла справиться с этой дрожью. Она ненавидела Филиппа. Он был таким жестоким и мстительным. Нельзя надеяться на такого человека. В этой жизни она так и будет одинока!

Родильница позволила переложить себя на постель, на душистые простыни, согретые грелками.

У нее больше не было сил сражаться со сном.

— Вы засыпаете? — с удивлением спросил Филипп.

Она несколько раз открывала глаза. Он все еще был рядом, заботливый и далекий, как голубой архангел.

Только впервые взяв младенца на руки, Анжелика поняла, как много значит для нее это новое существо.

Малыш был красив. Его плотно запеленали в льняные пеленки, окаймленные атласной вышивкой, которые крепко держали ручки и ножки мальчика и образовывали вокруг его головы своеобразный капюшон. Разглядеть можно было только бело-розовое,

словно фарфоровое, личико с глазками неопределенного голубого цвета, которые скоро должны были обрести прозрачную сапфировую синеву глаз его отца.

Восхищенные кормилица и служанки наперебой хвалили мальчика, повторяя на все лады, что он светленький, как цыпленок, и пухленький, как амур.

«Этот ребенок вышел из моего чрева, — думала Анжелика, — и это сын не Жоффрея де Пейрака! Я смешала мою кровь, которая принадлежала только ему, с чужой кровью».

Она вдруг увидела в этом младенце плод своей измены, которая завершилась именно сейчас. И тихо повторила про себя: «Я больше не твоя жена, Жоффрей!»

Но разве не к этому она стремилась?

И она зарыдала.

— Я хочу видеть Флоримона и Кантора, — выкрикивала она. — Приведите моих сыновей. Умоляю вас...

Они вошли. Подошли к кровати, и Анжелика вздрогнула, увидев, что они одеты в одинаковые черные бархатные костюмчики. Два мальчика, такие разные и такие похожие, с матовой кожей и густыми волосами, ниспадающими на большие воротники из белого кружева. Братья держались за руки — жест, привычный для них с раннего детства. Казалось, они черпали друг у друга силы, чтобы смело идти по нелегким дорогам судьбы.

Они учтиво приветствовали всех, кто находился в комнате, и аккуратно присели на табуреты. Необычная картина — мать, разметавшаяся на простынях — произвела на мальчиков сильное впечатление.

Анжелика заставила себя подавить рыдания, сжимавшие ей горло. Нельзя пугать сыновей.

Она спросила у детей, видели ли они своего новорожденного брата. Да, видели. Что же они о нем думают? По всей видимости, они вообще о нем не думали. Но, переглянувшись, Кантор и Флоримон в один голос заявили, что младенец — «прелестный херувим». Результаты совместных усилий четырех наставников приносили свои плоды. Конечно, воспитание прутом и линейкой тоже сыграло определенную роль, но прежде всего на перемены в поведении мальчиков повлиял склад их ума, способность отвечать вызовам судьбы. Они пережили голод, холод и страх и, казалось, научились приспособляться к любым условиям. Им открыли двери, ведущие на просторы полей, — и они тотчас принялись прыгать и скакать, превратившись в необузданных сорванцов. Им навязали богатые костюмы, велели кланяться и говорить комплименты — они стали образцовыми маленькими сеньорами.

Анжелика впервые обратила внимание на эту врожденную гибкость характеров. «Бедность учит приспособляться!»

— Кантор, мой трубадур, спойте нам какую-нибудь песню!

Мальчик сходил за гитарой и взял несколько вступительных аккордов.

*Бьют барабаны. Это на бал
Король своих дам созывает,
И та, кого первой он увидал,
Сердце его пленяет.*

«Ты любил меня, Жофfrey. А я тебя боготворила. Почему ты любил меня? Потому что я красива?.. Ты ведь так любил красоту... Еще одна красивая вещь в твоём отеле Веселой Науки... Но меня ты любил не только за красоту! Я знала, я чувствовала это, когда твои сильные руки сжимали меня в своих объятиях и заставляли

стонать... Ведь я была почти ребенком... но ребенком искренним. Наверное, ты любил меня именно за это...»

*Король у маркиза спросил: «Кто она?
Я жду от тебя ответа».
Маркиз отвечает: «Моя жена
Дама прекрасная эта».*

Моя жена...

«Сегодня ночью так называл меня светловолосый маркиз с непроницаемым взглядом. Я больше не твоя жена, Жоффрей! Он получил на меня все права. И твоя любовь удаляется от меня, как лодка, плывущая по течению, а я остаюсь одна на холодном берегу. Никогда больше! Никогда!.. Как трудно выговорить это “никогда”... признаться, что ты стал тенью даже для меня».

*Маркиз, ты счастливей, чем я, король.
Я тоже хотел бы счастья.
О ней позаботиться мне дозволь.
Пусть станет моей. Дай согласие.*

Филипп больше не приходил. Он не проявлял никакого интереса к матери своего ребенка. Теперь, когда она выполнила свою миссию, она ему не нужна. К чему пустые надежды! Она никогда его не поймет. Как говорила о нем Нинон де Ланкло? «Это дворянин до мозга костей. Он помешан на вопросах этикета. Он боится увидеть даже пятнышко на своем шелковом чулке, но не боится смерти. Когда он будет умирать, он будет одинок, как волк, и никогда ни у кого не попросит помощи. Он принадлежит лишь королю и самому себе».

Когда бы сказал это кто-то другой,

*Я мстил бы ему без пощады.
Но вы — мой король, я связан судьбой
И вам повинуюсь. Так надо.*

Король... Всесильный король прогуливается в своих роскошных садах. Иней причудливым узором расписал павильоны. В сопровождении многочисленной свиты в шляпах с плюмажами он шествует из рощи в рощу. Мрамор блестит, как лед. В конце сиреневатой аллеи короля встречают Церера, Помона и Флора — золотые статуи, сверкающие посреди замерзших круглых водоемов. Рука, затянута в перчатку, держит трость. Это рука молодого мужчины и рука государя, которая кроит и перекраивает судьбы. Это рука, которая дарует жизнь и обрекает на смерть.

*Прощай, мое сердце! Тебя я люблю,
То с жизнью, с надеждой прощанье.
Но все же должны мы служить королю,
И нам предстоит расставанье.*

«Великий Боже! Не та ли это песня, которую Кантор чуть не спел перед королевой, тогда, в Версале! Если бы не аббат Ледигьер, какой бы вышел скандал!.. Да, аббат деликатный человек. Надо будет вознаградить его еще раз».

*Велит королева составить букет
Из самых красивых лилий,
Их аромата волшебней нет,
Маркизу они убили ^[63].*

«Бедная королева Мария-Терезия! Она неспособна послать своей сопернице отравленный букет, как когда-то это сделала Мария Медичи, которая преподнесла

ядовитый дар одной из фавориток знаменитого Повесы^[64]. А наша государыня умеет только плакать да утирать покрасневший нос. Бедная королева!»

Глава 20

Мадам де Севинье писала маркизе дю Плесси-Бельер, сообщая последние придворные новости:

«Сегодня в Версале король открывал бал с мадам де Монтеспан. Мадемуазель де Лавальер присутствовала, но не танцевала вовсе. Королева осталась в Сен-Жермене и никак не реагирует на происходящее...»

Традиционное «посещение родильницы», которое должно было продолжаться до тех пор, пока молодая мать не побывает в положенный срок в церкви, привнесло в жизнь отеля Ботрейи непривычную суету.

Та благосклонность, с которой король и королева встретили своего только что появившегося на свет подданного, побудила почти всю парижскую знать нанести визит прекрасной маркизе.

Анжелика с гордостью показывала голубой сундучок, обтянутый муаровым атласом с вышитыми лилиями — подарок Ее Величества. В сундучке лежала большая пеленка из шелка с серебряной нитью, два отреза английского алого сукна, голубая накидка из тафты, прелестный набор крошечных рубашек из камбийского батиста^[65], вышитые чепчики и нагрудники в цветочек.

К этому подарку король присовокупил две позолоченные, инкрустированные драгоценными камнями бонбоньерки со сладостями.

Господин де Жевр, главный камергер королевства, лично вручил молодой матери подарки и передал поздравления королевской четы. Подобное внимание, сколь бы лестным оно ни было, не выходило за рамки,

предписанные этикетом: супруга маршала Франции имела право на такого рода почести.

Но все же его оказалось достаточно, чтобы вновь раздуть тлевшие угли сплетен. При дворе стали шушукаться, что маркиза дю Плесси-Бельер «поймала в свои сети» сердце Его Величества. Некоторые злые языки намекали даже, что в жилах крепкого карапуза, гордо возлежавшего на бордовой бархатной подушке между кормилицей и няней, течет кровь Генриха IV.

Анжелика не обращала внимания на слухи и лишь пожимала плечами. Те, кто выдумывают такие сплетни, — просто сумасшедшие, и, в конце концов, это даже смешно! Ее покои не пустовали. Она принимала гостей в своей спальне, как настоящая «жеманница». Множество лиц, даже немного позабытых, вновь промелькнули перед ней. Ее сестра Ортанс, жена прокурора, явилась вместе со всем своим многочисленным выводком. С каждым днем она все выше поднималась по социальной лестнице и сейчас уже принадлежала к числу зажиточной буржуазии. Поэтому Ортанс не могла пренебрегать отношениями со столь важной особой, каковой являлась маркиза дю Плесси-Бельер.

Узнав в очередной посетительнице Франсуазу д'Обинье, вдову поэта Скаррона, Анжелика очень обрадовалась. От Нинон де Ланкло она слышала, что мужественная Франсуаза продолжает добиваться должности, чтобы иметь возможность жить согласно вкусам и светским талантам, которые раскрылись у нее за годы брака со Скарроном. В те времена она принимала в своем доме весь Париж и, невзирая на юность, блестяще справлялась с ролью хозяйки. Но без поддержки и без средств к существованию она очутилась в самом низу социальной лестницы, так как не желала ни отречься от добродетели, ни унижаться. Она постоянно экономила, не тратила ни единого лишнего су. Очень осторожная, Франсуаза не

принимала участия в каких бы то ни было рискованных делах. Несмотря на бедность и красоту, у нее не было ни долгов, ни любовников. Она довольствовалась тем, что с неизменной настойчивостью подавала королю одно прошение за другим.

Две великосветские дамы, мадам де Шуази и мадам де Людр, уже прощались с молодой матерью, когда пришла Франсуаза Скаррон. После обмена приветствиями к ней обратилась мадам де Людр:

— Франсуаза, ходят слухи, якобы вы лично или через посредничество друзей передали королю более тысячи восьмисот прошений. Это правда?

— Сколько? — воскликнула Анжелика, приподнимаясь на постели.

— Франсуаза, вы уверены, что избрали правильную тактику? — спросила мадам де Шуази. — Я слышала, как Его Величество жаловался: «Прошения мадам Скаррон сыплются на меня, как осенние листья». Он еще сказал, что скоро вы превратитесь для него в такую же незыблемую часть интерьера, как гобелены Сен-Жермена и Версаля.

Будучи хорошей хозяйкой, которая стремится предотвратить конфликт между своими гостями, Анжелика собралась было вступить за свою приятельницу, но мадам Скаррон, урожденная д'Обинье, и сама умела за себя постоять.

— Это отнюдь не дурные вести, — сказала она. — Его Величество выразил неудовольствие, но из всех человеческих качеств наш государь больше всего ценит настойчивость. К тому же успеха не добиться, если не привлечь внимание Его Величества. Мне это удалось — по крайней мере, так вы утверждаете.

Она оставалась жизнерадостной, снисходительной к проявлениям глупости и даже к оскорблениям, которые ей доводилось слышать едва ли не ежедневно, обивая пороги королевских резиденций.

— А что это за разговоры о вашем обращении к Реформации?

— Его Величество никогда не сомневался в моих религиозных убеждениях. Моя мать, Жанна де Кардиак, была ревностной католичкой и крестила меня в католическую веру.

Собеседницы не воспользовались наступившим молчанием, чтобы в ответ упомянуть о воспитавшей ее тете, которая была деятельной протестанткой, и мадам Скаррон продолжила:

— Справедливости ради нельзя не признать, что отношение к религии всегда может меняться, порой весьма неожиданно. Например, мой отец, Констан д'Обинье, ожесточенно боролся с собственным отцом, Агриппой, прославленным деятелем Реформации, и даже вынудил почтенного дедушку бежать из Пуату в Женеву. Разве мог он помыслить тогда, что наступит время и он сам отречется от католичества, а перед смертью будет искать убежища в Оранже?

— Почему именно в Оранже?

— Дело в том, что этот прекрасный провансальский город находится во владении князей Нассау, голландской правящей династии^[66]. Поэтому все его жители — протестанты, точнее лютеране. Думаю, что именно это обстоятельство дает повод французскому королю время от времени совершать военные набеги на эту область.

— Как Конта-Венессен и Авиньон принадлежат Папе, — изрекла мадам де Людр, желая блеснуть своими познаниями.

— Совершенно верно. Городские власти Оранжа согласились похоронить Констан согласно церковному обряду, а не под забором, как собаку, — что произошло бы, останься он на католической территории.

Довольные встречей с одной из самых известных обитательниц квартала Маре, две дамы удалились, а мадам Скаррон села у кровати.

— Анжелика, я вижу, вас изумили цифры, которые назвали эти дамы, — о моих прошениях Его Величеству, о записочках тем, кто сопровождает короля, или тем, на чью дружбу я рассчитываю. Таков мой образ действий, но я уверена, что вы меня поймете. Просить милости у короля — не значит просить милостыню. Это всего лишь напоминание, что он должен предоставить место под солнцем каждому, кто мечтает служить государю по мере своих сил и возможностей.

Казалось, какое-то время Франсуаза колебалась, но затем продолжила:

— Я не очень доверяю болтунам, Анжелика, но вы не такая! Зачастую ваше беспечное щебетание — не что иное, как способ скрыть что-то важное, сокровенное. Кстати, ваши замечания бывают весьма остроумными. Продолжайте молчать таким же образом: это отличный способ вращаться в свете, но при этом надежно сохранять свои тайны. Я и сама молчу уже долгие годы. Но вам открою один секрет, которым ни с кем не делилась, и который, возможно, объяснит вам причину моей настойчивости. Однажды я услышала пророчество.

— Вы говорите о нелепых предсказаниях в доме колдуньи Монвуазен в тот далекий день, когда мы отправились к ней втроем: Атенаис де Монтеспан, вы и я?

— Нет. Откровенно говоря, Лавуазен не внушает мне доверия. Она ищет истину на дне кувшина с вином. То пророчество, о котором я упомянула, прозвучало в Версале, год или два тому назад. Его изрек один подмастерье. Вы же знаете, что многие простые люди, которые занимаются физическим трудом и чья голова не загружена лишними знаниями, обладают даром ясновидения. То был ученик каменщика, заика, да еще и

хромой в придачу. Я шла рядом со стройкой около Версальского дворца, который Его Величество не прекращает благоустраивать. Вдруг неизвестный юноша подошел ко мне и склонился в низком поклоне. Его товарищи, казалось, были удивлены, но они не стали насмехаться над чудачком, потому что знали, что у него бывают откровения. Он поднял на меня свои сияющие глаза и сказал, что приветствует «первую женщину королевства», а на том месте, где мы стоим, он видит Версальский дворец, но еще огромное и величественнее, чем сейчас, и при моем появлении все придворные склоняются со шляпами в руках. Когда мной овладевает уныние, в памяти всплывают эти слова и я снова возвращаюсь в Версаль, где, наверное, меня поджидает судьба.

На ее губах играла легкая чуть насмешливая улыбка, но темные глаза продолжали гореть ярким пламенем.

Рассказ о видении произвел сильное впечатление на Анжелику. Изложенный Франсуазой д'Обинье, особой неприятязательной и скромной, он вызывал доверие, и Анжелика живо представила себе приятельницу в сопровождении толпы придворных. Жизненный опыт и глубокие познания окружали ее ореолом совершенства. Одним из самых скромных ее достоинств было умение носить платье: оно почти не колыхалось при ходьбе.

— Помогите мне, — попросила Анжелика, — ведь вы все на свете знаете. Честно говоря, я совсем не представляю себе трудностей, что подстерегают меня при дворе. Прежде я подозревала в интригах своего мужа...

— Ваш муж не имеет к интригам ни малейшего отношения, хотя прекрасно понимает происходящее, потому что у него огромный опыт придворной жизни. Дело в том, что вы слишком красивы!

— Но как это может нанести вред мне или кому-нибудь другому? Есть женщины намного красивее меня, Франсуаза! Не надо мне беззастенчиво льстить.

— Вы слишком отличаетесь от других придворных дам.

— Король говорил мне нечто в этом же духе, — задумчиво прошептала Анжелика.

— Вот видите! Вы не только блистаете как одна из самых прекрасных женщин двора, но и обладаете способностью привлечь к себе внимание. Вы очаровываете или развлекаете окружающих своими речами. Кроме того, у вас есть еще кое-что, о чем легкомысленные красотки могут только мечтать и чего у них никогда не будет.

— Что вы имеете в виду?

— Я говорю о душе, — сказала мадам Скаррон, понижая голос. — Но как при этом избежать... избежать того, чтобы против вас не поднимались целые полчища врагов, стоит вам появиться во дворце?! — закончила она, печально вздохнув.

На ее глаза навернулись слезы.

— Франсуаза, — взмолилась Анжелика, — только не говорите мне, что плачете из-за меня или из-за того, что над моей душой нависла угроза!

— Нет... правда, нет. Я плачу, потому что думаю о своей судьбе. Быть женщиной, красивой женщиной и сберечь душу — серьезное испытание, так трудно найти свой путь... От скольких соблазнов, которые позволили бы облегчить жизнь, мне пришлось отказаться ради спасения души!

Наверное, слова короля о ней задела Франсуазу больше, чем она хотела показать? Анжелике пришло в голову, что молодая вдова, должно быть, уже давно живет впроголодь. Она подумала было позвонить служанкам, чтобы они подали какую-то закуску, но в

последний момент остановила себя из опасения ранить чувства подруги.

— Франсуаза, — решительно сказала Анжелика, — осушите слезы и вспомните о пророчестве вашего каменщика. То, что сегодня кажется вам помехой, напротив, ваш главный козырь, который поможет вам достичь небывалых вершин. Вы — одна из самых очаровательных парижских дам, у вас уже есть влиятельная покровительница. Я слышала, вас поддерживает мадам д'Омон?

— И еще мадам де Ришельё и мадам де Ламуаньон, — добавила мадам Скаррон, уже справившись с приступом слабости. — Вот уже целых три года я посещаю их салоны, и мы превосходно ладим.

— Салоны с весьма строгими нравами, — с недовольной миной сказала Анжелика. — Я всегда умирала там со скуки.

— Да, там скучают, но потихоньку продвигаются вперед. Вам действительно грозит опасность, Анжелика, потому что вы совершаете ту же ошибку, что и мадемуазель де Лавальер, идущая навстречу своей гибели. С тех пор как вы стали появляться при дворе, вы не попытались разобраться, кто ваши союзники, а кто — враги. Вы не принадлежите ни к клану королевы, ни к клану Мадам, ни к клану принцев. Вы не примкнули также ни к «влиятельным», ни к «щеголям», ни к либертенам, ни к «благочестивым»...

— Благочестивые? Вы считаете, что они играют заметную роль при дворе? Мне кажется, Богу не место в высшем свете.

— Тем не менее он там присутствует, и отнюдь не как Господь всепрощающий, чье изображение мы любим рассматривать в молитвенниках, но как Господь карающий, который вершит правосудие.

— Вы меня окончательно запутали.

— Дух тьмы силен, и при дворе он надевает свою самую опасную маску — он незаметен, невидим. Только длань Господа может изгнать его.

— Иными словами, по-вашему, мне придется делать выбор между Богом и дьяволом?

— Именно так, — с улыбкой согласилась мадам Скаррон.

Франсуаза встала, взяла свою накидку и черный веер. Веер она открывала очень редко, не одобряя манерного кокетства «жеманниц», злоупотребляющих этой деталью дамского гардероба.

Она поцеловала Анжелику и бесшумно удалилась.

Глава 21

— Вот уж действительно подходящий момент, чтобы говорить о Боге и о дьяволе, госпожа. Какое ужасное несчастье!

Барба, багровая от волнения, склонилась к пологу кровати. Именно она проводила до дверей мадам Скаррон. Потом, потупив глаза, служанка вернулась и уже некоторое время находилась в спальне. Ее вздохи и судорожные всхлипывания не смогли привлечь внимания поглощенной своими мыслями хозяйки, и служанка наконец решилась заговорить:

— Госпожа, какое ужасное несчастье!

— Что случилось?

— Наш Шарль-Анри исчез.

— Какой еще Шарль-Анри?

Анжелика пока не привыкла к имени своего младшего сына — Шарль-Анри-Арман-Мари-Камиль де Миремон дю Плесси-Бельер.

— Ты говоришь о младенце? Неужели кормилица не знает, куда она его положила?

— Кормилица тоже пропала. И няня. И девушка, которая его пеленает. В общем, вся свита господина Шарля-Анри.

Анжелика молча откинула одеяла и начала одеваться.

— Госпожа, — простонала Барба, — вы с ума сошли! Знатная дама, родившая шесть дней тому назад, не должна вставать с постели.

— Тогда зачем ты ко мне пришла? Думаю, именно в надежде на то, что я что-нибудь сделаю! Если, конечно, ты ничего не присочинила. Между прочим, я сильно подозреваю, что в последнее время ты частенько позволяешь себе пропустить стаканчик-другой вина. С

тех пор как аббат взял воспитание мальчиков в свои руки, ты почти не выходишь из буфетной. А праздность до добра не доводит.

Но в итоге Анжелика была вынуждена признать: бедная Барба являла собой образец трезвости. Комната, отведенная новорожденному, оказалась пуста. Его колыбель, сундук с одеждой и пеленками, игрушки, даже флакон с полынным маслом и циветтовая мазь, которой кормилица смазывала ему пупок, исчезли.

Онемевшие от неожиданности слуги, которых созвала Барба, стояли перед дверью.

Анжелика подробно расспросила их. Когда в последний раз видели кормилицу и ее помощниц? Утром девушка приходила на кухню и брала таз с горячей водой. Позже три няньки маленького сеньора, как обычно, плотно позавтракали. Но что было потом, не знал никто. Выяснилось, что в те часы, когда челядь предавалась приятной послеобеденной дреме, привратник отправился на задний двор, чтобы сыграть в кегли с конюхами. Стало быть, привратницкая и подъездной двор вместе с воротами оставались без присмотра. А много ли времени потребуется трем женщинам, если одна из них несет на руках ребенка, другая — колыбель, а третья — сундучок с приданным для новорожденного, чтобы проскользнуть на улицу?

Привратник клялся, что играл в кегли не больше четверти часа.

— Тогда ты в сговоре с этими злодейками! — прикрикнула Анжелика.

Она пригрозила наказать его палками, чего никогда прежде не случалось в ее доме по отношению к слугам. Шли минуты, и Анжелике начали мерещиться разные истории, одна страшнее другой, о похищенных детях, над которыми издевались и которых даже приносили в жертву. Мадам де Севинье рекомендовала Анжелике кормилицу как женщину простую и приветливую. Но

можно ли доверять наемной служанке, если ей ничто не мешает служить одновременно сразу нескольким хозяевам — и знатым сеньорам, и представителям грозного воровского братства?

Вдруг на пороге детской появился Флипо с криком, что он уже все разузнал. Обладая нюхом бывшего обитателя Двора чудес, подросток быстро вышел на след пропавших. Шарль-Анри дю Плесси-Бельер просто переехал вместе со своей «свитой» в особняк господина его отца на улице Фобур Сент-Антуан.

— Проклятый Филипп!

Анжелика не могла лгать своим людям, которые еще пять минут назад видели, как она сходит с ума от тревоги. Поэтому Анжелика дала волю своему гневу. Она сказала слугам, что сейчас они могут воспользоваться случаем, чтобы как следует отдубасить наглую челядь маркиза дю Плесси, презрительно называвшую их «лакеями торговли», хотя их хозяйка получила для своей дворни право на желто-голубые ливреи древнего рода от самого короля.

Она приказала слугам вооружиться, после чего с палками, алебардами и шпагами, все — от последнего поваренка до молодого аббата — направились к улице Фобур Сент-Антуан. Анжелику несли в портшезе.

Шумное «войско» маркизы дю Плесси являло собой удивительное зрелище. Праздные зеваки, обожавшие ссоры, которые достаточно часто случались между челядью разных вельмож, поспешили за процессией.

Маленькая армия принялась колотить в черные дубовые ворота отеля дю Плесси. Привратник через зарешеченное окошко привратницей попытался вести переговоры. Господин маркиз приказал никому не открывать. Никому, без исключения, целый день.

— Немедленно открывай хозяйке! — взревел Мальбран-Удар-Шпагой, размахивая двумя неизвестно откуда взявшимися подрывными шашками. — Иначе

клянусь, что я, Удар-Шпагой, сейчас засуну эти два «факела» тебе под нос и взорву к чертовой бабушке и ворота, и привратницкую.

Ракан уже начал поджигать длинный фитиль запала.

Перепуганный привратник согласился открыть дверь госпоже маркизе, но при условии, что «вся эта шайка» останется за воротами. После того как Анжелика пообещала, что штурм и сражение отменяются, слуга приоткрыл дверь и госпожа маркиза в сопровождении девиц Жиландон вошла в особняк. На втором этаже она вскоре обнаружила перебежчиц. Отвесив хлесткую пощечину кормилице, Анжелика схватила младенца и поспешила к лестнице, когда дорогу ей преградил Ла Виолетт. Камердинер ее мужа сказал, что пока он жив, сын господина маркиза не покинет дом своего отца. В этом он поклялся своему хозяину.

Анжелика ответила Ла Виолетту на диалекте их родного Пуату. Припомнив самые страшные ругательства бандита Пиона, она пригрозила, что если Ла Виолетт не пропустит ее, то завтра же его найдут с клинком в брюхе.

В конце концов высокомерный слуга в испуге рухнул на колени и со слезами в голосе стал молить о пощаде. Господин маркиз грозил ему не менее страшными карами, если он позволит унести ребенка. Филипп дю Плесси сказал, что выгонит его со службы. Как же ему тогда жить? Ведь он прослужил господину маркизу долгие годы. Когда-то в Ньельском лесу они вместе пращой убили первую белку. Он сопровождал хозяина во всех военных кампаниях.

В это же время один из лакеев в желто-голубой ливрее уже скакал в Сен-Жермен. Он старался догнать господина маркиза прежде, чем в Париже слуги хозяина и хозяйки перережут друг друга.

Нужно было выиграть время до возвращения Филиппа.

Сначала позвали его духовника, чтобы образумить мать, у которой забрали дитя. Потом послали за семейным управляющим, месье Молином.

Анжелика не знала, что ее старый знакомый находится в Париже. При виде этого строгого, прямого человека, который, невзирая на седину, по-прежнему излучал силу и уверенность, она немного успокоилась. С Молином можно договориться.

Управляющий предложил Анжелике сесть и сам занял место у камина. Он поздравил молодую мать с рождением прелестного младенца, появлению которого он очень обрадовался, потому что теперь у его хозяина появился наследник.

— Но маркиз хочет отнять у меня ребенка!

— Это его сын, мадам. Поверьте, я и сам был удивлен: мне никогда прежде не доводилось видеть, чтобы мужчина его склада был так безмерно счастлив из-за рождения сына.

— Вы всегда его защищаете, — в голосе Анжелики звучала досада. — Я плохо представляю себе Филиппа счастливым, ну разве что если он причинил кому-нибудь боль и страдание. Когда-то вы нарисовали мне весьма мрачную картину, но злоба маркиза превзошла все мои ожидания.

Тем не менее мадам дю Плесси согласилась отослать своих людей домой и терпеливо дожидаться прибытия мужа, но при условии, что Молин станет беспристрастным судьей в споре между супругами.

Когда среди ночи в комнату, звеня шпорами, вошел Филипп, он застал Анжелику и управляющего за дружеской беседой у камина.

Крошечный Шарль-Анри, ревниво прижатый к материнской груди, жадно сосал молоко. Отблески пламени причудливо играли на белом округлом плече

Анжелики, с которого соскользнули дорогие кружева. Это зрелище настолько потрясло Филиппа, что Молин воспользовался его замешательством, чтобы подняться и начать свою речь. Управляющий сказал, что мадам дю Плесси была потрясена отсутствием ребенка. Должно быть, господин дю Плесси не знал, что Шарль-Анри питается материнским молоком? Здоровье младенца очень хрупкое, каким бы цветущим он ни выглядел. Лишить новорожденного материнского молока равносильно тому, чтобы подвергнуть его жизнь опасности. Должно быть, маркиз дю Плесси не знал также, что его супруга рискует получить жестокую лихорадку? Причем это наименьшая из неприятностей, которая может случиться с маркизой, если она резко прервет кормление грудью.

Да, Филипп ничего об этом не знал. Такие соображения были бесконечно далеки от его повседневных забот. От волнения маркиз залился краской, хотя и не до конца поверил услышанному. Но Молин отлично разбирался в том, о чем говорил. Он был отцом и даже дедушкой семейства.

Маркиз предпринял последнюю попытку защиты своих позиций.

— Но это мой сын, Молин! Я хочу, чтобы он жил под моей крышей.

— Не вижу никаких препятствий к этому, господин маркиз, просто мадам дю Плесси будет жить здесь вместе с младенцем.

Анжелика и Филипп вздрогнули одновременно. В молчании они обменялись взглядами, словно капризные дети, которых пытаются помирить после ссоры.

— Я не могу оставить моих старших сыновей, — сказала Анжелика.

— Их можно разместить в этом доме, — заявил Молин. — Особняк достаточно просторный.

Филиппу было нечего возразить.

Молин счел миссию законченной и откланялся. Филипп продолжал мерить шагами комнату, время от времени бросая мрачные взгляды на Анжелику, сосредоточившую свое внимание на кормлении Шарля-Анри.

Наконец, маркиз взял табурет и сел рядом с женой. Анжелика с тревогой посмотрела на мужа.

— Ну же, — произнес Филипп, — признайтесь, что, невзирая на свой наглый вид, вы боитесь. Наверное, вы не были готовы к тому, что дело обернется подобным образом. Итак, вы в логове волка. Что смотрите на меня с таким подозрением, хотя я всего лишь сел рядом? Даже крестьянин, если он, конечно, не зверь, получает удовольствие, сидя у очага и наблюдая за тем, как жена кормит его первенца.

— Единственное отличие, Филипп, в том, что вы — не крестьянин, вы — зверь.

— Я с удовольствием отмечаю, что ваш воинственный пыл несколько не угас.

Анжелика плавно повернула к нему голову. Взгляд Филиппа скользнул по ее хрупкой шее и остановился на белой груди, у которой заснул ребенок.

— Разве я могла представить, что вы сыграете со мной такую жестокую шутку, Филипп? И это почти сразу после родов, во время которых вы были так добры со мной.

Филипп вздрогнул, будто ему нанесли оскорбление.

— Вы ошибаетесь. Во мне нет доброты. Просто я не могу видеть, как породистые животные мучаются в родах. Только и всего. Я был обязан вам помочь. Но мое мнение о человеческом роде в целом, и о женщинах в частности, несколько не переменялось. Впрочем, я часто спрашиваю себя: как существа, столь близкие к животным, еще позволяют себе выказывать какую-то гордость. В то утро вы не были гордячкой. И как

обычная непокорная сука, которая щенится на псарне, находили успокоение в ласковой руке хозяина.

— Допустим. Но у вас убогая философия. Так уж сложилось, что вы лучше понимаете животных, чем людей, и потому судите о людях по своим меркам. Для вас женщина — это непонятная помесь собаки, волчицы и коровы.

— Добавьте к этому хитрость змеи.

— И получится зверь Апокалипсиса.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Но Филипп сразу сжал губы, чтобы заглушить этот порыв нежданного веселья.

— Зверь Апокалипсиса, — повторил он, глядя Анжелике в лицо, порозовевшее от близости огня. — Моя философия и мое мировоззрение получше, чем у многих, — после минуты молчания он продолжил разговор. — Они помогают мне избежать опасных иллюзий... В то утро, сидя у изголовья вашей кровати, я вспомнил о самой злобной охотничьей суке в моей своре. Я просидел рядом с ней целую ночь, пока она не произвела на свет семерых щенков. Ее взгляд стал почти человеческим, она доверилась мне с такой трогательной простотой. А через два дня загрызла мальчишку-слугу, который попытался подойти к ее щенкам.

Вдруг Филипп спросил, и в его вопросе сквозило любопытство:

— Правда ли, что вы приказали заложить подрывные шашки прямо у дверей привратницкой?

— Да.

— И если бы мой слуга не сдался, приказали бы их взорвать?

— Да, я бы это сделала, — резко ответила Анжелика.

Маркиз с хохотом поднялся.

— Клянусь дьяволом, который вас создал: по крайней мере, вы меня развлекаете. Вас можно обвинить во всех смертных грехах, но только не в том, что вы нагоняете скуку.

Он положил руки на основание хрупкой шеи жены.

— Иногда я спрашиваю себя, если какой-нибудь иной выход из положения, кроме как задушить вас, или...

Почувствовав прикосновение его пальцев, Анжелика закрыла глаза.

— Или?

— Я подумаю над этим, — сказал маркиз, опуская руки, — но не стоит торжествовать слишком рано. Сейчас вы в моей власти.

Через некоторое время Анжелика обосновалась под крышей своего мужа. Вместе с ней переехали сыновья и те слуги, которых она желала видеть рядом с собой. Особняк маркиза был более мрачным, чем отель Ботрейи, поражавший изысканностью современного архитектурного стиля.

Но Анжелика с удивлением обнаружила, что ее апартаменты восхитительны и обставлены по последней моде. Ла Виолетт сказал хозяйке, что в былые времена эти апартаменты занимала вдовствующая маркиза, но что несколько месяцев тому назад господин маркиз приказал полностью обновить их и украсить чудесными гобеленами.

Пораженная, Анжелика не осмелилась спросить: «Для кого?»

Последовавшее вскоре после того приглашение от короля на большой бал в Версаль заставило молодую мать покинуть новый дом. Для знатной дамы, владеющей двумя придворными должностями, она и без

того уделила достаточно времени семейным делам. Пора вновь возвращаться в свет. Например, Филипп полностью посвятил себя придворным обязанностям. С тех пор как Анжелика переехала, она встречала мужа реже, чем когда вращалась при дворе. Понимая, что вечер у камина больше не повторится, Анжелика отправилась в Версаль.

Вечером перед балом Анжелика никак не могла найти укромный уголок, чтобы сменить туалет. Эта забота отягощала всех дам, прибывших в Версаль — по крайней мере тех из них, кто еще не забыл о такой добродетели, как стыдливость. Для прочих отсутствие комнат для переодевания превратилось в повод для демонстрации своих прелестей.

Наконец ей удалось укрыться в маленькой прихожей, примыкавшей к апартаментам королевы. Мадам дю Плесси и мадам де Рур помогали друг другу, потому что не нашли своих горничных. Вокруг постоянно сновали люди. Проходившие мимо кавалеры отвешивали галантные комплименты, а некоторые, особенно настырные, предлагали свою помощь.

— Оставьте нас, господа, — с криками, похожими на кудахтанье, протестовала мадам де Рур, — из-за вас мы опоздаем, а вы знаете, король ужасно этого не любит.

В какой-то момент мадам де Рур вышла за булавками.

Оставшись одна, Анжелика стала закреплять подвязками шелковые чулки. Вдруг чья-то сильная рука обхватила ее за талию и, с поднятыми юбками, опрокинула на маленькую софу. Жадные губы коснулись ее шеи. Анжелика вскрикнула от возмущения и принялась отбиваться. Вырвавшись, она вlepила наглецу две пощечины.

Но рука, занесенная для следующего удара, замерла в воздухе: маркиза увидела державшегося за щеку короля.

— Я... я не знала, что это были вы, — пробормотала она.

— Я тоже не знал, что это были вы, — раздраженно ответил Людовик. — А еще я не знал, что у вас такие красивые ноги. Какого дьявола вы их демонстрируете, если потом злитесь?

— Но я же не могу натянуть чулки, не демонстрируя собственных ног!

— А зачем вы пришли натягивать чулки в прихожую королевы, если не хотели ничего демонстрировать?

— Потому что у меня нет даже крошечной клетушки, где бы я могла привести себя в порядок.

— Так вы намекаете, что Версаль слишком мал для вашей драгоценной персоны?

— Отчего же, места вполне достаточно, но обнаруживается явная нехватка укромных помещений. Драгоценная моя особа или нет, но она вынуждена оставаться у всех на виду.

— И это все ваши извинения за столь непозволительное поведение!..

— И все ваши извинения за не менее непозволительное поведение!

Анжелика села, нервно поправляя юбки. Она была в ярости. Но взгляд, брошенный на обескураженного короля, вернул ей чувство юмора. Анжелика улыбнулась, и король с облегчением вдохнул.

— Безделица, я — настоящий дурак!

— А я... слишком вспыльчивая.

— Да, дикий цветок! Поверьте, если бы я узнал вас, то никогда бы не повел себя подобным образом. Но, клянусь, я увидел только светловолосый затылок и пару восхитительных и очень... соблазнительных ног.

Анжелика бросила на короля лукавый взгляд и примирительно улыбнулась, говоря тем самым, что она больше не сердится, если, конечно, он впредь не

позволит себе ничего лишнего. Даже король мог почувствовать себя обезоруженным такой улыбкой.

— Вы меня прощаете?

Она протянула руку, которую Людовик тут же поцеловал. Ее открытый, лишенный следов кокетства жест означал, что ссора закончена. Король решил про себя, что эта женщина поистине обворожительна.

Пересекая Мраморный двор, Анжелика столкнулась с гвардейцем, как выяснилось, искавшим именно ее:

— По поручению главного камергера Его Величества сообщаю вам, что ваши апартаменты находятся наверху, в правом крыле, где располагаются принцы крови. Должен ли я проводить вас, мадам?

— Меня? Вы, несомненно, ошибаетесь, доблестный воин.

Гвардеец сверился со своими записями.

— Тут указано: мадам дю Плесси-Бельер. Надеюсь, госпожа маркиза, я не обознался?

— В самом деле, это я.

Удивленная, Анжелика последовала за офицером. Он провел ее мимо королевских апартаментов, затем мимо апартаментов принцев крови. В конце правого крыла один из квартирмейстеров в голубой ливрее дописывал мелом на маленькой двери:

«ДЛЯ мадам дю Плесси-Бельер».

Анжелика была потрясена и от радости чуть не бросилась на шею обоим военным. Она протянула им несколько золотых монет:

— Вот, выпейте за мое здоровье.

— От всей души желаем вам здоровья, — весело ответили офицеры и подмигнули любезной даме.

Маркиза дю Плесси передала через бравых служак распоряжение своим лакеям и служанкам перенести сюда гардероб и постель. Потом она с детской непосредственностью осмотрела свои апартаменты, состоявшие из двух комнат и чулана.

Усевшись на подушку, Анжелика с упоением предалась пьянящим чувствам, которые породила в ее душе монаршья милость. И даже еще раз вышла в коридор, чтобы полюбоваться надписью:

«ДЛЯ мадам дю Плесси-Бельер».

— Значит, вы все же получили это пресловутое «ДЛЯ»!

— Говорят, «офицеры в голубом» написали на вашей двери «ДЛЯ»?

Новость распространилась со скоростью лесного пожара. Едва появившись на пороге бального зала, Анжелика сразу стала объектом всеобщего восхищения и зависти. Она сияла от счастья. Но прибытие кортежа королевы несколько остудило ее пыл.

Мария-Терезия любезно приветствовала всех придворных, встреченных на ее пути. Но очутившись перед маркизой дю Плесси-Бельер, королева притворилась, что не видит ее, и напустила на себя неприступный, ледяной вид. Такой жест не остался незамеченным.

— Ее Величество королева встретила вас с кислой миной, — обронил маркиз де Рокелор. — Стоило ей обрести надежду, что благосклонность короля к мадемуазель де Лавальер тает день ото дня, как появляется новая, еще более ослепительная соперница.

— И кто же эта соперница?

— Вы, дорогая.

— Я? Какая чушь! — Анжелика задыхалась от возмущения.

В поступке короля она без тени сомнения усмотрела только желание Его Величества, как радушного хозяина, устранить те неудобства, на которые она пожаловалась, и тем заслужить прощение. Но придворные увидели в этом жесте дополнительное доказательство благосклонности Людовика XIV к маркизе дю Плесси.

Раздосадованная услышанными сплетнями, Анжелика задержалась у входа в бальный зал.

Зал был украшен яркими разноцветными гобеленами. С потолка спускались тридцать шесть светильников с бесчисленным множеством свечей. По обеим сторонам зала находились возвышения, на которых с правой стороны расположились дамы, а с левой — сеньоры. Король и королева сидели в отдельной ложе. В глубине, на обрамленном гирляндами в виде позолоченной листвы помосте, размещались музыканты, которыми дирижировал господин Люлли.

— Королева плакала из-за мадам дю Плесси-Бельер, — прошептал чей-то хриплый голос. — Ей сказали, что король обустривает апартаменты для новой любовницы. Будь осторожнее, маркиза!

Анжелике не было нужды опускать глаза и поворачиваться, чтобы понять, чей это голос, казалось, раздавшийся из-под земли. Не шевельнувшись, она ответила:

— Сеньор Баркароль, не стоит верить досужим сплетням. Король совсем не жаждет мной обладать. Во всяком случае, не больше, чем любой другой дамой из его окружения.

— Тогда будь еще осторожнее, маркиза. Кто-то хочет сыграть с тобой очень скверную шутку.

— Кто? Почему? Что тебе известно?

— Не много. Я знаю только, что мадам де Монтеспан и мадам де Рур ходили к Монвуазен за отравой для

Лавальер. Колдунья посоветовала воздействовать на короля с помощью магии, а Мариэтт, ее помощник-святоотатец, уже толчет в чаше какие-то порошки.

— Замолчи! — в ужасе воскликнула Анжелика.

— Не доверяй этим дамочкам. Если они вобьют себе в голову, что тебя нужно впутать в это дело...

Скрипки заиграли прелюдию, и ритмичная музыка захватила собравшихся прелестным живым темпом.

Король встал и поклонился королеве, но бал открыл с мадам де Монтеспан.

Анжелика вошла в зал. Настало время занять свое место среди танцующих.

А тем временем где-то за занавеской, в шляпе, украшенной перьями, усмехался карлик...

Глава 22

Король увлекся войной. Сначала он приказал разбить военный лагерь в королевском заповедном охотничьем лесу Сен-Жермен. Каждая палатка, каждый шатер были на редкость красивы. Темно-красный шелковый шатер мессира де Лозена, вернувшего себе королевскую милость, состоял из трех комнат. Граф принял там короля и устроил грандиозный праздник.

В Фонтенбло, куда затем направился двор, количество войск увеличилось, и дамы получили возможность любоваться военными парадами. Королю нравилась строгая воинская дисциплина и красивые мундиры.

Ла Виолетт до блеска начистил кирасу своего хозяина. Эти доспехи больше служили для красоты, нежели защищали, поэтому поверх них маршал выпускал большой кружевной воротник. Богато расшитый шатер Филиппа стоил две тысячи ливров. Пять мулов везли его багаж. В его обозе имелись и верховые лошади. Мушкетеры, находившиеся в личном распоряжении маркиза дю Плесси, щеголяли в светло-желтых мундирах, белых кожаных кюлотах с золотой отделкой, их шпаги на позолоченной перевязи поблескивали серебряными гардами.

Да, война входила в моду. Быть может, призыв черни и всяческого сброда, вопившего на берегах Сены: «Эй! Король Франции, когда ты дашь нам войну?.. Отличную войну!» был наконец услышан молодым монархом, который тоже с удовольствием вдыхал пьянящий ветер славы?

Подлинную славу можно обрести лишь на войне. Военный триумф умножает величие государя.

Семь лет мира, и вот теперь впереди сияющим призраком замаячила война. Начиная с короля, принцев крови, дворян и заканчивая простонародьем, среди которого оказалось немало праздных драчунов, все мечтали ринуться навстречу приключениям, ощутить свойственное человеческой природе стремление поучаствовать в эпической игре под названием «война». Мнение мещан, ремесленников и крестьян никого не интересовало. Впрочем, разве они были против? Нет. Война для нации, которая ее затевает, — это обещание победы, богатства, процветания, иллюзорные мечты об избавлении от бедности. Народ доверял своему королю. Народ не любил испанцев. А еще англичан, голландцев, шведов и имперцев.

Казалось, наступило время показать всей Европе, что Франция — самая сильная держава в мире, она не намерена никому повиноваться и отныне будет диктовать свою волю другим.

Оставалось только найти повод. По приказу Людовика XIV крючокотворы перерыли все документы, относившиеся к политике прошлого и настоящего. После долгих изысканий было установлено, что королева Мария-Терезия, как дитя от первого брака Филиппа IV Испанского, имела право наследовать земли Фландрии^[67], а Карл II, ребенок от второго брака, этим правом не обладал. Испания заметила, что это право действительно только для одной-единственной провинции Нидерландов; эта провинция действительно наследовалась детьми от первого, а не от второго брака монарха, но Испания, владеющая всеми остальными провинциями, не намерена принимать его в расчет. В ответ Испания напомнила, что, сочетаясь браком с королем Франции, Мария-Терезия торжественно отказалась от всего испанского наследства.

Франция возразила, что Испания не выплатила пятисот тысяч экю, которые, согласно Пиренейскому договору, должны были перейти королю Франции в качестве приданого Марии-Терезии. Нарушение данного обязательства аннулирует все предыдущие договоренности.

Испания отвергла требование отдать это приданое, потому что оно пошло в счет долга дочери Генриха IV, которая, став в 1621 году испанской королевой, не привезла с собой из Лувра оговоренной суммы.

Франция решила остановить поток дипломатических воспоминаний, руководствуясь принципом, что в политике следует иметь короткую память.

Армия выступила на завоевание Фландрии, а королевский двор отправился вслед за ней на увеселительную прогулку.

Пришла весна. Правда, весна необыкновенно дождливая, но все же это была пора, когда расцветают не только яблони, но и разные военные прожекты. Вслед за войском двигалось столько же карет, сколько было орудий и телег обоза.

Людовик XIV хотел, чтобы власть королевы как наследницы пикардийских земель была единодушно признана в каждом завоеванном городке. Он желал ослепить блеском своего двора местное население, более чем за полтора века привыкшее к испанским оккупантам, высокомерным, но нищим.

И наконец, король стремился нанести сокрушительный удар по промышленно развитой Голландии, чьи тяжелые корабли бороздили моря вплоть до Суматры и Явы, в то время как французский флот находился в полном упадке и рисковал сдать почти все торговые позиции.

Пройдет время, пока с французских верфей будут спущены на воду новые суда, а до тех пор надо

разорить Голландию.

Но о последней своей цели Людовик XIV не рассказывал никому. Это была их с Кольбером тайна.

Кареты, телеги, лошади продвигались под проливным дождем по тем же дорогам, где только что прошли пехота, артиллерия и кавалерия. Сплошные рытвины, лужи и море грязи.

Анжелика ехала в карете мадемуазель де Монпансье. Принцесса вернула маркизе свое дружеское расположение после того, как из Бастилии вышел мессир де Лозен. На перекрестке их экипаж застрял из-за большого скопления людей вокруг только что опрокинувшейся кареты. Путешественницам сообщили, что это карета придворных дам королевы. Великая Мадемуазель заметила на придорожном склоне мадам де Монтеспан и помахала ей рукой.

— Идите к нам. У нас есть место.

Атенаис, подхватив юбки намного выше, чем то позволяли приличия и перепрыгивая через лужи, вскоре присоединилась к Анжелике и ее спутнице. Она уселась в карету и со смехом принялась рассказывать:

— Никогда не видела более забавного зрелища, чем мокрый месье де Лозен в шляпе, одетой на его собственные волосы. Король уже два часа не отпускает графа от дверцы своей кареты, и парик Лозена настолько пропитался водой, что в конце концов бедняга снял его.

— Какой кошмар! — воскликнула Великая Мадемуазель. — Он заболеет!

И приказала подстегнуть лошадей. За первым же поворотом их экипаж догнал карету Его Величества. В самом деле, Лозен ехал верхом. Вода лилась с него ручьями, и он был похож на ошипанного воробья.

Мадемуазель тут же ринулась на защиту храброго придворного, заявив трагическим тоном:

— Кузен, неужели у вас нет сердца? Вы подвергаете опасности несчастного дворянина, который рискует свалиться от жестокой лихорадки. Если вам неведома жалость, то, по крайней мере, подумайте о потере, которую вы понесете, если вас оставит один из самых мужественных ваших слуг.

Король смотрел в бинокль из эбенового дерева с золотой отделкой и не ответил на обращенные к нему слова.

Анжелика огляделась вокруг. Кареты остановились на небольшой возвышенности, господствовавшей над мокрой коричневой равниной Пикардии. Городок, тоже коричневый, опоясанный земляной насыпью, устремил шпили башен к хмурому небу. Сквозь мутную пелену дождя он казался мертвым и напоминал обломок кораблекрушения в глубине вод.

Траншея французов окружила крепость неумолимым черным кольцом. Вторая траншея, расположенная параллельно первой, была почти закончена. В сумерках то и дело вспыхивали красноватые всполохи: по городу стреляли орудия. От взрывов стоял оглушительный грохот. Великая Мадемуазель заткнула уши, но вскоре снова принялась болтать.

Наконец король опустил бинокль.

— Кузина, — степенно произнес он, — вы, несомненно, обладаете даром красноречия, но всегда выбираете весьма неподходящие моменты для своих торжественных выступлений. Я полагаю, что гарнизон намерен сдаться.

Он отдал Лозену приказ прекратить огонь. Граф пустил лошадь в галоп.

Действительно, у ворот крепости наметилось какое-то движение.

— Я вижу белый флаг, — вскричала Великая Мадемуазель, хлопая в ладоши. — Три дня, сир! Город пал к вашим ногам через три дня! Ах! Какая увлекательная вещь война!

Вечером, когда в завоеванном городке толпа жителей устроила овацию у особняка, где остановилась королева, господин де Лозен подошел к Мадемуазель и выразил ей свою признательность за заботу. Великая Мадемуазель улыбнулась, и ее пока еще нежное лицо порозовело. Она извинилась перед Ее Величеством за то, что оставляет ломберный стол, попросила Анжелику занять ее место и увлекла Лозена к окну.

Обратив к графу сияющий взор, она с наслаждением впитывала его слова. В мягких отблесках свечей принцесса казалась молодой и почти красивой.

«Право, да она влюблена!» — с умилением подумала Анжелика.

Лозен надел свою излюбленную маску соблазнителя, искусно сочетая комплименты с необходимой долей уважения. Проклятый гасконец! В какую авантюру он бросается теперь, завоеывая сердце внучки Генриха IV?

Хотя комната была переполнена народом, в ней царил уютная тишина. Игра шла за четыремья столами. Молчание нарушалось лишь заявками игроков и звоном монет, и до слуха присутствовавших то и дело долетали обрывки продолжавшегося негромкого галантного разговора.

На лице королевы застыло счастливое выражение. В ее короне появилась еще одна жемчужина — очередной завоеванный город. К этой радости примешивалось более глубокое, тайное удовлетворение. Мадемуазель де Лавальер не принимала участия в путешествии. По приказу короля она осталась в Версале. Прежде чем отправиться в поход, Людовик XIV государственным актом, засвидетельствованным Парламентом, подарил

своей любовнице герцогство Вожур в Турени, и баронство Сен-Кристоф. «Оба ленных владения обладают значительным количеством вассальных земель и приносят немалый доход»... Он также официально признал свою дочь от Лавальер, малышку Марию-Анну, которая получила титул мадемуазель де Блуа.

Такая милость, на первый взгляд поразительная, никого не могла ввести в заблуждение и оставила равнодушной саму фаворитку. Это был прощальный подарок. Королева видела в нем возвращение к порядку, нечто вроде платежа за ошибки прошлого. Король окружал супругу вниманием. Она находилась рядом при въездах в города и разделяла его заботы и надежды, порожденные военной кампанией. Лишь иногда глухое беспокойство сжимало сердце Ее Величества: это случалось в те минуты, когда ее взгляд падал на профиль маркизы дю Плесси-Бельер, к которой, как ей говорили, король неравнодушен и которую он навязал в свиту королевы.

Действительно, очень красивая женщина, с таким серьезным и ясным взглядом. Ее жесты исполнены грации, порой сдержанной, а порой живой и непосредственной. Мария-Терезия жалела о недоверии, которое окружающие заронили в ее душу. Эта женщина нравилась королеве. Она предпочла бы видеть в ней свою наперсницу. Но мессир де Солиньяк утверждал, что маркиза — распутная женщина, что в ней нет истинной набожности. А мадам де Монтеспан рассказала, что у маркизы дю Плесси какое-то кожное заболевание, которое она получила, вращаясь, в силу своей порочности, среди представителей низших кругов общества. Как доверять внешности? Маркиза выглядела такой здоровой и свежей, а ее дети были прелестны! Если король сделает ее своей любовницей, как это будет неприятно! И так больно!.. Неужели королева

никогда не сможет обрести покой для своего истерзанного сердца?

Анжелика, зная, что ее присутствие тяготит королеву, воспользовалась самым незначительным предложением, чтобы удалиться.

Дом, предоставленный бургомистром правителям Франции, был тесным и неудобным. Королевская свита и первые лица государства заполнили его сверху донизу, в то время как остальной двор и армия расквартировались у местных жителей. Это должно было предотвратить насилие и грабеж. Зачем что-то брать силой, если тебе все и так охотно отдают? Приглушенный шум песен и смеха проникал даже в самые укромные уголки плохо освещенного особняка, в котором еще не выветрились ароматы круглого пикардийского пирога с начинкой из лука-порея, покрытого сливками с яйцом. Этот пирог на серебряном блюде принесли три почтенные горожанки.

То и дело натываясь на дорожные сундуки и прочий багаж, Анжелика поднялась по лестнице. Комната, которую она занимала вместе с мадам де Монтеспан, находилась справа от лестничной площадки, а комнаты короля и королевы — слева.

В свете масляной лампы мелькнула маленькая тень, и перед Анжеликой возникла черная маска, на которой блестели лишь яркие белки глаз.

— Нет, гаспаша, не входить.

Анжелика узнала негритенка, которого она подарила Атенаис де Монтеспан.

— Добрый вечер, Нааман. Пропусти меня.

— Нет, гаспаша.

— Что такое?

— Хозяйка там не один...

Маркиза услышала за дверью нежный шепот и решила, что приятельница тайно принимает очередного кавалера.

— Хорошо. Я ухожу.

Зубы маленького чернокожего пажа сверкнули в заговорщической улыбке.

— Каоль, гаспаша. Каоль... Тсс!

Анжелика задумчиво спустилась по лестнице.

Король! И мадам де Монтеспан!

На следующий день все уезжали в Амьен.

Одевшись пораньше, Анжелика, как того требовала служба, поспешила к королеве. У входа в ее апартаменты она столкнулась с необыкновенно взволнованной мадемуазель де Монпансье.

— Нет, вы только взгляните, в каком состоянии находится Ее Величество. Жалко смотреть!

Королева обливалась слезами. Она говорила, что ее мутит от отвращения и что она больше не в силах все это терпеть. Мадам де Монтозье стонами поддерживала свою повелительницу, а мадам де Монтеспан беспрестанно вскрикивала, повторяя при этом, что ей понятна боль Ее Величества. Как оказалось, пришло известие, что герцогиня де Лавальер появилась в расположении армии. Она ехала всю ночь и прибыла на рассвете, после чего немедленно явилась к королеве, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

— Нахалка! — воскликнула мадам де Монтеспан. — Храни меня Бог от того, чтобы стать любовницей короля! Если бы я подверглась такому несчастью, то никогда бы не набралась наглости предстать перед королевой!

Что означало это возвращение?

Неужели король вызвал фаворитку?

К этому времени пора было отправляться в церковь, где на мессу перед дорогой уже собрался весь королевский двор.

Мария-Терезия поднялась на возвышение. Герцогиня уже находилась там. Королева даже не взглянула в ее сторону. Фаворитка спустилась и

смешалась с толпой. Она вновь предстала перед королевой, когда та садилась в карету. Но Ее Величество не сказала Лавальер ни слова. Королева была очень огорчена; она никак не могла взять себя в руки и сделать хорошую мину при плохой игре — иными словами, смириться, как поступала раньше, когда связь царственного супруга с герцогиней де Лавальер не была признана так открыто. В бешенстве Мария-Терезия запретила подавать фаворитке еду. Кроме того, она запретила офицерам эскорта пропускать кого бы то ни было перед своей каретой из страха, что мадемуазель де Лавальер присоединится к королю раньше законной супруги.

К вечеру длинная череда экипажей, трясущихся по дороге, почти добралась до армии, которая уже виднелась с небольшого холма. Мадемуазель де Лавальер поняла, что король должен находиться в лагере. С мужеством, порожденным отчаянием, она приказала гнать экипаж напрямик, через поля.

Королева заметила этот маневр и пришла в неопиcуемый гнев. Она хотела приказать офицерам догнать и остановить карету. Вся ее свита умоляла Марию-Терезию не делать этого и успокоиться. Появление короля, выехавшего навстречу королеве другой дорогой, прервало трагикомическую сцену.

Монарх был верхом, с ног до головы перепачкан грязью, но в отличном расположении духа. Людовик спешил и извинился за то, что не может сесть в карету: ведь он весь в грязи. Но после недолгого разговора с королевой у двери ее экипажа его лицо помрачнело.

Людовик заверил супругу, что не просил мадемуазель де Лавальер прибыть в армию и отнюдь не жаждет ее присутствия. Что за новость узнала застенчивая любовница? Что заставило ее преодолеть

обычную робость? Чего она опасалась? Какие мысли пришли ей в голову?

На самом деле все было просто. Осыпанная почестями и деньгами, оставленная в Версале одна, Луиза поняла, что она брошена. Преодолевая головокружение, доведенная до отчаяния женщина приказала заложить карету и галопом помчалась на север, впервые послушавшись короля. Пускай гнев, лучше самая страшная кара, только не горькое неведение, сжимающее сердце, или страшные видения, в которых Лавальер представляла любимого в объятиях другой...

На ужин, поданный на следующей стоянке, фаворитка не явилась. Ночлег предстоял ужасный. В поселке было только четыре каменных дома, а остальное жилье — глинобитные лачуги.

Анжелика, бродившая в поисках пристанища в сопровождении девиц Жиландон и трех служанок, встретила мадемуазель де Монпансье, такую же неприкаянную, как и она сама.

— Теперь мы действительно на войне, моя милая. Мадам де Монтозье улеглась на куче соломы в каком-то чулане, фрейлины устроились на чердаке на куче зерна, а мне, скорее всего, придется расположиться на угольной куче.

В конце концов, Анжелика нашла амбар с сеном. Она вскарабкалась по лестнице на сеновал и решила, что сможет здесь спокойно поспать, а ее слуги устроятся внизу. Теплый желтоватый свет большого фонаря разгонял окружающую темноту. В этом неясном свете Анжелика заметила в углу какую-то фигурку, закутанную в темно-красный и бледно-зеленый атлас; на черной мордашке выделялись яркие белки глаз Наамана.

— Что ты здесь делаешь, маленький чертенок?

— Я жду гаспашу Монтеспан. Я сторожу ее сумка. Гаспаша Монтеспан, она тоже спать здесь.

Тут на лестнице появилась и сама красавица маркиза.

— Анжелика, какая отличная идея разделить со мной мою «зеленую спальню», как называют сеновал brave военные! Если вы еще не хотите спать, давайте сыграем партию в пикет.

Атенаис упала в сено, потянулась и сладострастно, словно кошка, зевнула.

— Как хорошо! Дивное сено! Оно напоминает мне детство в Пуату.

— И мне тоже, — сказала Анжелика.

— Наш сеновал находился рядом с голубятней. Влюбленный пастушок лет десяти частенько составлял мне компанию. Мы слушали, как воркуют голуби, и держались за руки.

Мадам де Монтеспан ослабила слишком тугой лиф. Анжелика последовала ее примеру. Сняв верхние юбки, с голыми ногами обе женщины свернулись клубочком, наслаждаясь чудесными ощущениями простой сельской жизни.

— От пастуха до короля, — прошептала Атенаис, — что вы думаете о моей судьбе, дорогая?

Она приподнялась на локте. Мягкий и немного таинственный свет старого фонаря подчеркивал великолепный цвет ее кожи, белизну плеч и груди. Атенаис рассмеялась странным, чарующим смехом.

— Быть любимой королем, это опьяняет!

— Вы внезапно уверились в его любви? Еще не так давно вы в ней сомневались.

— Но теперь я получила неоспоримые доказательства и у меня не осталось никаких сомнений... Вчера вечером он пришел... О! Я знала, что он придет, что это случится во время нынешнего путешествия. То, как он оставил Лавальер в Версале,

разве не говорит о его желании? Чтобы как-то смягчить разрыв, он преподнес ей в подарок несколько безделушек.

— Безделушки?! Герцогство! Баронство!

— Вот невидаль! Конечно, Луизе все это должно казаться чудом. И, без сомнения, она думает, что благосклонность короля достигла своего апогея. Именно поэтому она и сочла возможным присоединиться ко двору. Ха-ха! Она приехала совсем не вовремя... Но я не стану довольствоваться малым. Даже речи не может быть о том, чтобы он обращался со мной как с какой-нибудь певичкой. Я — Мортемар!

— Атенаис, вы говорите с уверенностью, которая меня пугает. Вы и вправду стали любовницей короля?

— Стала ли я любовницей короля... О! Анжелика, как забавно чувствовать себя всемогущей, властвовать над мужчиной такого полета! Видеть, как он бледнеет и дрожит... как умоляет — он, обычно такой уравновешенный, такой церемонный и величественный, а порой даже грозный. Все, что о нем рассказывали, — правда. В любви он настоящий дикарь. Куда только пропадают его сдержанность и светский лоск. Он очень любвеобилен, но не думаю, чтобы я разочаровала его.

Она рассказывала и не прекращала безумно смеяться, перекатывая светловолосую голову по селу и непристойно потягиваясь, словно припоминая подробности недавней любовной сцены. Ее поведение показалось Анжелике отвратительным.

— Ну что ж! Отлично, — сухо заметила мадам дю Плесси. — Наконец-то все любопытствующие узнают, кто на самом деле стал новой любовницей короля, и я буду избавлена от нелепых подозрений, которые мне так надоели.

Мадам де Монтеспан резво вскочила.

— Нет-нет, дорогая! Только не это. Главное, никому ни слова! Мы полагаемся на вашу скромность. Еще не

настало время, когда я смогу открыто занять свое место. Сейчас это создаст массу сложностей. Поэтому будьте так любезны, возьмите на себя труд продолжить играть ту роль, которую мы вам отвели.

— Какую роль? И кто это — мы?

— Как вам сказать... Король и я.

— Уж не хотите ли вы сказать, что вы сговорились с королем и поддерживаете сплетни, будто бы Людовик влюблен в меня? Ради того, чтобы отвести подозрения от себя самой?

Атенаис следила за своей приятельницей сквозь прикрытые ресницы. Ее сапфировые глаза сияли каким-то извращенным удовольствием.

— Ну конечно. Понимаете ли, нас устраивает такое развитие событий. Я оказалась в весьма щекотливом положении. С одной стороны, я — фрейлина королевы, с другой — близкая подруга мадемуазель де Лавальер. Внимание короля неминуемо вызовет сплетни вокруг моего имени. Нужно было придумать какой-нибудь отвлекающий маневр. Не знаю, почему мы вдруг заговорили о вас. Король поддержал пересуды, одаривая вас разными милостями. Теперь королева вас избегает. Бедная Луиза утопает в слезах, едва заслышав ваше имя. И никто даже не вспоминает обо мне. Дело сделано. Я думала, что у вас хватит ума понять это с самого сначала. Король так вам признателен... Почему вы молчите? Вы сердитесь?

Анжелика не ответила. Она взяла соломинку и стала нервно покусывать ее. В глубине души она чувствовала себя обиженной и непозволительно глупой! Немного, оказывается, требуется хитрости, чтобы провести самую ловкую торговку королевства! Что и говорить, в светских интригах она осталась неисправимой деревенской простушкой.

— Так все же, почему вы сердитесь? — слащаво пропела мадам де Монтеспан. — Такое положение

должно вам льстить, и вы уже извлекли из него прибыль. Неужели вы разочарованы? Нет, я никогда не поверю, что вы восприняли всерьез эту маленькую комедию... Начать с того, что вы вроде бы влюблены. В своего мужа. Хотя это и странно... Конечно, он не слишком галантен, зато так красив. К тому же ему ведь велели вести себя повежливее...

— Не хотите сыграть партию в карты? — ровным голосом прервала Анжелика.

— С удовольствием. У меня в сумке есть колода. Нааман!

Негритенок подал дорожный несессер Атенаис. Дамы без особого энтузиазма сыграли несколько партий. Анжелика, думая о своем, постоянно проигрывала, что лишь усилило ее дурное настроение. В конце концов довольная мадам де Монтеспан заснула. Анжелике сон не шел никак. Раздраженная до крайности, она грызла себе ногти, и, по мере того как шли ночные часы, в ее голове зрели все более изощренные планы мести. Уже завтра имя мадам де Монтеспан будет у всех на устах! Прекрасная маркиза повела себя неосторожно. Ей не удалось обмануть Анжелику лицемерными речами. Атенаис испытывала изощренное удовольствие, рассказывая о своем триумфе и о той роли, что она отвела Анжелике без ее ведома. Уверившись в поддержке короля и в своем превосходстве, она не смогла отказать себе в удовольствии унижить женщину, которой уже давно завидовала, но с которой ради выгоды поддерживала дружеские отношения. Отныне она не нуждалась ни в самой Анжелике, ни в ее деньгах. Теперь Атенаис могла втоптать в грязь маркизу дю Плесси и заставить ее дорого заплатить за успехи, которых та добилась с помощью красоты и богатства.

«Дура!» — сказала себе Анжелика, все сильнее злясь на саму себя.

Она завернулась в накидку и скользнула к лестнице.

Мадам де Монтеспан все еще спала. Раздетая, она возлежала на сене, как богиня на облаке.

Зарождался дождливый рассвет. С востока, где между облаками алело утреннее небо, доносилось пение флейт и дробь барабанов. Полки снимались с лагеря.

Увязая в грязи, Анжелика дошла до дома, где остановилась королева, с намерением разыскать мадемуазель де Монпансье. На скамье возле входной двери она увидела продрогшую, несчастную мадемуазель де Лавальер. Рядом топтались два или три слуги и молодая свояченица Луизы, хмурая и сонная. Анжелика была так тронута отчаянием брошенной фаворитки, что невольно остановилась и заговорила:

— Что вы здесь делаете, мадам? Вы умрете от холода.

Луиза подняла голубые глаза, казавшиеся слишком большими на ее восковом лице, и вздрогнула, будто бы пробуждаясь ото сна.

— Где король? — спросила она. — Я хочу его видеть. Я не уйду отсюда, пока не увижу его. Где он? Скажите мне, пожалуйста.

— Я не знаю, мадам.

— Нет, знаете, я уверена! Вы знаете...

В порыве жалости Анжелика взяла протянутые к ней худые и заледеневшие руки в свои.

— Клянусь, я не знаю, где находится король. Я не видела Его Величество... даже и не помню, когда я его видела в последний раз. И клянусь вам, что ему нет до меня никакого дела. Это чистое безумие — оставаться на улице в такую холодную ночь.

— Я без конца повторяю Луизе то же самое, — простонала юная свояченица, — она совсем измучена, да и я тоже. Но она настаивает на своем.

— Разве вам не отвели комнату в деревне?

— Отвели, но она хочет во что бы то ни стало дождаться короля.

— Хватит глупостей!

Анжелика решительно взяла молодую женщину под руку и заставила ее встать.

— Прежде всего вы должны согреться и отдохнуть. Король огорчится, если увидит, что вы стали похожи на привидение.

В доме, где была отведена комната для фаворитки, Анжелика развила бурную деятельность: сразу же приказала лакеям разжечь пожарче огонь в очаге, положить грелки на влажные простыни и приготовить травяной чай. Затем уложила в постель Луизу, которая уже не могла сопротивляться напору мадам дю Плесси. Накрытая многочисленными одеялами, фаворитка казалась особенно хрупкой. Эпитет «тощая», которым ее когда-то наградила желчный памфлетист, теперь не казался преувеличением. Она была просто кожа да кости. Мадемуазель де Лавальер находилась на седьмом месяце беременности. Пятая беременность за шесть лет. В двадцать три года за ее плечами остался самый удивительный любовный роман, который только можно было себе представить, а впереди ждала долгая жизнь и горькие, еще не пролитые слезы. Тогда осенью, верхом на лошади, Лавальер сверкнула в последний раз, как падающая звезда. Сегодня ее невозможно было узнать, настолько сильно она изменилась.

«Вот до чего может довести женщину любовь к мужчине», — подумала Анжелика, и в ее груди вновь вспыхнул гнев.

Вспомнив откровения Баркароля, рассказывавшего о соперницах, мечтавших отравить Луизу, Анжелика вздрогнула.

Она села в изголовье кровати и своими сильными уверенными руками взяла хрупкую ладонь со ставшими слишком большими кольцами.

— Вы такая добрая, — прошептала Луиза. — А мне говорили...

— Зачем слушать все, что говорят? Вы только причиняете себе ненужную боль. Я тоже бессильна против злых языков. В этом я похожа на вас...

У Анжелики чуть не сорвалось с языка: «Такая же дура. Сама того не желая, стала ширмой для тайной связи». Но зачем говорить об этом? Зачем направлять ревность Луизы в другую сторону? Рано или поздно она обнаружит измену и предательство, которые ранят ее особенно сильно, потому что будут исходить от лучшей подруги.

— А теперь спите, — прошептала Анжелика. — Король любит вас.

Из сострадания она произнесла единственную фразу, способную унять боль этого измученного сердца.

На губах Луизы появилась печальная улыбка.

— Он никак не проявляет своей любви...

— Как можно так говорить? Разве Его Величество не выказал свою привязанность, одарив вас титулами и землями? Нет сомнений, король желает вам только добра. Отныне вы — герцогиня Вожур, и ваша дочь не вырастет незаконнорожденной.

Фаворитка покачала головой. Слезы из ее закрытых глаз струились по вискам. Несчастливая женщина, героически скрывавшая каждую беременность, платила за это слишком высокую цену. Она была вынуждена смотреть, как у нее забирают детей в первые минуты после рождения, она даже не имела права оплакать смерть троих сыновей. Появлялась на балах с веселой улыбкой, чтобы обмануть окружающих и хоть как-то сгладить ту постыдную ситуацию, в которой она оказалась. Вдруг ее во всеуслышание объявили матерью дочери короля, хотя никто даже не поинтересовался ее мнением, не узнал, согласна ли она носить такое звание. Между тем весь двор судачил о

том, что король намерен вернуть из ссылки маркиза де Варда, чтобы женить его на своей бывшей фаворитке.

Слова утешения, ободрения, советы были напрасны — уже поздно. Анжелика замолчала и лишь держала руку Луизы в своей до тех пор, пока та не заснула.

Вернувшись к дому, где ночевала королева, Анжелика увидела свет в окне. Она представила себе испанку, которая тоже ждала короля. В истерзанной душе королевы рождались предположения, одно страшнее другого, она представляла супруга в объятиях Лавальер, в то время как бедная Луиза большую часть ночи томилась здесь же, под окнами.

Зачем разглашать имя их настоящей соперницы? Зачем добавлять еще одну каплю яда в уже отравленную микстуру?

У мадам де Монтеспан были все основания спокойно спать в своем гнездышке из сена. Она отлично знала, что маркиза дю Плесси никому ничего не скажет.

Шарлеруа, Армантьер, Сен-Вину, Дуэ, Ауденарде, форт Скарп, Куртре — крепости и города падали, как карточные домики.

Короля и королеву Франции встречали с помпой. Эшевены^[68], стоя под балдахином, обращались к ним с речью, после чего по улицам, устланным коврами, королевская чета направлялась в одну из старинных северных церквей, украшенных каменными кружевами, с острыми, как стрелы, шпилями, устремленными в набухшее дождем небо, чтобы послушать благодарственный молебен *Te Deum*.

Между молебнами война судорожно сотрясала горизонт пушечными залпами и мушкетными выстрелами. Городские гарнизоны огрызались,

предпринимали отчаянные, порой кровавые вылазки. Но войска испанцев оказались малочисленными, а Испания была далеко. Отрезанные от помощи, под давлением местных жителей, которые не собирались терпеть муки голода ради славы завоевателей, испанцы сдавались.

Под Дуэ лошадь одного из королевских гвардейцев была убита рядом с государем. Людовик XIV, не раздумывая, рисковал головой. Его пьянил запах пороха. Однажды он лично возглавил передовой эскадрон.

Начав осаду Лилля, Его Величество каждый день спускался в окопы, как простой гренадер, чем приводил в смятение придворных. Как-то раз мессир де Тюренн, увидев короля, осыпанного разлетевшейся от упавшего неподалеку ядра землей, пригрозил оставить пост, если государь не прекратит вести себя неосмотрительно. Но король, который находился впереди своих войск и почти достиг палисада, не стал отступать на глазах у всей армии. Тогда маршал дю Плесси-Бельер предложил ему: «Давайте поменяемся шляпами, сир: испанцы будут целиться в ваш плюмаж и ошибутся».

Более король не подвергал такому риску свою царственную особу. Филипп получил голубую орденскую ленту Святого Людовика.

Наступило лето.

Стояла жара. В бескрайнее голубовато-сиреневатое небо взвивались маленькие облачка оружейного дыма.

Мадемуазель де Лавальер осталась в Компьене, а королева последовала за армией. В ее карете ехали мадемуазель де Монпансье, принцесса Баденская, мадам де Монтозье и мадам де Монтеспан, в следующем экипаже находились мадам д'Арманьяк, герцогиня Бульонская, мадам де Креки, мадам де Бетюн и маркиза дю Плесси-Бельер. Все дамы умирали от усталости и жажды.

Каково же было их удивление, когда они столкнулись с тележкой, на которой, радуя глаз, искрились освежающие куски льда. Тележку сопровождали три или четыре мрачных верзилы с иссиня-черными усами, в залатанной форме. Следовавший за ними верховой офицер не оставлял никакого сомнения в национальности этих солдат: огромный гофрированный воротник и высокомерный вид выдавали в нем истинного идадьго Его Католического Величества.

Прибывшим дамам объяснили, что господин де Бруэ, испанский наместник Лилля, каждый день то ли из галантных побуждений, то ли в насмешку посылал королю Франции лед.

— Попросите вашего начальника, — сказал Людовик XIV офицеру, — присылать мне побольше льда.

— Сир, — ответил кастилец, — мой генерал готовит вам лед, потому что надеется на долгую осаду и опасается, что Ваше Величество будет испытывать нехватку в этом продукте.

Старый герцог де Шаро, оказавшийся рядом с королем, крикнул посыльному:

— Отлично, отлично, порекомендуйте господину де Бруэ не повторять ошибок наместника в Дуэ, который сдался, как последний мерзавец!

— Месье, вы сошли с ума! — живоотреагировал король, пораженный подобными словами. — Вы призываете наших врагов к сопротивлению?

— Сир, это вопрос семейной чести, — извинился герцог. — Бруэ — мой кузен!

Тем временем придворная жизнь продолжалась и в военном лагере.

Вся равнина пестрела выстроившимися стройными шеренгами шатрами и палатками. Шатер короля был самым просторным и состоял из трех комнат: спальни и

двух кабинетов. Он был обтянут китайским атласом и обставлен позолоченной мебелью.

Подъем и отход ко сну Его Величества проходили точно так же, как это было заведено в Версале.

Регулярно устраивались роскошные трапезы, которые особенно веселили придворных, постоянно вспоминая об испанцах, укрывшихся за темными насыпями Лилля. Недругам оставалось только грызть репу. Во французской армии король принимал у себя за столом дам.

Однажды вечером взгляд Людовика упал на сидевшую неподалеку от него Анжелику. Недавние победы, и особенно одна, тайная, одержанная над мадам де Монтеспан, наполнили душу короля радостью триумфа и немного притупили его обычную наблюдательность. Ему показалось, что он видит Анжелику впервые с начала военной кампании, и он любезно осведомился:

— Значит, и вы оставили столицу? О чем говорили в Париже во время вашего отъезда?

Анжелика холодно посмотрела на короля.

— Сир, в Париже возносили молитвы.

— Я спросил, что нового в городе?

— Пospел зеленый горошек, сир.

Реплики мадам дю Плесси могли бы показаться забавными, если бы не были произнесены тоном, таким же ледяным, как и глаза прекрасной маркизы.

Король оцепенел. Он не нашелся что ответить, и его щеки стали пунцовыми.

Как всегда, положение своим чарующим смехом спасла мадам де Монтеспан. Она сказала, что в последнее время стало модно отвечать на вопросы самым нелепым образом. Новая мода зародилась в парижских салонах жеманниц, где никогда не смолкали фейерверки каламбуров. Маркиза дю Плесси очень искусна в этой игре. Каждый из присутствующих тут же

захотел попробовать свои силы в новом модном развлечении, и ужин закончился необыкновенно весело.

На следующий день Анжелике сообщили о визите маршала дю Плесси-Бельера. В тот момент она как раз заканчивала пудриться перед зеркалом под пристальным взглядом любопытной коровы.

Как и все знатные дамы, Анжелика не страдала из-за отсутствия удобств. Если ей удавалось поставить туалетный столик где-нибудь в коровнике, она уже считала, что все в порядке. Аромат рисовой пудры и духов соединялся с запахом навоза, но Анжелике, одетой в домашнее платье, ничуть не мешали ни белые, ни черные коровы, составлявшие ей компанию.

Жавотта показывала хозяйке первую юбку из розового атласа с бледно-зеленым отливом, а Тереза собиралась завязать ленты.

При виде мужа Анжелика отослала служанок, потом вновь склонилась к зеркалу. В нем отражалось лицо Филиппа, и оно предвещало бурю.

— До меня дошли очень неприятные слухи, мадам. Я решил встретиться, чтобы отчитать вас или даже наказать. Вы осмелились продемонстрировать свое дурное настроение королю, который обратился к вам с любезным вопросом, тем самым оказав вам честь.

— Это все? — спросила Анжелика, тщательно выбирая «мушку» в маленькой гильошированной золотой коробочке. — Мне казалось, что по поводу мадам дю Плесси-Бельер ходят разные слухи, и некоторые из них должны были взволновать вас давным-давно и куда сильнее. Поистине, вы вспоминаете о своих супружеских обязанностях лишь для того, чтобы напомнить об одной из них — подчиняться вам.

— Итак, вы ответили королю без должного почтения — да или нет?

— У меня имелись на то свои причины.

— Но... Вы говорили с королем!

— Король он или нет, это не мешает ему иногда быть мальчишкой, которого нужно ставить на место.

Самое страшное богохульство не произвело бы на маркиза подобного впечатления. Казалось, он задышался от возмущения.

— Честное слово, вы сошли с ума!

Филипп прошелся взад-вперед, потом оперся на деревянную кормушку и задумчиво уставился на Анжелику, покусывая соломинку.

— Надо же! Я, кажется, понял, в чем дело. Ради господина моего сына, которого вы носили в своем чреве, а затем кормили, я предоставил вам некоторую свободу, из чего вы сделали ложный вывод, что вам было дозволено поднять голову. Видимо, пора вернуться к дрессуре.

Анжелика пожала плечами. Она сдержалась, чтобы не ответить какой-нибудь колкостью, и перенесла все свое внимание на зеркало: ей предстояла весьма деликатная операция — прикрепить мушку в уголок правого виска.

— Какое наказание выбрать, чтобы научить вас вести себя за королевским столом? — продолжил Филипп. — Отправить в ссылку? Хм! Вы найдете средство оказаться на противоположном конце дороги, не успею я повернуться к вам спиной. Лучше всего подойдет мой кнут для собак, с которым вы уже знакомы, не так ли? Да, мне помнится, тогда вам пришлось опустить голову пониже. Или... Я думаю еще об одном наказании, которое может показаться вам более мучительным, чем кнут, и это побуждает меня применить именно его.

— Не стоит напрягать воображение, Филипп. Вы слишком щепетильный учитель. Из-за трех слов, брошенных случайно...

— Но вы обращались к королю!

— Король — тоже человек, как и другие.

— Чушь! Король — это король. Вы должны ему повиноваться, уважать его и боготворить.

— А что еще я должна? Предоставить ему возможность распоряжаться моей судьбой, порочить мою репутацию, высмеивать мое доверие?

— Король — хозяин. Он имеет на вас все права.

Анжелика мгновенно повернулась к мужу и с гневом посмотрела на Филиппа.

— Ну конечно!.. А если ему в голову придет фантазия сделать меня своей любовницей, как я должна поступить в этом случае?

— Согласиться. Неужели вы еще не поняли, что самые красивые дамы, украшение французского двора, находятся здесь лишь ради удовольствия царственных особ?

— Позвольте мне назвать вашу точку зрения более чем щедрой, особенно для мужа! Я понимаю, что вы не испытываете ко мне ни малейшей привязанности, но, по крайней мере, в вас должен говорить инстинкт собственника.

— Все, чем я владею, принадлежит королю, — сказал Филипп, — никогда в жизни я не откажу ему ни в единой просьбе.

От досады Анжелика даже вскрикнула: муж умел задеть за живое. А на что она надеялась? На протест, который выдал бы его ревность? Этому не бывать. Филипп ни капли не дорожит ею, что и дает понять без обиняков. Его мимолетное внимание тогда, у камина, было обращено к кукле, которая удостоилась высокой чести родить ему наследника. Расстроенная Анжелика резко повернулась обратно к зеркалу, опрокинув коробочку с «мушками» и дрожащей от злости рукой взяла сначала один гребень, потом другой.

Филипп наблюдал за ней с нескрываемой иронией.

Анжелика выплеснула свою боль в потоке горьких слов.

— Правда, я же забыла! Для вас женщина — всего лишь вещь, разменная монета. Женщина годится только для рождения детей. Вы относитесь к ней хуже, чем к кобыле или к лакею. Ее покупают, перепродают, торгуя ее честью, зарабатывают почести для себя, а затем, когда она становится ненужной, выбрасывают на свалку. Вот кем является женщина в глазах мужчин вашего склада. Нечто похожее на кусок пирога, на блюдо с рагу, на которое набрасываются, когда голодны.

— Забавная картина, — усмехнулся Филипп, — я и не отрицаю, что это так. Сейчас, с горящими щеками, в этом легком платье — признаюсь, вы мне кажетесь весьма аппетитной. И клянусь, с каждой секундой мой внезапный голод только усиливается.

Он быстро подошел к жене и уверенным жестом положил руки на ее округлые плечи. Анжелика сбросила его руки и стянула на груди края лифа.

— На это даже не рассчитывайте, дорогой, — холодно произнесла она.

Филипп резким жестом снова распахнул ее лиф, оторвав три алмазные застёжки.

— А разве я спрашиваю вашего согласия, манерная дура? — прорычал он. — Вы еще не поняли, что принадлежите мне? Ха-ха! Я прекрасно знаю ваше уязвимое место. Гордая маркиза желает, чтобы с ней были предупредительны!

Он грубо стянул с нее лиф, разорвал нижнюю рубашку и с жестокостью наемника во время грабежа сжал ее грудь.

— Может быть, вы забыли, кем являлись некогда, мадам маркиза? вспомните те времена, когда вы бегали по полям неотесанной деревенщиной, с сопливым носом и грязными ногами. Как сейчас вижу вас в дырявой

юбке со спадающими на лоб волосами. Но даже тогда вы были само высокомерие!

Он поднял лицо Анжелики, чтобы она смотрела прямо ему в глаза, и с такой силой сдавил виски, что ей показалось, будто у нее сейчас треснет череп.

— Эта девка вылезает из старого полуразвалившегося замка и позволяет себе дерзить королю!.. Коровник — вот ваше место, мадемуазель де Монтелу. Недаром вы так хорошо себя здесь чувствуете. И я намерен пробудить в вашей памяти воспоминания о сельской жизни.

— Оставьте меня! — закричала Анжелика, пытаюсь ударить мужа.

Но она чуть не разбила кулаки о железную кирасу и со стоном стала трясти руками. Филипп расхохотался и набросился на жену, которая все еще продолжала отбиваться.

— Ну-ка, сопливая пастушка, дайте задрать вам юбку без лишних церемоний.

Филипп схватил ее в охапку, поднял и понес к куче сена, лежавшей в темном углу сарая.

Анжелика кричала:

— Оставьте меня! Оставьте меня!

— Замолчите! Вы переполошите весь гарнизон.

— Тем лучше. Все увидят, как вы со мной обращаетесь.

— Оглушительный скандал! Мадам дю Плесси изнасилована собственным мужем.

— Я вас ненавижу!

В пылу борьбы Анжелика почти зарылась в сено и чуть не задохнулась, но все же исхитрилась укусить до крови державшую ее руку.

— Мерзкая тварь!

Филипп несколько раз ударил ее по губам, а потом завел ей руки за спину, чтобы она не могла пошевелиться.

— Боже мой! — выдохнул он, почти смеясь. — Никогда еще не имел дела с такими бешеными кошками. Да здесь нужен целый полк.

Полузадушенная, Анжелика теряла силы. Все будет так же, как уже случилось. Она принуждена смириться с унижительным насилием, с этим скотским обращением, против которого так бунтовала ее гордость. И ее любовь. Та робкая любовь, которую она чувствовала к Филиппу и которая не хотела умирать. Любовь, в которой Анжелика не желала себе признаваться.

— Филипп!

Он достиг своей цели. Ему было не впервой вести подобную борьбу в темном сарае. Он знал, как удержать добычу и как ей воспользоваться, пока она, задыхаясь, дрожит, распластанная под ним.

Их окутывал полумрак, в котором танцевали крошечные золотые точки — частички пыли, освещенные тонким солнечным лучом, пробившимся в щель между двумя досками.

— Филипп!

Он услышал, как Анжелика зовет его. Звук ее голоса был каким-то странным. Утомление или пьянящий запах сена, от которого теряешь голову, но Анжелика внезапно сдалась. Она устала от сопротивления. Она приняла насилие и господство этого мужчины, который хотел быть жестоким. Ведь это был Филипп, тот Филипп, которого она любила уже в Монтелу. И неважно, что она изранена почти до крови!

В порыве, который освобождал ее чувства, она, как самка, подчинялась воле самца. Она была его жертвой, его вещью. Он был вправе использовать ее, как ему нравится.

Несмотря на дикое напряжение, владевшее им в ту секунду, Филипп почувствовал ее отказ от борьбы и неожиданно стал мягче, нежнее. Быть может, он

испугался, что ей плохо? Он сумел справиться со слепым вождением, со своим исступлением и попытался разгадать, что скрывает полумрак, что нового в этой нежданной тишине. Он ощутил легкое дыхание Анжелики на своей щеке. И это заставило его вздрогнуть от незнакомого раньше волнения. Как будто при вспышке молнии, он сильнее прижался к этой женщине, казавшейся слабой, как ребенок.

Чтобы прийти в себя, он вновь разразился чередой проклятий.

Филипп откатился в сторону, не зная, что почти довел жену до пика наслаждения.

Краем глаза он наблюдал, как она приводит в порядок одежду, и каждое движение доносило до него теплый женский запах. Ее смирение показалось Филиппу подозрительным.

— То, что сейчас произошло, как мне кажется, нравится вам не больше, чем какое-то другое наказание... Так вот, отныне это будет вашим наказанием.

Анжелика несколько секунд молчала, а потом с растяжкой, чуть хрипловатым голосом сказала:

— А могло бы быть вознаграждением.

Филипп подскочил, словно заметив неожиданную опасность. Его тело было охвачено странной слабостью. Больше всего ему хотелось опять растянуться на теплом сене, рядом с Анжеликой, и обменяться с ней простыми признаниями. Это чуждое желание оскорбило, взбесило маркиза. Но резкие слова так и не сорвались с его губ.

Маршал дю Плесси вышел из сарая с тяжелой головой. В его душе появилось гнетущее чувство, что и на этот раз последнее слово осталось не за ним.

Глава 23

Жаркий июльский полдень окутал Версаль. Анжелика, мечтая о прохладе, в обществе мадам де Людр и мадам де Шуази прогуливалась вдоль Водной аркады. Эта аллея манила густой тенью деревьев и, пожалуй, еще сильнее — чарующей магией бесконечных фонтанов, которые били по обеим сторонам прямо из-за скамеек, стоявших на газоне. Переливающиеся струи образовывали над головами удивительный водяной свод, под которым нельзя было промокнуть.

Именно здесь дамы встретили господина де Вивонна. Поклонившись, он подошел к Анжелике.

— Я намеревался поговорить с вами, мадам. Обращаюсь к вам не как к прелестнейшей нимфе этих лесов, но как к мудрой матери, чей образ воспевала сама античность. Словом, я прошу вашего согласия принять к себе на службу вашего сына Кантора.

— Кантора? Почему вас заинтересовал мой сын?

— А почему мы мечтаем стать обладателями звонкоголосой птицы? Этот мальчик меня очаровал. Он великолепно поет, в совершенстве владеет игрой на многих музыкальных инструментах. Я хотел бы взять его в поход, чтобы он своим замечательным голосом пел песни на стихи, которые я сочиню.

— Какой поход?

— Разве вы не знаете, что недавно меня назначили адмиралом флота? Король повелевает мне разбить турецкие войска, осаждающие остров Кандию в Средиземном море.

— Но это так далеко! — воскликнула Анжелика. — Я не могу позволить ребенку отправиться в такую даль.

Он еще маленький. Какой из него рыцарь в восемь-то лет?

— Он выглядит на одиннадцать, и ему будет вполне уютно в компании моих пажей, принадлежащих к знатным семействам. Мой дворецкий — мужчина средних лет, он отец многочисленного семейства. Я накажу ему внимательно присматривать за вашим прелестным мальчиком. И к тому же, мадам, разве у вас нет собственных интересов на Кандии? Вы просто обязаны послать одного из сыновей на защиту своих владений.

Отказавшись сразу рассматривать предложение всерьез, Анжелика все-таки пообещала подумать над ним позже.

— Было бы разумно с вашей стороны согласиться на такое предложение, — посоветовала мадам де Шуази после ухода Вивонна. — У герцога блестящее положение в обществе, а с получением новой должности генерал-лейтенанта флота он стал одним из самых высокопоставленных французских вельмож.

Мадам де Людр скривила рот в кислой усмешке.

— И не забывайте, что Его Величество день ото дня благоволит ему все больше, чтобы угодить сестрице вышеназванного адмирала.

— Вы говорите так, словно превращение мадам де Монтеспан в фаворитку — свершившийся факт, — заметила мадам де Шуази. — Ведь маркиза такая набожная женщина!

— То, что выставляют напоказ, никогда не соответствуют действительности. Об этом свидетельствует весь опыт человечества. Мадам де Монтеспан, наверное, предпочла бы сохранить свою измену в тайне, но ревнивый супруг не оставил ей выбора. Он раздувает такой скандал, будто его соперник — заурядный парижский щеголь.

— Ах! Не говорите мне об этом человеке. Это просто сумасшедший, самый страшный богохульник во всем королевстве.

— Я слышала, что на последний дружеский ужин у Месье мессир де Монтеспан пришел без парика и заявил, что у него на лбу выросли такие рога, что он просто не может его надеть. Вот смешно! Ха-ха-ха!

— Зато совсем не смешно, что вчера в Сен-Жермене он посмел нанести оскорбление самому королю. Мы возвращались с прогулки по Большой террасе, когда увидели, как во двор въезжает экипаж маркиза де Монтеспана, весь задрапированный черными лентами с серебряными кисточками. И маркиз вышел весь в черном. Король очень любезно и обеспокоенно спросил, по кому он носит траур. А тот ответил замогильным голосом: «По моей жене, сир».

Мадам де Людр вновь звонко расхохоталась, и Анжелика последовала ее примеру.

— Вы напрасно смеетесь, дамы! — воскликнула возмущенная мадам де Шуази. — Такое поведение уместно на Центральном рынке, а не при дворе Его Величества. Король не станет долго терпеть выходки месье де Монтеспана, и ревнивый муж рискует угодить в Бастилию.

— Это устроит всех.

— Вы циничны, мадам.

— Но король не пойдет на столь крайнюю меру: это было бы равносильно публичному признанию.

— Что до меня, — сказала Анжелика, — то я рада, если вся эта история с мадам де Монтеспан выплывет наружу. На меня слишком давит груз сплетен, которые распускают некоторые глупцы по поводу короля и моей скромной персоны. Теперь всем станет ясно, что подобные слухи совершенно безосновательны.

— В самом деле, я тоже полагала, что именно вы смените мадемуазель де Лавальер, — нехотя заявила

мадам де Шуази. — Но вынуждена признать: ваша добродетель неуязвима.

Казалось, мадам де Шуази укоряет Анжелику в том, что она обманула ожидания.

— Но вы-то ничем не рисковали, ваш муж совсем не похож на вздорного супруга мадам де Монтеспан, — заметила мадам де Людр, чьи словесные стрелы всегда были основательно приправлены ядом. — С тех пор как вы появились при дворе, мессира дю Плесси здесь не видно...

— С тех пор как я появилась при дворе, идет война, и моего мужа постоянно вызывают на границы королевства. Сначала он был во Фландрии, теперь во Франш-Конте.

— Не обижайтесь, милочка, я пошутила! И потом, это всего лишь муж!

Беседуя таким образом, три дамы вновь вышли на Большую аллею, ведущую ко дворцу. То и дело им приходилось уступать дорогу мастерам и слугам, которые, вооружившись лестницами, развешивали на деревьях и беседках бумажные фонарики. Где-то в глубине рощи раздавались удары молотка. Шли приготовления к празднику.

— Полагаю, нам следует переодеться, — сказала мадам де Шуази. — Скорее всего, король готовит нам какой-то чудесный сюрприз. С тех пор как мы прибыли, здесь творится что-то несусветное, а Его Величество спокойно работает в своем кабинете.

— Праздник должен начаться с наступлением сумерек. Думаю, тогда наше терпение будет вознаграждено.

Король хотел отметить свой военный триумф грандиозным праздником. Блистательная победа, одержанная во Фландрии, и молниеносная зимняя кампания во Франш-Конте принесли свои плоды. Изумленная Европа обратила взгляд к государю,

которого дотоле считала молодым королем, преданным своими же подданными. Начались разговоры о блеске и величии его двора. Последовало признание, что король Франции — отважный завоеватель и искусный политик. И теперь Людовик XIV хотел устроить празднества, молва о которых разнеслась бы за границы и стала гонгом, возвещающим о его могуществе и славе.

Монарх поручил герцогу де Креки, первому палатному дворянину, маршалу де Бельфону, первому дворецкому, и Кольберу, занимавшему, помимо прочего, должность суперинтенданта королевских строений, организовать представления, пиры, иллюминации и фейерверки, а также проследить за постройкой новых павильонов. Их бессменные помощники — Мольер, Расин, Вигарани^[69], Жиссе^[70] и Лево — люди расторопные и исполнительные. Планы были составлены мгновенно и столь же молниеносно претворены в жизнь.

Когда Анжелика в бирюзовом платье, усыпанном алмазами, которые переливались всеми цветами радуги, появилась в нижней галерее, из своих апартаментов вышел король.

Людовик XIV был одет не более пышно, чем обычно, но пребывал в превосходном расположении духа. Все поняли, что пробил час развлечений.

Для простой публики открылись ворота, и народ заполнил дворы, огромные залы и партеры, глядя во все глаза и перебегая с одного места на другое, чтобы лучше разглядеть, как королевский кортеж следует по парку.

Король держал королеву за руку. Полная, но при этом по-детски непосредственная Мария-Терезия отважно несла на узких плечах роскошное платье, обильно расшитое золотом. Оно было тяжелее, чем украшенные драгоценностями одеяния меровингской

знати, но королева светилась от радости. Она обожала торжественные выходы, а сегодня король оказал ей честь и предложил руку. Сердце Марии-Терезии, израненное ревностью, получило небольшую передышку: злые придворные языки никак не могли прийти к единому мнению насчет имени новой фаворитки.

Мадемуазель де Лавальер и мадам де Монтеспан шли следом, одна — вконец подавленная, другая, как обычно, жизнерадостная. Были здесь и маркиза дю Плесси-Бельер, еще более ослепительная и необыкновенная, чем всегда, и мадам дю Людр, и мадам де Рур, но эти дамы не выделялись из толпы придворных, и ни одной из них не было оказано особенных знаков внимания.

Король и королева, за которыми на некотором расстоянии следовала многочисленная свита, спустились мимо газонов и повернули направо, к недавно построенному фонтану Дракона. Людовик хотел полюбоваться его изысканной красотой и хитроумным устройством.

В середине большого бассейна располагалась скульптура дракона, пронзенного стрелой, а из раны, как кровь из тела, хлестали струи воды. Вокруг были установлены скульптуры резвящихся дельфинов, из открытых пастей которых тоже извергались водяные потоки. Верхом на лебедях, из чьих клювов выливались тонкие прохладные струйки, сидели два амура, стремившиеся убежать от страшного монстра, а два других амура атаковали дракона сзади. Все статуи были покрыты позолотой, кроме лебедей, сиявших серебром. Окутанная водяными брызгами, эта сцена словно переносила изумленных зрителей в нереальные сверкающие глубины морей.

Когда все налюбовались удивительным зрелищем, король возобновил прогулку и медленно двинулся по

аллее, огибающей фонтан Латоны и ведущей к Большому партеру, а далее к тенистым тропам Лабиринта. Когда процессия оказалась у Лабиринта, небо уже окрасилось последними закатными лучами. Листва приобрела прохладный голубой оттенок, но было еще достаточно светло, чтобы рассмотреть разноцветные статуи, образующие затейливые скульптурные группы. В те времена весь Версальский парк радовал глаз яркими пятнами, потому что статуи, не покрытые золотом, раскрашивались в «натуральные» цвета.

У входа в Лабиринт королевскую процессию встречал фригиец Эзоп в красном колпаке и голубом плаще, укрывавшем его уродливую фигуру. В его глазах светилась ирония, рот кривился хитрой усмешкой. Рядом с баснописцем притаился Амур, и вся скульптурная композиция давала понять, что если маленький бог любви заведет вас в лабиринт неприятностей, то хитрость и здравый смысл помогут вам из него выбраться.

Король любезно объяснил аллегория королеве, которая сочла ее верной, а саму группу — весьма живописной.

В те времена Лабиринт считался неотъемлемой частью декора богатых садов, но в Версале он был особенно роскошен. Парковый элемент, имевший форму квадрата, состоял из очень густого высокого молодого кустарника, образующего бесчисленное множество запутанных пересекающихся аллей, где гуляющий мог легко заблудиться.

Каждый раз, завернув за угол, придворные восхищенно вскрикивали, обнаружив одну из тридцати девяти раскрашенных свинцовых скульптурных групп, расположенных в центре небольших водоемов, декорированных ракушками и дробленным камнем.

Каждая статуя должна была развлечь посетителей и представляла какого-то животного из басни Эзопа. Были среди них и птицы в ярком оперении, скопированные с живых образцов, проживавших в Зверинце. Тридцать семь четверостиший Бенсерада^[71], выгравированные золотом на бронзовых картушах, развлекали публику забавными историями.

Пока это была лишь прогулка, какие двор предпринимал почти каждый день, неотступно следуя за радушным хозяином и безуданно восхищаясь красотами парка и новыми постройками. Внезапно на пересечении пяти аллей все оказались в чудесном садовом кабинете, спроектированном в форме пятиугольника. Каждая сторона пятиугольника заканчивалась беседкой из листвы, увитой гирляндами, а на центральном цоколе возвышались три мраморные вазы, украшенные красными, розовыми, голубыми и белыми цветами. В самом центре кабинета высокая водная струя превращалась в пенную колонну, а вокруг фонтана стояло пять мраморных столов, служивших своеобразным продолжением пяти аллей. Друг от друга эти столы были отделены фаянсовыми вазами с апельсиновыми деревьями, на ветвях которых красовались засахаренные фрукты. На каждом столе придворных ожидал какой-то «аппетитный сюрприз». На одном возвышалась огромная гора, в пещерах которой были скрыты разнообразные холодные мясные закуски. На другом столе красовался миниатюрный дворец из марципана и печенья. На третьем к небу устремлялась пирамида из мармелада. На четвертом искрились хрустальные и серебряные чаши, заполненные ликерами. Последний стол изобиловал коричневой, кремовой или рыжеватой карамелью, благоухавшей шоколадом, медом или корицей.

На мгновение все замерли, чтобы насладиться красотами этого освежающего и живительного уголка, но вскоре жадные руки уничтожили дворец из марципана, разграбили горы карамели и расхватали чаши с ликерами.

Усевшись на газонах, благородные дамы и кавалеры приступили к веселому пикнику.

Из центра, где они находились, придворные видели все пять аллей, каждая из которых была окаймлена аркадами из кипарисов, чередующихся с плодовыми деревьями в вазонах. Их ветви прогибались под тяжестью роскошных плодов, и каждый из гостей мог сорвать по пути грушу, яблоко, персик, апельсин или вишню.

В конце одной из убегающих вдаль аллей в последних отблесках света мерцала золотом статуя бога Пана; на востоке, на фоне бледно-зеленого неба темнели силуэты двух сатиров и двух танцующих вакханок.

— Какой-то добрый гений перенес нас в страну Астреи^[72]! — воскликнула мадемуазель де Скюдери.

— А сейчас мы окажемся на берегах прелестного Линьона, увидим пастухов и их стада, украшенные лентами!

Вдруг ночь расцвела бесчисленными фонариками, вспыхнувшими вдоль аллей и беседок. Появились обещанные пастухи и пастушки. Они пели и танцевали, а за ними следом из-за большой скалы появились сорок сатиров и вакханок, потрясающих бубнами и тирсами. Все эти существа окружили галантную компанию и повлекли ее по направлению к летнему театру.

Король, королева, принцы крови заняли ожидавшие их коляску и портшезы и двинулись вдоль выстроившихся по сторонам аллеи лип.

Театр, где давали комедию, находился на возвышении среди открытого пространства на перекрестке нескольких аллей.

По недосмотру стражи здесь началось ужасное столпотворение. Простая публика, «жаждавшая зрелищ», почетные гости, придворные образовали плотную вопящую толпу, а присутствие сатиров и вакханок лишь усилило переполох, превратив его в настоящие сатурналии.

Ворота открылись, чтобы пропустить коляску Его Величества, но сразу же захлопнулись вновь. Портшез королевы не смог преодолеть нежданное препятствие. Напрасно носильщики кричали:

— Дорогу Ее Величеству королеве!

Никакого результата. Добрых полчаса у входа шла перебранка и в конце концов Мария-Терезия, вне себя от гнева, смирилась с ожиданием. Наконец, король явился за ней самолично.

Анжелика в первые же минуты покинула место «боя». Здравый смысл подсказал ей, что не стоит рисковать роскошным, но уязвимым туалетом в этом кулачном бою. Она отошла в сторону от кишящего муравейника, по дороге встретив нескольких придворных, которые тоже решили переждать. Комедия будет длиться долго. Зато ночь выдалась такой приятной, а Версальский парк с его иллюминацией и нежным журчанием фонтанов в глубине роц представлял редким зрителям не менее феерический спектакль. Анжелика наслаждалась одиночеством. Неожиданно ее внимание привлек маленький мраморный павильон, укрытый в зеленой нише, которая была усеяна бумажными фонариками, как небо звездами. Маркиза поднялась по трем ступеням и прислонилась к тонкой колонне. Ее окружали ароматы жимолости и вьющейся розы. Шум толпы отдалился.

Повернувшись, Анжелика подумала, что грезит. Белый как снег призрак склонился перед ней в поклоне у подножия ступеней. Когда он выпрямился, она узнала Филиппа.

После памятного «сражения» в сарае Анжелика еще не виделась с мужем, а близость, которую Филипп старался наполнить жестокостью, оставила в ее душе — как она ни сопротивлялась — волнующие воспоминания. Королевский двор вернулся в столицу, а маршал дю Плесси отправился на север, а затем повел армию на Франш-Конте. Анжелика знала о его местонахождении из разговоров придворных, так как, естественно, Филипп не дал себе труда написать супруге ни единого письма.

Сама Анжелика порой отправляла мужу коротенькие послания с сообщениями о Шарле-Анри и придворными новостями. Втайне она надеялась на ответ, но напрасно.

И вот, совершенно неожиданно, он оказался перед Анжеликой. Он стоял и смотрел на нее бесстрастными глазами, хотя тень улыбки смягчала его губы.

— Я приветствую баронессу Унылого Платья, — сказал маркиз.

— Филипп! — воскликнула Анжелика. Она расправила тяжелую парчовую юбку. — На этом платье одних только алмазов на десять тысяч ливров.

— Когда-то у вас было серое платье с маленькими светло-голубыми бантиками на корсаже и белым воротничком.

— Неужели вы помните?

— А почему бы мне не помнить?

Он поднялся по ступеням и встал напротив, опершись об одну из мраморных колонн.

Анжелика протянула ему руку. После некоторого колебания, он ее поцеловал.

— Я думала, вы в армии, — сказала Анжелика.

— Его Величество посланием просил меня вернуться ко двору, чтобы я смог присутствовать на грандиозном празднике, который он дает нынче. Я должен стать одним из украшений.

Последняя фраза была отнюдь не хвастовством, а простым согласием на роль, которую ему отвели и которую он играл с какой-то педантичной покорностью. Король желал видеть в своем окружении самых прекрасных дам и сеньоров. Конечно же, в столь знаменательный день он не мог обойтись без одного из самых красивых дворян своей свиты. «Без сомнения, самого красивого», — подумала Анжелика, разглядывая стройную фигуру, затянутую в белый атласный костюм, расшитый золотом. Рукоять шпаги также была золотой, а белые кожаные туфли поблескивали позолоченными каблуками.

Как же давно она его не видела!

— Это король приказал вам задержаться в армии? — неожиданно спросила она.

— Нет! Я попросил Его Величество оставить за мной пост командующего.

— Почему?

— Потому что я люблю войну, — ответил Филипп.

— Вы получали мои письма?

— Ваши письма? Хм! Да... кажется.

Анжелика резким движением закрыла веер.

— Вы их хотя бы читали? — с досадой спросила она.

— Что вы хотите, у меня в армии есть иные дела, чем изучать карту страны Нежности и тому подобный вздор.

— Вы, как всегда, исключительно любезны!

— А вы, как всегда, исключительно дерзки... Счастлив видеть, что вы не сдали своих позиций. По правде говоря, я хотел сделать вам одно признание. Все это время мне немного не хватало вашего воинственного пыла. Военная кампания была довольно

скучной: две или три осады, несколько стычек... Я не сомневаюсь, что вы могли бы оживить это однообразие.

— Когда вы снова уезжаете?

— Король сказал, что отныне желает видеть меня при дворе. Так что у нас еще будет время скрестить шпаги.

— А может, заняться чем-то другим? — Анжелика посмотрела мужу прямо в глаза.

Ночь была хороша, и они были так надежно укрыты в маленьком храме любви, что Анжелика обрела свою былую отвагу. Филипп вернулся. В праздничной суете он искал ее, не мог противиться желанию подойти к ней. И, прячась за иронию, сообщил, что ему ее не хватало. Может быть, они наконец вступили на дорогу, ведущую к чему-то чудесному?

Казалось, Филипп не понял намека, но вдруг он резким жестом взял Анжелику за руку и отодвинул браслеты, чтобы погладить ее нежную кожу. Потом, все так же небрежно, приподнял тяжелые ожерелья из драгоценных камней, которые обнимали плечи и шею молодой женщины.

— Эта крепость действительно надежно защищена, — заявил он. — Я всегда восхищался искусством, с которым иные красавицы ухитряются казаться почти обнаженными и при этом неприступными.

— Это — искусство одеваться, Филипп. Женские доспехи. Именно они придают особое очарование придворным праздникам. Вы находите меня красивой?

— Слишком красивой, — загадочно ответил Филипп. — Опасно красивой.

— Опасной для вас?

— Для меня и для других. Но какое это имеет значение, ведь вам это нравится. Вы трепещете от удовольствия при мысли, что играете с огнем. Легче сделать чистокровного скакуна из рабочей лошади, чем изменить природу потаскухи.

— Филипп! — воскликнула Анжелика. — Ах! Какая досада, вы опять все испортили! Ведь начинали говорить, как заправский щеголь.

Филипп засмеялся.

— Нинон де Ланкло всегда рекомендовала мне держать рот закрытым. «Вам лучше молчать, никогда не улыбаться, оставаться таким же красивым, появляться и исчезать, вот как должен вести себя мужчина вашей породы», — говаривала она. Я много потерял, перестав общаться с ней.

— Нинон не всегда права. Мне нравится слушать вас.

— Для женщин сойдет и попугай.

Он взял ее за руку, и они спустились по мраморным ступеням.

— Пение скрипок стало громче. Должно быть, театр открыл свои двери. Пора присоединиться к королевской свите.

Они возвращались по аллее, украшенной маленькими плодовыми деревьями в серебряных горшках. Филипп протянул руку и сорвал розовое яблоко с красным боком.

— Хотите? — спросил он свою спутницу.

Она взяла яблоко почти робко и улыбнулась, встретившись глазами с мужем.

В шумной толпе супруги потеряли друг друга. Разгоряченные зрители обсуждали достоинства пьесы и талант Мольера: он заставлял не только смеяться, но и думать.

Ночь уже вступила в свои права, черный бархатный небосвод и силуэты деревьев образовывали идеальную декорацию для освещенного изнутри строения, перед которым остановились придворные.

Очередной дворец грез, хрупкое видение, возникшее в темноте за поворотом аллеи. Зеленый шатер охраняли позолоченные фавны, играющие на

простых деревенских инструментах; из прозрачных ваз изливались небольшие прохладные водопады живительной воды. Свет фонарей окутывал парковый павильон хрустальным панцирем.

Король на мгновение остановился, чтобы все могли полюбоваться новой задумкой строителей праздника, а затем вошел в эфемерный дворец. Его потолок образовывали зеленые ветви, соединенные тонкими рейками, усыпанными золотом. По карнизу выстроились фарфоровые вазы, заполненные цветами, а светящиеся хрустальные шары отбрасывали радужные блики на стены и природный свод.

На серебряных лентах или цветочных гирляндах висели бесчисленные люстры, озарявшие этот зал Тысячи и одной ночи. Между дверями павильона были установлены по два больших факела, освещавшие струи воды, низвергающиеся по каскаду из многочисленных перламутровых раковин, который заканчивался большим бассейном.

В глубине зала, прямо напротив входа, на огромных уступах были расставлены чудесные закуски, радовавшие глаз. Золотые и серебряные миски, подносы, вазы, горшки и горшочки, кувшины с водой — все было готово для королевской трапезы.

В центре павильона гости увидели Пегаса, гордо раскинувшего крылья и выбивавшего копытом из скалы фонтан — Источник Муз^[73]. Немного выше, над скульптурой мифологической лошади, в куцах «сладкой зелени» — небольших деревьев с засахаренными фруктами, между полян пирожных и долин карамели, посреди озера из варенья держали совет Аполлон и Музы, почтившие своим присутствием королевский стол. Украшенный гирляндами цветов и серебряной посудой, этот округлой формы стол огибал скалу Пегаса.

Настал час торжественного ужина. Король занял свое место, а дамы, удостоенные чести составить ему компанию, образовали блистательное обрамление Его Величества. Туалет каждой гостьи соперничал своим великолепием с нарядом соседки.

Анжелика с облегчением, к которому примешивалась капля досады, увидела, что ее за королевский стол не пригласили. Хотя она и не рассчитывала на подобную честь. После кампании во Фландрии отношение короля к маркизе дю Плесси оставалось двойственным. С одной стороны, он не выказывал недовольства и был по-прежнему любезен с прекрасной маркизой. Но между ними выросла такая стена, что порой Анжелика удивлялась, как ее еще терпят при дворе.

Окинув насмешливым взглядом избранниц, окруживших «короля-солнце», Анжелика подумала, что, за редким исключением, вся эта ассамблея состояла из отъявленных потаскух, чье прошлое было омрачено самыми невероятными оргиями.

Ни для кого не было секретом, что мадам де Бунель-Бюльон, жена государственного секретаря, устав от любовных приключений, держала в своем доме настоящий притон и что на «Придворной карте» жилище мадам де Бриссак было отмечено как «Остров наслаждений». Супруга маршала де Лаферте и графиня Фьеск всегда состязались в кокетстве. И обе притворялись, будто бы забыли о том, что в скандальной «Любовной истории галлов» Бюсси-Рабютена обе они были выставлены не в лучшем свете. Чуть дальше демонстрировала свои драгоценности и обвислые щеки герцогиня Мекленбургская, бывшая амазонка Фронды, чьи интриги и любовные приключения наделали в свое время немало шуму.

К исключениям можно было отнести степенную мадам де Лафайет и, до некоторой степени, грустную

герцогиню де Лавальер, которая сидела в самом конце стола и меланхолично жевала угощения, предложенные ей офицерами короля. Никто не обращал внимания на бывшую фаворитку, и Людовик XIV даже не взглянул в ее сторону.

Какая женщина занимала думы короля, пока он с неизменным аппетитом поглощал обильную трапезу, состоявшую из пяти перемен по пятьдесят шесть блюд в каждой, которую по велению монсеньора герцога, главного королевского дворецкого, подавали проворные слуги?

Мадам де Монтеспан также не была приглашена к королевскому столу.

Анжелике сказали, что ей отведено место за столом мадам де Монтозье. Столы королевы и придворных дам располагались под тентами. Стол мадам де Монтозье был накрыт на сорок персон. Анжелика села между мадемуазель де Скюдери, с которой она была немного знакома, так как посещала ее салон в Маре, и какой-то дамой, на которую маркизе пришлось дважды взглянуть, прежде чем поверить в ее присутствие.

— Франсуаза! Вы здесь!

Сияющая мадам Скаррон приветствовала приятельницу.

— Да, дорогая Анжелика! Должна признать, что потрясена почти в такой же степени, как вы, и до сих пор не могу поверить в свою удачу, особенно учитывая то печальное состояние, в котором я пребывала несколько месяцев тому назад. Вы знали, что я чуть было не уехала в Португалию?

— Нет, но я слышала, что вам сделал предложение мессир де Кормей.

— Ах! Не напоминайте мне об этой истории. После того как я отклонила его предложение, я потеряла всех своих покровителей и друзей!

— Но разве мессир Кормей не богат? Он мог бы обеспечить вам достаток, и позволить передохнуть от ваших вечных неприятностей.

— Но он стар и к тому же ужасно развратен. Именно так я ответила тем, кто уговаривал меня поторопиться с замужеством. Они были удивлены и недовольны, они считали, что положение не позволяет мне привередничать и что я вела себя иначе, когда согласилась стать женой месье Скаррона. Меня порицали. Я говорила с госпожой женой маршала, привела ей самые сильные и разумные доводы, но она продолжала меня осуждать, утверждая, что я сама виновата в собственных несчастьях. Одна лишь Нинон не оставила меня. Ее поддержка помогла мне смириться с жестокостью моих друзей... О чем они только думали, когда осмелились сравнивать этого человека с месье Скарроном? Ах! Бог мой, между ними такие отличия! У Скаррона не было крупного состояния, и он не мог предоставить гостям изысканных развлечений, но он умудрялся собирать в нашем доме самое рафинированное общество. Да месье де Кормей возненавидел бы этих людей и не пустил бы к себе на порог. Все знали, какой жизнерадостный человек месье Скаррон, но никто не знал, какой он добрый. А жених — в нем нет ни блеска, ни ума, ни чувства юмора, а когда он открывает рот, он просто смешон. Мой покойный супруг был удивительным человеком. На самом деле он не был сумасшедшим или порочным. Все признавали его порядочность, ни с чем не сравнимое бескорыстие...

Франсуаза говорила очень убежденно, с той страстью, которую она порой себе позволяла, беседуя с людьми, достойными доверия. Очарованная ее искренностью и обаянием, Анжелика в очередной раз поймала себя на мысли, что эта женщина действительно привлекательна и даже красива.

Конечно, мадам Скаррон немного выделялась скромностью своего наряда, но платье из коричневого бархата с теплым красным отливом было подобрано с большим вкусом, а двойное ожерелье из гагата и маленьких рубинов необыкновенно шло к ее нежной коже и темным волосам.

Франсуаза рассказала, что в конце концов, доведенная до отчаяния, она согласилась в качестве третьей придворной дамы, едва ли не на положении горничной, сопровождать принцессу Немурскую, намеревавшуюся сочетаться браком с королем Португалии. Отдавая прощальные визиты, она встретила мадам де Монтеспан. Та удивилась. Мадам Скаррон описала приятельнице свое бедственное положение.

— И поверьте, я нисколько не пожалела о своих словах. Атенаис выслушала меня очень внимательно, хотя и была занята своим туалетом. Вы ведь знаете, что мы — подруги по пансиону, родились в одной провинции, как и вы, Анжелика. С тех пор как Атенаис появилась в Париже, я не раз имела возможность оказывать ей мелкие услуги. В конце концов, она заверила меня, что поговорит с королем о моей упраздненной пенсии и безответных прошениях. Под ее диктовку я написала новую бумагу, которая заканчивалась словами: «Две тысячи ливров — это все, что необходимо одинокой женщине для спасения». Король принял это прошение с необычайной добротой, и — о чудо! — пенсия была восстановлена! В Сен-Жермене, куда я отправилась поблагодарить Атенаис, мне посчастливилось встретить Его Величество, и он сказал мне: «Мадам, я заставил вас ждать слишком долго; но я завидовал вашим друзьям и хотел оказать вам эту услугу лично». Разве столь любезная речь не перечеркивает долгие годы томительного ожидания? С тех пор я дышу, я живу, мелочные заботы больше не

снимают меня. Я вернулась в то общество, которое встречало меня с кислой миной, вновь обрела светские привычки, и... вот я в Версале!

Анжелика с жаром заверила приятельницу, что искренне рада этой перемене.

Проходившая мимо мадам де Монтеспан положила тонкую руку на белое плечо своей протее.

— Ну что... ты довольна?

— Ах! Дорогая Атенаис, вся моя жизнь станет доказательством признательности, которую я к вам испытываю!

Мадам де Монтеспан, в голубом, под цвет глаз, платье, казалась необыкновенно веселой и постоянно смеялась безо всякого повода. Внимательный взгляд распознал бы за этой жизнерадостностью некоторую нервозность. Быть может, она нервничала из-за того, что ее не пригласили за королевский стол? Или ревновала любовника к бедняжке Лавальер?

Мадемуазель де Скюдери погрозила ей пальцем:

— Ходят слухи, что именно вы — та очаровательная муза, которая внушила Его Величеству идею порадовать нас всем этим великолепием. Праздник дан в вашу честь. Никто в этом не сомневается.

— Глупости! — воскликнула Атенаис, взрываясь беззаботным смехом. — Не стоит искать так далеко. Оглянитесь по сторонам. Мадам дю Плесси-Бельер куда больше подходит на роль музы.

— В самом деле?

— Как вы позволили сбить себя с пути истинного? Ах! Королевский двор не слишком силен в отгадывании галантных загадок!

И она удалилась, по-прежнему смеясь.

Столбы постепенно пустели. Король, а за ним и свита, поднялись и направились к длинной аллее, а к остаткам пиршества со всех сторон устремилась толпа,

чтобы растащить оставленные на столах вазы с фруктами и корзины с пирожными.

Издаലെка казалось, что аллея перегорожена светящейся изгородью, но при приближении кортежа в ней открылся проход. Впереди снова слышалась нежная музыка каскадов и фонтанов, и снова одни причудливые украшения сменяли друг друга: фонари, серебряные тритоны, гроты из ракушечника манили в волшебный Лабиринт.

Следуя зеленым коридором, увитым цветами, гости шествовали то между рядами смеющихся сатиров, то огибали бассейны, в которых резвились золотые дельфины, то внезапно застывали перед сияющей радугой, созданной с помощью хитроумной системы освещения.

Феерическая прогулка закончилась в зале, украшенном порфиром и мрамором и возведенном специально для бала. С лазурного потолка, декорированного золотыми солнцами, свисали серебряные люстры. С карнизов, покачиваясь, ниспадали цветочные гирлянды, а между пилястрами, поддерживавшими свод, были подготовлены помосты и два грота для музыкантов. В них можно было заметить Орфея и Ариона, сжимавшего лиру.

Король открыл бал с Мадам и принцессами. За ними к центру зала выдвинулись дамы и сеньоры, поражая роскошью туалетов, расшитых сложнейшими узорами. Старинные танцы задавали быстрый и легкомысленный ритм фарандол, а новые удивляли торжественной медлительностью. Они оказались гораздо сложнее: четкая постановка ног, заученные жесты. Движения величественные, точные, тщательно выверенные, почти неживые, как у часового механизма, — танец, похожий на движение живых автоматов в каком-то механическом хороводе. Однако, на первый взгляд спокойная, хореография постепенно, следуя музыке,

наполнялась скрытым напряжением. В неспешных фигурах танца крылось затаенное желание, мимолетное прикосновение рук возбуждало, жгучие взгляды, которыми обменивались танцующие во время плавных поворотов, будоражили воображение, а затем вновь следовали расслабленные жесты, отдаление, таящее в себе согласие или отказ.

Разгоряченный королевский двор подчинился этим, на поверхностный взгляд, целомудренным ритмам. Под ложной маской приличия все чувствовали близость Амура, который был не только порождением огня, но и сыном ночи и тишины.

Анжелика танцевала очень хорошо. Она получала огромное удовольствие, вливаясь в сложный рисунок балета. Порой чья-то рука со значением удерживала ее пальцы, но она была рассеянна и не обращала на это внимания. Но внезапно Анжелика узнала царственные руки, которые во время рондо легли на ее ладони. Долю секунды маркиза смотрела королю в глаза, а затем поспешно опустила взгляд.

— Все еще сердитесь? — негромко произнес монарх.

Анжелика изобразила удивление.

— Сержусь? Во время столь необыкновенного праздника! Что имеет в виду Его Величество?

— Надеюсь, такой необыкновенный праздник смягчит обиду, которую вы таите в своем сердце уже многие месяцы?

— Сир, вы меня поражаете. Если Ваше Величество полагает, что я обижаюсь уже долгие месяцы, почему вы ни разу не поговорили со мной?

— Я опасался, что вы бросите мне в лицо зеленый горошек.

Танец разделил их. От признания короля сердце Анжелики забилось, как сумасшедшее. Когда Людовик вновь оказался перед нею, молодая женщина увидела его действительно вопрошающие карие глаза.

— Слово «опасаться» недостойно уст Вашего Величества!

— Ни одна опасность не кажется мне настолько грозной, как суровость ваших прекрасных уст.

При первой же возможности Анжелика вышла из танца и скрылась в последнем ряду скамей среди пожилых великосветских дам, которые следили за танцами, поигрывая веерами. Именно здесь ее разыскал юный паж и попросил следовать за ним. Она даже не осмелилась спросить, от чьего имени исходит приглашение.

Король ждал ее не в бальном зале, а в тени аллеи, куда почти не доходил свет праздничных огней.

— Вы правы, — начал он шутливо, — в этот вечер ваша красота заставила меня забыть об опасности. Пришло время помириться.

— А удачно ли выбрано время, сир? Сегодня вечером все жаждут общества Вашего Величества и сейчас, наверное, уже ищут вас и удивляются вашему отсутствию.

— Нет. Все танцуют. И думают, что я нахожусь в другой части зала. Сейчас самый подходящий момент, чтобы переговорить, не привлекая лишнего внимания.

Анжелика почувствовала, что все внутри нее оборвалось. Маневр был ясен, как день. Мадам де Монтеспан и король снова договорились втянуть ее в игру, от которой она и так достаточно пострадала.

— Как вы строптивы! — Людовик нежно взял маркизу за руку. — Неужели мне даже не позволено выразить вам свою признательность?

— Признательность? За что?

— Месье Кольбер неоднократно сообщал мне, что вы отлично справляетесь с той миссией, которую он вам доверил. Вы смогли создать особую атмосферу при дворе, сумели внушить многим особам доверие к недостаточно популярным проектам, сумели объяснить,

просветить умы, действуя с безупречным тактом и не вызывая подозрений. Мы не сомневаемся, что именно вам обязаны некоторым финансовым успехам королевства.

— А! Так речь только об этом? — спросила Анжелика, освобождая свою руку. — Вашему Величеству нет нужды высказывать свою признательность. У меня свои интересы в этом деле... и этого мне достаточно.

Король вздрогнул. Тень, куда он завел Анжелику, была настолько глубокой, что она не могла различить черты лица своего собеседника. Между ними повисло тяжелое, долгое молчание.

— Решительно, вы на меня сердитесь! Прошу, я должен знать причину.

— Ваше Величество не догадывается? Удивительно, при вашей-то проницательности!

— Моя проницательность часто пасует перед изменчивым настроением дам. Я ни в чем не уверен. Да и кто из мужчин, — продолжил король, — может похвастаться тем, что досконально изучил женщин?

Галантный тон Людовика скрывал растерянность. Его раздражение усиливалось.

— Давайте вернемся к вашим гостям, сир, прошу вас...

— Мы никуда не торопимся. Я решил добиться ясности.

— А я решила, что больше не буду служить ширмой для вас и для мадам де Монтеспан, — взорвалась Анжелика. — За это месье Кольбер мне не платит. Моя репутация мне не безразлична, и я не позволю никому ее порочить, даже королю. Мадам де Монтеспан хотела использовать меня, как марионетку, чтобы развеять подозрения своего несносного мужа. Действительно, умный план.

— Ах!.. Так вот в чем дело!

— Неужели Ваше Величество не знали этого?

— Вы считаете меня обманщиком или лицемером?

— Что лучше — солгать королю или вызвать его немилость?

— Так вот, стало быть, какого вы мнения о своем короле?

— Мой король не должен был вести себя подобным образом по отношению к своей подданной. За кого вы меня принимаете? Разве я ваша игрушка? Я вам не принадлежу.

Он резко сжал руки Анжелики в своих руках.

— Вы ошибаетесь. Все дамы принадлежат мне по праву сюзерена.

Дрожа от ярости, они простояли несколько секунд, заносчиво глядя друг на друга сверкающими глазами.

Король первым взял себя в руки.

— Давайте не будем объявлять войну из-за такой чепухи. Вы мне поверите, если я скажу, что пытался убедить мадам де Монтеспан не выбирать своей жертвой вас? «Почему именно она?» — спросил я. «Потому что, — ответила Атенаис, — только мадам дю Плесси-Бельер достойна соперничать со мной. Я не допущу, чтобы все говорили, будто Ваше Величество пренебрег мной ради какой-то никчемной простушки». Вот видите! Это до некоторой степени подтверждает, что она о вас высокого мнения... К тому же мадам де Монтеспан считала вас довольно наивной и полагала, что вы не заметите роли, которая отведена вам в этой сложной игре. А если и заметите, то она решила, что у вас хватит тщеславия, чтобы согласиться. И в обоих случаях она ошиблась. Но несправедливо злиться за всю эту историю на меня. Почему наш маленький заговор до такой степени вас ранил, Безделица? Разве позорно прослыть любовницей короля? Разве вы не обрели бы определенный статус? Разные преимущества?.. Всеобщее поклонение?

Людовик ласково привлек к себе молодую женщину. Он понизил голос почти до шепота, склоняясь к ней и пытаясь рассмотреть лицо, скрытое ночной тенью.

— Мадам, вы опасаетесь, что ваша репутация испорчена? никоим образом, поверьте. При дворе она лишь засияла бы новыми красками, которые добавили ей блеска... Тогда в чем дело? Возможно, я должен думать, что вы попались в ловушку и поверили в эту комедию — в реальность моих чувств? А теперь разочарованы?

Анжелика не отвечала, прижимаясь лбом к бархатному жюстокору, пахнувшему ирисами; она таяла в объятиях этих нежных рук, удерживающих ее. Как давно ее никто не обнимал с такой осторожной нежностью! Как приятно почувствовать себя слабой, маленькой девочкой, которую даже слегка пожурили.

— Неужели вы настолько наивны, что позволили ввести себя в заблуждение?

Анжелика не ответила, но решительно покачала головой.

— Нет? А я было подумал... — сказал король, смеясь.
— Но если серьезно, разве это только комедия? Допустим, я признаюсь, что не раз смотрел на вас с затаенным желанием, что меня часто посещала мысль...

Анжелика резко отстранилась.

— Я не поверю вам, сир. Я знаю, что Ваше Величество уже любит. Ваш выбор безупречен и сулит лишь радости... ну, за исключением маленькой досадной помехи: ревнивого мужа.

— Эта досадная помеха не так уж мала, — на лице Людовика появилось недовольное выражение.

Он взял Анжелику за руку и повел ее вдоль аллеи подрезанных тисов.

— Вы даже не представляете, что может изобрести Монтеспан, чтобы досадить мне. С него станется притянуть меня к ответу перед моим же Парламентом.

Разумеется, Филипп дю Плесси был бы более сговорчивым, чем этот дурак Пардаян. Но, увы, все обстоит иначе, — заключил Людовик со вздохом.

Он остановился и вновь приобнял Анжелику, заглядывая ей в глаза.

— Давайте заключим мир, маленькая маркиза. Ваш король смиренно просит у вас прощения. Неужели лед в вашем сердце не растает?

Обаяние его улыбки очаровывало, как и сияние глаз.

Анжелика вздрогнула. Это склоненное лицо с мягкими улыбающимися губами, с нежным взглядом непреодолимо влекло ее.

Неожиданно она подхватила тяжелую шуршащую юбку и кинулась бежать, но вскоре наткнулась на стену живой изгороди.

Запыхавшаяся Анжелика прислонилась к цоколю статуи и осмотрелась вокруг. Она была в маленькой роще Жирандоль, которая темным бархатным кольцом обрамляла круглый фонтан с высокой пенной центральной струей и десятью мелкими струйками, бьющими по краям водоема.

Наверху, на темно-синем небе, чуждая человеческим феериям луна мирно проливала на землю свой призрачный свет. О празднике напоминала лишь далекая музыка. Здесь же царила тишина, которую нарушали только шепот воды да шаги приближавшегося короля. Высокие каблуки с силой впечатывались во влажный песок аллеи.

— Девочка моя, — прошептал он, — почему вы убежали?

И снова обнял Анжелику, притянув ее к своему теплему плечу, а сам прижался щекой к ее волосам.

— Вам пытались причинить боль, но вы ее не заслужили. А ведь я знал, на какую жестокость способны женщины, и мой долг повелителя был защищать вас. Простите меня, моя девочка.

Анжелика почувствовала, что слабеет; голова ее кружилась, мысли путались. Лица короля было совсем не видно в тени полей его большой придворной шляпы. Эта глубокая тень окутывала их обоих, и Анжелика вслушивалась в низкий, волнующий голос Людовика.

— Существа, живущие при дворе, ужасны. Знайте это, малышка. Я держу их в узде, потому что прекрасно знаю, на какие бесчинства, на какое кровожадное безумие они способны, если дать им свободу. У каждого из них есть свой город или своя провинция, и они готовы в любую секунду поднять их против меня и обречь на бедствия мой народ. Поэтому я предпочитаю держать их под моим неусыпным присмотром. При дворе, в Версале, они безобидны, никто из них от меня не ускользнет. И все равно они остаются хищниками. Здесь, чтобы выжить, нужны клюв, когти или клыки. Вы же совсем другой породы, моя прекрасная Безделица.

Анжелика спросила так тихо, что король склонился еще ниже, чтобы расслышать ее:

— Ваше Величество намекает, что мне нет места при дворе?

— Все нет. Я хочу, чтобы вы оставались здесь. Вы — одна из самых главных драгоценностей моего двора. Ваш вкус, ваша приветливость, ваше изящество восхищают меня. Я уже сказал, что доволен вашей придворной деятельностью. Однако мне бы хотелось, чтоб вы научились ускользать от хищников.

— Я ускользала и от худшего, — сказала Анжелика.

Король совсем мягко надавил ладонью на лоб молодой женщины, чтобы та откинула голову назад и он смог увидеть в свете луны ее нежное лицо. В темном обрамлении ресниц зеленые глаза Анжелики переливались, как родник, ревниво хранящий свою тайну в чаще леса. Король наклонился и почти со страхом коснулся губами этих свежих губ, в уголках которых внезапно залегли горькие складки. Он не хотел

напугать ее, но он был всего лишь мужчиной, жаждущим мужчиной, опьяненным желанием. И прикосновение этого атласного рта, сначала сомкнутого и непокорного, затем умело приоткрытого, манящего, заставило его вздрогнуть.

«А она опытная женщина», — изумленно подумал Людовик.

Удивленный сделанным открытием, он взглянул на свою спутницу совсем иными глазами.

— Мне нравятся ваши губы, — сказал он, — они не похожи на губы других дам. Это губы женщины и в то же время юной девушки, обжигающие и свежие.

Он больше не делал попытки поцеловать Анжелику. И когда она медленно высвободилась из его объятий, не стал удерживать. Они застыли в нерешительности на некотором отдалении друг от друга. Вдруг от нескольких глухих взрывов задрожала листва.

— Господа пиротехники начали запускать ракеты. Мы не можем пропустить этот удивительный спектакль. Давайте вернемся, — нехотя предложил король.

Почти до самого бального зала они шли молча. Гул толпы, усиленный глухими взрывами фейерверков, накрыл короля и его спутницу, как шум моря. За поворотом, сразу за кустами жасмина их встретил яркий свет.

Король взял Анжелику за руку, чтобы чуть отодвинуть молодую женщину в сторону и полюбоваться ею.

— Я еще не поздравил вас с удачно подобранным туалетом. Это чудо может сравниться только с вашей красотой.

— Благодарю, Ваше Величество.

Анжелика присела в придворном реверансе. Король поклонился и поцеловал своей спутнице руку.

— Ну что?.. Мы снова друзья?

— Возможно.

— Смею надеяться...

Они разошлись в стороны. Анжелика, немного растерянная, ослепленная странным светом, взволнованно смотрела на видневшийся вдали дворец, который, казалось, нарядился в огненный убор.

Анжелика тотчас отправилась на поиски Атенаис, обнаружив ее в обществе принцессы д'Аркур. Маркиза дю Плесси прошептала на ухо принцессе, что мадемуазель де Скюдери хотела бы сказать ей пару слов.

— Я вас оставляю, — сказала мадам д'Аркур, поняв с полуслова, чего от нее ждут.

— Атенаис, — заявила Анжелика, — я дорожу нашей дружбой, и хотела бы, чтобы мы остались подругами. Но знайте, я сказала самому королю, что не желаю участвовать в мелочных придворных интригах, чтобы сохранить тайну ваших любовных отношений. И король заверил меня, что примет мое желание к сведению, а также извинился за то, что согласился с вашим планом, который мог нанести вред моей репутации.

— Хорошо, — сказала Атенаис смеясь, — я приму к сведению, что вы больше не нуждаетесь в моей помощи, чтобы разбираться в хитросплетениях мелочных придворных игр!

Слышались восторженные, хотя и несколько испуганные крики зрителей. В одном из дверных проемов сияло лицо Двуликого Януса. В окнах первого этажа были разложены освещенные военные трофеи, а в окнах второго этажа полыхали изображения, олицетворявшие Доблесть. У конька кровли огромное солнце переливалось длинными лучами. А снизу, у самой земли, здание было окружено пламенеющей балюстрадой.

Озаренная факелами, проехала коляска короля, запряженная шестеркой резвых лошадей. Королева,

Мадам, Месье, мадемуазель де Монпансье и принц Конде сидели в экипаже государя.

Кареты остановились перед фонтаном Латоны, казавшимся продолжением дворца. Он превратился в озеро огня, в котором под сводом пересекавшихся струй мерцали сверхъестественные существа. Бесчисленные фосфоресцирующие вазы сменялись античными канделябрами, подчеркивая изысканные изгибы Подковы.

Король, приказавший остановить коляску, несколько мгновений молча созерцал гармонию света и тьмы. За каретами потянулась толпа, и ночь наполнилась радостными криками.

Экипажи вновь тронулись с места и двинулись по широкой аллее, окаймленной двумя рядами скульптурных композиций, которые благодаря непонятной хитрости казались полупрозрачными. Вдруг между этими статуями брызнули снопы света. В недрах огромного парка с громовым шумом взорвались мириады ракет. Бассейны воспламенились, подобные вулканам.

Грохот усиливался, а вместе с ним стала расти и нежданная паника. Напуганные дамы укрылись под деревьями и в гротах. Казалось, весь версальский парк пылает. Каналы и пруды в заревах огня окрасились пурпуром.

Огромные ракеты копьями пронзали черное небо; другие чертили на нем замысловатые зигзаги. Были здесь и кометы, и пестрые змейки.

Наконец, к горизонту устремился целый сонм ракет, образуя свод огня, и все увидели, как в темном воздухе, словно гигантские ослепительные бабочки, затрепетали буквы «L» и «M» — начальные буквы имен короля и королевы.

Ночной ветерок медленно унес их вдаль вместе с рыжим дымом, оставшимся после закончившейся

огненной феерии.

Последние розовые отблески праздника смешались с розоватыми облачками, окрасившими восток. Зарождалась новая заря.

Людовик XIV приказал возвращаться в Сен-Жермен. Изнуренные придворные последовали за сюзереном, кто в каретах, кто верхом.

Все повторяли, что никогда еще не были свидетелями такого грандиозного празднества.

Глава 24

Незабываемый праздник, две романтические прогулки в тени аллей, восторг, переполняющий душу и уносящий в неведомую даль на золотых волнах... Как ни странно, эти приятные воспоминания разрушал какой-то непонятный привкус беспокойства, наполнявший рот горечью.

В таком состоянии проснулась Анжелика на следующий день после ночи, проведенной в Версале.

Одна и та же мысль навязчиво крутилась в ее голове: круглое личико малыша Кантора, которого герцог де Вивонн хотел сделать своим пажом.

«Для начала нужно разобраться с этим делом», — решила Анжелика, вырываясь из объятий лени и грез.

Она встала с тахты, на которой отдыхала после праздничной ночи. Пересекая небольшую галерею отеля Плесси, Анжелика услышала, как наверху поет Кантор:

*Маркиз, ты счастливей, чем я, король,
Я тоже хотел бы счастья...*

Остановившись перед черной дубовой дверью, она некоторое время не решалась переступить порог, за которым располагались апартаменты Филиппа. Анжелика еще никогда не бывала в этой части дома и уже хотела уйти, подумав, что ее порыв ни к чему не приведет.

Но голос восьмилетнего ребенка, распевавшего песенку о любовных похождениях короля Генриха, заставил улыбнуться, и она передумала.

Анжелика постучала, и ей открыл Ла Виолетт.

Филипп, стоя перед зеркалом, только что закончил застегивать голубой жюстокор. Он собирался в Сен-Жермен. Анжелика вскоре должна была последовать за супругом: ее пригласили на увеселительную прогулку королевы и на скромный ужин. Придворным почти не оставалось времени на семейную жизнь.

Маркиз повел себя вполне галантно и не выказал удивления, увидев жену в своей комнате. Он попросил ее присесть, а сам продолжил туалет, терпеливо дожидаясь, когда она сообщит о цели своего визита.

Анжелика смотрела, как Филипп примеряет кольца. Он долго выбирал каждое из них, придирчиво разглядывая вытянутую вперед руку. Не всякая женщина уделяла столько внимания своим драгоценностям.

На лице маркиза, сосредоточившегося на своей, по сути дела, незначительной задаче, застыла маска отрешенной холодности.

Зачем она пришла к нему? За советом? Разве это не смешно? Наконец, чтобы нарушить молчание, становившееся все более тягостным, Анжелика заставила себя начать разговор:

— Мессир де Вивонн попросил меня отдать к нему на службу моего сына Кантора.

Филипп никак не отреагировал на эти слова. Вздохнув, он снял все кольца с правой руки — сочетание украшений его не устроило, и в задумчивости замер перед раскрытым ларцом. Затем как будто вспомнил об Анжелике и со скукой в голосе произнес:

— А! Да? Так что же, примите мои поздравления, это великолепная новость. Мессир де Вивонн осыпан милостями короля, и благодаря своей сестре, мадам де Монтеспан, он еще долго будет пребывать в фаворе.

— Но мессир де Вивонн отправляется в поход в Средиземное море.

— Еще одно доказательство благосклонности и доверия короля.

— Мой сын еще слишком маленький!

— А что он сам думает о такой службе?

— Кто? Кантор? Ну... Мне показалось, что он очень доволен и даже рвется сопровождать этого дворянина. В этом нет ничего удивительного: мессир де Вивонн его всячески балует и по любому случаю одаривает сладостями. Но восьмилетний ребенок не в состоянии выбирать собственную судьбу. А я не знаю, как поступить...

Филипп изумленно приподнял бровь.

— Но вы же хотите, чтобы он сделал карьеру?

— Да, но...

— В таком случае — никаких «но»! — с усмешкой прервал он.

Анжелика заговорила очень быстро, ее щеки вспыхнули от волнения.

— У герцога де Вивонна репутация развратного человека. Он из свиты Месье — а всем известно, что это значит. Я опасаясь доверить своего сына человеку, который может его испортить.

Маркиз дю Плесси надел на палец перстень с огромным бриллиантом, два других кольца и подошел к окну, чтобы посмотреть, как переливаются грани камней в лучах солнца.

— А кому бы вы хотели его доверить? — очень медленно произнес он. — Высоконравственному человеку? Не ханже, не доносчику, не влиятельному интригану, осыпанному почестями... Но в окружении короля таких людей нет! Наука жизни не так-то проста. Нравиться сильным мира сего — задача не из легких.

— Но он такой маленький, — повторила Анжелика. — Я боюсь, как бы он не стал свидетелем сцен, которые оскорбят его невинность.

У Филиппа вырвался сдержанный смешок.

— Какая щепетильность со стороны честолюбивой матери! Скажем, мне едва исполнилось десять лет, когда мессир де Кульмер уложил меня в свою постель. А через четыре года, когда мой голос окреп, показывая, что я становлюсь мужчиной, мадам дю Креси тут же возжелала отведать «весенний плод» и предложила — или скорее, навязала — мне уют своего алькова. А ведь ей было уже за сорок... Что вы скажете о таком сочетании изумруда и бирюзы?

Анжелика лишилась дара речи. Она была шокирована.

— Филипп! О Господи! Филипп...

— Да, наверное, они действительно не подходят друг к другу. Вы правы. Сияние и яркая зелень изумруда затмевают голубизну бирюзы. Лучше я дополню изумруд еще одним бриллиантом.

Маркиз бросил быстрый взгляд на жену и усмехнулся.

— Перестаньте делать такое несчастное лицо. Если мои рассуждения вас смущают, зачем вы пришли просить совета? Может быть, вы не знаете, в чем заключается полноценное воспитание молодого дворянина? Или просто притворяетесь, что не знаете? Предоставьте своим детям возможность расти в окружении почестей.

— Я их мать, и сейчас не могу думать только о почестях. Я не вправе оставлять их без духовной поддержки. Неужели ваша мать никогда не заботилась о вас?

На лице Филиппа появилось презрительное выражение.

— Ах, правда, я и забыл... Мы с вами получили разное воспитание. Если меня не подводит память, вы в детстве бегали босиком, ели суп из капусты и слушали сказки о привидениях. В таких условиях несложно расти

под материнским присмотром. В Париже, при дворе, у матери нет времени даже для собственного ребенка.

Вернувшись к туалетному столику, маркиз открыл новую шкатулку. Анжелика не видела его лица, а лишь светловолосую голову, которая, казалось, склонялась все ниже под гнетом воспоминаний.

— Почти голый и продрогший, — прошептал Филипп, — иногда голодный... брошенный на попечение лакеев или служанок, которые меня развращали. Вот какой была моя жизнь здесь, в этом особняке, который в один прекрасный день я должен был унаследовать. Но когда речь заходила о том, чтобы вывести меня в свет, не существовало никаких ограничений. Самые роскошные костюмы, самый мягкий бархат, тончайшие воротники. Долгие часы цирюльник возился с моей шевелюрой. А когда показной спектакль заканчивался, я снова оказывался в своей темной комнате, затерянной в лабиринте коридоров. Я скучал. Никто не позаботился о том, чтобы научить меня читать или писать. Я был счастлив, когда мессир де Кульмер, соблазненный моей красивой мордашкой, взял меня на службу.

— Иногда вы приезжали в Плесси...

— Эти поездки были слишком короткими. Мне надлежало появляться при дворе, ведь продвинуться можно, только всегда оставаясь на виду. Отец, а я был его единственным сыном, и мысли не допускал о том, чтобы оставить меня в глуши, в провинции. Он радовался скорости, с которой я поднимался по придворной лестнице... Я был совершенно невежественен и глуп, зато красив.

— Вот почему вы так и не poznали любви, — тихо сказала Анжелика, обращаясь скорее к самой себе.

— Ошибаетесь! Мне кажется, что в этой области мой опыт весьма богат и разнообразен.

— Это нельзя назвать любовью, Филипп.

Анжелика почувствовала, что похолодела от грусти и жалости к этому несчастному человеку, лишенному самого главного в жизни. «Нет ничего страшнее, чем когда умирает сердце!» Кто бросил эту фразу с пренебрежительной печалью избранных? Принц Конде, один из самых знатных вельмож королевства, богатый и осененный славой.

— Неужели вы никогда не любили женщину... Неужели ни разу не испытали этого удивительного чувства?

— Любил... Конечно, я любил свою кормилицу. Но это было давно.

Анжелика не улыбнулась. Она серьезно смотрела на мужа, сложив руки на коленях.

— Это чувство, — прошептала она, — приобщает простого смертного к величию вселенной, дарит ему радости затаенных грез, наполняет жизненной силой, делает вас поистине всемогущим...

— Вы чудесно рассказываете об этом. Нет, клянусь, я никогда не испытывал подобной восторженности... Впрочем, кажется, я понимаю, что вы хотите сказать. Однажды я протянул руку, но мираж рассеялся...

Филипп прикрыл веки, и неожиданно его гладкое лицо с легкой улыбкой на устах приобрело загадочное выражение, какое бывает у каменных надгробных изваяний на саркофагах королей прошлого. Никогда еще муж не казался Анжелике таким далеким, хотя, возможно, именно в ту самую секунду он сделал первый шаг к ней навстречу.

— Это было в Плесси... Мне только что исполнилось шестнадцать, и отец купил мне полк. Мы отправились в провинцию, чтобы набрать людей. И вот на празднике мне представили одну девушку — мою ровесницу, хотя мне, искушенному опытом, она показалась ребенком. Она носила скромное серое платье с голубыми бантиками на корсаже. Я пережил жгучий стыд, когда

мне сказали, что это моя кузина. Но когда я взял ее за руку, чтобы повести танцевать, то вдруг почувствовал, что ее ладонь дрожит в моей. И тогда я испытал совершенно новое, чудесное чувство. Прежде дрожал только я, не зная, как противостоять навязчивому желанию перезрелых дам, или слушая колкости молодых придворных кокеток. А тут маленькая девочка наделила меня властью, которой я всегда был лишен. Ее восхищенные взгляды подействовали на меня, как целительный бальзам, как пьянящий ликер, и я чувствовал, что становлюсь мужчиной, что отныне я — не игрушка и не слуга... Но, представляя ее своим товарищам, я, сам не знаю почему, жестоко посмеялся над ней: «Вот, — сказал я, — баронесса Унылого Платья». И она убежала! Я посмотрел на свою пустую ладонь и неожиданно почувствовал страшное разочарование. То же ощущение у меня было, когда пойманная птица, ставшая мне другом, вдруг упорхнула из моих рук. Мне показалось, что все вокруг стало серым. Я хотел разыскать ее, чтобы она перестала сердиться, и вновь увидеть ее изменившийся взгляд. Но я не знал, как взяться за дело, потому что мои искушенные наставницы никогда не объясняли мне, как очаровать юную недоверчивую особу... Я схватил из вазы какой-то фрукт, чтобы угостить кузину, — подумал, это будет хороший предлог... По-моему, яблоко, золотистое с розовым, как и ее личико. Я искал ее в саду весь вечер, но так и не нашел...

«Что случилось бы, если бы мы встретились тогда? — подумала Анжелика. — Мы робко посмотрели бы друг на друга... Он предложил бы мне яблоко. И мы пошли бы в свете луны, держась за руки...»

Двое светловолосых подростков на шелестящих листвой аллеях старого парка, куда порой забредают лани из Ньельского леса... Двое подростков, охваченные несказанным счастьем, тем счастьем, которое можно

испытать только в шестнадцать лет, когда хочется умереть на перине из мха, целуясь в тени деревьев... Анжелика никогда бы не узнала о тайне ларца с ядом... Может быть, вся ее жизнь сложилась бы по-другому...

— Вы больше никогда не встречали ту девушку? — со вздохом спросила маркиза.

— Встретил. Через много лет. И понял, что юность дарит нам странные несбыточные иллюзии, особенно когда речь идет о первой любви. Та девушка стала злой, решительной и, в итоге, опаснее всех женщин, вместе взятых.

Филипп вытянул перед собой обе руки, задумчиво разглядывая пальцы.

— Как вы находите кольца? Согласитесь, теперь сочетание кажется мне безупречным.

— Безусловно... Только на мизинце лучше оставить одно кольцо, Филипп, так будет скромнее.

— Вы правы.

Он снял лишние кольца, сложил их в шкатулку и дернул шнурок звонка. Появившемуся слуге маркиз приказал привести юного Кантора.

Когда Кантор вошел в комнату, Анжелика и Филипп молча сидели друг напротив друга. Мальчик шел решительной походкой, нарочито громко позвякивая шпорами на сапогах. Но и сейчас, возвращаясь из манежа, он не расстался со своей неразлучной гитарой.

— Что же, месье, — бодрым голосом обратился к нему Филипп, — вы как будто собрались на войну?

Лицо мальчика, обычно чуть мрачноватое, при этих словах засияло.

— Мессир де Вивонн рассказал вам о наших планах?

— Насколько я вижу, вы с ними согласны.

— О! Месье, сражаться против турок — это замечательно!

— Будьте осторожны. Турки — не ягнята. Вы не сможете очаровать их своими песнями.

— Но я хочу последовать за мессиром де Вивонном не для того, чтобы петь. Я хочу плавать на корабле. Я давно мечтаю об этом. Я хочу уйти в море!

Анжелика вздрогнула и сжала руки. Она вспомнила своего брата Жослена, огонь в его взгляде и снова услышала его страстный шепот: «А я, я ухожу в море».

Значит, пришло время расставаний... Мы сражаемся за своих детей, стараемся укрыть их от невзгод, работаем не покладая рук и все время повторяем себе, что однажды наступит пора, когда мы будем жить вместе с ними, радуясь их присутствию, и что у нас появится наконец время узнать их.

Но когда этот день наступает... дети уже выросли!

И собираются нас покинуть.

Глаза маленького Кантора лучились уверенностью и безмятежностью. Он знал, чего хочет.

«Кантору я больше не нужна, — сказала себе Анжелика. — Я это знаю. Он так похож на меня. А я сама, разве я когда-то нуждалась в матери? Бегала по лугам, черпая жизнь полными пригоршнями. В двенадцать лет я собралась сбежать в Америку, даже не думая о том, чтобы оглянуться назад...»

Филипп положил руку на голову Кантора.

— Мы с вашей матерью подумаем и решим, допустить ли вас до крещения огнем. Мало кто из мальчиков вашего возраста удостоивается чести слышать грохот орудий. Для этого надо быть сильным!

— Я сильный, и я не боюсь.

— Посмотрим, посмотрим. Мы сообщим вам о нашем решении.

Мальчик низко поклонился отчиму и гордо удалился, исполненный чувства собственного достоинства.

Маркиз взял из рук Ла Виолетта серую бархатную шляпу и щелчком сбил с нее несколько пылинок.

— Я увижусь с месье де Вивонном, — сказал он, — и постараюсь убедиться, что его намерения по

отношению к этому юному созданию чисты. В противном случае...

— В противном случае я предпочла бы знать, что он мертв! — резко выкрикнула Анжелика.

— Не стоит вести себя, как мать времен античности. Это не к лицу тому миру, в котором мы живем. Лично я думаю, что Вивонн — эстет, который увлекся маленьким артистом, как сладкоголосым соловьем, и он позаботится о мальчике. Для ребенка это отличное место. К тому же его должность не будет стоить вам ни единого су. Так что возьмите себя в руки и порадитесь подвернувшемуся случаю.

Филипп поцеловал супруге руку.

— Я вынужден оставить вас, мадам, ибо королевская служба требует моего присутствия. Чтобы наверстать опоздание, мне и так придется гнать лошадей во весь опор.

Как во время ночного праздника, когда Филипп дал ей яблоко, сорванное в королевском саду, она взглянула в его светлые непроницаемые глаза.

— Филипп, та девочка по-прежнему жива во мне, и вы это знаете.

Анжелике и самой пора было отправляться в Сен-Жермен. Но она ехала туда без прежнего задора. Пока карета катилась по предместьям, обагренным вечерним солнцем, она думала о Канторе и Филиппе.

И по дороге неожиданно поняла, что именно мешало ей наладить отношения с мужем: собственный опыт общения с мужчинами. Она слишком много знала о мужчинах, умела распознать их слабости и хотела привязать к себе мужа, используя проверенное оружие. Но с Филиппом ее могла соединить только девственная чистота юных сердец. Они были созданы для того,

чтобы встретиться в шестнадцать лет, когда оба испытывали неутолимую любознательность, в которой стыдно признаться, когда предвосхищение тайн еще невинно, когда молодые тела, охваченные новым, неизведанным желанием, еще трепещут от страха и стыдливости, удовлетворяясь малым: прикосновением рук, улыбкой, поцелуем, открывающим ворота в рай. Можно ли обрести утерянное счастье? Филипп заблудился на дорогах, ведущих к гибели. Анжелика давно стала женщиной. Но могущество природы столь велико, что оно может вновь заставить расцвести даже увядшие чувства — так же, как весной после долгой ледяной зимы расцветает земля. Именно об этом думала Анжелика, пока ехала в карете.

Искра вспыхнула — и в самый неожиданный момент огонь, казалось, уже погасший, ожил.

Анжелика стояла посреди гостиной отеля Плесси. Она пришла, чтобы еще раз осмотреть зал в преддверии большого великосветского приема. Прием планировался особенно роскошным, так как не исключалось присутствие самого короля.

С недовольным выражением на лице, то и дело вздыхая, Анжелика обходила огромный зал, темный, как бездонный колодец, обставленный жесткой мебелью эпохи Генриха IV. Только два больших зеркала вносили некоторое оживление в мрачное убранство. Чтобы хоть как-то противостоять вечно царившему здесь холоду, Анжелика, сразу по прибытии, приказала застелить плиточный пол мягкими персидскими коврами, привезенными из отеля Ботрейи. Но белая пушистая шерсть с узорами из роз лишь подчеркивала строгость тяжелой мебели из эбенового дерева. Молодая хозяйка еще была занята осмотром, когда в зале появился

Филипп: он пришел за шкатулкой с украшениями, хранившейся в одном из многочисленных ящичков секретера.

— Вы застали меня в заботах, Филипп, — обратилась к нему Анжелика. — Меня угнетает необходимость устраивать прием именно здесь. Я не хочу сказать ничего дурного о ваших предках, но им пришлось постараться, чтобы устроить себе настолько неудобное жилище.

— Вы недовольны своими апартаментами? — настороженно осведомился муж.

— Нет, мои апартаменты прелестны.

— Они мне недешево обошлись, особенно обивка стен, — пробубнил Филипп. — Для этого мне пришлось продать своих последних лошадей.

— Так вы приготовили их для меня?

— А вы думали, для кого я их приготовил? — воскликнул Филипп, резко захлопывая ящик. — Я женился на вас против воли, но, в конце концов, я на вас женился. Все вокруг твердили, что при весьма изысканном вкусе вы к тому же очень привередливы. Мне совсем не хотелось, чтобы какая-то богатая торговка облила меня презрением.

— Значит, после свадьбы вы предполагали поселить меня здесь?

— Мне это казалось естественным.

— Но почему вы меня не пригласили?

Филипп подошел к ней. На его лице отражались самые противоречивые чувства, но внезапно Анжелика заметила, что он покраснел.

— Мне показалось, что между нами все началось настолько плохо, что на мое приглашение вы ответили бы отказом.

— О чем вы?

— После того что произошло в Плесси, вы не могли испытывать ко мне ничего, кроме отвращения... Я

никогда не боялся врагов, король — тому свидетель... Но я думаю, что в то утро, когда я проснулся после... я предпочел бы оказаться под огнем ста испанских орудий, нежели встретить вас... Но это вы виноваты... Я был пьян... А кто осмелится дразнить пьяного мужчину, как это делали вы... вы делали это с таким наслаждением... Вы разозлили меня. Вы ели, — кричал Филипп, встряхнув ее за плечи, — в тот вечер вы ели с совершенно неприличным аппетитом, а ведь знали, что я готов был вас задушить!

— Филипп, — пробормотала испуганная Анжелика, — клянусь вам, я умираю от страха. Но я же не виновата, что от волнения во мне всегда просыпается ужасный аппетит... так, значит, вы заинтересовались мной?

— Как можно было вами не заинтересоваться? — воскликнул Филипп в бешенстве. — Чего вы только не устраивали, чтобы вас заметили! То без приглашения явились перед королем... то чуть не попались в зубы волку... у вас есть дети... и вы их любите... Как все это понять? О Господи! Вашему воображению нет предела... Боже мой! Когда в Фонтенбло я увидел, что ваша лошадь вернулась с пустым седлом...

Он вдруг подошел к ней сзади и с силой схватил за плечи, как будто хотел ее раздавить. И ни с того ни с сего спросил:

— Вы были влюблены в Лозена?

— В Лозена? Нет! Почему вы спросили об этом?

И Анжелика тут же покраснела, вспомнив о происшествии в Фонтенбло.

— Вы все еще думаете о том случае? Я даже не вспоминаю, честное слово, и уверена, что Пегилен тоже не придает этому никакого значения. Как вообще могла случиться подобная глупость? Я спрашиваю себя об этом и злюсь на себя. Случайное стечение обстоятельств — праздник, вино, приятная атмосфера,

горечь разочарования. Вы были так суровы со мной, держались так безразлично. Казалось, вы вспоминаете, что я ваша жена, только для того, чтобы оскорбить меня или чем-то пригрозить. Я напрасно старалась выглядеть красивой... Я всего лишь женщина, Филипп! Пренебрежение — вот с чем не может смириться ни одна женщина. Оно разбивает ей сердце. Ее тело тоскует, изнемогает в ожидании ласк. И оказывается во власти красноречивого повесы — такого, как Пегилен. Все, что он нашептывал о красоте моих глаз и моей кожи, казалось мне тогда освежающим, как источник в раскаленной пустыне. И потом... я хотела вам отомстить.

— Отомстить мне? Ого! Мадам, вы перепутали роли. Это мне нужно было мстить вам, а не наоборот. Разве это не вы заставили меня жениться на вас?

— Но я же извинилась.

— Ох уж эти женщины! Они извинились и полагают, что все сразу забылось! Какая важность, что я стал вашим мужем исключительно под действием угроз с вашей стороны! Неужели вы думаете, что настолько серьезную обиду можно загладить одним извинением?

— А что еще я могу сделать?

— Искупить вину! — воскликнул он и занес руку, как будто для удара.

Но так как в глубине его голубых глаз мелькнуло лукавство, Анжелика улыбнулась.

— Искупление может быть и приятным, — сказала она. — Сейчас мы слишком далеко от дыбы и раскаленного железа.

— Не провоцируйте меня. В последнее время я вас щадил. И, кажется, заблуждался. Я чувствую, что, используя невероятную хитрость своего пола, вы намереваетесь связать меня, как кролика, попавшего охотнику в силки.

Анжелика тихо засмеялась и откинула голову назад, прижимая ее к плечу Филиппа. Ей почудилось, что он едва заметно наклонился, как будто собираясь коснуться губами ее виска или век. И хотя он этого не сделал, Анжелика почувствовала, как сжались руки мужа на ее талии, как участилось его дыхание.

— Вы утверждаете, что мое равнодушие ранило вас? Однако у меня сложилось впечатление, что мое общество вам в тягость, если не сказать — противно.

Смех Анжелики стих.

— Ах, Филипп! Всего капля любезности с вашей стороны — и общение с вами показалось бы мне волшебством. Это была заветная мечта, которую я берегла глубоко в сердце с того самого дня, когда вы взяли меня за руку и сказали: «Вот баронесса Унылого Платья». Уже тогда я любила вас.

— Жизнь... и мой кнут разрушили эту мечту.

— Жизнь разрушает, но она же и создает... а кнут вы могли бы отложить. Я никогда не отрекалась от своей мечты. Даже когда мы были далеко друг от друга, в душе я...

— Иногда ждали меня?

Прикрытые ресницы Анжелики отбрасывали на ее бледные щеки сиреневатую тень.

— Я все еще жду вас.

Она почувствовала дрожащие и нетерпеливые руки Филиппа на своей груди, ощутила, как затрепетало все его тело, охваченное непреодолимым желанием.

Он тихо выругался, и Анжелика опять не сдержала смех. Вдруг Филипп наклонился, чтобы поцеловать эту нежную, трепещущую шею.

— Вы так красивы, так женственны! — прошептал он. — А я — всего лишь неловкий солдафон.

— Филипп!

Анжелика удивленно взглянула на мужа.

— Какая глупость! Вы злой, жестокий, грубый. Но неловкий? Нет. Такой упрек никогда не пришел бы мне на ум. К несчастью, вы не дали мне возможности познать вас как мужчину, любящего свою избранницу и стремящегося ей угодить.

— Такой упрек я не раз слышал от прекрасных дам. Мне кажется, что я разочаровывал их. По их словам, любовник, одаренный красотой и совершенством Аполлона, должен быть богом... и в постели.

Анжелика засмеялась еще звонче, опьяненная сладким безумием, которое, казалось, упало на них, как падает с ясного неба охотничий ястреб. Всего несколько секунд тому назад они спорили, но теперь его пальцы с нетерпением рвали ее корсаж.

— Осторожно, Филипп, прошу вас, чуть нежнее. Вы же не собираетесь разорвать в клочки этот жемчужный пластрон, который обошелся мне в две тысячи экю? Можно подумать, вы никогда в жизни не раздевали женщин.

— Еще чего! Достаточно задрать юбку...

Она приложила пальцы к его губам.

— Не начинайте все сначала, не становитесь грубым, вы ничего не знаете о любви, вы никогда не испытывали счастья.

— Так ведите меня за собой, прекрасная дама. Научите меня, чего ждут женщины от любовника, прекрасного, как бог.

В его голосе слышалась горечь. Анжелика обвила его шею руками. Ее ноги подкашивались, и тогда он поддержал ее и нежно опустил на мягкий, пушистый ковер.

— Филипп, Филипп, — прошептала она. — Вы думаете, что сейчас подходящее время и место для такого урока?

— Почему бы и нет?

— На ковре?

— Конечно, на ковре. Солдафоном я был, солдафоном и останусь. Если у меня нет права овладеть собственной женой в моем собственном доме, тогда я отказываюсь изучать Карту страны Нежности.

— А если кто-нибудь войдет?

— Какая разница! Я вас хочу именно сейчас. Я чувствую, какая вы пылкая, волнующая, доступная. Ваши глаза сверкают, как звезды, ваши губы влажны...

Он любовался ее лицом, мрамором щек, окрасившимся розовым румянцем.

— Давайте, маленькая кузина, поиграем, и сделаем это лучше, чем в дни нашей юности...

Анжелика издала что-то вроде короткого победного крика и протянула руки. Она была больше не в состоянии ни сопротивляться, ни подавлять мутившее разум желание. Именно она привлекла мужа к себе.

— Только не торопитесь, мой прекрасный любовник, — шептала она. — Дайте мне время побыть счастливой.

Охваченный страстью, Филипп сжал жену в объятиях и овладел ею. Его переполняло ранее неизведанное чувство, которое впервые заставило его быть внимательным к женщине. Он с изумлением увидел, что зеленые глаза Анжелики, жестокости которых он так опасался, понемногу затягиваются мечтательной пеленой. Она забыла о вечной тревоге; в уголках рта больше не прятался вызов, который он так часто там читал. Ее приоткрытые губы слегка дрожали, подчиняясь его напору. Она больше не была врагом. Она доверяла ему. Новые чувства придали Филиппу отваги, и он ощутил наплыв непривычной для себя нежности, вдруг осознав, что Анжелика влечет его за собой загадочными, неизведанными путями. Вместе с потоком сладострастия в нем крепла надежда. Скоро пробьет упоительный час единения, как уже пробил час, когда он заставил трепетать этот тонкий инструмент очаровательной женственности, который

так долго не желал ему подчиняться. Сложная задача, требующая терпения и искусства. Он призвал на помощь все свое мастерство и свою мужественность, он приближался к добыче, которая не собиралась бежать. Он думал, что она его унизила и что он до боли ненавидит ее. Но глядя на Анжелику, Филипп почувствовал, как под натиском незнакомого чувства его сердце тает. Куда исчезла гордыня, которая пренебрегала им?

Эта женщина вдруг показалась ему испуганным раненым существом, которое доверилось его рукам и порой нерешительно просило пощады.

То трепещущая, то сходящая с ума от сладкого изнеможения, она машинальным движением перекачивала голову из стороны в сторону, и ее волосы рассыпались по ковру золотистым покрывалом. Казалось, какая-то частичка ее отделилась от тела и вот-вот достигнет того укромного неземного уголка, где два существа остаются наедине со своим наслаждением.

Внезапно ее тело сотрясла долгая дрожь, и Филипп понял, что приближается момент, когда он станет ее полноправным властелином. Каждая последующая секунда усиливала его воодушевление, наполняя неведомым ранее чувством победы, давая небывалую силу, осознание того, что вознаграждение уже рядом. Он вышел победителем из трудного турнира, и приз достался ему нелегкой ценой, но в итоге, благодаря своему усердию и стойкости, он выиграл. Он понял, что больше не должен ждать свою возлюбленную. Она выгнулась в его руках, подобно живому луку. Такая желанная, Анжелика достигла высшей точки наслаждения и теперь стала воплощением ожидания, тревоги и счастья.

Наконец она подчинилась ему, и он почувствовал тайный ответ этого прекрасного тела, которое сумел

пробудить и наполнить блаженством. И тогда он тоже отдался страсти. Филипп понял, чего именно ему не хватало всю жизнь — блаженной благодарности этого покорного и любящего тела, которое постепенно расслаблялось, пока она с тихим вздохом возвращалась к действительности.

— Филипп!

Он прижался к жене. Спрятал лицо у нее на груди, и по мере того как строгие очертания старинной гостиной отеля дю Плесси все больше напоминали о реальной жизни, его молчание все сильнее беспокоило Анжелику. Слишком короткие мгновения забытья. Она не смела поверить в собственный исступленный восторг, в то опьянение, после которого она вся дрожала и была слабой до слез.

— Филипп!

Она не решалась сказать, насколько признательна ему за терпение и нежность.

Быть может, она разочаровала его?

— Филипп!

Он приподнял голову. Его лицо оставалось загадочно-непроницаемым, но Анжелика не могла ошибиться. На губах мужа играла едва заметная улыбка, и тогда она дотронулась до светлых усов, на которых блестели капли пота.

— Мой старший кузен...

Естественно, случилось то, что должно было случиться. В комнату вошел лакей, а за ним два посетителя: господин де Лувуа и его отец, противный старик Мишель Ле Телье. Старик выронил лорнет. Лувуа стал пунцовым. Потрясенные, посетители спешно ретировались.

На следующий день Лувуа пересказал пикантную историю всему королевскому двору.

— Среди бела дня! Да еще с мужем!

Как любовники и поклонники прекрасной маркизы переживут подобное оскорбление? Муж! Домашний соперник?! Сладострастие в стенах собственного дома!..

Мадам де Шуази возмущенно повторяла, проходя по версальским галереям:

— Средь бела дня!.. Средь бела дня!

Во время утреннего туалета короля все только и судачили об этом инциденте.

— Государь веселился меньше, чем можно было бы ожидать, — заметил Пегилен.

Он не единственный догадался о скрытой досаде Его Величества.

— Все, что касается вашей персоны, ему небезразлично, — объясняла Анжелике мадам де Севинье. — Его Величество от чистого сердца хотел помирить вас со вспыльчивым супругом. Но маркизу не следовало столь рьяно доказывать свою преданность королю. Мессир дю Плесси оказался слишком усерден, стремясь удовлетворить прихоть государя. Если он не поймет, что некоторые приказы не требуют чересчур ревностного исполнения, то может впасть в немилость.

— Остерегайтесь Общества Святого Причастия, моя дорогая, — зло усмехнулась Атенаис. — Ваше поведение может их разозлить.

Вспыхнув, Анжелика попыталась защищаться:

— Не вижу причины, по которой мной должно заинтересоваться Общество Святого Причастия. Почему я не могу принимать знаки внимания своего мужа под крышей собственного дома?

Атенаис фыркнула, прикрывшись веером.

— Средь бела дня, на ковре! Это верх распутства, дорогая! Такое прощается только любовникам.

Филипп, безразличный как к дружеским шуткам, так и к сарказму — а может быть, он и не знал о них, — ходил с гордо поднятой головой. Людовик был с ним

довольно суров; казалось, маркиз и этого не замечал. В круговерти последних грандиозных праздников, которые король давал перед началом летней кампании, Анжелике никак не удавалось поговорить с мужем.

Странное дело: Филипп снова стал отстраненно-ледяным, и когда жена оказалась рядом на балу, заговорил с ней высокомерным тоном. Анжелика даже начала думать, что те сладостные минуты, воспоминания о которых она бережно хранила в глубине своей памяти, как хранят распустившуюся розу с пурпурными лепестками, были всего лишь прекрасной иллюзией. Жестокость высшего света стремилась уничтожить нежный цветок, хотя он едва расцвел. Но Филипп был типичным представителем этого мира, грубого и злого. Анжелика не знала, что он находился в плену сложных, необычных для него чувств, испытывая муки гордости и одновременно приступы панического страха, который она ему внушала. Он не чувствовал в себе сил укротить жену, подчинить ее себе, не прибегая к ненависти. Он боялся, что, если возведенная им стена равнодушия рухнет, он попадет в рабство. А ведь он поклялся, что никогда не позволит женщине одержать верх над собой. Но именно это происходило, стоило Филиппу представить себе улыбку Анжелики, ее взгляд. Маршал дю Плесси чувствовал себя уязвимым подростком. В его душе пробудилась былая застенчивость. Изуродованный распутной жизнью, которая принесла ему больше разочарования, чем удовольствия, он никак не мог поверить в необычайную гармонию, возникшую во время физической близости с одним из тех ненавистных и презренных существ, которыми он считал женщин. Должен ли он признаться себе, что именно это и называют любовью? Или это всего лишь мираж? Страх перед новым разочарованием терзал его сердце. Он повторял себе, что, если оно

наступит, он умрет от досады и горя. Уж лучше цинизм и насилие!

Анжелика, которая даже представить себе не могла, что за бесстрастной маской мужа кроется буря эмоций, переживала жестокое разочарование. Блестящие праздники не могли отвлечь ее от печальных мыслей. Внимание короля раздражало, а его настойчивые взгляды вызывали головную боль. Почему Филипп ее покинул?

Во второй половине дня, когда весь двор находился в Зеленом театре и аплодировал Мольеру, Анжелика почувствовала невыносимую тоску. Ей показалось, что она снова превратилась в бедную испуганную девочку, окруженную в замке Плесси пажам-зубоскалами, которая сбежала в ночной мрак с разрывающимся от горя и насмешек сердцем. Ее вновь захлестнуло желание убежать. «Я их всех ненавижу», — подумала Анжелика, бесшумно покинула дворец и приказала подать карету. Позднее, не раз вспоминая об этом импульсивном побеге из Версаля, она называла свой поступок предчувствием. Потому что, прибыв вечером в особняк на улице Фобур Сент-Антуан, она застала там деловитую активность, и Ла Виолетт сообщил маркизе, что его хозяин получил приказ отправляться на фронт в Лотарингию. Он уезжает завтра с рассветом.

В столовой, отделанной черным деревом, при свете двух серебряных подсвечников в одиночестве ужинал Филипп. При виде Анжелики в просторной накидке из розовой тафты он нахмурил брови.

— Что вы здесь делаете?

— Разве я не имею права возвращаться домой, когда сочту нужным?

— Вы были приглашены в Версаль на несколько дней.

— Мне вдруг показалось, что я умираю от скуки, и я уехала от этих невыносимых людей.

— Надеюсь, ваше оправдание — ложь, ведь так говорить недопустимо, вы рисковали разгневать короля... Кто предупредил вас о моем отъезде?

— Я же сказала — никто. Ваши приготовления для меня полная неожиданность. Стало быть, вы собирались уехать, даже не попрощавшись со мной?

— Король попросил меня сохранить отъезд в тайне, в том числе и от вас. Все знают, что женщины неспособны держать язык за зубами.

«Король ревнует!» — чуть было не закричала Анжелика. Филипп ничего не видел, ничего не понимал... Хотя, может быть, он только делал вид, будто ничего не понимает?

Она села у другого конца стола и медленно сняла тонкие кожаные перчатки, расшитые жемчугом.

— Странно. Летняя кампания еще не началась, войска находятся на зимних квартирах. Насколько мне известно, король пока еще никого не отправлял в расположение войск под предлогом войны. Ваш отъезд очень похож на немилость, Филипп.

Филипп молча посмотрел на жену. Он молчал так долго, что она решила, что он ее не услышал.

— Король — мой повелитель, — наконец произнес он и тяжело поднялся. — Мне пора, уже слишком поздно. В мое отсутствие позаботьтесь о своем здоровье, мадам. Прощайте.

Анжелика подняла к нему взволнованный взгляд. «Неужели мы не можем попрощаться иначе?» — казалось, молила она.

Маркиз сделал вид, что ничего не понял, и лишь поцеловал руку, которую ему протянула жена.

В своей спальне бедная маленькая кузина разрыдалась. Она проливала те слезы, которые когда-то девочка-подросток смогла удержать из гордости. Слезы бессилия, слезы отчаяния.

— Я никогда не пойму этого мальчишку! Никогда не добьюсь своего.

Он собирается на войну. А вдруг он не вернется?.. О Господи! Он вернется. Не этого боялась Анжелика.

За открытым окном темнел тихий сад, раздавалось пение соловья, в комнату заглядывала луна. Анжелика вытерла мокрое от слез лицо. Она сказала себе, что полюбила этот дом с его глухими стенами, потому что именно здесь она стала жить вместе с Филиппом. Странная совместная жизнь, похожая скорее на игру в прятки, когда каждый приезжает домой только для того, чтобы переодеться и привести в порядок прическу — в промежутках между придворными приемами, спектаклями, псовыми охотами...

Но ведь были и короткие мгновенья, украденные у светской суеты! Например, те минуты, когда Филипп сидел рядом с ней и смотрел, как она кормит грудью маленького Шарля-Анри. Были разговоры, во время которых они смеялись, глядя друг на друга, было утро, когда Филипп примерял кольца и говорил с ней о Канторе. Наконец, тот недавний день, когда они подчинились безумию своих тел и он овладел ею так нежно и страстно, как будто по-настоящему любил ее.

Анжелика больше не могла сдерживаться. Она разделась, завернулась в кружевной пеньюар из белого линона и босиком бросилась к маленькой галерее, ведущей к апартаментам Филиппа.

Она вошла без стука. Он спал обнаженный, растянувшись поперек кровати. Тяжелое кружевное покрывало почти соскользнуло на пол, открыв мускулистую грудь, которая в мягком лунном свете казалась гладкой, словно мраморной. Сон изменил его лицо. Короткие вьющиеся волосы, обычно спрятанные под париком, длинные ресницы, чувственные губы, — все это придавало Филиппу невинность и строгость, какую можно встретить лишь у греческих статуй.

Голова склонилась к плечу, руки раскинуты в стороны — он казался совсем беззащитным.

Анжелика остановилась у подножия кровати и задержала дыхание, чтобы лучше рассмотреть мужа. При виде подобной красоты ее сердце сжалось. Кое-что она заметила впервые: тонкая золотая цепочка с маленьким детским крестиком обнимает шею гладиатора, родинка на левой груди, многочисленные шрамы — напоминание о войнах и дуэлях. Она положила свою руку на сердце спящего, чтобы почувствовать его удары. Филипп пошевелился, и тогда Анжелика выскользнула из пеньюара и легла рядом с ним. Горячее тело здорового мужчины, прикосновение его атласной кожи пьянили ее. Она принялась целовать его губы, приподняла тяжелую голову, чтобы прижать ее к груди. Он подался вперед и в полусне взглянул на нее.

— Какая красивая, — прошептал Филипп и, как голодный ребенок, потянулся ртом к близкой груди.

Но почти в ту же секунду отпрянул и зло посмотрел на жену.

— Вы?.. Здесь?! Какая наглость! Какая...

— Я пришла попрощаться с вами, Филипп, попрощаться так, как я умею это делать.

— Женщина должна смиренно ожидать мужа в своей спальне, а не предлагать ему себя. Убирайтесь вон!

Он схватил Анжелику и попытался столкнуть с постели, но она вцепилась в его руку, тихо умоляя:

— Филипп! Филипп, не гоните меня! Разрешите провести эту ночь с вами.

— Нет.

Он с яростью выдернул руку, но Анжелика вновь схватилась за нее: она была достаточно искусенной женщиной, чтобы догадаться, что ее присутствие не так уж отвратительно супругу.

— Филипп, я люблю вас... Позвольте мне остаться в ваших объятиях!

— Зачем вы сюда пришли, черт подери?

— Вы это отлично знаете.

— Бесстыжая! Разве у вас мало любовников, чтобы удовлетворять вашу ненасытную страсть?

— Нет. У меня нет любовников. У меня есть только вы. А вы собираетесь уехать на несколько месяцев!

— Значит, вам не хватает только этого, маленькая шлюха. В вас не больше достоинства, чем в течной суке!

Филипп еще долго бранился, обзывая Анжелику всяческими неприличными словами, но больше не отталкивал ее, и она прижималась к мужу все крепче, слушая гадкие оскорбления, как нежные признания в любви. Наконец, он глубоко вздохнул, схватил жену за волосы и откинул ее голову назад. Она улыбнулась и посмотрела ему прямо в глаза. В ее взгляде не было страха. Она никогда не боялась. И это сломило его сопротивление. Филипп выругался в последний раз и нашел ее губы.

Они занимались любовью в полной тишине, и Филипп втайне боялся оказаться не на высоте. Но страсть Анжелики, почти наивная радость, которую она испытывала в его руках, ее ловкость и мастерство влюбленной женщины, безропотная готовность доставить ему удовольствие развеяли его сомнения. Крошечная искра разгорелась, превратилась в бушующее пламя и выжгла все дурные мысли Филиппа. Его глухой крик, выдавший силу пережитого наслаждения, наполнил сердце Анжелики гордостью. Он ни в чем не признался. Память об обидах, скрытой горечи, о недоверии, о войне, столкнувшей их, была еще слишком свежа. Он все еще пытался лгать. Он не желал ее приласкать. И когда Анжелика легла рядом с ним, окутанная вуалью длинных волос, грубо сказал:

— Убирайтесь вон!

Она снова повиновалась с искренней и ласковой покорностью, которая вызвала в душе Филиппа желание то ли ударить ее, то ли покрыть поцелуями. Он сжал зубы, борясь с разочарованием, возникшим от ее ухода, с желанием задержать ее, оставить до рассвета, качать на руках, прятать в тепле собственного тела, как прячут маленького дрожащего и сонного зверька. Безумие! Пустяки. Опасная слабость. Скоро ветер сражений и свист ядер рассеют это наваждение!

Глава 25

Вскоре после отъезда маршала дю Плесси-Бельера настал черед маленького Кантора отправляться в армию. В последний момент Анжелика хотела отказаться от этой затеи. Она была охвачена глубокой печалью, и мрачные предчувствия одолевали ее. Маркиза часто писала Филиппу во Франш-Конте, но он ни разу не ответил. Это упорное молчание, с которым Анжелика не могла смириться, действовало на нее угнетающе. Когда Филипп признается, что любит ее? Может быть, никогда. Может быть, он просто неспособен любить или неспособен понять, что любит. Он был не философом, а воином. Искренне веря, что ненавидит свою жену, он все еще пытался ей это доказать. Но не мог разрушить вспыхнувшее между ними чувство, уничтожить скрытое сладострастие, бросившее их друг к другу, растерянных и слабых. С этим не в силах были бороться ни ханжи-благодетельные, ни насмешники-либертены, ни король, ни сам Филипп.

Анжелика заставила себя сосредоточиться на отъезде Кантора. Но времени у нее оказалось совсем мало.

Кантор уехал.

Из-за бесконечных придворных обязанностей она даже не успела проникнуться тревожным волнением того туманного утра, когда пунцовый от восторга мальчик в сопровождении наставника Гаспара де Ракана поднялся в карету герцога де Вивонна.

Он был в зеленом бархатном костюме, украшенном огромным количеством кружев и атласных розеток. Этот наряд необыкновенно шел к его чудесным глазам.

Кудрявая голова была покрыта большой черной бархатной шляпой с белым плюмажем.

Мальчик нежно прижимал к груди гитару с бантом на грифе, как дети прижимают любимую игрушку. Это был прощальный подарок Анжелики. Гитару из ценной древесины, инкрустированную перламутром, специально для Кантора сделал прославленный скрипичный мастер столицы.

Барба рыдала у ворот. Анжелика старалась не поддаваться эмоциям. Такова жизнь! Дети уходят. Каждый новый этап рвет прочные нити, и никому не ведомо, что творится в сердцах матерей...

С тех пор госпожу дю Плесси интересовало все, что касалось Средиземного моря. Отправляясь на помощь венецианцам, сражавшимся против турок, которые вознамерились захватить последний оплот христианства на Средиземноморье, герцог де Вивонн и его воины снискали себе прозвище крестоносцев. Говорили, что французские галеры, отбывшие в поход, выполняют миссию Небес. Анжелика нежно улыбалась, думая о своем маленьком Канторе, крошечном и невинном «винтике» святой экспедиции. Она представляла себе, как ее сын сидит на носу корабля, а ленты его гитары трепещут на фоне голубого неба.

Во время коротких наездов в Париж она старалась как можно больше времени проводить с Флоримоном. Страдал ли он от разлуки с Кантором? Не испытывал ли зависти, видя, что его младший брат делает блестящую карьеру и уже удостоен чести участвовать в сражениях? Анжелика скоро заметила, что Флоримон, всегда безупречно вежливый с матерью, может спокойно оставаться в ее обществе не более десяти минут. Его ждали многочисленные дела: оседлать лошадь, накормить ястреба, позаботиться о доге, до блеска начистить шпагу, сопровождать в манеж или на

охоту монсеньора дофина. Сын проявлял терпение только перед уроками латыни с аббатом Ледигьером.

— Мы с матушкой беседуем, — говорил Флоримон своему наставнику, который удалялся, не смея настаивать.

«Беседа» заключалась главным образом в демонстрации талантов дуэлянта мессира Флоримона. За хрупкой и чувствительной внешностью скрывался истинно мальчишеский характер. Флоримон мечтал лишь сражаться, побеждать, убивать и защищать свою честь. Он был счастлив только со шпагой в руке, и уже готовился учиться стрелять из мушкета. Монсеньора дофина он называл тюфяком.

— Я все время пытаюсь хоть немного расшевелить его, но — увы! — вздыхал мальчик. — Строго между нами, матушка, вам я это могу сказать, но мои слова не должны дойти до чужих ушей. Это может навредить моей карьере.

— Я знаю, сын мой, знаю, — смеясь, соглашалась Анжелика, несколько обеспокоенная столь ранней рассудительностью и проницательностью своего старшего отпрыска.

Она знала также и то, что маленький дофин последовал бы за Флоримонем на край света, покоренный его черными глазами, полными огня и воинственного задора. Да, Флоримон был прелестен. Он всем нравился, и ему сопутствовал успех. Анжелика подозревала, что сын глубоко эгоистичен... без сомнения, такими бывают все дети.

С легкой грустью она думала о том, что Флоримон тоже отдаляется от нее. Мальчик кружился, сжимая в кулаке шпагу.

— Посмотрите... Посмотрите на меня, матушка. Я уклоняюсь, делаю обманное движение... И вот я колю... Прямо в сердце... Мой противник уже на земле... Мертвый!

Он был прекрасен. Жизнелюбие пылало в нем скрытым огнем. Но захочет ли он в трудную минуту поплакать на ее плече? Детские сердца так рано «созревают» в ярких лучах солнца королевского двора...

Новость о поражении при мысе Пассеро пришла в середине июня, во время последнего праздника, который давал король перед началом военной кампании в Лотарингии.

Как выяснилось, галеры господина де Вивонна были атакованы близ Сицилии флотилией берберов под командованием некоего алжирского ренегата по прозвищу Рескатор, прославившегося своими подвигами по всему Средиземному морю.

Вивонн был вынужден укрыться в бухте у мыса Пассеро.

Он чувствовал себя разбитым наголову, хотя на самом деле произошла небольшая стычка, в которой затонули всего лишь две из двадцати французских галер.

Но именно на утонувших судах находилась большая часть людей из дома де Вивонна, и адмирал с ужасом смотрел, как в глубине вод исчезают три дворянина из его свиты, десять офицеров рта, четверо слуг, двадцать хористов капеллы, личный духовник, дворецкий, конюший и маленький паж с гитарой.

Глава 26

Почти никто не принес соболезнований маркизе дю Плесси-Бельер: при Пассеро она потеряла сына, но ее сын был всего лишь ребенком. А кого волнуют маленькие дети?

Наступившая с приходом ласкового лета передышка в череде придворных развлечений позволила Анжелике укрыться в Париже, чтобы пережить обрушившееся на нее горе.

Она не могла поверить страшному известию. Это невозможно. Кантор не мог умереть! Чудо сопровождало его появление на свет и всю его жизнь! Еще не успев родиться, он сумел избежать яда, которым хотели отравить его мать. Он пришел в этот мир под прогнившими сводами Отель-Дьё среди обездоленных нищих. Первые шесть месяцев своей жизни он провел в коровнике, всеми забытый, покрытый корками грязи, и сосал крошечным ротиком грязную тряпку, чтобы хоть как-то утолить голод. Цыгане купили его за семь су...

Он был в аду и выжил! Кто-то болтает, что ее крепко сбитый, жизнелюбивый малыш погиб? Бред! Те, кто это говорит, не знали маленького Кантора.

Анжелика наотрез отказывалась принимать ужасную реальность.

Барба, задыхаясь от горя, рыдала дни и ночи напролет. Обеспокоенная состоянием женщины, которая многие годы была ей верной служанкой, Анжелика отчитала Барбу.

— Да, госпожа, конечно, — бормотала та сквозь слезы. — Госпожа не может понять. Госпожа не любила его так, как я.

Потрясенная Анжелика оставила безутешную женщину и ушла к себе в комнату. Она села у раскрытого окна.

Близилась осень. Весь вечер моросил дождь, и капли поблескивали на стекле в тусклом свете заката.

Анжелика закрыла лицо руками. Ее сердце разрывалось от боли. Особенно тяжело потому, что уже ничего нельзя изменить. Она так редко сажала маленького Кантора на колени, чтобы поцеловать его круглые щечки.

Характер младшего сына всегда оставался для Анжелики загадкой. Внешне мальчик был очень похож на нее и ее братьев, поэтому она никогда до конца не осознавала, что отцом Кантора был Жоффрей де Пейрак. А ведь в их сыне воплотился жизнеутверждающий, неукротимый нрав великого тулузского графа...

Она вспоминала, как Кантор в своей огромной шляпе уходил на войну, одновременно очень серьезный и сиявший от радости.

Перед ее мысленным взором снова вставала картина, как он пел для королевы, и Анжелика слышала его ангельский голос:

*Прощай, мое сердце! Тебя я люблю,
то с жизнью, с надеждой прощанье.*

Она вспоминала его и совсем крошкой, когда в далекий зимний день она несла в Тампль через весь Париж, пропахший сретенскими блинами, легкий сверток с новорожденным.

Приглушенный цокот лошадиных копыт прервал поток материнских воспоминаний. Анжелика машинально взглянула во двор, и ей почудилось, что во всаднике, спешившимся у подъезда, она узнала

Филиппа. Но ведь Филипп в армии, на фронте, король послал его во Франш-Конте.

К главному входу особняка подскакал второй наездник. На сей раз ошибки не могло быть, Анжелика сразу узнала массивную фигуру Ла Виолетта, сгорбившегося под проливным дождем. Значит, все-таки первым был маркиз дю Плесси. В галерее раздались шаги, и прежде чем Анжелика успела взять себя в руки, Филипп уже вошел в комнату. Выглядел он плачевно: по пояс в грязи, а со шляпы и широкополого плаща ручьями лилась вода.

— Филипп! — вскакивая, воскликнула Анжелика. — Вы промокли насквозь!

— Дождь идет с самого утра, а я скакал без остановок.

Анжелика дернула шнур звонка.

— Сейчас я велю приготовить горячие закуски, и, наверное, стоит пожарче затопить камин? Почему вы не сообщили о приезде заранее? В ваших апартаментах хозяйничают обойщики. Я думала, вы не вернетесь до осени, и решила... что сейчас благоприятный момент для... небольшого ремонта.

Но казалось, маркиз не слушал ее. Он стоял, широко расставив ноги: эту позу Анжелика видела уже не раз.

— Я узнал, что ваш сын погиб, — произнес наконец Филипп. — Эту весть я получил только на прошлой неделе...

В комнате повисла гнетущая тишина. Вдруг сгустились сумерки, словно мрачные тучи погасили последние отблески уходящего дня.

— Он мечтал о море, — вновь заговорил Филипп, — и его мечта сбылась. Я бывал на Средиземном море. Это голубой простор, расшитый золотом, как королевское знамя. Красивый саван для маленького пажа, который любил петь...

Анжелика заплакала. Она смотрела на Филиппа, но больше не видела его. Он протянул руку и погладил ее по голове.

— Вы опасались, как бы придворная жизнь не развратила Кантора. Смерть избавила его от слез позора, которые тайно проливают дети, окунувшись во взрослую жизнь. У каждого своя судьба. Его судьба подарила ему жизнь, наполненную только радостью и песнями. И у него была любящая мать.

— У меня никогда не хватало на него времени, — прошептала Анжелика, вытирая слезы со щек.

— Вы любили его, — повторил Филипп, — вы боролись за него. Вы дали ему все, что нужно для счастья: уверенность в материнской любви.

Сначала Анжелика слушала мужа с некоторым недоумением, но постепенно она осознала всю странность происходящего.

— Филипп, — в изумлении воскликнула она, — неужели я должна поверить, что вы оставили армию и проскакали восемьдесят лье по размытым дождями дорогам только для того... для того, чтобы утешить меня?

— И это не первая глупость, которую я совершаю ради вас, — сказал маркиз дю Плесси. — Но я приехал не только за этим. У меня для вас есть подарок.

С этими словами он отстранился, вынул из кармана какой-то потертый кожаный футляр и открыл его. Оттуда Филипп достал странное ожерелье. На массивной цепочке из сплава золота с серебром крепились три пластины из сплава золота с медью, в которые были вправлены крупные неограненные камни, два рубина и изумруд. Украшение выглядело роскошным, но то была варварская роскошь, предназначавшаяся для статных красавиц с тугими светлыми косами, которые плели первые королевы капетингской эпохи.

— Вот ожерелье женщин рода Бельер, — произнес Филипп. — То самое, что веками придавало им мужество. Оно достойно матери, пожертвовавшей сыном во благо королевства.

Маркиз подошел к жене, чтобы застегнуть ожерелье на ее шее.

— Филипп, — прошептала Анжелика, у которой от волнения перехватило дыхание, — что вы хотите этим сказать? Что это значит? Вы помните о пари, которое мы однажды заключили на ступенях Версаля?

— Да, помню, мадам, вы выиграли.

Он приподнял светлые пряди ее волос и нагнулся, чтобы поцеловать шею. Анжелика не двигалась. Тогда он сам приподнял ей голову и посмотрел в лицо. Она плакала.

— Не плачьте, — попросил он, сжимая ей плечи. — Я приехал, чтобы осушить ваши слезы, а не для того, чтобы заставить вас плакать еще сильнее. Я никогда не мог видеть, как вы плачете. Вы — знатная дама, черт возьми!

«Безумно влюблен! Безумно влюблен! — повторяла про себя Анжелика. — Вот что означает это ожерелье».

Значит, он любит и признался в этом с такой деликатностью, что пролил бальзам на ее израненное сердце.

Она взяла руками лицо мужа и с нежностью заглянула ему в глаза.

— Могла ли я представить себе, что за вашей ужасающей жестокостью скрывается столько доброты! Вы настоящий поэт, Филипп.

— Я уже сам не знаю, кто я, — с раздражением пробурчал он. — Но одно знаю наверняка: фамильное ожерелье Плесси-Бельер украшает вас, а это не может меня не тревожить. Еще не было ни одной моей прародительницы, которая, надев эту драгоценность, тут же не стала бы мечтать о войне или о мятеже.

Именно с этими негранеными камнями на груди моя мать поднимала армии в Пуату, чтобы поддержать принца де Конде. Вы помните это не хуже меня. До чего додумаетесь вы? Впрочем, я полагаю, что в дополнительной порции мужества вы и так не нуждаетесь.

Филипп вновь обнял ее и прижался щекой к ее щеке.

— Ну вот, вы опять смотрите на меня своими огромными зелеными глазами, — прошептал он. — Я вас мучил, я бил вас, угрожал, но вы всегда поднимали свою прелестную голову, как цветок после бури. Я бросал вас почти бездыханной, побежденной, но вы возрождались вновь и становились еще прекраснее. Да, это раздражало, но со временем такая стойкость пробудила в моей душе чувство... доверия. Столько постоянства у женщины! Я был поражен. В конце концов я стал с интересом наблюдать за каждым вашим шагом. Я спрашивал себя: «Неужели она выдержит?» В день псовой охоты, когда я увидел, как вы улыбкой отвечаете на гнев короля и на мою злость, я понял, что мне никогда не победить вас. И втайне гордился, что у меня такая жена.

Он покрывал быстрыми поцелуями ее лицо. Его губы казались робкими. До сегодняшнего дня, не привыкший к нежности, Филипп пренебрегал такими проявлениями любви, но теперь он ощущал их необходимость, хотя и не решался коснуться ее губ. Анжелика сама нашла его рот.

Ей пришло в голову, что его губы воина отличаются свежестью и даже невинностью, и как ни странно, они оба, умудренные жизнью и испачканные в страшной грязи, дарят друг другу целомудренный и нежный поцелуй — тот самый, которого так и не случилось в их юности в парке Плесси.

Неожиданно Филипп с привычной резкостью заявил:

— Я уделил достаточно времени сердечным делам и теперь должен уезжать. Могу ли я видеть сына?

По зову хозяйки тут же появилась кормилица с маленьким Шарлем-Анри, наряженным в белый бархатный костюм. Малыш восседал на руке своей кормилицы, как охотничий сокол на руке ловчего. Светлые кудри, выбивавшиеся из-под расшитого жемчугом чепчика, персиковая кожа и огромные голубые глаза — это был очень красивый ребенок.

Филипп взял сына, подбросил его в воздух, покачал, но так и не смог вызвать улыбку на лице мальчика.

— Я никогда еще не видела такого серьезного ребенка, — сказала Анжелика. — Под его взглядом окружающие иногда просто робеют. Но конечно, он очень забавный, особенно теперь, когда начал ходить... На днях Шарль-Анри запутался в шерстяной нитке, когда крутил колесо прялки, за которой сидела горничная.

Филипп подошел к жене и отдал ей ребенка.

— Я оставляю сына вам. Я доверяю вам его. Позаботьтесь о нем, как подобает.

— Этого ребенка подарили мне вы, Филипп. Он мне дорог.

Высунувшись из окна во двор, с прелестным малышом на руках, Анжелика смотрела, как в сгустившихся сумерках маркиз вскочил в седло и ускакал. Филипп приехал! Он смог утешить ее в горе, возродил ее душу для счастья. Казалось бы, от него в последнюю очередь она могла ждать поддержки. Но жизнь богата сюрпризами. Анжелика с восхищением думала о том, что этот суровый солдат, покоривший огнем и мечом множество городов, четверо суток напролет скакал в дождь и наперекор ветру только потому, что услышал сердцем эхо ее рыданий.

Глава 27

В отсутствие короля и двора Версаль оказался во власти архитекторов, рабочих и художников. Как-то раз, пробираясь среди строительных лесов и груд мусора, Анжелика встретила своего брата Гонтрана, занятого росписью небольшого зала, выходящего на южный партер. Эти апартаменты, обильно украшенные мрамором и золотом, хотя и не были изначально предназначены для каких-то определенных целей, напоминали драгоценную шкатулку и сулили приятное времяпрепровождение. С некоторых пор сюда зачастила мадам де Монтеспан, чтобы наблюдать за ходом отделочных работ, и многие решили, что роскошные апартаменты будут отведены новой фаворитке.

Анжелика рассеянно разглядывала все это великолепие, лепнину в виде камыша и трав, покрытую позолотой трех разных оттенков, сложный лиственный орнамент, в центре которого художник разместил очаровательные миниатюры в голубых и розовых тонах. Маркиза поинтересовалась у брата, сможет ли он в ближайшие дни прийти к ней домой, чтобы написать портреты Флоримона и маленького Шарля-Анри. Оказалось, что у нее нет ни одного портрета Кантора, и, казня себя за это безвозвратное упущение, она просила запечатлеть на холсте черты живых сыновей. Почему она не подумала об этом раньше?

Гонтран проворчал, что это будет нелегко.

— Я тебе хорошо заплачу.

— Не в этом дело, малышка! Будь у меня возможность, я написал бы тебе эти портреты в подарок. Но где найти время? С тех пор как я начал работать в Версале, я вижу жену и детей только раз в

неделю, по воскресеньям. Мы приступаем к работе на рассвете. У нас есть полчаса в день на обед, который начинается в десять, и еще один перерыв, чтобы перекусить, а управляющие стройкой строго следят, чтобы мы отлучались по естественным надобностям не дольше пяти минут. А тут еще, как на грех, парни с болота заболели дизентерией!

— Ничего себе! А где вы спите? Где едите?

— У нас общие спальни, — Гонтран небрежным взмахом кисти указал куда-то за окно, — и харчевни, которые устроили цеха. Никак не получится выкроить для написания портрета не только целый день, но даже несколько часов!

— Куда это годится?! Ты — мой брат, и я сделаю все, чтобы добиться для тебя каких-нибудь льгот, но при условии, что ты согласишься ими пользоваться, упрямая голова!

Художник пожал плечами.

— Делай как знаешь. Капризы знатных дам священны. Я выполню, что прикажут. Единственное, о чем я прошу, — так это чтобы за прогулы меня не выгнали с работы и не выкинули на улицу.

— Со мной ты никогда не окажешься на улице!

— Я уже не раз говорил тебе, что не желаю ни милостыней, ни одолжений.

— Так чего же ты хочешь, мой вечно недовольный братец!

— Хочу, чтобы у меня были права, вот и все!

— Ну ладно, давай не будем опять спорить. Я могу на тебя рассчитывать?

— Да.

— Гонтран, я хотела бы еще раз посмотреть на плафон, который ты недавно расписал. Эта работа показалась мне бесподобной.

— Я написал бога войны. И война пришла к нам.

Живописец положил палитру и повел Анжелику по галерее к угловому залу, декор которого был только что закончен. По дороге он то и дело настороженно озирался по сторонам.

— Надеюсь, что не получу выговор за свою недолгую отлучку. Может быть, меня защитит твое присутствие.

— Ты преувеличиваешь. Тебе отовсюду мерещится опасность.

— Я научился опасаться ударов судьбы.

— Лучше научись их избегать.

— Это нелегко.

— Но ведь я научилась, — с гордостью сказала Анжелика. — Я побывала на самом дне, зато могу без хвастовства утверждать, что теперь я поднялась на новую, прежде недостижимую высоту.

— Потому что ты боролась одна и только за себя. А я не один. Я хотел бы вовлечь в борьбу всех несчастных и подарить им победу. Но для того, чтобы подняться, нужна недюжинная сила... Единство, без которого нас уничтожают поодиночке. Закваска мятежа киснет прежде, чем успеет подойти тесто.

Тронутая печальным и усталым видом брата больше, чем его словами, Анжелика не нашла с ответом.

— Ты хоть изредка встречаешься с Раймоном? — спросила она.

— Хм... Иезуит не понял бы меня. Никто не может понять, даже ты... Ну вот, смотри!

Они остановились в центре зала. Над ними, на плафоне, разделенном полосами позолоченной лепнины, пестрели обширные живописные поверхности. Бог Марс, освещенный лучами восходящего солнца, несся вперед на колеснице, запряженной волками. Его четко очерченный светлый силуэт резко контрастировал с темными фигурами диких зверей ^[74].

— Ах! Гонтран! — воскликнула пораженная Анжелика. — Твой Марс напоминает мне Филиппа.

Лицо Гонтрана озарилось беспечной улыбкой.

— Ты права. Мне кажется, что никто иной из свиты короля не мог бы послужить лучшей моделью. Непобедимая красота, — с внезапным жаром заговорил он, — совершенство тела и жестов! Какое наслаждение наблюдать за его величественной походкой, когда он идет по коридорам и галереям Версаля!

Гонтран задумался и потом рассмеялся.

— Нет нужды раздуваться от гордости, как индюк. Я и не думал тебе льстить, потому что он твой муж. Ты тут ни при чем. Конечно, ты тоже красивая. Просто он словно из другой эпохи. В его облике есть чуть меланхоличное величие статуй античной Греции...

— Ты написал его по памяти?

— Порой память художника творит лучше, чем сама реальность. Если хочешь, я напишу для тебя портрет Кантора.

Глаза Анжелики наполнились слезами.

— Разве это возможно? Гонтран, ты же его почти не знал! Хорошо, если ты видел своего племянника один или два раза.

— Думаю, я его вспомню.

Он прикрыл веки, помогая себе воспроизвести забытую картину.

— Он был похож на тебя. Те же зеленые глаза... А ты будешь направлять меня, подсказывать.

К ним подошел мужчина в коричневом платье, со сложенными за спиной руками.

— Старший мастер, — шепнул Гонтран.

Анжелика напустила на себя насколько можно высокомерный вид и объявила, что этот ремесленник ее интересует и она хотела бы получить его для работ в своем особняке. Обращаясь к мастеру, она несколько раз упомянула имена господина Кольбера и господина

Перро, генерального контролера сюринтендантства королевских строений.

Низко кланяясь, старший мастер угодливо заверил госпожу маркизу, что он подчинится любым приказаниям господ Кольбера и Перро. Поросячьи черты его лица навели Анжелику на мысль, что перед ней жестокий и глупый надсмотрщик.

Анжелика отправилась из Версаля в Сен-Жермен. Она решила просить у мадам де Монтозье разрешения, чтобы Флоримон один или два дня в неделю отлучался со службы при Монсеньоре дофине. Анжелика всегда с удовольствием общалась с мадам де Монтозье, которая прежде звалась Жюли д'Анженн, герцогиня де Рамбуйе, и была одной из знаменитых парижских жеманниц, по которой сходили с ума самые знатные вельможи. Считалось, что мадемуазель де Скюдери в знаменитом романе «Великий Кир» наделила чертами мадам де Монтозье свою героиню Клеомиру. Прекрасная герцогиня вдохновляла многих поэтов, таких как Годо, Вуатюр, Бенсерад.

Не меньше, чем красотой, она славилась изысканным вкусом, приветливостью и добродетелью. Даже сейчас, несмотря на появившиеся с возрастом морщины, мадам де Монтозье была прелестна. У нее был только один недостаток — муж, герцог де Монтозье — черствый, суровый и к тому же бескомпромиссный правдолюбец — качество, очень неудобное в мире, где лицемерие являлось неотъемлемой частью бытия. Родившийся в протестантской семье, в 1645 году он отрекся от веры предков ради женитьбы на прекрасной Жюли д'Анженн.

«С “бескомпромиссными” такое случается», — подумала Анжелика, вспомнив ту давнюю историю.

— Бедняжка, — воскликнула мадам де Монтозье, обнимая гостью, — я вижу, вы в трауре, и знаю почему. У вас такое горе, с которым придется свыкнуться, но

нельзя смириться. Меня горестное известие просто сразило. У вас был необыкновенный мальчик.

Еще несколько минут дамы поговорили о Канторе, а затем Анжелика изложила свою просьбу насчет Флоримона. Мадам де Монтозье уверила молодую мать, что герцог не будет противиться такой просьбе. Поездка дофина, который должен был присоединиться к отцу во Франш-Конте, откладывалась.

— По-видимому, Его Величество не собирается в этом году затягивать военную кампанию. Даже дам не пригласили сопровождать армию.

Двор не смущала странная ситуация, при которой после «воцарения» мадам де Монтеспан мадемуазель де Лавальер по-прежнему считалась фавориткой. Любовниц Его Величества стали называть просто «дамы», при случае присоединяя к ним и королеву.

— Мадам де Монтеспан сильно опечалилась, узнав об этом решении. Она надеялась поехать одна. Но король никогда открыто не откажется от Лавальер. По крайней мере, до тех пор, пока публичная связь с мадам де Монтеспан чревата скандалом...

— Любой скандал заканчивается.

— Не всегда, моя милая. Дело в том, что муж Атенаис оказался на редкость несговорчивым. Это неожиданно, но факт. Еще чуть-чуть, и при появлении месье де Монтеспана король начнет прятаться по шкафам. Он не знает, с какого бока подступиться к обманутому мужу. Недавно этот сумасшедший гасконец носился по Большой галерее Версаля, подбегал то к одному придворному, то к другому и вопил со своим непередаваемым акцентом: «Я рогоносец! Да, друзья, я — рогоносец, рогоносец и еще раз рогоносец, причем с большой буквы “Р”!» Вы смеетесь, и я рада, что сумела вас немного развеселить. Но мадам де Монтеспан приходила ко мне и проплакала целый день. Говорит,

король уехал во Франш-Конте, спасаясь бегством от ревнивца, и, возможно, она права.

Тем временем в комнату вошла та, о ком они беседовали. За Атенаис следовали мадемуазель Дезёйе, ее камеристка, и негритенок Нааман с попугаем в руках.

Мадам де Монтеспан даже не удосужилась поздороваться с подругами. Сегодня ее обычно цветущее лицо казалось очень бледным. Отчасти причиной тому была беременность, которую больше нельзя было скрыть, но, помимо этого, Атенаис выглядела крайне встревоженной.

— Кажется, меня ищет муж? — спросила она. — Я пришла спрятаться у вас.

— Ну, полноте, бедняжка, вы совсем потеряли голову, — попыталась успокоить ее мадам де Монтозье. — Вы просто одержимы этой идеей.

— Я перестала спать, — простонала Атенаис, рухнув на диван. — Уж и не знаю, что он способен натворить.

— Успокойтесь. Это все нервы, на вас действует жара. Я прикажу принести прохладительные напитки, и вам сразу станет лучше.

Мадам де Монтеспан с тяжелым вздохом согласилась пригубить воду с миндальным молоком. Но она по-прежнему оставалась настороже.

— Вы ничего не слышите?

Четыре женщины замолчали и прислушались.

— Честное слово, это в самом деле наш Пардаян, — с улыбкой сказала Анжелика, прислушиваясь к взрывам зычного голоса, раздававшимся где-то в коридорах.

— Закройте дверь, умоляю! — воскликнула Атенаис.

Но мадам де Монтозье не успела задвинуть засов. Резким движением толкнув створку двери и отпихнув в сторону малыша Наамана, оказавшегося у него на пути, в комнату ворвался господин де Монтеспан и кинулся к жене.

— А! Вот вы где, мерзавка, шлюха... И не надейтесь ускользнуть от меня. Если я на какое-то время оставил вас в покое, то у меня были на то причины. Но теперь я готов отомстить...

— Мессир де Монтеспан, похоже, вы забыли все приличия, — с достоинством заметила мадам де Монтозье.

Маркиз грубо одернул придворную даму:

— А вы помолчите... У меня есть дело к этой вот... к ней и к королю!

Мадам де Монтозье тихо вскрикнула и схватилась за сердце.

Напротив, Атенаис воспрянула духом и попыталась дать отпор.

— Как вы осмелились произнести имя короля и при этом не сгорели от стыда, наглец! — закричала она.

— Ого!.. Так, по-вашему, это я должен стыдиться?

— Да. Король всегда был к вам великодушен. Он не заслужил того, чтобы его имя трепали негодяи вроде вас.

— Я вам сейчас скажу, чего он заслужил! — взвыл Пардаян. — Он заслужил сифилис, которым вы его наградите!

Атенаис оскорбленно выкрикнула:

— Сифилис?.. Я не больна!

— Заболеете, — с пугающей ухмылкой пригрозил ревнивец, — потому что он есть у меня и я собираюсь передать его вам, как то подобает прилежному супругу.

— На помощь! Он сошел с ума! — закричала Атенаис, прячась за диваном.

Муж бросился к ней. Испуганная мадам де Монтозье в полуобморочном состоянии лежала в кресле. Слуги и служанки бросились к выходу.

Анжелика повисла на руке маркиза и безуспешно пыталась уговорить его.

— Оставьте меня, — ревел он. — Эта потаскуха должна заплатить по счетам.

— В конце концов, Пардаян, разве вы сами не хотели этого?

— Что? — он остановился. — Что? Вы хотите сказать, я сам виноват в том, что жена мне изменяет?

— Да! Именно так. Почему вы не позволили Атенаис покинуть двор, уехать, когда она просила об этом? Напротив, вы подбадривали ее, уговаривали остаться и очаровать короля. А теперь вы кричите. Это нелогично!

— Логика! — господин де Монтеспан театрально воздел руки. — Логика! Что есть логика? Ах! Мадам, вы не знаете гасконцев!

— И слава Богу!

— Одно дело помыслы, а другое — реальность, между двумя этими понятиями лежит целая пропасть. Я не в силах терпеть то, что в настоящее время происходит между королем и моей женой. Отпустите меня, говорю вам. Ведь не напрасно же я разыскивал этот чертов сифилис в самых гнусных трущобах на Валь-д'Амур... Ах, негодяйка!

Воспользовавшись ситуацией, мадам де Монтеспан сбежала.

— Отложите вашу затею, — сказала Анжелика, с трудом сдерживая смех. Она даже не могла пожалеть бедную госпожу де Монтозье, которой ее фрейлины принесли нюхательную соль.

В конце концов Анжелика уговорила ревнивца уехать вместе с ней в Париж и проводила до самого Люксембургского дворца, где Монтеспана взяла под свое крыло Великая Мадемуазель, пообещав «отчитать ревнивца самым суровым образом».

Вернувшись домой, Анжелика, которую семейные ссоры Монтеспанов немного отвлекли от грустных мыслей, была очень удивлена, обнаружив в своем особняке господина де Сент-Эньяна, прибывшего из

Франш-Конте. Дворянин привез письмо, которое король уполномочил вручить маркизе от своего имени.

— Король?

— Да, мадам.

Анжелика уединилась, чтобы прочесть послание.

«Мадам, — писал король, — мы разделяем постигшее вас горе и выражаем соболезнования в связи с кончиной вашего сына, погибшего на нашей службе, несмотря на его юный возраст. Это побуждает нас отнестись с повышенным интересом к будущему вашего старшего сына, Флоримона де Моренс-Бельера. Мы желаем возвысить его и закрепить за нашим домом, назначив пажом-виночерпием под началом мессира Дюшена, первого офицера королевского кубка. Мы будем счастливы видеть его незамедлительно, поэтому он должен занять новую должность уже в армии. Мы также желаем, чтобы вы сопровождали сына в этой поездке.

Людовик».

В изумлении покусывая нижнюю губу, Анжелика долго изучала королевскую подпись: «ЛЮДОВИК». Флоримон — виночерпий короля! Юные наследники самых прославленных домов Франции оспаривали право занять эту должность, для выкупа которой требовалась огромная сумма денег. И этой небывалой чести удостоен никому не известный маленький Флоримон. Не могло быть и речи о том, чтобы отказаться. Но Анжелика никак не могла решиться ехать вместе с сыном. Она раздумывала целых два дня. Но, в конце концов, рассудила, что просто смешно игнорировать приглашение, которое давало ей возможность вновь увидеть Филиппа и отвлекло бы ее от грустных мыслей.

Наконец она отправилась в Сен-Жермен за Флоримоном. Мадам де Монтозье не смогла ее принять. После волнений, пережитых во время скандала с маркизом де Монтеспаном, бедняжка герцогиня

заболела. Весь двор судачил о недавнем происшествии. Немногочисленные свидетели сцены не скупались на подробности, но даже если бы все предпочли забыть о печальном инциденте, это было невозможно, потому что попугай маркизы орал на все четыре стороны.

«Рогоносец! Рогоносец!» — разносилось кругом. Попугай очень четко воспроизводил человеческую речь, и его беспрестанные резкие крики нельзя было понимать как-то иначе: «Сифилис! Шлюха!»

Даже слуги с трудом сдерживали смех.

Отважная гордячка мадам де Монтеспан высоко держала голову и, стараясь покончить со сплетнями, сама над ними весело смеялась. Но когда Атенаис встретила Анжелику, она разрыдалась и спросила о муже.

Анжелика рассказала, что Мадемуазель сумела успокоить разъяренного гасконца и тот обещал вести себя потише.

Атенаис вытерла слезы негодования.

— Ах! Если бы вы только знали! Я просто с ума схожу от того, что мой муж и мой попугай развлекают толпу негодяев... Я написала королю и надеюсь, что на сей раз он примет меры.

В этом Анжелика была совсем не уверена, хотя и не рискнула сообщить Атенаис, что Его Величество пригласил ее саму присоединиться к армии.

Карета прибыла в Табо вечером. Уже стемнело, и Анжелика приказала отвезти ее на постоянный двор. Конечно, она могла отправиться и в лагерь, огни которого рассыпались по равнине, но два дня пути по разбитым дорогам были слишком утомительными. Флоримон, с растрепанными волосами, спал, уронив подбородок на мятое кружево жабо. В таком

неухоженном виде он не мог появиться на людях. Обе девицы Жиландон тоже спали, открыв рты и откинув головы назад. Мальбран-Удар-Шпагой храпел, как церковный орган. Только аббат де Ледигьер сумел сохранить достойный вид, хотя его щеки покрывала дорожная пыль. Стояла удушающая жара, путешественники взмокли и покрылись изрядным слоем грязи.

Постоялый двор оказался переполнен — близость королевской армии внесла оживление в размеренную жизнь деревеньки. Но для знатной дамы, прибывшей в карете, запряженной шестеркой лошадей, и ее спутников место все же нашлось. Хозяин предложил гостям две комнаты и мансарду, в которой разместился учитель фехтования. Флоримон устроился с аббатом в одной из комнат, а в другой обнаружилась просторная кровать, способная приютить Анжелику и двух ее спутниц. Все хорошенько умылись и подкрепились лотарингским ужином, состоявшим из пирога со свиным салом, домашних колбасок, брюссельской капусты в масле и сливового компота, а потом отправились спать. Утром надлежало предстать перед королем и окунуться в армейскую жизнь.

Девицы Жиландон, прижавшись друг к другу и укрывшись за пологом, снова уснули, а Анжелика, сидя в пеньюаре, заканчивала расчесывать гребнем волосы, когда в дверь постучали. Пригласив посетителя войти, изумленная Анжелика увидела в проеме проказливую физиономию Пегилена де Лозена.

— Прелестница, а вот и я!

Он вошел на цыпочках, подняв палец.

— Вот уж совсем не рассчитывала увидеть вас, месьир де Лозен, — сказала Анжелика. — Откуда вы взялись?

— Из лагеря, конечно. Как только разносчик хлеба из деревни принес известие о вашем прибытии, я тут

же направил свои стопы...

— Опять хотите навлечь неприятности на мою голову?

— Я? А что вы называете неприятностями, неблагодарная? Кстати, вы здесь одна?

— Нет, — Анжелика указала подбородком на спавших в чепцах девиц Жиландон. — Но это ничего не меняет.

— Хватит демонстрировать свою неприступность. Мои намерения совершенно чисты, по крайней мере, в отношении вас.

И он поднял к потолку взгляд мученика.

— Увы, сейчас я действую не от своего имени! Что же, не будем терять время. Отправьте куда-нибудь своих юных девственниц.

Пегилен наклонился и прошептал Анжелике на ухо:

— Здесь сам король, он хочет вас видеть.

— Король? Где?

— В коридоре.

— Пегилен, ваши шутки переходят все границы. В конце концов, вы меня разозлите.

— Клянусь...

— Вы утверждаете, будто король...

— Тсс! Тихо, умоляю вас. Его Величество хочет встретиться тайно. Вы отлично понимаете, что государь не может подвергать себя риску быть узнанным.

— Пегилен, я вам не верю.

— Это уж слишком! Избавьтесь от девиц, и вы увидите, лгу я или нет.

— Куда я их дену? Может быть, в постель к Мальбрану-Удар-Шпагой?

Анжелика встала и решительно затянула поясok пеньюара.

— Если, как вы утверждаете, король и правда в коридоре, так что же, там я его и приму.

Она вышла и в растерянности остановилась перед дворянином, стоявшим около двери.

— Мадам права, — раздался голос короля из-под серой бархатной маски. — В конце концов, этот коридор не так уж и плох. Освещен именно так, как нужно, да и нет никого. Пегилен, друг мой, не могли бы вы спуститься к подножию лестницы, чтобы остановить докучливых посетителей, если таковые появятся?

Он положил руки Анжелике на плечи. Затем спохватился и снял маску. Это действительно был король. Он улыбался.

— Не надо реверансов, мадам.

Он отодвинул ее браслеты, взял за руки и увлек к нише, где перед статуэткой тускло светилась лампадка.

— Я спешил вновь увидеть вас.

— Сир, — решительно начала Анжелика, — я уже говорила мадам де Монтеспан, что не собираюсь играть роль ширмы, на которую она столь хитроумно меня назначила, и хотела бы, чтобы Ваше Величество поняли...

— Не стоит повторяться, Безделица. Ведь вы достаточно умны, чтобы сменить тему разговора.

Анжелика молчала.

— Подумайте как следует, сейчас речь не о ширме... и это не комедия. Если бы я хотел увидеться с вами для того, в чем вы меня обвиняете, то зачем бы мне надевать маску и тщательно скрывать нашу встречу?

Этот аргумент своей неоспоримостью привел Анжелику в замешательство.

— Тогда зачем? — спросила она.

— Все очень просто, мадам. Я не думаю, что люблю вас, но вы меня очаровали. Не знаю, какой тайной властью вы обладаете, быть может, сами того не подозревая. Но я не могу забыть ваши губы, ваши глаза... не могу забыть, что у вас самые красивые ножки во всем Версале.

— Мадам де Монтеспан тоже красива. Она намного красивее меня. И она вас любит, сир. Она дорожит Вашим Величеством.

— Между тем как вы...

Анжелика в панике отвернулась. Положение казалось безвыходным. Такой бессвязный лепет достоин только испуганной мещанки.

— Сир, я замужем. Маркиз дю Плесси-Бельер — ваш друг.

Король пожал плечами и притянул ее в свои объятия.

В его зрачках вспыхнули золотые искры. Людовик, несомненно, умел очаровывать, пленять, подчинять своей власти. Когда он коснулся губами ее рта, Анжелика хотела убежать, но не смогла. Король был настойчив. Он преодолевал сопротивление сомкнутых губ, сжатых зубов. Он заставлял ее уступить, и Анжелика почти потеряла сознание, слепо подчиняясь неистовому желанию господина, никогда не слышавшего слова «нет». Их поцелуй жгучий, неутолимый, длился бесконечно. Людовик не отступал до тех пор, пока она не ответила на его страсть. Когда он отпустил ее, Анжелика чувствовала, что ее голова стала пустой. Обессиленная, со звоном в ушах, женщина прислонилась к перегородке. Ее влажные, припухшие от долгого поцелуя губы дрожали.

Король почувствовал, что задыхается от охватившей его страсти.

— Я мечтал об этом поцелуе, — шептал он, — мечтал дни и ночи. Когда я вижу вас такой, с откинутой назад головой и прелестными полузакрытыми веками, вижу в этом призрачном свете вашу дивную шею, на которой бьется жилка... Оставить вас сейчас? Нет, на это у меня просто не хватит мужества. Эта гостиница укромна...

— Сир, будьте милосердны, — взмолилась Анжелика, — не пользуйтесь слабостью, которая

внушает мне ужас.

— Ужас? Напротив, я почувствовал отклик вашего тела, и есть признаки, которые не позволяют мужчине ошибиться.

— Как же иначе? Ведь вы — король!

— А если бы я не был королем?

Анжелика, к которой вернулась обычная горячность, заносчиво ответила:

— Я отвесила бы вам пару пощечин.

Взбешенный король принялся мерить шагами коридор.

— Честное слово, вы меня злите. Откуда такое пренебрежение? Вы думаете, что я настолько никчемный любовник?

— Сир, неужели вам безразлично, что маркиз дю Плесси-Бельер — ваш друг?

Смутившись, молодой правитель опустил голову.

— Конечно, он мой верный друг, но я не считаю, что происходящее каким-то образом заденет его. Все знают, что у прекрасного бога Марса есть только одна любовница — война. Я дал ему армии, приказал вывести их на поле битвы, а больше ему ничего не надо. Маркиз не раз доказывал, что сердечные дела его совершенно не интересуют.

— Он доказал мне, что любит меня.

Король вспомнил о придворных сплетнях и стал ходить по кругу, как зверь в клетке.

— Марс, сраженный чарами Венеры?! Нет, я не могу в это поверить! Если это правда, тогда вы действительно способны творить чудеса.

— А что, если я скажу: сир, мы любим друг друга. Это только что зародившаяся, юная и хрупкая любовь. Вы разрушите ее?

Король внимательно смотрел на стоявшую перед ним женщину. В его душе привычка властвовать и

добиваться своего боролась с чувством мужской порядочности.

— Нет, я не буду разрушать вашей любви, — с глубоким вздохом произнес наконец Людовик. — Если все обстоит именно так, как вы говорите, то я отступаю. До свидания, мадам. Спите спокойно. Мы встретимся с вами завтра, в расположении войск. Я жду вашего сына.

Глава 28

Филипп ждал ее на пороге королевского шатра. В голубом бархатном костюме маршал выглядел особенно величественным. Он поклонился супруге и, высоко подняв ее руку, повел сквозь ряды придворных к столу, покрытому кружевной скатертью и уставленному золотыми и серебряными приборами. Король только что занял свое место.

— Приветствую вас, господин мой муж, — негромко сказала Анжелика.

— Приветствую вас, мадам.

— Я увижу вас сегодня вечером?

— Если мне позволит служба.

Его лицо оставалось непроницаемым, но пальцы заговорщически сжали руку Анжелики.

Король смотрел на приближающуюся супружескую чету.

— При нашем дворе нет пары красивее, чем маркиз и маркиза дю Плесси-Бельер, не так ли? — обратился он к главному камергеру.

— Сир, вы совершенно правы.

— К тому же они оба — верные и достойные слуги, — печально заметил король.

Господин де Жевр украдкой взглянул на сюзерена.

Анжелика присела в глубоком реверансе. Король подал ей руку, чтобы помочь подняться. Она встретила взгляд его темных глаз, которые подмечали каждую деталь ее туалета, начиная от светлых локонов, усыпанных драгоценными камнями, до изысканных башмачков из белого атласа, выглядывавших из-под парчового платья, декорированного гирляндами васильков. Она оказалась единственной дамой, приглашенной к королевскому ужину, а среди сеньоров,

торопившихся занять места за столом, было множество мужчин, которые на протяжении долгих месяцев военной кампании не имели удовольствия любоваться красивыми женщинами.

— Маркиз, ты — счастливчик, — сказал король, — обладать подобным сокровищем! Здесь нет ни одного мужчины — и твой сюзерен в их числе, — кто не завидовал бы такой удаче. По крайней мере, мы хотим надеяться, что ты не пренебрегаешь ею. Все знают, что запах пороха, дым орудий и хмель побед порой превращали тебя в слепца, не замечающего привлекательности прекрасного пола.

— Сир, есть свет, который может вернуть зрение слепцу и заставить его ощутить вкус иных побед.

— Отличный ответ, — смеясь, заметил король. — Мадам, вы можете пожинать лавры.

Людовик по-прежнему держал руку Анжелики в своей, а другая его рука непринужденно лежала на плече Филиппа в том дружественном жесте, которым Его Величество охотно пользовался в непринужденной атмосфере военных лагерей, чтобы продемонстрировать свое расположение.

— Марс, друг мой, — вполголоса продолжил монарх, — ты — баловень судьбы, но я не стану тебе завидовать. Твои заслуги велики, а твоя верность дорога мне. Помнишь ли ты первый бой, когда нам было по пятнадцать лет? Мы шли в атаку, и воздушной волной от пролетавшего мимо ядра с меня сорвало шляпу. Ты побежал под градом артиллерийского обстрела, чтобы поднять ее.

— Сир, я отлично помню тот день.

— Это было безумием с твоей стороны. Но и потом ты совершил еще немало безумств во славу своего сюзерена.

Король был немного ниже Филиппа, его темные волосы контрастировали с золотистой шевелюрой

маркиза. И все же они походили друг на друга гармоничными пропорциями гибких и мускулистых тел, развитых, как у всех молодых людей той эпохи, благодаря постоянным физическим занятиям, конному спорту и военным упражнениям, которыми было принято заниматься сызмальства.

— Стремление к воинской славе может заставить забыть о любви, но может ли любовь заставить позабыть боевую дружбу?

— Нет, сир, я так не думаю.

— И я разделяю такое мнение... Ну что же, господин маршал, достаточно философии для простых солдат. Мадам, прошу за стол.

Филипп остался стоять, помогая главному камергеру. Единственная женщина среди собравшихся, Анжелика села справа от короля, заняв место, обычно предназначавшееся королеве. Его Величество бросал пламенные взгляды на склоненный профиль своей соседки и любовался блеском тяжелой серьги, которая при каждом движении касалась ее бархатистой щеки.

— Теперь ваша совесть спокойна, мадам?

— Сир, доброта Вашего Величества меня смущает.

— Речь не идет о доброте. Увы, дорогая Безделица, что мы можем противопоставить любви? — сказал король со скрытой грустью. — Это чувство не знает полумер. Если я не в состоянии пойти на низость, то остается только проявлять великодушие. На моем месте любой мужчина поступил бы так же. Вы заметили, насколько успешно справляется со своими обязанностями ваш сын?

Его Величество указал на Флоримона, помогавшего главному виночерпию. Когда король хотел пить, главный виночерпий, предупрежденный слугой, направлялся к буфету и брал поднос, на котором стояли полные графины: один с водой, другой с вином, а также бокал на тонкой ножке. Затем он шел к главному

камергеру, а перед ним маленький паж нес «пробу» — серебряную чашу, в которую главный камергер наливал немного воды или вина. Главный виночерпий выпивал содержимое чаши. Это служило доказательством, что питье короля не отравлено, и тогда придворный наполнял бокал, который с благоговением держал Флоримон. Мальчик необычайно грациозно выполнял обряд.

Король коротко поздравил пажа с назначением, а Флоримон в знак благодарности склонил свою кудрявую голову.

— С такими черными глазами и шевелюрой сын совсем не похож на вас. В нем чувствуется южная кровь.

Анжелика сначала побледнела, затем покраснела. Ее сердце застучало с перебоями. Король накрыл ладонью ее руку.

— К чему такая впечатлительность? Когда наконец вы перестанете всего бояться? Неужели вы до сих пор не поняли, что я не причиню вам зла?

Вставая, король положил руку на талию маркизы, пропуская ее вперед, и этот жест смутил Анжелику больше, чем самое дерзкое прикосновение.

Вместе с Филиппом они шли через лагерь, где красноватые сполохи биваков смешивались с золотистыми ореолами свечей, горевших в палатках принцев и высших офицеров.

Маршалу дю Плесси принадлежал шатер из желтого атласа, расшитого золотом — великолепный образчик военной элегантности. В шатре стояли два кресла из ценных пород древесины, низкий «турецкий» столик и лежали подушки для сидения с золотыми полосами. Роскошный ковер на полу и похожая на тахту лежанка, тоже застеленная ковром, придавали интерьеру аромат восточной роскоши. Красавца маркиза не раз упрекали за чрезмерную любовь к роскоши. Даже король мирился

с более скромными походными условиями. Но сердце Анжелики сжалось от нежности, и неожиданное открытие взволновало ее. Какой силой духа, какой негибимой волей надо обладать, чтобы встречать врага в кружевном воротнике, а вечером после сражения унижать пальцы кольцами, щеголять надушенными усами, сверкающими сапогами, когда все остальные смирились с потом, грязью и вшами — неизбежными спутниками военных кампаний?

Филипп расстегнул портупею. В шатер вошел Ла Виолетт, за которым следовал подросток, находившийся на службе у маршала. Они поставили на столик легкую закуску: фрукты, пирожные и вина. Камердинер подошел к хозяину, чтобы помочь ему раздеться, но Филипп нетерпеливым жестом отослал его.

— Должен ли я позвать ваших компаньонов? — спросил он у Анжелики.

— В этом нет необходимости.

Маркиза оставила девиц Жиландон и Жавотту на попечение хозяина постоянного двора, захватив с собой только Терезу, девушку не из пугливых. Та помогла хозяйке надеть придворный наряд, а потом исчезла, и теперь ее едва ли можно было разыскать.

— Мне поможете вы, Филипп, — с улыбкой сказала Анжелика. — Думаю, существует еще немало вещей, которым я могу вас обучить.

Она подошла к мужу и, ласкаясь, положила голову ему на плечо.

— Вы рады меня видеть вновь?

— Увы, да!

— Почему уввы?

— Вы полностью завладели моими мыслями. Я изведаль знакомое ранее чувство — муки ревности.

— К чему муки? Я люблю вас.

Филипп, не ответив, коснулся лбом ее плеча. Вдруг перед мысленным взором Анжелики возникли горящие глаза короля.

Рядом с шатром солдат начал наигрывать на флейте рефрен какой-то грустной песенки. Анжелика вздрогнула. Нужно покинуть Версаль с его праздниками и больше не встречаться с королем.

— Филипп, — спросила она, — когда вы вернетесь? Когда для нас настанет пора учиться жить вместе?

Он чуть отстранился и с иронией посмотрел на Анжелику.

— Жить вместе, — повторил он. — Разве подобную роскошь могут себе позволить маршал королевских армий и знатная придворная дама?

— Я хочу оставить двор и уехать в Плесси.

— Что за дьявольская непоследовательность! Некогда я пытался принудить вас остаться в Плесси, но вы скорее позволили бы изрубить себя на мелкие кусочки, чем уступить. А сейчас слишком поздно!

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы занимаете важные должности. На одну из них вас любезно назначил сам король. Отказаться от этого значило бы вызвать гнев Его Величества.

— Именно из-за короля я и хочу уехать, Филипп! Король...

Она подняла глаза и встретила его застывший взгляд, как если бы он вдруг снова отдалился от нее.

— Король... — с тревогой повторила Анжелика.

Она не решилась договорить и стала машинально раздеваться. Филипп казался погруженным в какие-то глубокие думы.

«То, что король сказал сегодня вечером, поможет ему понять, — подумала она. — А может быть, он уже понял... давно... задолго до того, как поняла я сама?»

Филипп наклонился к Анжелике, которая распускала прическу, сидя на постели. Она протянула руки, чтобы

обнять его за плечи, и он не стал противиться этой ласке.

Она с готовностью позволила ласкать свое прекрасное тело, прикрытое легким покрывалом. Филипп гладил тонкую талию, теплую бархатную спину, возвращался к роскошной груди, которая после недавних родов стала немного тяжеловатой, но по-прежнему упругой и высокой.

— Действительно, «лакомый кусочек» для Его Величества, — вдруг прошептал он.

— Филипп! Филипп!

Они надолго замолчали, охваченные необъяснимым страхом.

Снаружи кто-то позвал:

— Господин маршал! Господин маршал!

Филипп вышел на порог палатки.

— Только что схватили шпиона, — объявил посыльный. — Его Величество требует вас.

— Не ходите, — взмолилась Анжелика.

— Хорош бы я был, не явившись на зов короля, — смеясь, возразил дю Плесси. — На войне как на войне, моя дорогая. Сначала я должен заняться врагами Его Величества.

Маркиз склонился к зеркалу, разгладил светлые усы и взял шпагу.

— Как там было в песенке, которую пел ваш сын Кантор?.. Ах да!

*Прощай, мое сердце! Тебя я люблю,
то с жизнью, с надеждой прощанье.
Но все же должны мы служить королю -
И нам предстоит расставанье.*

Она напрасно ждала его в ту ночь в расшитом золотом шатре. В конце концов Анжелика уснула на мягкой тахте, покрытой шелковым ковром. Когда она проснулась, сквозь желтый атлас сочился дневной свет, и она подумала, что наступил погожий ясный день. Но, выйдя из шатра, Анжелика увидела серые облака, отражавшиеся в огромных лужах. Стояло хмурое туманное утро, шел дождь. Лагерь, утонувший в грязи, был почти пуст. Где-то вдалеке играли зарю, а с поля боя раздавался непрерывный шум канонады.

По ее приказу Мальбран-Удар-Шпагой привел своей хозяйке верховую лошадь. Незнакомый военный указал Анжелике дорогу к холму.

— Оттуда, мадам, вы сможете следить за ходом боевых действий.

Анжелика присоединилась к господину де Сальнову, чьи войска стояли вдоль обрыва. Справа, сквозь облака, начало вырисовываться робкое солнце. Медленно крутились крылья ветряной мельницы.

Приблизившись к месту сражения, Анжелика увидела уже знакомую картину: небольшой городок, окруженный кольцом насыпей, вздымавшиеся к небу черепичные крыши, готические шпили и массивные башни. Живописная речушка белым шарфом обнимала крепость.

Французские батареи выстроились в долине, вверх по течению реки; с холма можно было разглядеть три ряда орудий, прикрывавших огнем полки пехоты, каски и высокие пики которой искрились в лучах солнца. Нарочный, бросивший коня в полевой галоп, пересекал равнину. Красочная группа военных сновала вдоль передовой линии. Господин де Сальнов указал на нее Анжелике концом хлыста.

— С раннего утра король не покидает аванпост. Он полагает, что лотарингский гарнизон скоро капитулирует. Всю ночь Его Величество и офицеры

штаба не сомкнули глаз. Вчера вечером поймали шпиона, который признался, что ночью гарнизон крепости попытается атаковать. Они действительно предприняли робкие попытки атаки, но мы были готовы, и враг отступил. Теперь они не станут тянуть и сдадутся.

— Но пока что пушечный огонь еще очень силен, не так ли?

— Это последние залпы. Губернатор Доля не смеет сложить оружие, не израсходовав всех боеприпасов.

— Вчера вечером мой муж сказал то же самое, — заметила Анжелика.

— Я рад, что он разделяет мое мнение. У маршала отличное военное чутье. Не сомневаюсь, что мы уже можем готовиться к триумфальному ужину, который сегодня состоится в Доле...

Нарочный, которого они заметили несколько минут тому назад, появился на повороте с криком:

— Мессир дю Плесси-Бельер...

Но, заметив Анжелику, он запнулся, натянул удила и повернул назад.

— Что? Что случилось? — в тревоге спрашивала она. — С моим мужем что-то произошло?

— В чем дело? — поддержал Сальнов. — Что с маршалом? Да говорите же наконец, месье. Маршал ранен?

— Да, — пробормотал запыхавшийся лейтенант, — ничего страшного... успокойтесь. С ним король... Господин маршал рисковал и...

Анжелика пришпорила свою кобылу к тропинке, ведущей с холма. Спускаясь, она несколько раз чуть не свернула себе шею, а на равнине отпустила поводья, бросая лошадь в галоп.

Филипп ранен! Ее внутренний голос кричал: «Я знала... знала, что это случится». Город приближался, уже виднелись пушки и оцетинившаяся пиками пехота,

вставшая неподвижным каре. Но Анжелика смотрела только на пеструю группу военных около передовых орудий.

Когда она подскакала ближе, какой-то всадник отделился от этой группы и помчался ей наперерез. Анжелика узнала Пегилена де Лозена. Она крикнула, задыхаясь:

— Филипп ранен?

— Да.

Подъехав, граф быстро добавил:

— Ваш муж рисковал самым бессмысленным образом. Король изъявил желание узнать, удался ли обманный маневр и подтолкнет ли осажденных к капитуляции наш ложный штурм. Маршал дю Плесси заявил, что он лично осмотрится на местности, и направился к откосу, который с рассвета без остановки обстреливали вражеские орудия.

— Это серьезно?

— Да.

Анжелика заметила, что Пегилен уже какое-то время лошадью загораживает ей дорогу. На ее плечи словно легла свинцовая мантия. В душу проник холод, сердце разбилось.

— Он... умер, да?

Пегилен кивнул.

— Пропустите меня, — бесцветным голосом произнесла Анжелика. — Я хочу его видеть.

Пегилен не двинулся с места.

— Пропустите меня! — закричала Анжелика. — Это мой муж! Я имею право! Я хочу его видеть.

Граф подъехал к всаднице совсем близко, протянул руку и нежно прижал ее голову к своему плечу.

— Лучше не надо, милая, не надо, — прошептал он. — Увы! Наш красавец маркиз... ему снесло голову ядром!

Она рыдала. Отчаянно рыдала на тахте, на которой прождала мужа всю ночь.

Она не желала принимать соболезнований, не желала слышать слов утешения, глупых и никчемных. Наперсницы, слуги, Мальбран-Удар-Шпагой, аббат Ледигьер, сын стояли перед палаткой, потрясенные ее рыданиями. Анжелика повторяла себе, что такого просто не может быть, но в то же время знала, что эта гибель была неотвратимой. А она даже не могла прижать его голову к сердцу, последний раз ласковым, материнским жестом коснуться бледного холодного лба, не знавшего нежности, поцеловать навсегда закрытые веки с длинными ресницами и тихо прошептать: «Я любила тебя... Ты был первым, кто заставил трепетать мое юное сердце».

Филипп! Филипп в розовом... Филипп в голубом... На нем белоснежный с золотом камзол... светлый парик... красные каблуки... Филипп гладит по голове маленького Кантора...

Филипп с кинжалом в руке мертвой хваткой держит за горло волка.

Филипп дю Плесси-Бельер, настолько красивый, что король называл его Марсом, а художник увековечил его черты на плафоне Версальского дворца. Бог войны в колеснице, влекомой волками.

Почему его больше нет? Почему он ушел? «С дыханием ветра», — как говорила Нинон. С обжигающим и беспощадным дыханием ветра войны. Зачем он так рисковал?

Нарочный и граф де Лозен, описывая его гибель, говорили одинаково, и сейчас Анжелика вспомнила их слова. Она чуть приподнялась и прошептала:

— Филипп, зачем ты это сделал?

Шелковый занавес, закрывавший вход в шатер, качнулся, и перед вдовой склонился в поклоне господин де Жевр, главный камергер короля.

— Мадам, Его Величество желает выразить вам свои соболезнования и сказать, сколь он опечален.

— Я не хочу никого видеть...

— Мадам, это король.

— Я не хочу видеть короля, — закричала молодая женщина, — а главное — я не желаю видеть ту стаю уток, которая неотрывно следует за ним по пятам, переваливаясь и крикая, и которая будет смотреть на меня, прикидывая, кому достанется должность маршала!

— Мадам... — пробормотал пораженный придворный.

— Убирайтесь вон! Прочь отсюда!

Анжелика снова упала на тахту и зарылась лицом в подушки. Обессилев от горя, она не хотела никого видеть, не могла думать и просто взять себя в руки, чтобы найти силы жить дальше.

Чьи-то сильные руки подняли ее за плечи. Голова закружилась, наступило забытие, с его долгожданным утешением. Ничто так не успокаивало Анжелику, как мужская поддержка, возможность опереться на крепкое, надежное плечо. Она почему-то решила, что это Лозен, и, уткнувшись, коричневый благоухавший ирисами бархат жюстокора, зарыдала в голос.

Наконец отчаяние немного отступило. Анжелика подняла красные от слез глаза и встретила внимательный взгляд карих глаз, привыкших метать молнии.

— Я оставил этих... господ за дверью, — сказал король. — Прошу вас, мадам, постарайтесь справиться со своей болью. Не позволяйте отчаянию овладеть вами. Ваше горе потрясло меня...

Очень медленно Анжелика высвободилась из его объятий. Она поднялась и, отступив на несколько шагов, прислонилась к перегородке, обтянутой позолоченным атласом. Окруженная золотым фоном, в темном платье, с бледным, искаженным страданием лицом, она была похожа на плакальщицу со средневековой христианской миниатюры, застывшую у подножия креста.

Но глаза, устремленные на короля, сверкали, точно драгоценные камни, поражающие не только своим блеском, но и своей твердостью. Когда Анжелика заговорила, ее голос звучал ровно:

— Сир, я прошу Ваше Величество позволить мне удалиться в мои земли... В Плесси.

Король ответил не сразу.

— Я позволяю, мадам. Мне понятно ваше желание побыть в одиночестве. Уезжайте в Плесси. Вы можете оставаться там до конца осени.

— Сир, я хотела бы также отказаться от своих придворных должностей.

Людовик медленно покачал головой.

— Не стоит принимать решение в состоянии душевного разлада. Время лечит самые страшные раны. Я не буду объявлять ваши должности вакантными.

Анжелика сделала слабую попытку возразить. Но потом закрыла глаза, и на ее щеках вновь заблестели дорожки слез.

— Пообещайте мне вернуться, — настаивал король.

Она стояла молча, не двигаясь. Лишь горло вздрагивало от судорожных рыданий.

Король был потрясен ее красотой. Он испугался, что потеряет Анжелику навсегда, и уступил, отказался от мысли вырвать у нее обещание вернуться.

— Версаль будет ждать вас, — нежно прошептал Людовик.

notes

1

Кот (barbillon) — сутенер (жарг.). *(Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное)*

2

Один из кучеров, сидящий на передней лошади.

З

Римская богиня плодородия и земли, в изобразительном искусстве эпохи Просвещения изображалась аллегорией лета.

4

Bat l'eau — дословно «бить воду», «загонять воду» (фр.). Промежуточный сигнал французской псовой охоты, подается рогом, означает, что животные из своры вышли к воде. — *Примеч. пер.*

Анжелика переводит с пуатевинского диалекта. Диалекты были распространены во французских провинциях вплоть до XVIII в.

6

Святой Губерт, архиепископ Льежа. Считался покровителем охоты и собак.

Крупнейший драматический театр Парижа в XVII в. и первый стационарный театр Франции, ныне не существующий. — *Примеч. пер.*

Жюли-Люсин д'Анжен (1607 — 1671 гг.) — дочь хозяйки знаменитого салона мадам де Рамбуйе, в замужестве герцогиня де Монтозье. С 1661 г. фрейлина королевы и воспитательница королевских детей.

Арманьяк, Катрин де Невиль де Виллерой (1639 — 1707 гг.) — фрейлина Марии-Терезии.

Робер де Сальнов (ум. 1670 г.) начал придворную карьеру еще при короле Генрихе IV. Страстно увлекался охотой, и при королях Людовике XIII и Людовике XIV был главным егерем королевских охотничьих угодий. В 1655 г. издал книгу «Королевская псовая охота», в которой детально описывал организацию псовой охоты, а также разведение и обучение охотничьих собак. Книга была весьма популярна и неоднократно переиздавалась.

См. «Мученик Нотр-Дама». — *Примеч. автора.*

12

Доезжачий — псарь, подчиняющийся главному ловчему и ведающий работой своры гончих. — *Примеч. пер.*

«И ты, Брут?» — знаменитая фраза Цезаря, которую он произнес, обнаружив предательство лучшего друга.
— *Примеч. автора.*

14

Антре (от фр. *entrée* — вход) — закуска, которую подают за час-полтора перед началом торжественного обеда в отдельном помещении.

La violette — дословно «фиалка» (фр.). — *Примеч. пер.*

16

В ходе Столетней войны Англия удерживала часть французских территорий: половину Бретани, Аквитанию, Кале и Пуатье.

17

Плафон — расписной или лепной потолок.

Имеется в виду «Балет муз», впервые поставленный в декабре 1666 г. Одна из частей этого произведения посвящена Орфею.

Королевское аббатство Фонтевро — знаменитый монастырь, основанный в 1101 г. Мари-Мадлен Габриэль Аделаида де Рошешуар де Мортемар (1645 — 1704 гг.) управляла Фонтевро в 1670 — 1704 гг. Ее называли «королевой аббатис».

Старинная французская единица измерения длины и площади. Как поземельная мера, соответствует 3 424,6 квадратным метрам.

Волюта — архитектурный мотив, представляющий собой завиток в форме спирали с кружком в центре. — *Примеч. пер.*

Кессоны — квадратные или многоугольные декоративные углубления в потолочном своде или на внутренней поверхности арки. — *Примеч. пер.*

В садово-парковом искусстве — открытая часть парка или сада на плоской местности. Украшается газонами, цветниками, бордюрами из кустарника, отдельными деревьями или куртинами. Иногда в партере устраиваются водоемы и фонтаны, устанавливаются скульптуры.

Латона (латинская модификация греческой Лето) — мать Аполлона и Артемиды, воплощение материнской любви и материнского долга.

Выморочное имущество — имущество, оставшееся после смерти собственника, при отсутствии наследников. По праву наследования, как правило, переходит к государству. — *Примеч. пер.*

Бальи — представитель короля или сеньора, управлявший областью (бальяжем), осуществлял административную, судебную и военную власть. — *Примеч. пер.*

Бенефициар — лицо, являющееся приобретателем доходов, выгод, преимуществ и прочих подобных качеств, по договору или долговому документу. — *Примеч. пер.*

Старое французское название острова Мадагаскар.

Компания ста акционероv Новой Франции, или Канадская компания, основана в 1627 г. во Франции для торговли с Америкой. — *Примеч. пер.*

Лебрен, Шарль (1619 — 1690 гг.) — французский живописец, декоратор и рисовальщик, теоретик искусства, глава французской художественной школы эпохи Людовика XIV.

Ленотр, Андре (1613 — 1670 гг.) — французский архитектор, мастер садово-парковой архитектуры. Создатель парков Версаля, а также Во-ле-Виконт, Сен-Жермен, Фонтенбло, Шантийи, Сен-Клу, Тюильри.

Лево, Луи (1612 — 1670 гг.) — французский архитектор. В 1661 — 1668 гг. строил парковый фасад Версальского дворца.

Династия инженеров-гидравликов итальянского происхождения. Известны братья Томмазо (1571 — 1651 гг.) и Александр, сыновья Томмазо — Франсуа (умер в 1688 г.) и Пьер, а также сын Пьера — Жан-Франсуа.

Небольшой остров у берегов Сенегала. — *Примеч. пер.*

Порта (Оттоманская Порта, Блистательная Порта, Высокая Порта) — принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства Османской империи. — *Примеч. пер.*

Флейт — парусное транспортное судно.

Людовик XIV на свой манер цитирует фразу из трактата Макиавелли «Государь»: «Государю нет необходимости обладать всеми добродетелями, но есть прямая необходимость казаться обладающим ими».

Дети Франции — младшие дети короля и дети дофина. Внуки Франции — внуки короля. Изначально титул «внук Франции» относился только к мужчинам, Гастон Орлеанский впервые добился титула «внучка Франции» для своей дочери, мадемуазель де Монпансье.

Цитаты из комедии Мольера приводятся по переводу Василия Гиппиуса. — *Примеч. пер.*

Арман Шарль де Ла Порт-Мазарини (1631 — 1713 гг.) — маркиз де Ла Порт, де Ла Мейре, герцог Майенский, герцог Ретелуа-Мазарини, пэр Франции, принц Шато-Порсьен, маркиз де Монкорне, граф де Марль и де Ла Фер. Главный начальник артиллерии с 1646 г.

Перро, Шарль (1628 — 1703 гг.) — французский писатель-сказочник, член Французской академии. Занимал должность секретаря Малой академии.

Членам Французской академии за участие в каждом заседании выдавался жетон.

По легенде, двое старцев подглядывали за красивой еврейкой Сусанной во время купания, потом тщетно домогались ее благосклонности и в отместку за отказ обвинили в супружеской неверности. Легенда вдохновляла многих художников, к середине XVII в. свои полотна написали Веронезе, Тинторетто, Ван Дейк, Рембрандт и Рубенс.

Шах Сулейман (1647 — 1694 гг.) из династии Сефевидов правил в Персии с 1666 г.

Мумиё — «горная смола», природная смесь веществ органического и неорганического происхождения.

Остров в Карибском море, один из Антильских островов, французская колония с 1626 г. Ныне входит в состав государства Сен-Китс и Невис.

Кристина (Христина) (1626 — 1689 гг.) — королева Швеции. Описываемые события случились после ее отречения от трона. С помощью маркиза Мональдески Кристина пыталась получить неаполитанский престол, а убить его приказала, обвинив в предательстве.

Недоуздок — уздечка без удил и с одним поводом.

49

Семена горчицы помимо местно-раздражающего и согревающего действия обладают противовоспалительным и антисептическим эффектом.

Панцирь раков состоит из хитина, в составе которого много биологически активных веществ, способствующих восстановлению поврежденных тканей.

51

Вероятно, имеется в виду так называемая мазь Апостолов, или мазь Иисуса, которой, по легенде, апостолы смазывали раны Иисуса.

Длинный нос и выступающая нижняя губа были характерными физиономическими признаками представителей Габсбургской династии, к которой принадлежала мать дофина.

Мюнстерский епископ был имперским князем, то есть правителем города и окружающих земель. В описанную эпоху Мюнстер выступал как в союзе с Францией, так и против нее.

Воротник или выпуск на груди в виде оборок.

Султан Ибрахим (Ибрагим) (1612 — 1648 гг.) правил
в 1640 — 1648 гг.

«Сказки» Лафонтена издавались в 1664, 1665, 1671, 1674 гг. Некоторые из них были запрещены за фривольность.

Турки заняли Крит в 1648 г. Кандия (современный Ираклион) удерживалась венецианцами до 1669 г.

Кольбер в 1665 г. пригласил во Францию венецианских кружевниц, чтобы французские мастерицы научились их искусству.

Эол — в древнегреческой мифологии сын Посейдона, повелитель ветров.

Лимб — в католицизме место пребывания душ, не попавших ни в рай, ни в ад, ни в чистилище. Ранее считалось, что в лимбе находятся неродившиеся души и души некрещеных младенцев. В настоящее время учение о лимбе исключено из католического вероучения.

Кот-де-Бон в Бургундии был центром торговли бургундскими винами.

В день Богоявления (в православной традиции этот праздник называется Крещение) во Франции и некоторых других европейских странах готовят праздничный пирог, куда запекают боб или маленькую фигурку. Пирог нарезают на несколько частей и тот, кому достанется сюрприз, становится королем или королевой праздника.

Перевод Е. Н. Ламбиной.

Генрих IV.

Батистовая ткань названа в честь своего создателя, ткача из фландрского города Камбре Франсуа Батиста. Камбре долгое время был центром производства этой ткани.

Принцы (князья) Нассау-Оранские в XVI — XVIII вв. с некоторыми перерывами являлись правителями (штатгальтерами) Нидерландов.

Так называемое деволуционное право, по которому в случае второй женитьбы отца земельное наследство передавалось детям от первого брака. Отсюда название — Деволуционная война (1667 — 1668 гг.).

Должностные лица в городах, помощники мэра или советники, выполнявшие административные или судебные функции.

Вигарани, Карло (1637 — 1713 гг.) — сценический декоратор. Работал при дворе до 1690 г. Его называли «инженер короля» и «интендант королевских удовольствий».

Жиссе, де Анри (1621 — 1673 гг.) — художник по костюмам, гравёр, оформитель, занимал должность чертежника опочивальни и кабинета короля.

Бенсерад, Исаак де (1613 — 1691 гг.) — популярный в модных салонах поэт, писатель, либреттист

Речь идет о пасторальном романе Оноре д'Юрфе «Астрея». Астрея — главная героиня романа, Линьон — река, описанная в романе.

Согласно греческой мифологии, от удара копытом крылатого коня Пегаса на горе Геликон в Беотии забил священный источник, который для муз был источником вдохновения.

Автор описывает плафон «Колесница Марса» кисти К. Одрана (1639 — 1684 гг.) в Салоне Марса (другое название зал Гвардии).